

Aj III

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
RUSSIAN FEDERATION
VLADIMIR DAHL LUGANSK STATE UNIVERSITY

Anthropos: Logos and Theos

**(Ὁ ἄνθρωπος:
ὁ Λόγος καὶ ὁ Θεός)**

SPECIAL ISSUE 1

research works digest

Lugansk 2023

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ**

А н т р о п о с : Л о г о с и Т е о с

(Ὁ ἄνθρωπος: ὁ Λόγος καὶ ὁ Θεός)

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**Философская антропология
Философия культуры
Философия религии**

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 103-ЛЕТИЮ ЛГУ ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ
«ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ»
(2-е ИОАННИКИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ)**

С П Е Ц В Ы П У С К 1

Луганск 2023

УДК 1(060.55)

ББК 87

Редакционная коллегия:

Главный редактор сборника научных трудов

Исаев Владимир Данилович

доктор философских наук, профессор, почетный профессор университета, заслуженный работник образования ЛНР, заведующий кафедрой философии института философии Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Члены редакционной коллегии:

Исаев В.Д.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск)
Золотухина Е.В.	- доктор философских наук, профессор, академик Академии гуманитарных наук (г. Ростов)
Липич Т.И.	- доктор философских наук, профессор (г. Белгород)
Сгибнева О.И.	- доктор философских наук, профессор (г. Волгоград)
Проскурина Е.А.	- доктор политических наук, профессор (г. Луганск)
Витренко В.А.	- доктор технических наук, профессор (г. Луганск)
Муза Д.Е.	- доктор философских наук, профессор (г. Донецк)
Атоян А.И.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск)
Лустенко А.Ю.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск)
Шелюто В.М.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск)
Звонок Н.С.	- доктор философских наук, профессор (г. Луганск)
Дервянко К.В.	- кандидат философских наук, доцент (г. Луганск).
Воронкин С.В.	- доктор богословия, протоиерей (Каинская епархия)
Кобылкин Д.С.	- кандидат философских наук, доцент (г. Луганск).

Ответственный секретарь – Кобылкин Д.С., кандидат философских наук, доцент (г. Луганск)

Научный журнал основан в 2015 году и входит в базу РИНЦ.

Решение ВАК ЛНР о включении в перечень научных изданий № 10 от 11.02. 2020 г.

Рекомендовано к печати Ученым советом Луганского государственного университета имени Владимира Даля (Протокол № 8 от 19.05. 2023 г.)

Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского государственного университета имени Владимира Даля. Спецвыпуск № 1. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2023. – 306 с.

В сборник вошли научные работы, в которых рассматриваются актуальные вопросы религии, теологии, философии, философской антропологии, философии культуры, этики и эстетики. Статьи отражают появление новых контекстов религиозного, теологического и философского знания и реинтерпретацию классических вопросов философии религии. Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

Материалы сборника печатаются на языке оригинала. Статьи прорецензированы членами редакционной коллегии.

© Луганский государственный университет
имени Владимира Даля, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИОЗНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Исаев В.Д.	12
ПОТРЕБНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗОВАНИИ И ВОСПИТАНИИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ	
Никишин С.В.	24
ОНТОЛОГИЗАЦИЯ ТОТАЛЬНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ	
Сухина И.Г.	33
ЦЕННОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК СМЫСЛОВАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: СЕМАТИЧЕСКИЙ ФОКУС АКЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ	
Миргородский А.А.	49
АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ	
Кобылкин Д.С.	55
РУССКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИКИ ВРЕМЕННОГО И СВЕРХВРЕМЕННОГО КАК КАТЕГОРИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА	
Рудько В.А.	71
ФИЛОСОФСКИЙ ДОСУГ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ МЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЕ	
Козлова М.Ю.	79
РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ О ЧЕЛОВЕКЕ В КАТОЛИЦИЗМЕ	
Бибииков А.А., протоиерей Александр Кобзев	89
ОТ ЧЕЛОВЕКА К ЛИЧНОСТИ: ОБРАЗОВАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Шелюто В.М.	103
КОНФЛИКТНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
Баева Л.В.	112
МОДА НА «КОЛУМБАЙН» В РОССИИ И МЕНТАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ	
Дервянко К.В.	122
НИЩЕТА СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ	
Протоиерей Алексей Слюсаренко	132
ПО ТУ СТОРОНУ МЕНТАЛЬНЫХ ВОЙН	
Осипов Д.В.	138
СКУЛШУТИНГ КАК ЯВЛЕНИЕ ЗАПАДНОГО МИРА. СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ	
Звонок А.А., Звонок Н.С.	147
РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В СЛУЖЕНИИ ОТЧИЗНЕ	
Фомина Г.В.	154
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ФОРМА ДЕОНТОЛОГИЗАЦИИ РУССКОГО МИРА	
Орешкина М.А.	160
К ВОПРОСУ АРХЕТИПА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	
Брянцева О.А.	170
О ЗНАЧИМОСТИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ МЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ	
Кривуля Р.Е.	178
ЧУВСТВЕННО-ИРРАЦИОНАЛЬНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЙ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
Дембицкая И.А, Панова О.Е.	184
МЕНТАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ УГРОЗА ДЛЯ РУССКОГО МИРА	

Москалев Е.Н.	191
ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ С ОВРЕМЕННЫХ МЕНТАЛЬНЫХ ВОЙН	
Стефанишина Е.В.	196
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ КИЕВСКОЙ РУСИ: ЛЮБОВЬ К ОТЧИЗНЕ И ПРЕДАННОСТЬ ВЕРЕ ОТЦОВ	
Свидовскова М.Л.	206
ПРИЧИНЫ ПОПУЛЯРНОСТИ ИДЕЙ КАНТА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И МЕТАМОДЕРНИЗМА	
Панова О.Е., Звонок Н.С.	222
НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ ПАТРИОТИЗМА	

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ

Ильченко В.И., Кононенко Р.А.	230
ИСТОКИ МЕНТАЛЬНОЙ АГРЕССИИ. САКРАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА СВЯТОСТИ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ЭФФЕКТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНО-ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (диалектика духовно – материального, сакрално – инфернального, естественно – сверхъестественного, мистическо – обыденного, имманентно – трансцендентного)	
Архимандрит Варфоломей (Кузнецов)	248
ЗЛО КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ ОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	
Протоиерей Александр Пономарев	255
ИДОЛЫ ОПАСНОСТИ И ИДЕАЛЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В БЫТИИ АНТРОПОСА И ТЕОСА	
Ильченко В.И., протоиерей Сергей Цапук	262
ЦЕРКОВЬ, СЕМЬЯ И ОБРАЗОВАНИЕ КАК СИСТЕМНЫЙ ИСТОЧНИК МЕНТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
Евстратов С.М.	274
ВОСХОЖДЕНИЕ К СВЯТОСТИ В ПРОЦЕССЕ СМЕНЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В ЛНР КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИТИЧЕСКИХ МЕНТАЛЬНЫХ УГРОЗ	

Ворошилов Д.О.	280
ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНФЛИКТ НА УКРАИНЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД	
Ткаченко С.А.	284
МЕДИЙНЫЙ ОБРАЗ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ	
Рау И.А., Звонок Н.С.	293
ПРАВОСЛАВНАЯ МУЗЫКА КАК ЧАСТЬ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ	

CONTENT

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

<i>Isaev V.D.</i>	12
THE NEEDS OF MODERN MAN IN EDUCATION AND UPBRINGING, AND THEIR ROLE IN THE FORMATION OF SPIRITUAL SECURITY OF THE INDIVIDUAL	
<i>Nikishin S.V.</i>	24
ONTOLOGIZATION OF TOTAL MANIPULATION OF CONSCIOUSNESS IN THE CONDITIONS OF MODERN MENTAL WARS	
<i>Sukhina I.G.</i>	33
VALUES AND WORLDVIEWS AS SEMANTIC DETERMINATIONS OF HUMAN EXISTENCE: SEMANTIC FOCUS OF AXIOLOGICAL EXPLICATION	
<i>Mirgorodskiy A.A.</i>	49
THE ANALYSIS OF THE HUMAN PROBLEM IN MODERN SOCIO- PHILOSOPHICAL DISCOURSE	
<i>Kobylkin D.S.</i>	55
RUSSIAN WORLD VIEW IN THE CONTEXT OF THE DIALECTICS OF TEMPORARY AND SUPER-TEMPORARY AS CATEGORIES OF SOCIO- CULTURAL ANALYSIS	
<i>Rudko V.A.</i>	71
PHILOSOPHICAL LEISURE – OPPOSITION TO MENTAL WARFARE	
<i>Kozlova M.Y.</i>	79
RELIGIOUS PAINTING OF THE MIDDLE AGES ABOUT A MAN IN CATHOLICISM	
<i>Bibikov A.A., Kobzev A.F.</i>	89
FROM PERSON TO INDIVIDUAL: EDUCATION AS THE MOST IMPORTANT WAY TO ENSURE SPIRITUAL SECURITY	

PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>Shelyuto V.M.</i>	103
CONFLICT OF STATE SYMBOLS: HISTORY AND MODERNITY	

<i>Baeva L.V.</i>	112
COLUMBINE FAD IN RUSSIA AND PSYCHOLOGICAL WARFARE	
<i>Derevyanko K.V.</i>	122
THE POVERTY OF MODERN UKRAINIAN PHILOSOPHY	
<i>Slyusarenko A.V.</i>	132
BEYOND THE MENTAL WARS	
<i>Osipov D.V.</i>	138
SCHOOL SHOOTING AS A PHENOMENON OF THE WESTERN WORLD. PREVENTION STRATEGY	
<i>Zvonok A.A., Zvonok N.S.</i>	147
RUSSIAN PHILOSOPHY IN SERVING THE HOMELAND	
<i>Fominova G.V.</i>	154
LEXICAL BORROWINGS AS A FORM OF DEONTOLOGIZATION OF THE RUSSIAN WORLD	
<i>Oreshkina M.A.</i>	160
ON THE QUESTION OF THE ARCHETYPE OF SUICIDAL BEHAVIOR	
<i>Bryantseva O.A.</i>	170
ON THE SIGNIFICANCE OF SPIRITUAL-MORAL AND PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN CONDITIONS OF MENTAL WAR	
<i>Krivulya R.E.</i>	178
SENSORY-IRRATIONAL CORRELATION OF THE CONCEPTS OF IDENTIFICATION AND SPIRITUAL SECURITY	
<i>Dembitskaya I.A., Panova O.E.</i>	185
MENTAL WARS AS A CIVILIZATIONAL THREAT TO THE RUSSIAN WORLD	
<i>Moskalev E.N.</i>	191
TRADITIONAL FAMILY VALUES IN THE CONTEXT OF MODERN MENTAL WARS	
<i>Stefanishina E.V.</i>	196
ARTISTIC CULTURE OF KIEVAN RUS': LOVE FOR THE FATHERLAND AND DEVOTION TO THE FAITH OF THE FATHERS	

<i>Svidovskova M.L.</i>	206
REASONS FOR THE POPULARITY OF KANT'S IDEAS IN THE ERA OF DIGITALIZATION AND METMODERNISM	
<i>Panova O.E., Zvonok N.S.</i>	222
THE MORAL MEANING OF PATRIOTISM	

ACTUAL PROBLEMS OF THEOLOGY

<i>Ilchenko V.I., Kononenko R.A.</i>	230
ORIGINS OF MENTAL AGGRESSION. SACRED PEDAGOGY OF HOLINESS AS AN EDUCATIONAL MEANS OF EFFECTIVE ENSURING OF MENTAL AND SPIRITUAL SECURITY (dialectic of spiritual – material, sacral – infernal, natural – supernatural, mystical – ordinary, immanent – transcendent)	
<i>Kuznetsov D.V.</i>	248
EVIL AS THE BASIS OF A PERSON'S SPIRITUAL DANGER	
<i>Ponomarev A.V.</i>	255
IDOLS OF DANGER AND IDEALS OF HUMAN SECURITY IN THE BEING OF ANTHROPOS AND THEOS	
<i>Ilchenko V.I., Tsapuk S.A.</i>	262
CHURCH, FAMILY AND EDUCATION AS A SYSTEMIC SOURCE OF MENTAL SECURITY	
<i>Evstratov S.M.</i>	274
SPIRITUALLY-MORAL EDUCATION OF FUTURE OFFICERS AT THE MILITARY DEPARTMENT OF THE UNIVERSITY	
<i>Voroshilov D.O.</i>	280
INFORMATION WAR AND RELIGIOUS CONFLICT IN UKRAINE: PHILOSOPHICAL VIEW	
<i>Tkachenko S.A.</i>	284
THE MEDIA IMAGE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION	
<i>Rau I.A., Zvonok N.S.</i>	293
ORTHODOX MUSIC AS A PART OF RUSSIAN SPIRITUAL CULTURE	

РЕЛИГИОЗНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572.026

Исаев В.Д.

ПОТРЕБНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗОВАНИИ И ВОСПИТАНИИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье проведен философско-антропологический анализ особенностей современной ментальной войны, ведущейся против РФ. Показаны способы обеспечения духовно-нравственной безопасности в условиях обострившегося противостояния Русского мира и коллективного Запада. Подробно раскрыта роль образования и воспитания в структуре диалектического взаимодействия цивилизации и культуры, а также очерчены основные пути повышения результативности и преодоления формализма в организации образовательной и воспитательной работы в вузе.

Ключевые слова: ментальная война, материальное и духовное, цивилизация и культура, альтруизм и эгоизм, кафедра, центр воспитания и образования, вуз, учитель, воспитатель.

1.

На фоне разветывания СВО становятся все более и более актуальными проблемы жизни и смерти не только отдельного человека, отдельной личности, и государства, но и народа. В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей», принятых 9 ноября 2022 года, прямо указывается, что реализация политики по сохранению и укреплению традиционных для России ценностей «будет способствовать сбережению и приумножению народа России» – воистину речь идет о судьбах народа и страны... как у поэта Зиновьева Николая Александровича:

Хватит ныть! Отголосили.

Время бить в колокола,

А иначе о России

Завтра скажут: «Да, была».

Такая корреляция между сегодняшними обстоятельствами и настоятельной необходимостью опоры на традиционные нравственно-духовные ценности объясняется тем, что по сути СВО – это не только боевые действия, но и **ментальная война**.

Еще 1 июня 1993 года митрополит Луганский и Старобельский Иоаникий провидчески писал: «В большинстве своем наше общество бездуховно. Слишком долго и с небывалой жестокостью вытравилилось все, что должно было питать и совершенствовать дух человеческий. А на пустом месте могут произрастать только сорняки, дурман да поганки» [1, с. 377]. Речь идет об опустошенной или попросту пустой душе, в которой вырастают лишь духовные сорняки на радость врагам Церкви и России.

В любой битве важное значение имеет выбор поля сражения. Наши враги для ментальной войны выбрали как раз пустое квазидуховное поле, где не было даже идеологии. Генерал-лейтенант Андрей Ильницкий уже в августе 2021 года остро, хотя во многом и спорно, поднял тему ментальной войны, показал ее существенные стороны, когда «в отличие от кибервойн, от прямых информационных операций, ментальная война направлена и реализуется с учётом фактически формирующегося мира постправды, когда людей «отучают» от критического мышления, от стремления к истине» [2]. Последнее суждение о значении в ментальной войне критического мышления и стремления к истине подчеркнем особо.

Философский анализ сути ментальной войны относит нас к пункту 5 «Основ», где в числе важнейших для нас традиционных ценностей назван **«приоритет духовного над материальным»** [3] (!). Это, по нашему мнению, один из ключевых принципов успешного для нас ведения ментальной войны.

Для эмпирической науки и научного, а в прошлом – и марксистского мышления привычнее и понятнее тезис противоположный: бытие определяет сознание. Но, подчеркнем мы, не в ментальных войнах! Хотя даже у Маркса и Энгельса есть положения, вполне применимые к выработке стратегии ментальной войны: «В истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, ставящие определенные цели»... [4, с. 305]. «Здесь ничего не делается без сознательного намерения, без желаемой цели», и, наконец, «в том, что дано природой, он осуществляет сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий» [5, с. 189].

Суть ментальной войны – изменить потребности в механизме целеполагания, заставить человека ставить иные (чем традиционные) цели, сделать формирование и осуществление именно таких целей потребностью. Это проще, менее затратно, чем физически уничтожить носителя традиционных ценностей. Надо всего лишь переформатировать сознание.

Как это сделать? Тот же Маркс давно ответил: если характер **человека** создаётся **обстоятельствами**, то **надо**, стало быть, **сделать обстоятельства человеческими...**» [6, с. 145]. Но это означает, что истинно и обратное суждение: если сделать эти обстоятельства бесчеловечными... видимо, мы тогда и получим переформатированное сознание, изменим обстановку, в которой взрослый человек существует, и тогда за очень короткий срок подавляющее большинство приспособится к новым обстоятельствам.

Стратегия не нова. Первая довольно успешная попытка поменять мировоззрение целого народа предпринята была фараоном XVIII династии Аменхотепом IV: закрыть все храмы, заменить бога, и она почти удалась: заставили кричать народ «Слава Атону!», и чем не ответ: «Атону слава?!».

Что значит сегодня изменить обстоятельства как цель, вытравить духовность, опустошить душу? Это:

- изменить историю,
- изменить культуру,
- изменить веру,
- изменить духовность,
- изменить национальное самосознание.

Из этого следует, что: *сохранить верность традициям Русского мира, следовательно, означает противостоять этим изменениям.* – В этом вся суть современной ментальной войны с коллективным Западом.

Противостоять такому реформатированию – «переключению» – значит следовать базовым принципам как важнейшей потребности оставаться собой, связывая эти потребности с культурой, а не с цивилизацией. Причем именно с культурой, а не с квазикультурой [7, с. 174-185].

Поставим традиционный для России вопрос: что делать? – Самый короткий ответ: победить также и в ментальной войне. Если же шире – поставить и ответить на знаменитый кантовский вопрос: каким надо быть сегодня, чтобы быть человеком, поскольку эта ментальная война направлена против человеческого в человеке? Принципиально следует, по нашему мнению, начать с осознания того факта, что *образование и воспитание имеют разные основания.* Корни образования находятся в цивилизации и определяют жизнь как постоянную гонку за удовлетворением все растущих материальных потребностей, погоню за вещами и их эквивалентом – деньгами. Воспитание здесь – это усвоение себя как высшей и единственной ценности, обладающего накопленными благами. И сколько эта «единственная ценность» стоит? Вопрос в координатах цивилизации и квазикультуры вполне законный! Конечно, мы верим, что человеческая жизнь бесценна, однако при этом в логике западной ментальности все продается и покупается, в том числе и жизни, и отдельные части тела. Спрос на это есть, и если вы хотите знать, сколько стоит человек в рублях, то получится **57 миллионов 642 тыс. 500 руб.** Но следует отметить, что орган уже умершего человека в цене снижается вдвое [8]. Так что Раскольников сегодня мог бы неплохо заработать! Надо только полностью реформатировать свое сознание, забыть о культуре, забыть о дальних горизонтах и вечной жизни, а видеть в человеке только средство и средство для достижения собственных благ.

Кант предупреждал: «Избыток благ порождает сильный соблазн, и уважение к моральному чувству и голосу рассудка вряд ли можно удержать, когда уже сильно пристрастились к излишствам» [9, с. 193]. В этом главная опасность следования принципу первичности бытия по отношению к сознанию.

Но быть воспитанным – значит быть, образно говоря, вежливым даже и в буре на корабле, следовать верховной потребности, завещанной Христом: потребности в любви к ближнему и дальнему, ведь одна идейность не страхует нас от соблазнов (а они – главный инструмент современного либерализма). «Идейный человек без религии гораздо более опасен» [9, с. 212]. В том числе потому, что он теряет волю к истине и в образовании, и в воспитании, легко становится пленником наших врагов в ментальной войне. Ф.М. Достоевский в описании истории Раскольникова, помимо всего прочего, показал, что обратный возврат к истинным ценностям, «обратное переформатирование» – процесс гораздо более трудный и долгий. В успешном осуществлении этого процесса очень важно использовать накопленный Церковью опыт гомиолетики. Сошлемся на вполне здравую и конструктивную идею Олега Хархордина: «...гомилетическая традиция свойственна российскому типу гуманитарного знания и акцентирована в XX веке... гомилетические тексты имели тройную структуру: они должны были не только просветить ум, но и направить и убедить волю, а также впечатлить чувства. Текст должен иметь такую тройную цель, как писалось во всех учебниках гомилетики» [10, с. 72-73]. Необходимость применения гомиолетики в эпоху ментальных войн делается особенно актуальной, когда процессы всеохватной цифровизации сопровождаются усилением десубъективации в любых коммуникативных процессах. Заметим, что среди множества работ, посвященных анализу десубъективации, наиболее четко суть этой «беды» определена С.С. Русаковым: «Субъективация и десубъективация – два разнонаправленных процесса изменения человека как социального, экзистенциального и этического существа» [11]. Не случайно премьер-министр Михаил Мишустин в апреле 2023 г. утвердил Концепцию информационной безопасности детей. Ее главная цель – защита молодого поколения от информационных угроз и рисков в современной цифровой среде. Концепция будет действовать бессрочно... В документе, в частности, утверждается, что информационная безопасность детей понимается как состояние их защищенности, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью или физическому, психическому, духовному, нравственному развитию. Госполитика в этой области, говорится в концепции, реализуется в том числе на принципах укрепления ведущей роли государства, сохранения и укрепления традиционных ценностей, противодействия распространению деструктивной информации, приоритетности прав и обязанностей родителей в обеспечении информационной безопасности детей [12].

2.

Кант как-то заметил, что человек, который сильно зависит от вещей, будет безучастен к счастью других [9, с. 196]. Эта зависимость и освобождение от такой зависимости переносит нас на особый фронт ментальной войны, который называется *современное образование и воспитание*. Именно здесь

формируются потребности, воля и желания человека быть (или не быть!) человеком. Немалая роль на этом фронте принадлежит высшей школе, призванной формировать интеллигенцию, способную противостоять напору вещей, которые делают человека бесчеловечным [7, с. 416-426].

Если согласиться с утверждением о том, что центром и основой жизнедеятельности университета как учебного заведения является **кафедра**, то тогда:

а) Кафедра для достижения полноты своей деятельности в учебной и воспитательной работе должна, опираясь на творческое занятие наукой, творчески же разрабатывать, открывать, создавать и применять науку во всех трех главных ипостасях своей жизнедеятельности: в образовании, обучении и воспитании;

б) Накапливать, осмысливать, обобщать опыт такой творческой работы. И в первом, и во втором, заметим, случаях решающим здесь является слово **«творчески»**;

в) Коллектив кафедры в своей деятельности должен стремиться к созданию и сохранению такой рабочей атмосферы, которая побуждала бы к результативному поиску и совершенствованию педагогического мастерства (методического, научного, дидактического) каждого преподавателя и сотрудника;

г) При этом основополагающими принципами работы кафедры (гуманитаризация и гуманизация учебного процесса и постоянная работа по наращиванию и, одновременно, реализации творческого потенциала) являются главным условием творческих успехов кафедры, университета и всей системы высшего образования в стране.

2. Тогда вся система управления образованием на всех уровнях (пирамида управления) должна в первую очередь решать три задачи, от которых зависит конечный результат функционирования этой системы:

а) Финансирование кафедры, ее и каждого преподавателя и сотрудника творческих усилий;

б) Искать, находить, обобщать передовой опыт и распространять его в системе;

в) Строить систему образования на указанных принципах, опираясь на:

- творческое целеполагание в разработке стратегии развития образования;
- потребности государства;
- возможности системы в конкретное историческое время;
- цели воспитания молодежи в интересах народа и государства.

3. Для успешного функционирования системы высшего образования, ее развития и строительства при опоре на кафедру как основу этой системы, необходимо в управлении понимать, что:

а) **Чем выше уровень управления, тем компетентнее в указанном выше в п.2 вопросах должны быть чиновники.** Учителей часто сравнивают с врачами. «Врачу, исцелися сам...» А «учитель» – что? Научися?! Знай и умеи?!

И что надо уметь учителю? **А что – руководителю-управленцу (чиновнику в области образования?)** – в сегодняшней ситуации считаем такой вопрос далеко не праздным!.. Этот вопрос никогда не рассматривается при обсуждении даже самых радикальных проектов реформ в области образования. «Профи в деле и профи в объяснении» – так говорилось в преддверии обсуждения стандарта учителя 13 ноября 2022 г. И что же? Как была справедливой констатация реального положения дел с компетентностью управления, так и осталась: «чаще всего встречается тип (управленца в образовании, да и учителя и преподавателя: **и делать не умею, и объяснять тоже не могу...**» [13];

б) Чиновник, занимающийся поисками и обобщением передового опыта преподавания и на основе анализа творчества делающий руководящие указания, сам должен быть способен к творчеству или, по крайней мере, не бояться творческого, нового и уметь видеть новое **в перспективе развития системы**, в которой он служит, а не в собственной карьере;

в) Управление образованием – не чиновничья бюрократическая работа, а, по сути, работа талантливого режиссера, а также талантливая экспертная работа, направленная на выявление и поощрение педагогической талантливости как важнейшей составляющей педагогического мастерства;

г) Творческое согласование своих рекомендаций со стратегией государства и интересами народа в работе с молодежью (именно это, а не приказы-постановления – главный и итак необходимый сегодня результат в управлении образовательной системой).

4. В действительности чиновники в отсутствие указанных качеств («и делать не умею, и объяснять не могу»!) превращают свою работу, свой руководимый ими орган в комитет контроля, как если бы в свое время ЦК партии стал бы только КПК (комитетом партийного контроля). Это понятно: при формальном подходе к экзамену экзаменовывать всегда легче, чем учить!

В итоге поставим во многом риторический вопрос: легко ли в таких условиях функционирования системы побеждать в ментальной войне?

1). Мы «внизу» на кафедрах изобретаем, творим, совершенствуя образование и воспитание. Образно говоря, пытаемся **круг превратить в спираль**.

2). А нам вдруг «сверху» приходит приказ: срочно отчитаться, сколько вы сделали **«Квадратиков»?!!** (О которых мы и слыхом не слыхивали, но которые кто-то сверху придумал для удобства контроля – квадратики легче и удобнее считать).

3). И тут уже не до «кругов» и «спиралей». Мы рисуем «Квадратики», хотя у нас круги и спирали на уме! Но от количества квадратиков, которые мы покажем в отчете – от одной цифры (!) теперь зависят много других:

- количество ставок,
- количество бюджетных мест,
- зарплата,

- премии и т.д. – вот это и есть реальная цифровизация в образовании, которая превращает преподавателя, профессора, доцента, аспиранта в винтика системы, в машину, которая теперь обязана производить виртуальные квадратики, а не заниматься наукой, творчеством.

Напомним, что идея цифровизации не нова. Академик В. М. Глушков разрабатывал в свое время идею **информационного общества**. «**Основы безбумажной информатики**» – именно так называлась его последняя монография, вышедшая в свет в 1982 г. В этой книге были описаны математический аппарат и комплекс идей, относящихся к проблемам информатизации всех сторон жизни и перехода к информационному обществу. *Особое внимание он уделял информатизации образования.* Глушков предложил внедрить проект электронной системы анализа и планирования государственной экономики, тем самым уже тогда делая предпосылку на появление в СССР электронных денег! Как рассуждал Виктор Глушков, отказ от денежных расчетов, грубо говоря, позволил бы **честным рабочим** за свой электронный рубль купить больше товара, чем спекулянтам за рубль наличный. Но такое успешное управление с помощью машин было бы возможным при условии, если о каждом рабочем подавалась бы только **правдивая информация**. Здесь в связи с цифровизацией появляются такие управленческие категории, как **честность и правдивость** (В нашем примере никогда не подменять круги и спирали квадратами!). Такая **честность исходной информации**, для тех, кто был у руля державы, была совершенно невыгодна. А сегодня?! – Сегодня тем более в образовании эпохи цифровизации особенно важен принцип управления, **требующий правдивости и честности: чиновник сам должен быть правдив и честен.**

Конечно, разговор на тему опасности цифровизации – отдельный разговор. Но надо иметь в виду, что все ее опасности (в первую очередь десубъективизация), а также выявление возможностей избежать этих последствий, возможны лишь на основе философских рассуждений и понимания значения **гуманитаризации и гуманизации процесса образования** – образно говоря, на основе рассуждений как раз о спиралях и кругах, а не квадратах. Между тем, признано, что *цифровые образовательные технологии приводят к изменению мировоззрения, системы ценностей, установок субъектов образовательного процесса* [14, с. 6]. Так что не следует забывать о том, что положительное влияние цифровизации не только положительно влияет на прогресс и улучшение качества жизни, но в то же время отрицательно воздействует на них и приводит к психологическим проблемам [15, с. 69]. Думается, здесь надо говорить не только о психологических проблемах. Надо помнить о мировоззренческих проблемах, проблемах ценностной ориентации человека, общества и государства в мире в связи с цифровизацией. Руководство СССР отвергло идею В.М. Глушкова, потому что сводило ее к рисованию Квадратиков, а она требовала аналитики на уровне философии.

4). И сегодня мы, ученые и преподаватели на уровне кафедры, боимся, что делая реально кружки и спирали, мы поступаем нечестно по отношению к вышестоящим контролерам-управляющим-распределяющим. Поэтому поступаем «честно»: как бы начинаем рисовать квадратики. Самое страшное в том, что мы, кафедры, деятельность которых составляет фундамент системы высшего образования и формирует фундамент общества, **перестраиваемся и уже реально, а не виртуально, для отчета, рисуем «квадратики» в головах студентов.**

В итоге вместо воспитания и образования творческих личностей мы, метафорически говоря, вместо производства лодок и воспитания матросов обжигаем кирпичи (это облегчает и упрощает работу контролеров: пересчитал кирпичи и анализ, и оценка твоей работы готовы, они наглядны и понятны – все в одной цифре!). Контролеры уверят общество, что все мы, что страна успешно поплывет на корабле, построенном из этих кирпичей!

5. Подобная трансформация, или как сегодня принято говорить, подобное переформатирование отношений «кафедра – система образования» порождает возможности принимать в вузы, давать дипломы, порождать и не замечать, преподавая, безграмотность, неумение мыслить, неумение целеполагать, имея в виду дальние цели, предвидеть отдаленные последствия результатов «компетентной» деятельности: голый эгопрагматизм, отсутствие религиозного мировоззрения. В итоге в результате эгопрагматического способа преподавания и «мероприятийной» системы воспитания ни преподаватели, ни студенты не помнят традиции в истинном их значении («традиции – не передача пепла, а огня»), исключено из учебного процесса подлинное воспитание как работа по формированию личности, основанная на гомологике, вместо личности формируется компьютерно-счетная машина (ура цифровизации и онлайн-обучению!).

Система образования реально начинает действовать по принципу «греховизны» – подмены духовных ценностей квазидуховными, навязываемые нам коллективным Западом.

3.

Теперь вопрос о том, что надо делать, чтобы избежать в обучении подмены целей и переформатирования человека в машину, продуцирующую виртуальность и испытывающую неодолимую, главнейшую, жизненно важную потребность – жить в виртуальной реальности и быть трансвиртусом (производящим виртуальную реальность).

3.1. Мы напомним в начале знаменитый кантовский тезис: *«Чрезвычайно важно для человека знать, как надлежащим образом занять свое место в мире, и правильно понять, каким надо быть, чтобы быть человеком»* [9, с. 204]. Заметьте, не бухгалтером, не юристом, не инженером, а именно человеком! Это важно для любого человека, в том числе особенно жизненно важно (!) для преподавателя, студента и руководителя любого ранга в системе образования.

В рассуждениях о бытии человека, о судьбе личности, ее формировании в педагогике, теории воспитания и т.д. чрезвычайно важно, по нашему мнению, понимать, что образование и воспитание – два взаимосвязанных, но разных процесса, они имеют разные основания и разную логику своего возникновения, своей активности, применения и влияния на формирование личностных качеств. **Логика образования – это логика формирования социальных условий ответа на вопрос «Каким надо быть, чтобы быть специалистом», а деятельность в логике воспитания отвечает на кантовский вопрос.**

3.2. Образование как способ социализации человека имеет корни в цивилизации, когда нужны знания законов развития объективного мира (матери-природы), чтобы производить вещи и отношения между ними и человеком, необходимые для удовлетворения в первую очередь витальных и иных материальных потребностей. Вспомним марксово: **«Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.»** [16, с. 350].

3.3. Поскольку эти потребности постоянно самовозрастают, самовозрастает их самовпроизводство. И это необратимо: «поломки» в производстве, а особенно в его расширении, ставят под угрозу нормальную, привычную к удовлетворению конкретных и ставших жизненно важными для конкретного времени потребностей. От вещей, которых требуют именно эти потребности, зависит выживание человека и социума.

Но... чем больше еды, тем больше нужно туалетов, а не театров! Как это сказывается на решении основного кантовского вопроса? На это он сам ответил: «До тех пор, пока человек сам так сильно зависит от вещей, он будет безучастен к счастью других». В связи с этим зададимся еще одним вопросом, имеющим, по нашему мнению, отношение к воспитанию как составной части творческой работы кафедры: можно ли быть человеком в смыслах кантовского вопроса и при этом быть безучастным к счастью других?!

3.4. В любом обществе материальные потребности, особенно в сфере расширенного воспроизводства, растут быстрее, чем ресурсы для их удовлетворения. – Потребностей, жизненно важных для Моего «Я» в любом обществе, в любое время всегда больше, чем ресурсов. Отсюда вместо «заботы о счастье других» в цивилизации постоянно происходит жестокая конкуренция, балансирование на грани войн или сама война. Образование, между прочим, должно вооружать знанием законов, в том числе объективных законов существования именно в этих условиях, оно обязано быть сверхпрагматичным!

3.5. Вследствие этого возникает объективная необходимость в сглаживании, сдерживании постоянной угрозы войны, творческих поисков ограничения этой войны. – Воспитать человека с такими потребностями, такими знаниями, которые бы давали возможность всем, всему человечеству бороться за ресурсы, не уничтожая друг друга [7, с. 120-126].

«Чистое» образование без воспитания учит следовать Мальтусу, Гитлеру, национализму, фашизму... Подлинная, а не ее видимость, воспитательная

работа означает формирование у студента (ученика, молодежи) *потребности жить для другого*, ограничивая или управляя своими потребностями. В чистом виде такая модель поведения в психологии называется альтруизмом. «Термин «альтруизм» был введен философом из Франции, основателем науки социология, а также ярким представителем позитивизма – Огюстом Контom. Именно таким понятием он охарактеризовал добровольное стремление человека совершать бескорыстные поступки на благо прочих людей. Согласно словам Конта, главным принципом альтруизма считается правило: «Живи для других». Также именно Конт противопоставил альтруизм такому психологическому поведению, как эгоизм. По данному принципу человек приносит окружающим намного больше пользы, чем получает в ответ» [17]. В реальности соотношение альтруизма и эгоизма в поведении человека зависит от многих обстоятельств, но важнейшим из них все-таки является воспитание. Учитель-альтруист – это хранитель как раз человеческого в человеке. Вот как характеризуется он одной из коллег: это «...учитель от бога: исследователь глубин своей дисциплины, он умеет представить сложный материал методично и просто, излагает ярким и эмоциональным языком, увлекает ученика в мир интереснейшего занятия познания, главное – он полон любви к людям и в нем нет тени гордыни, даже если он семи пядей во лбу. Он – светоч, который, зажигает и вдохновляет, окрыляет и иницирует учеников на дальнейшие исследования. Этот тип обладает подлинной интеллигентностью и интеллектом, общей культурой и безусловной нравственностью. Он умеет разглядеть в ученике сильные стороны, и способствует их росту. Этот учитель сам пытается меняться и развиваться в ногу с новыми веяниями. Настоящий виртуоз своего дела, имеющий не только опыт, но и настоящий талант. Его похвалой гордится, он вдохновитель и ненавязчивый друг, я называю такого педагога «открывашкой», поскольку он открывает людям горизонты их возможностей или их отсутствие. Воспоминания о таком учителе проносятся через всю жизнь» [18]. Именно такой учитель, лучше сказать, такое воспитание позволяет человеку в любой ситуации сохранять человеческое достоинство. Не лишним будет здесь напомнить, что Достоинством называется *внутреннее благородство человека независимо от происхождения и положения в обществе*. Это характеристика личности со стороны его внутренней ценности. Уважение и самоуважение человека. Великий русский поэт С.Я.Маршак в одном из посмертно опубликованных стихотворений написал:

*Как вежлив ты в покое и в тепле.
Но будешь ли таким во время давки
На поврежденном бурей корабле
Или в толпе у керосинной лавки?*

В экстремальных условиях, в цивилизации, даже в квазикультуре не потерять своего достоинства в состоянии лишь человек, воспитанный педагогом (учителем, родителями, друзьями) – альтруистом...

Заниматься воспитательной работой означает не только проводить множество мероприятий, и даже не только объяснить, что надо быть вежливым и у керосинной лавки, но и помочь сформировать неодолимую, более жесткую, чем потребность в наркотике, *потребность быть вежливым на поврежденном бурею корабле!*

3.6. Эти потребности и умение их создавать и делать неотъемлемой частью своей личности не врожденные. Они воспитываются, создаются средствами, которые составляют особый антропос – скелет **культуры**. Они, возникнув в нашей душе, нашем внутреннем мире, помогают обуздывать с помощью совести и стыда наши витальные потребности, соответственно перестраивают нашу пирамиду ценностей.

3.7. Сейчас очень модно говорить о непрерывности образования. Я думаю, что гораздо важнее именно сегодня говорить о **НЕПРЕРЫВНОСТИ воспитания и самовоспитания**: наши витальные потребности под натиском духовных усиливаются, рождая цивилизационные соблазны и переформируя наши чувства. «Избыток благ порождает сильный соблазн, и уважение к моральному чувству и голосу рассудка вряд ли можно удержать, **когда уже сильно пристрастились к излишествам**» [9, с. 213]. Конечная цель воспитания – формировать у человека важнейшую потребность быть человеком, отвечая постоянно на этот вопрос через трудный путь следования к идеалу, понимая, что в нашем бытии есть единственный и абсолютный Идеал.

В заключение опять приведу уже цитированные слова Канта, которому 22 апреля 2024 г. исполняется 300 (!) лет со дня рождения. Он предупреждал, что *одна идейность не страхует нас от соблазнов, она лишь порождает «химеры излишества», особо обратил внимание на то, что идейный человек без религии гораздо более опасен.*

Хотелось бы нашим руководителям образования всех уровней, которые составляют руководящие и контролирующие квадратики в виде стандартов и компетенций, чтобы они прокомментировали эту мысль великого кенигсбергского (калининградского) философа.

Л и т е р а т у р а

1. Иоанникий (Кобзев), митрополит Луганский и Старобельский. Святая Церковь: жизнь и спасение. – К.: Издательская группа «Кормчая», 2004, – 768 с.

2. Ильницкий А.М. Безопасность страны как фундамент развития // Арсенал Отечества. 2021. № 1 (51) : [Электронный ресурс] – URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1414-bezopasnost-strany-kak-fundament-razvitiya>.

3. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1955-1981. – Соч. Т. 21. 1961.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1955-1981. – Соч. Т. 26. 1962.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1955-1981. – Соч. Т. 2. 1955.

7. Исаев В.Д. Возвращение в культуру. (Опыт философии нашего времени): Монография / Владимир Исаев. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2023. – 463 с.

8. Сколько стоит человек – цены органов и плоти в мире и России : [Электронный ресурс] – URL: <https://finfocus.today/skolko-stoit-chelovek.html>.

9. Кант И. Сочинения в шести томах. / Под общей редакцией В.Ф. Асмуса и др. – М.: «Мысль», 1963-1966. – Т.2. – 1964. – 611 с.

10. Хархордин О. Новое литературное обозрение. «НЛО». – 6(179) 2022 // Круглый стол «XXVIII Банные чтения, «трансформация гуманитарного знания в постсоветской России», 1 апреля 2022 года. – С. 64-97.

11. Русаков С.С. Микрофашизм и десубъективация. Истоки проблематики // Социодинамика. – 2022. – №7. – С.57-68.

12. Мишустин утвердил бессрочную Концепцию информационной безопасности детей. : [Электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/2023/05/05/mishustin-utverdil-bessrochnuiu-koncepciiu-informacionnoj-bezopasnosti-detej.html>.

13. Учителю, научися сам. : [Электронный ресурс] – URL: <https://lupus00.livejournal.com/69688.html>.

14. Морозов А.В. Образование как фактор национальной безопасности в условиях формирования цифровой экономики. // Человек и образование, № 1 (58), 2019. С. 4-9.

15. Кунцевич Н. В. Вызовы цифрового общества / Н. В. Кунцевич. // Молодой ученый. – 2021. – № 30 (372). – С. 59-63. – URL: <https://moluch.ru/archive/372/83345>.

16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1955-1981. – Соч. Т. 19. 1961.

17. Альтруизм – эгоизм или форма бескорыстия? Мнение психолога : [Электронный ресурс] – URL: <https://psychospace.ru/altruizm-egoizm-ili-forma-beskorystiya-mnenie-psihologahttps://psychospace.ru/altruizm-egoizm-ili-forma-beskorystiya-mnenie-psihologa>.

18. Типы учителей, найди себя! Как стать отличным учителем. : [Электронный ресурс] – URL: <https://elenatarasova.com/kak-stat-otlichnym-uchitelem/>.

Isaev V.D. THE NEEDS OF MODERN MAN IN EDUCATION AND UPBRINGING, AND THEIR ROLE IN THE FORMATION OF SPIRITUAL SECURITY OF THE INDIVIDUAL

The article presents a philosophical and anthropological analysis of the features of the modern mental war waged against the Russian Federation. The ways of ensuring spiritual and moral security in the conditions of the aggravated confrontation between the Russian world and the collective West are shown. The role of education and upbringing in the structure of the dialectical interaction of civilization and culture is revealed in detail, and the main ways of increasing the effectiveness and overcoming formalism in the organization of educational and educational work at the university are outlined.

Key words: mental war, material and spiritual, civilization and culture, altruism and egoism, department, center of upbringing and education, university, teacher, educator.

Исаев Владимир Данилович – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Isaev Vladimir Danilovich – Honored Worker of Education of LPR, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: vd.isaev@gmail.com.

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 165.0

Никишин С.В.

ОНТОЛОГИЗАЦИЯ ТОТАЛЬНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается проблемы манипулирования сознанием в ходе современных ментальных войн. Манипулятивное воздействие с целью качественного изменения состояния индивидуального и общественного сознания противника является одним из важнейших элементов противоборства различных ценностных миров. Оно может отравить и разрушить противоположную структуру ценностей. Технологическое измерение враждебного манипулирования сознанием превращается в онтологическое, опираясь на претендующую на глобализм/империализм систему неолиберального капитализма. Такая онтологизация манипулирования сознанием в условиях ментальной войны чревата тотальной смысловой колонизацией проигравшей стороны.

Ключевые слова: манипулирование сознанием, ментальные войны, онтологизация.

Постановка проблемы и определение цели. В конце XX – нач. XXI вв. появляются как исследования, подтверждающие острую опасность манипулирования сознанием для общества (немалый резонанс вызвали труды С.Г. Кара-Мурзы), так и работы, демонстрирующие, насколько глубоко манипулирование сознанием укоренено в базовых структурах современности, в особенности в глобальной экономике, каковая детерминирует множество локальных социально-экономических систем (А.В. Бузгалин, А.И. Колганов).

При этом в нулевых – десятых годах текущего столетия у многих философов, исследовавших данный феномен, имел место своего рода онтологический оптимизм по поводу современной сущности и эффектов манипулирования. Так, М.И. Бабюк утверждал, что «манипулятивные отношения представляются наиболее адекватной современным общественным отношениям формой коммуникации», в рамках которой их противоречия «отчасти снимаются» [1, с. 108]. С.И. Князева хорошо обосновала универсальный и субстанциальный характер манипуляции общественным сознанием, подробно рассмотрела её как «сложный социокультурный феномен, ориентированный на культурную легитимацию нормативности социальной системы через коммуникативные, управленческие и мировоззренческие процессы» [7, с. 110]. На основании этого один из её главных выводов звучал весьма оптимистично: «Манипулятивная составляющая нормативной регуляции способствует такой интернализации поведенческих стереотипов, что они приобретают силу привычек, принуждающих делать то, что необходимо для общества и сохранения его собственной идентичности» [7, с. 111].

Но, к сожалению, современный мир вновь стал миром войны. И в этих условиях сознанием манипулируют в первую очередь, чтобы *разрушить идентичность противника*. Это обусловлено тем, что война ведется на многих уровнях, причем уровень жесткого противоборства ментальностей, идентичностей зачастую является определяющим. В этом смысле завоевание заключается в том, что один ценностный мир подвергается сначала деконструкции, а потом и вовсе деструкции, в результате чего человек перемещается «из культурной среды в квазикультурную, т.е. в среду, в которой культурные смыслы, видоизменяясь, помещаются в цивилизационную среду, духовные потребности замещаются материальными, а нравственные ценности уступают эгоистическим установкам» [5, с.14]. К этому точному описанию трансформации человека, который, сам того не зная, потерпел смысловое поражение, добавим лишь то, что квазикультурные смыслы переносятся уже в *чужую цивилизационную среду*. Если ещё более обострить, то получается, что на ментальной войне не только затемняют разум, но и похищают души. Собственно, тем ресурсом, за который идёт ментальная война, является воля различных социальных групп, каковая должна стать послушным инструментом в руках победителя. После того, как воля поработана, можно преобразовывать мир по тому образу и проекту, что представляется выгодным субъекту, стоящему у вершины манипулирующей власти.

Таким образом, **проблема настоящего исследования** проистекает из противоречия, лежащего в основании следующего вопроса: для развития современной цивилизации это стабилизирующий или деструктивный фактор? Схематичное разрешение этого противоречия: в мирное время манипулирование сознанием стабилизирует общественную систему, а в военное – служит делу разрушения, – представляется недостаточным. Это связано с тем, что ментальные войны ведутся в современном мире постоянно, далеко не

всегда совпадая с фронтовыми боями. Мало того, ментальная победа одной стороны, зачастую делает излишним противоборство войск (как это случилось с распадом СССР).

Исходя из диалектической сути проблемы манипулирования сознанием, её решение предполагает постановку двоякой **цели исследования**: во-первых, нужно ответить на вопрос, какую роль манипулирование сознанием играет в современных ментальных войнах; и на основании этого, во-вторых, выяснить, какое влияние на социум оказывает онтологизация манипулирования сознанием, используемого как средство ментальной войны.

Основная часть. Исторический процесс демонстрирует, что прямое открытое столкновение ценностных миров может приводить к боевым действиям, длящимся многие десятки лет, причём ненависть и вражда становятся традицией, передаются из поколения в поколение. И даже если на поле боя случается поражение, то это вовсе не означает духовно-идеологической капитуляции, а зачастую, наоборот, приводит к ментальному сплочению проигравшей стороны. Собственно, это одно из доказательств общеизвестной максимы, что проигранное сражение не означает проигранную войну. В общем, посредством прямого отрицания и попытки уничтожить ценности и привычный ментальный уклад вражеского общества, успеха даже при военном превосходстве добиться сложно. Твердого духом и верящего в свою правоту бойца проще убить, чем победить. Так же дело обстоит и с укорененным в своем ценностном мире народом, и с целыми цивилизациями, которые способны воскресать после самых страшных исторических катастроф (российская цивилизация – вполне показательный пример, хотя гораздо более длинную череду возрождений демонстрируют нам древние китайская и индийская цивилизации).

Ввиду такого положения дел для завоевателя оказываются востребованы не прямые способы ментального подчинения врага. К наиболее действенным относится манипулирование сознанием, приобретающее в наше время тотальный характер.

Возможности манипулятивного воздействия и на индивидуальное, и на общественное сознание многократно увеличились как в силу революционного скачка в развитии информационных технологий, так и по причине формирования основанной на них глобальной экономической системы, нацеленной на постоянное увеличение капиталистической прибыли. Последняя, будучи уже по природе своей превращенной формой прибавочной стоимости, в конце XX – нач. XXI вв. оказалась вдвойне превращенной после победы монетаризма как основы экономической политики большинства стран мира. Количество денег, находящихся в обращении, стало рассматриваться как определяющий фактор экономического прогресса, то есть фактически материального развития глобальной цивилизации. Улучшение нашего материального бытия ныне поставлено в зависимость не от содержания труда, а от символической природы денег, каковых в настоящее время такое количество,

что лишь общественный договор, вера в их экономическую эффективность обеспечивает работу мировой системы обмена товарами и услугами.

Конечно, деньги – это далеко не первый симулякр, который предстаёт в виде основания социального бытия. Но с точки зрения манипулятивного воздействия на общественное сознание сегодняшний их смысловой статус приближается к статусу магических объектов в древних родоплеменных сообществах. По словам А.В. Бугалина, А.И. Колганова: «Маркетинг создает симулякры полезных человеку благ и действительных потребностей. Это бытие „наведено“ на людей капиталом так, как злой колдун наводит морок...» [2, с. 178]. С такой точки зрения деньги сегодня – это своего рода магическая сила, кровь экономики. Эту силу можно накапливать; будучи пущена в ход, она способна вызывать тем большие изменения в жизни человека и общества, чем больше вливаний сделано. Ей можно пользоваться открыто и тайно. Для большинства обывателей она подчинена неким таинственным закономерностям, каковые открываются посвященным, получившим элитное образование, родившимся в богатых семьях, преуспевшим в эпоху первоначального накопления капитала и т.п. Эта сила может быть представлена в различных формах: действительных, фиатных, кредитных, цифровых и т.п. деньгах. Недаром мы периодически с удивлением слышим о неких эзотерических практиках «магии привлечения денежных потоков». Сколь бы абсурдно это ни звучало, так сегодня дело и обстоит: множество людей тратят невосполнимое время своей жизни на то, чтобы сии потоки привлечь. А если существенная часть нашего бытия зависит от потоков финансово-экономической силы (мы их ищем, а находя, черпаем из них полной горстью), то, следовательно, этим временем можно управлять извне. Мы несамостоятельны в определении ценностей, на которые собираемся потратить денежную «ману». Куда течёт финансовый поток с точки зрения покупателя (и куда его же влечёт)? – К обретению желаемого блага. Но кто задает характер и ценность этих благ? Всегда ли это объективная нужда? Кто создаёт всеохватную систему ярких фетишей в виде рекламируемых товаров и услуг, к приобретению которых стремится большая часть населения? Далек не всегда рождаются они в рамках ценностного мира привычной нам цивилизации и далеко не всегда создаются нам и нашим потомкам во благо (каковым для нас объективно являются многоуровневое сокращение страданий, увеличение свободы, соборный способ решения проблем, со-причастность прекрасному и т.п.). Товар или услуга могут быть символически нейтральны. А вот реклама и, тем более, стиль жизни, который задается через их поиск, обретение и использование – это не только движущие силы торговли, но и двигатели постоянно обновляющейся фетишизации населения. На наш взгляд, здесь вполне уместна расширенная трактовка знаменитого афоризма Ж.-Л. Бюффона: «Стиль – это сам человек». При этом выстраивается иерархия желанных продуктов – в зависимости от их дороговизны и труднодоступности (а образец этой иерархии сформировался в иной ценностной системе). Британский

военный историк и писатель С.Н. Паркинсон со свойственным его стилю сатирическим цинизмом писал: «Едва удовлетворив свои основные потребности, человек начинает вождель к статусу, а статус бывает основан либо на авторитете, либо на богатстве» [9]. Это весьма справедливое для современного социума обобщение указывает на то, что для субъекта, осуществляющего манипулирование сознанием, крайне важно *связать вышеупомянутую манипулятивно навязанную иерархию товаров и услуг с маркерами общественного престижа*. Надо сделать так, чтобы предметы и доступ к услугам, которыми владеет человек, чётко сигнализировали окружающим о его месте на социальной лестнице. Таким образом, благодаря глобальности, трансграничности финансово-экономических потоков исподволь, без прямого давления и, тем паче, агрессии производится внедрение чужой ценностной иерархии в аксиологическую структуру социума, подвергаемого манипуляции. Как правило, такого рода воздействие оказывается на политэкономическую элиту и интеллигенцию, в особенности молодежь, каковые на властном уровне, на уровне образования и искусства уже вполне добровольно распространяют новый образ жизни, стиль бытия на всё остальное население. При этом они искренне полагают, что согласно новым лекалам жить гораздо лучше, приводят в пример достижения того общества, которое породило авторов манипуляции. Фактически, таким образом, руками (вернее, умами) одной частью народа ведётся необъявленная ментальная война против другой части. С. Кара-Мурза в книге «Манипуляция сознанием» самым подробным образом проанализировал ключевую роль в развале СССР таких политических и экзистенциально-экономических мифов как: «смысл жизни – в увеличении наслаждений, что достигается через обогащение; все проблемы решаются посредством создания новых технологий, а Запад – источник технологического чуда, которым можно воспользоваться, имея деньги; Россия и СССР – это территории исторического порабощения личности, а Запад – исторической борьбы за её свободу, гарантированную неприкосновенностью частной собственности и т. п. [6] Эти мифы транслировались столь успешно, что привели к смысловым катастрофам и в итоге к 1991 году, последствия которого сегодня откликнулись кровавой войной.

Таким образом, поражение в ментальной войне оборачивается смысловой колонизацией. Её неизбежными взаимосвязанными атрибутами являются утрата исторического сознания потерпевшего поражения социума, восприятие исторически чуждой иерархии материальных, статусных, этических и эстетических ценностей. При этом ценности сами по себе могут быть наполнены глубоким гуманистическим смыслом. Однако, будучи реализуемы на качественно иной историко-культурной «почве», они способны сломать или извратить такое количество жизнеспособных, отлаженных десятилетиями социальных практик, что в итоге случается деконструкция всего автохтонного ценностного мира. Дальше достигшие успеха в ментальной войне внешние манипулятивные элиты и местные влиятельные компрадорские группы

(занимающиеся, по меткому выражению С. Кара-Мурзы, «внутренней колонизацией» своего народа) способны развернуть исторический процесс либо в сторону полнейшей материально-технической и идеологической зависимости, либо в сторону социально-экономической дезинтеграции и гражданской войны.

Таким образом, история знает разные пути колонизации: в одних случаях вслед за физической следует манипулятивная смысловая колонизация (например, распространение британского культурного кода в захваченной Индии), в других случаях – наоборот. В рамках того проекта глобального общества, который основывается на неолиберальной америко-центричной идеологии, как раз и предполагается, что современные технологии работы с информацией плюс неизбежная синергетическая связность мировой экономической системы позволят реализовать охарактеризованную смысловую колонизацию во всемирном масштабе.

Г. Маркузе, являвшийся весьма проницательным (в смысле понимания тенденций развития) критиком западного общества, отмечал, что «подчинение «не только посредством технологии, но и как технология» приводит к некритической легитимации существующей власти «одномерным человеком», в результате чего «отличительной чертой развитого индустриального общества» стало «успешное удушение тех потребностей, которые требуют освобождения – в том числе от такого притеснения, которое вполне терпимо или даже сулит вознаграждение и удобства, тем самым поддерживая деструктивную силу и репрессивную функцию общества изобилия» [8, с. 98]. Утверждение немецкого философа о технологичности манипулятивных форм управления, конечно, правомерно, но недостаточно отражает глубину явления. Что неудивительно, ибо «Одномерный человек» был написан в 60-е гг., в эпоху развитого индустриального общества, экономика которого ещё руководствовалась основанной на домонетарной Бреттон-Вудской системе твердых финансовых расчетов. То, что Маркузе зафиксировал как тенденцию развития технологий социального манипулирования, в современном постиндустриальном обществе претерпевает процесс онтологизации. Такого рода превращение технологии в своего рода тайную онтологию характеризуется тем, что тотальное манипулирование сознанием, охватывающее все существенные общественные сферы, становится одним из оснований социального бытия, без которой неолиберальный проект построения мирового сообщества, может развалиться, погружая мир в хаос жесткого противоборства секторальных держав-лидеров в условиях нарастания глобальных проблем. Мы видим, что даже далеко не революционные попытки вырваться из манипулятивной структуры приводят к эскалации военного противостояния в случае с Россией и увеличивают угрозу такового для Китая.

Но почему манипулирование сознанием становится именно системной, основополагающей характеристикой социального бытия, как минимум, в постиндустриальном обществе капиталистического типа? Можем ли мы

надеясь на то, что наше сопротивление манипуляции не станет разрушительным для мировой системы и, соответственно, приведет к хаосу, в котором и выжить непросто? Не лучше ли смириться, принять как неизбежную данность? Чтобы как-то ответить на эти вопросы, кратко охарактеризуем суть онтологизации. М.А. Перехода аргументированно утверждает: «Для того чтобы не остаться в сфере абстрактного или умозрительного, знание должно быть онтологизировано, оно должно быть соотнесено с бытием, соотнесено с объектом» [10, с. 100]. Применительно к знанию о мощных эффектах манипулирования сознанием этот тезис справедлив, поскольку, как было показано выше, социально-экономические основания нашей жизни уже имеют манипулятивный характер. «Процесс онтологизации обращен на поиск истины, ибо тогда и только тогда знание ценностно... Сама морфология слова указывает на то, что под данным термином подразумевается процесс, обращенный разумом/словом на сущее», – пишет М.А. Перехода [Там же]. Применительно к манипулированию сознанием получается, что его концепты обращены/предназначены для подспудной смысловой колонизации общественной жизни, формирования системы чуждых, выгодных манипулирующим элитам ценностей. Это есть утверждение манипулятивной истины в реальности. Манипуляция осуществляется для того, чтобы её объекты были приведены в соответствие с чьими-то понятиями. Поэтому правомерно назвать данный процесс насильственной онтологизацией, принуждением к истине, которую сформировал и доказал автор манипуляции в своих интересах. Поскольку такого рода принуждение воздействует на непосредственное материальное бытие и оказывает деструктивный эффект на способность личности и общества самостоятельно определять смыслосложившиеся приоритеты, принять такую данность, значит – потерпеть поражение в ментальной войне. Ввиду своей онтологичности последняя не может быть ограничена символическим конфликтом, но всегда выливается в передел материального мира.

Таким образом, можно согласиться с И.В. Князевой, что манипуляция общественным сознанием ориентирована на «культурную легитимацию нормативности социальной системы через коммуникативные, управленческие и мировоззренческие процессы» (правда, с обязательным указанием на то, **что** систему легитимируют посредством манипулирования). Но ввиду того, что данный феномен составляет содержание ментальной войны, а различные манипулятивные технологии можно приравнять к различным видам оружия, нельзя согласиться с утверждением этого автора, что благодаря манипулятивному управлению происходит нормативная регуляция и трансформация ценностей, создающая «смысловые горизонты для социально-адаптированного поведения». Такого рода управление может привести к коллективной дезадаптации и расколу общества. На наш взгляд, в лучшем случае успешная онтологизация манипулирования сознанием приведет к деонтологизации атомизированной личности, попавшей под каток ментальной войны, то есть случится

«трансформация одухотворенно мыслящей сущности, открытой бытию, в закрытое сознание с приобретенными технико-операционными навыками» [3, с. 210]. Болонская система с её компетентностным подходом в контексте такой опасной духовной трансформации представляет собой совокупность образовательных технологий двойного назначения (удобных для ментальной войны), поскольку, «используя концепцию «компетенций», все более ориентирует к обществу, в котором рыночная стратегия возведена в «абсолют». В результате «фрагментируются картина мира, миропонимание и социальный порядок» [Там же].

Как только манипулирование сознанием посредством глобальной неолиберальной экономики и обусловленной ей системы образования задает парадигму бытия, мышление большинства лишается «возможности достичь бытия» [Там же]. Таким образом, чем более тотальный характер принимает манипуляция, тем более сильные и массовые черты приобретает отчуждение человека от своей родовой сущности. Поэтому для победы в ментальной войне необходима разработка и внедрение в экономическую, идеологическую, образовательную и т. п. системы комплексных способов деонтологизации манипулятивного воздействия. В прикладном смысле технологии манипулирования сознанием изучены очень хорошо, следовательно, и методы системного противодействия им могут быть разработаны и внедрены на хорошем научно-практическом уровне.

Выводы. Итак, манипулирование сознанием является одним из важнейших средств, с помощью которых ведутся ментальные войны (недаром существует множество манипуляционных технологий). Однако этим роль данного феномена не исчерпывается, поскольку ментальные войны укоренены в своего рода манипулятивной матрице. Это аналог почвы, на которой произрастает древо смысловой войны. Такова на современном этапе система неолиберальной глобальной экономики, что реализует своё мировое политико-экономическое влияние именно через манипулирование сознанием (с помощью потоков денежных симулякров, посредством абсолютизации потребления/пользования благами и т. п.) Вследствие этого современные ментальные войны приобретают глобальный характер бескомпромиссного противоборства ценностных миров, а манипулирование сознанием становится тотальным. Манипулирование сознанием – это древний феномен, онтологически присущий человеку как родовому существу. Но *онтологизация его современных форм в условиях ментальной войны приводит к деонтологизации личности и разрушению того ценностного мира, что терпит поражение.* Следовательно, противоборствующие стороны, манипулируя сознанием противника, стремятся его максимально деонтологизировать, заронить, проявить и усилить во вражеском лагере самые опасные формы отчуждения. Поэтому необходимо во всех сущностных сферах общественной жизни (политика, экономика, культура, но, особенно, воспитание и образование!) максимально эффективно противодействовать такого рода онтологизации.

Л и т е р а т у р а

1. Бабюк М.И. Социальная манипуляция: философский анализ: специальность 09.00.11 Социальная философия: диссертация на соискание ученой степени философских наук / Бабюк Максим Иванович; Казанский государственный университет. – Казань, 2004. – 125 с.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 918 с.
3. Долженко О.В., Тарасова О.И. Деонтологизация понимания / О.В. Долженко, О.И. Тарасова // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – С. 206-214.
4. Исаев В.Д., Ильченко В.И., Левочкина О.В. Преодолеть формализм «Болонской системы». / В.Д. Исаев, В.И. Ильченко, О.В. Левочкина. // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского государственного университета имени Владимира Даля. Выпуск № 9. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2023. – С. 111-116.
5. Исаев В.Д., Дейнего В.В. Наследие Владимира Даля в условиях современной квазикультуры / В.Д. Исаев, В.В. Дейнего // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского государственного университета имени Владимира Даля. Выпуск № 9. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2023. – С. 12-21.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2008. – 862 с.
7. Князева И.В. Манипуляция общественным сознанием: сущность, исторические формы, трансформация: социально-философский анализ: специальность 09.00.11 Социальная философия: диссертация на соискание ученой степени философских наук/ Князева Ирина Васильевна; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2011. – 132 с.
8. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: АСТ : Ермак, 2003. – 331 с .
9. Паркинсон С.Н. Стимул и наказание [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://n-t.ru/ri/pr/zp39.htm>.
10. Перехода М.А. Концепт «онтологизация» в современном философском дискурсе / М.А. Перехода // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 7. – С. 98-102.

Nikishin S.V. ONTOLOGIZATION OF TOTAL MANIPULATION OF CONSCIOUSNESS IN THE CONDITIONS OF MODERN MENTAL WARS

This article reveals the ontological background of the manipulation of consciousness. The total manipulation of consciousness is appropriate to the situation of modern mental wars. Such a type of the conflict could be determined as sense-manipulation wars. If value matrix of one of the enemies is realized in the mentality and in the system of relations of the other enemy, it means victory for one side and defeat for the other. The total manipulative victory could completely destroy the value system of the losing side.

Key words: *mental wars, sense wars, manipulation of consciousness, ontologisation.*

Никишин Сергей Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет».

Nikishin Sergey Vyacheslavovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy FSBEI HE «Voronezh State Pedagogical University».

E-mail: mrshin@mail.ru

Рецензент: Исаев Владимир Данилович – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 124.5:141.319.8+130.2

Сухина И.Г.

ЦЕННОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК СМЫСЛОВАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФОКУС АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ

В статье на теоретической платформе аксиологии в ее семантической концептуализации осуществляется (философская) экспликация ценностей в их мировоззренческой смысловой содержательности и значимости как смысловой детерминации человеческого бытия универсального характера.

Ценности трактуются главным структурным элементом мировоззрения и культурной картины мира как ценностные представления/апперцепции, презентующие мир сообразно с антропно/человечески значимыми смыслами и мотивирующие мироотношение человека, его субъектность.

Человеческое бытие рассматривается именно как «бытие в культуре» – мире объективируемых ценностей как универсальном порядке онтологического его устройства. Ценности мыслятся формирующим началом человеческого бытия как бытия в культуре и трактуются его смысловыми детерминантами.

Проводится семантическое понимание ценностей как смысловых конфигураций, эйдосов, обладающих антропно адекватными значениями.

Ключевые слова: *ценность, смысл, значение, значимость, мировоззрение, человек, сознание, человеческое бытие, ценностное представление, мир, ценностное отношение, субъектность, актуализация, объективация, аксиологический, семантический, культура, культурная картина мира.*

«Будем ли мы действительности объектов придавать абсолютный характер или вставим ее в раму мирового субъекта, поставим ли мы в «начале» мира объект или деятельность, – мы не ответим этим на вопрос о ценности мира. Мы должны ... подвести под субъект положительный фундамент. Этим фундаментом может быть только царство ценностей и значения...»

Генрих Риккерт. О понятии философии [9, с. 22]

Актуальность. Человеческое бытие в сознательно-мотивированной своей аутентичности сопряжено с актуальными смыслами, их значениями, и представляет собой бытие, исполненное ценностями, или ценностное бытие.

Ценности выступают центрами – средоточиями, сингулярностями интегрирующего оформления и содержательного развертывания смыслов. Они представляют собой смысловые детерминанты человеческого бытия.

Человек, насколько он человек, выступает носителем и субъектным вершителем ценностей как антропных смыслов, соотносящих его с миром в его человечески соответственной значимости и делающих его миром человеческого бытия. Мир ценностей – это и есть мир человеческого бытия.

В актуализации смысловой значимости ценности развертываются и сублимируются в презентующие мир человеку как субъекту сознания ценностные представления, которые интегрируются в мировоззрение как систему миро-презентации. Ценности содержат потенцию миро-презентации, которая соотносит человека с миром, – так происходит их актуализация.

Мировоззренческая презентация мира/действительности – наиболее универсальная и показательная функция ценностей, выступающих в качестве ценностных представлений о священном, истине, добре, красоте, долге и т.д.

Человек самоопределяется в своем бытии в мире исходя из ценностно-мировоззренческих представлений, задающих оптику сообразной со смыслом – семантической презентации действительности, корреспондентной сознательно-активируемой человеческой субъектности вершения ценностей.

Мировоззренческая функция как сообразная с человечески-значимыми – антропными – смыслами презентация действительности есть главная, генеральная функция ценностей, удостоверяющая само их предназначение. Она реализуется в ходе всей человеческой истории, иницируя смысловые порядки человеческого бытия, его масштабную смысловую детерминацию.

В своей предельной актуализации ценности формируют человеческое бытие, выступают его смыслообразующим основанием и началом. И поэтому философское осмысление – аксиологическая экспликация ценностей как способ постижения человеческого бытия – не утратит своей актуальности.

При том, что аксиология как теория ценностей утверждается в системе философского знания с 60-х гг. XIX века, начиная с работ немецкого философа Р.Г. Лотце, а мировоззрение как концепт и предметная сфера познания

утверждается в философии начиная с работ немецкого философа В. Дильтея в начале XIX века, весьма актуальным и своевременным для философии, гуманитаристики и культуры в целом является исследование собственно мировоззренческой потенциальности ценностей, и ценностной фундации сущности и специфики мировоззрения, в том числе – в качестве культурной картины мира. Это предполагает такое направление в аксиологии как аксиология мировоззрения, отправным началом которого можно считать аксиологические идеи Г. Риккерта. Тем не менее, аксиология мировоззрения требует концептуальной разработки с соответствующими пролонгациями – в философско-антропологическом и культурологическом направлениях.

Определенный пример экспликации аксиологии именно как аксиологии мировоззрения в этих направлениях представляет собой данная статья.

Цель исследования. Аксиологическая – с позиции семантики – экспликация ценностей в их мировоззренческой модальности в качестве универсальной смысловой детерминации человеческого бытия как бытия в культуре.

Основная часть. Человеческое бытие в своей подлинности/аутентичности исполнено смыслами, значениями, имеет смысло-значимый характер и как таковое, представляет собой бытие, определяемое ценностями. Это – бытие в его ценностной детерминации или самодетерминации, бытие как ценность.

Человеческое бытие есть наиболее универсальная форма сознательно-мотивированного самоопределения и позиционирования человека в мире, имеющая в акцентированных и адекватных своих проявлениях субъектный характер. Оно самоопределяется как субъектное мироотношение, как «бытие в мире», представляющее собой ценностное освоение действительности.

Именно в ценностях человеческое бытие обретает свою подлинную – человеческую – действительность, осуществляется, вершится, «сбывается» в них.

В общем плане ценность можно рассматривать акцентуацией смысла, выражающейся в (смысловых) значениях; т.е. ценность есть нечто значимое, точнее – смысло-значимое. Ценность есть смысловое значение, в этом самая существенная ее характеристика. Смысл содержит в себе ценность как его потенцированную определенность, проявляющуюся в качестве значений. В свою очередь ценность выступает раскрытием смысла в его значениях. По утверждению Г. Риккерта: «Проблема ценности есть проблема «значимости» (Geltung) ценности... Ценность может обладать значимостью даже и при отсутствии акта оценки, выражающего то или иное к ней отношение» [9, с. 23]. Другими словами, ценность объективно значима, поскольку объективен смысл.

Являясь активациями смыслов, их проводниками в человеческое бытие и систему связей его мироотношения, ценности онтологически закономерны.

Обобщая можно постулировать, что проблема ценности – это проблема смысла, или аксиологическая (от греч. axia – ценность) проблема ценности – это

семантическая (от греч. *semantikos* – означающий) проблема смысла, рассматривая семантику как теорию смысла, значений, которая указывает на действительную смысловую сферу человеческого бытия как свой предмет. Вместе с тем семантику можно рассматривать философским миропониманием, акцентирующим смыслы в их онтологически объективном статусе.

Согласно этому пониманию бытие/мир имеет семантическое измерение, обладает смысловой потенциальностью, идеальным образом выражающей его содержательность в перспективе ее приращения в актуализациях. По словам Г. Риккерта: «Лишь совокупность бытия и ценностей составляет вместе то, что заслуживает имени мира» [9, с. 22], что и выражается в мировоззрении. Исходя из презумпции онтологической объективности смысла, российский философ В. Налимов представлял бытие/мир материально-семантическим универсумом, где смыслы существуют самостоятельно – как особая реальность [8, с. 62].

Согласно этой семантической трактовке бытия/мира смыслы изначально наличествуют в нем, и бытие/мироздание предстает в своей предполагающей актуализацию безграничной смысловой потенциальности. Отсутствие смысла – это отсутствие мироздания с его содержательностью, т.е. небытие, ничто.

Ценности в своей сущности – семантически, они удостоверяются с позиции своей смысло-значимости. На это указывает сама лексема «ценность». Так, австрийский психолог и философ В. Франкл определял ценности как «универсалии смысла, кристаллизующиеся в типичных ситуациях, с которыми сталкивается человек, общество или даже все человечество» [13, с. 288].

Причем ценность – это – отнюдь не просто способ выражения смысла, это его действительность, действенность, раскрывающаяся в его значениях.

Смысл делает ценность смыслом, причем смысл в его действительной значимости для человека, его бытия. «Ценность, которая всегда отвечает на вопрос: «для»? или «во имя чего?», – является аутентичным выражением смысла для человека как субъекта сознания/самосознания» [12, с. 22]. Как утверждал российский философ М. Рубинштейн: «Сказать смысл есть, значит всегда сказать, что есть ценная цель, с которой можно идти...» [10, с. 275].

Ценность следует понимать средоточием смысла, его конфигурацией, эйдосом (от греч. *eidos* – образ, образец), т.е. его идеальной формой, которая вместе с тем предполагает ее объективацию. Ценности выступают центрами активации, интегрирующего оформления и содержательного развертывания смыслов в их функциональности, своего рода их смыслов сингулярностями.

При этом смысл в общем плане – это некая присущая бытию/мирозданию с его образованиями идеально-значимая содержательность, предполагающая ее актуализацию в определенных значениях и соответствующих контекстах.

Исходя из этого семантического понимания, ценности как конфигурации смыслов их эйдосы можно квалифицировать семантемами. Семантемой можно считать семантическое образование, обладающее определенной, соразмерной социокультурному контексту человеческого бытия смысло-значимостью и соответствующей предметностью в виде культурного явления – артефакта.

В качестве семантем ценности конституируют смысловое содержание человеческого сознания, задают и определяют его интенциональную – смыслообразующую, смысло-полагающую – активность. Сознание оперирует ценностями, из которых оно черпает, обретает смысловую содержательность, значимость и определенность своего интенционального функционирования.

Ценности, «прилагаемые» к действительности мироздания, выступают ее смысло-значимыми для человека как субъекта сознания презентациями.

С позиции ценностей осуществляется смысло-значимая идентификация мира/действительности человеком, как и рефлексивная самоидентификация человеком самого себя, своего «Я» как своей персонифицированной самости.

Поскольку для человека не существует семантически индифферентной действительности, не сообразованной со смыслами/значениями, постольку она предстает, раскрывается перед ним миром ценностей (семантем). Российский философ А. Максимов отмечает: «Ценность – это первичная форма реальности, в которой она предстает перед сознанием через его ценностное отношение к этому предмету (это касается любого предмета, попадающего в поле человеческого зрения, что определяется ценностной природой человеческого сознания; соприкасаясь с предметом, человек тут же начинает его оценивать и распространять на него свое ценностное отношение)» [7, с. 139]. Согласно с этим, Максимов предлагает определение ценности как предмета в ценностной форме его существования, закрепленного в понятиях о нем [Там же].

Собственно на универсальной семантической основе ценностей как акцентированных и артикулированных смысловых содержаний, их значений происходит формирование человеческого бытия в его аутентичности.

Человеческое бытие, которое в своей аутентичности имеет сознательно-мотивированный характер, устремлено к удостоверяемой ценностями смысловой определенности. Ценности – это конституирующие, формирующие его основания и начала, его фундация. Человеческое бытие аксиологично, это – значимое бытие с позиции и в сфере актуализируемых и объективируемых им ценностей, задающих и определяющих присущую ему субъектность.

Соответственно главенствующей, генерализирующей характеристикой ценностей является антропная (от греч. *anthropos* – человек) смысловая акцентуация, т.е. такая, согласно которой человек/человеческое является мерой значимого. Для семантической архитектоники ценностей универсальным интегратором выступает антропный принцип. По утверждению российского философа В. Ильина, суть антропного принципа состоит в том, что «...человек с его сознанием занимает привилегированное положение в мире» [4, с. 17].

Сама ценность есть ценность/ценность *чего-то* и *для кого-то*. И этим универсальным центром адресованности ценностей выступает человек как трансцендентальный субъект с присущей ему сознательной мотивацией.

Гуманитаристика фундирована ценностями как антропно адекватными смыслами, относимыми к человеку как центру и фокусу своей актуализации.

Присущая человеческому бытию ценностная презентация мироздания

развертывается, интегрируется и сублимируется в мировоззрение, обретая в нем системный характер. Задающее принципы, ориентиры и приоритеты человеческого поведения, деятельности и коммуникации мировоззрение выступает своего рода универсальной программой человеческого бытия в мире; так или иначе мировоззрение формируется как системное образование, презентующее человеку мир/действительность универсальным образом.

Ценность, предполагающая выявление в соответствующем ей акте оценки актуального смысла действительности с позиции ее значимости для человека и его бытия, занимает центральное место в системе мировоззрения, если понимать под ним интегрированный комплекс представлений и идей человека о мире в целом и о самом себе, – в своем отношении миру и своем месте в нем.

Мировоззрение удостоверяет ценности в качестве презентующих мир/действительность (ценностных) представлений или апперцепций о: священном, истине, добре, красоте, мудрости, любви, долге, милосердии, справедливости, чести, достоинстве, мужестве и героизме, гармонии, порядке, пользе/полезном, эффективности, и т.д. Собственно, «феномен мировоззрения – это мир, воспринимаемый и понимаемый с позиции ценности» [12, с. 96].

Мировоззренческая презентация мира/действительности есть наиболее универсальная и показательная функция ценностей, приводимых в систему.

Мировоззрение, в сущности, есть система ценностных представлений, фундирующих его и образующих его ядро. В эту систему инкорпорируются знания человека о мире, продуцируемые стремлением к постижению истины.

Мировоззрение образуется на конститутивной семантической основе, базе ценностей, инспирируется ими. Оно существует и функционирует в силу своего ценностного основания, ядра, которое развертывается в структурные его компоненты, модифицируется в них. Так, российский философ Л. Баева утверждает, что «ценностное основание присутствует в каждом из компонентов мировоззрения и проявляется во всех формах его развития» [1, с. 12].

Мировоззрение как универсальная презентация мира/действительности выступает своего рода семантической оптикой осмысленного, понимающего мировосприятия. Английские философы Д. Гудинг и Д. Леннокс указывают на то, что «мировоззрение можно уподобить объективу, через который мы пытаемся смотреть на мир, с тем, чтобы понять и постичь его» [2, с. 15].

Презентация мира с позиции ценностей/ценностных представлений есть суть мировоззрения, в котором сознание осуществляет универсальный смысловой охват совокупной (в том числе – виртуальной) действительности. Как универсальная семантическая матрица миро-презентации мировоззрение включает стратегические по своим значениям семантемы, определяющие понимание мира, места и роли, значения в нем человека, его мироотношение, субъектность, и придают его бытию смысло-сообразный в целом характер.

Мировоззрение есть понимание мира в его универсальной смысловой исполненности, т.е. в мира в его семантическом измерении, корреспондентом человеку как субъекту (трансцендентального) сознания, активирующего

смыслы в значениях, т.е. ценностях. Так, Г. Риккерт указывал на то, что «мир, понятый только как объект и действительность, лишен смысла» [9, с. 19].

Мировоззрение презентует бытие/мир, человека и его бытие в мире в их смысловой определенности и предназначенности. Оно приурочивает бытие/мир к смыслу. Г. Риккерт констатировал, что «под мировоззрением мы понимаем действительно нечто большее, нежели простое знание причин, породивших нас и весь остальной мир... Мы хотим, чтобы «миросозерцание» помогло нам понять «смысл» нашей жизни, значение нашего «Я» в мире...» [9, с. 18].

Мировоззренческая акцентуация смысло-значимости мироздания, его ценности выводит на предельно значимые рефлексивные вопрошания о мире применительно к человеческому бытию в нем. «Ставя вопрос о смысле и значении, как отмечал Г. Риккерт, мы в конечном счете ищем руководящие нити, последние цели для нашего отношения к миру, для нашего хотения и деятельности. Куда мы идем? В чем цель этого существования? Что должны мы делать?» [9, с. 18]. Эти вопрошания интегрируются и сублимируются в мировоззренческий, по сути, вопрос о смысле человеческой жизни, о смысле человеческого бытия, в его соответствии смысловой содержательности мира.

Смысл выражает содержательность мироздания идеальным образом; и поскольку мир есть, мир существует – смысл онтологически закономерен.

Актуализация идеальной содержательности смысла в определенных контекстах инициирует определенные значения, выражается в них. Значение представляет собой конкретизирующую актуализацию смысла, которая раскрывает его содержание. Значимость является семантическим свойством перехода смысла в объективирующую его форму, например – культурную; с обретением сущим или бытием фиксированного значения, т.е. способности становиться «бытием-для-себя», проявляться таким образом. В отличие от значения, значимость есть степень объективации смысла в этом «бытии-для-себя», и она может пониматься в качестве культурного артефакта или блага.

Соответственно, смысло-значимость – это актуализирующая смысл его проявленность в определенном контексте, как и не тождественность его этой контекстуальной проявленности, поскольку смысл может обладать рядом значений, которые в семантической своей потенциальности не замыкаются в предметных формах объективации, не завершаются, не исчерпываются в них.

Согласно этому семантическому пониманию и подходу ценность есть значение бытия/мира, его предметных образований, особенно – артефактов культуры, определенным, прежде всего – осмысленным (от лат. *cogito*), образом раскрывающая его содержательность в сознании человека и контекстах его бытия в мире. Вместе с тем ценность смысло-содержательно не исчерпывается определенным контекстом ее объективации, превосходя, трансцендируя его.

В предельном (семантическом) выражении и онтологическом статусе ценность – не только значение чего-либо для кого-либо, но и значение вообще,

которое не замыкается в пространственно-временных контекстах культуры и общества. Она презентует не свойства и качества объектов/образований действительности и самого бытия/мира, а смысл их существования, отвечая на вопрос «во имя чего»? Русский философ Н. Лосский указывал на значение как на самое существенное в ценностях, и, исходя из степени их значения для отдельно взятого (человеческого) субъекта или для всякого (человеческого) субъекта, он выделял ценности субъективные и объективные [6, с. 288].

В своей семантической сущностной специфике ценности – деонтологичны (от греч. *deontos* – должное). Как смысловые образования они содержат в себе идеационный компонент и потенциал долженствования, что предполагает ментальное обращение актуализирующего ценности сознания к должному.

Ценности потенцированы на деонтологическое восполнение бытия/мира, на привнесение должного («как должно быть») в действительное, а в пределе – на «абсолютную полноту бытия», согласно терминологии Н. Лосского. По словам Лосского, абсолютная полнота бытия есть там, «...где *нет разделения на ценность и бытие*» [6, с. 263]. «Предмет аксиологии, – как утверждает В. Ильин, – ...действенные отображения сферы должного на сферу сущего» [4, с. 11]. И поскольку ценность – это бытие в смысловом его содержании и значении, в его долженствовании, постольку она есть нечто большее, чем просто бытие как данность существующего, ценность обогащает бытие/мир.

Деонтологическая специфика ценностей показательно проявляется на примере высших ценностей, обладающих высшей степенью долженствования и выступающих в качестве идеалов – эталонов ценности: священное, истина, добро, красота, мудрость, любовь, долг, справедливость, свобода, гармония, и др.

Деонтологическая специфика ценностей коррелирует абсолютной полноте бытия/мира, потенцируется им. Обладающие деонтологически потенцированной (абсолютной полнотой мироздания) смысло-значимостью ценности выступают смысловым обоснованием человека и его бытия в мире.

Ценности по своей интенциональной (от лат. *intentio* – стремление) природе ментальны (от лат. *mens* – разум, мышление, образ мыслей), когитальны (от лат. *cogito* – мыслить). Они сообразуют действительность с актуализирующей смыслом активностью сознания и мышления человека; эта актуализация смысла человеческим сознанием осуществляется в ценностях.

Представления человека как субъекта сознания о мироздании являются, в сущности, ценностными представлениями, презентующими мир с позиции его смысловой полноты/исполненности, значимости для человека, его бытия.

Мир/бытие в семантическом измерении презентуется в ментальной сфере ценностных представлений как главной структурной составляющей, образующей мировоззрение. В ментальном фокусе семантически емких ценностных представлений осуществляется смысло-сообразная презентация мира/действительности с деонтологической позиции долженствования.

Являясь средоточиями смыслов, ценности семантически универсальны, они означают не только идеальный, деонтологический «мир должного», но и

реальный «мир сущего» в природной и социокультурной его модальностях.

Ценность можно представить семантической моделью мироздания, ориентированной на абсолютную полноту бытия/мира в актуализации его смысловой содержательности и значимости. «Любое содержание бытия, – как подчеркивал Н. Лосский, есть ценность *не в каком-либо своем отдельном качестве, а насквозь всем своим бытийственным содержанием*» [6, с. 263].

Мировоззрение выражает интегральный (семантически исполненный) образ бытия/мира. Мир в нем, как полагает российский философ И. Докучаев, предстает заданным ценностной структурой, и каждое явление имеет свою аксиологическую модель, и эти модели интегрированы в рамках единой [3, с. 21]; это свойство ценностей он квалифицирует интегральностью [3, с. 21].

В силу своей семантической сущности ценность все-проникновенна, она пребывает в объекте всецело. Российский философ Н. Рыбаков утверждает, что «...ценность связана не просто с отдельными объектами, их свойствами и качествами, но с предметами мира вообще и не просто с предметами, но с их бытием, и не частично, а полностью» [11]. Потенцированная в ценностях абсолютная полнота бытия/мироздания обретает свое (интенциональное) презентационное выражение в наивных ценностных представлениях человека.

Ценностные представления как представления об антропном – человечески-значимом смысловом содержании бытия/мира – содержат в себе смысложизненные значения, сообразные с представлениями о бытии, и выступают руководящими принципами, стратегемами человеческого бытия.

Имеющие мировоззренческий характер ценностные представления – мировоззренческие апперцепции – обладают интенцией к интегрированию в смысловую целостность, в систему миро-презентации, в картину мира. Эта интегральная система ценностных представлений является мировоззрением. В нем вырабатывается универсальный смысло-образ бытия/мира как целостности.

В субъектно-адекватной своей акцентуации мировоззрение обретает персонифицированный характер, актуализирует человеческое «Я», выступает высшим – интегральным уровнем интенциональности сознания. Его замыкаемая на человеческом «Я» функциональная целостность обеспечивает целостность мировоззренческого комплекса ценностных представлений.

Создаваемый абстрагирующей способностью человеческого сознания и мышления универсальный смысло-образ мироздания предполагает ментальное возвышение над обыденностью сущего, выход в сферу всеобъемлющего смыслополагания. «Формирующие целостный образ мира, его идеальную модель мировоззренческие конструкции имеют метафизический характер» [12, с. 22]. Удостоверяемая мировоззрением ментальная потенция сознания всеобъемлющего – трансцендентального – смыслополагания осуществляет совмещение идеально-должного и реально-сущего в вырабатываемом им смысло-образе мира. В универсальном охвате действительности бытия в ее смысло-значимости мировоззрение выявляет свой метафизический характер.

Ценности задают систему ориентиров человека, его мироотношения. Как констатирует Л. Баева: «Ценности выступают ключевыми ориентирами существования и жизнедеятельности индивида и общества» [1, с. 83]. На основе ценностей/ценностных представлений образуется опосредуемая, интегрируемая и фундируемая мировоззрением система связей и отношений «человек – мир», в пространстве, хронотопе которой разворачивается человеческое бытие в мире.

Мировоззрение определяет человеческое мироотношение, придает ему системность. Оно инспирирует семантические горизонты (осмысленности), в русле которых разворачивается осваивающая мир человеческая деятельность.

Мировоззрение выступает связующим человека и мир универсальным началом, которое актуализируется как мироотношение, имеющее прежде всего субъектно-объектный характер. Оно, согласно словам Г. Риккерта, всегда связано с вопросом соотношения субъекта и объекта [9, с. 15], а в своем предельном выражении – человека и мира. Предназначение мировоззрения – в гармоническом соотношении человека и мира в его смысло-значимости.

Мировоззрению присуще смысложизненное содержание, которое активизирует человеческое «Я» в его субъектной ориентации. Так или иначе смысложизненная проблематика человеческого бытия обретает свое мировоззренчески значимое выражение, инкорпорируется в мировоззрение, соотносящее в актуализации антропно значимый смысл человеческого бытия с онтологически значимым смысловым порядком мироздания. Человеческая субъектность имеет ценностно-мировоззренческую мотивацию и фундацию. Г. Риккерт считал, что «в поисках мировоззрения, которое бы ответило нам на вопрос о значении мира, мы спрашиваем, прежде всего, имеет ли наша жизнь ценность, и что мы должны делать, чтобы она приобрела таковую» [9, с. 21].

Поскольку мировоззрение проявляется на индивидуально-личностном и надиндивидуальном уровне человеческого бытия, будучи представленным в формах общественного сознания, постольку его субъектом выступают: человеческие индивиды, социальные общности, общество, культура в целом.

В культурогенной модальности мировоззренчески фундированная человеческая субъектность проявляется творческим образом, т.е. наиболее оптимально. В этой модальности происходит актуализация демургического потенциала творчески объективирующего ценности человеческого бытия.

В культурно-исторической определенности мировоззрение выступает культурной картиной мира, которая представляет собой присущую культуре универсальную форму миро-презентации, утверждаемую в индивидуальном и общественном сознании. Это – актуальный для общества носителей культуры обобщенный, целостный смысло-образ мироздания, включающий в себя позиционирование в нем человеческого бытия в его мироотношении. Культурная картина мира – это субъектно-адресованная миро-презентация.

Термин «картина мира» использовал Л. Витгенштейн в работе «Логико-философский трактат», 1921 год. В дальнейшем он стал использоваться в

культурологии. В антропологию и семиотику этот термин был привнесен из работ немецкого лингвиста XIX века Л. Вайсгербера. В естественнонаучный обиход этот термин был введен немецким физиком XIX века Г. Герцем.

Культурная картина мира является интегрирующим смысловой мир и порядок культуры как смысловой порядок человеческого бытия образом мироздания. Российские философы Т. Кузнецова и В. Луков акцентируют ее первостепенное значение для культуры в целом и определяют это понятие как «...наиболее общий образ мира, включающий в себя логические и образные представления в форме системы художественных констант и динамических структур и цепочек (дискурсивных практик, кодов и т.д.)» [5, с. 66]. Они отмечают, что культурная картина мира «...свойственна индивиду, группе, сообществу, нации и т.д., отражается в литературе, искусстве, гуманитарном знании» [5, с. 66]. «В культурную картину мира включаются как ее сегменты научная картина мира, социальная картина мира, художественная картина мира и т.д., при этом в свернутом виде как определенная квинтэссенция, обычно не вытесняя одна другую, сосуществуя по законам диалога культур...» [5, с. 66].

Культурная картина мира организует и интегрирует культуру и человеческое бытие в культуре. В силу ее действенности культура обретает конкретное мировоззренческое выражение, адресованное своему носителю.

Культурная картина мира презентует мир/действительность в семантической определенности; например – анимистические верования о всеобщей одушевленности природы, космогонические мифы о становлении космоса, креационистские рассказы о сотворении мира, механистическая модель мира как мега-машины, глобальный эволюционизм, синергетическая презентация мира как самоорганизующейся системы и др. Выдвижение и утверждение универсальных картин мира в культуре было изначально связано с мифологией и религией, а в дальнейшем – с философией и наукой. Культурная картина мира инспирирует универсальный (семантический) смысло-образ мира, формирующийся на (аксиологической) основе общезначимых ценностей.

Каждая культура и культурно-историческая эпоха вырабатывают свою семантическую презентацию мироздания. Древние Египет, Индия, Китай, греко-римская античность, европейское (христианское) средневековье, эпохи Возрождения, Просвещения, модерна/модернизма ... характеризуются своей определенной презентацией мира, актуальной для человеческого бытия. Американский антрополог Р. Крейпо указывает на то, что «каждая культура имеет свою интерпретацию действительности... Все культуры содержат предполагаемые ими истины (и убеждения в них), идеи, общие представления о мире, хранящие предельно-значимые и непреходящие ценности и мировоззрение в целом... Культурное мировоззрение осуществляет свое предназначение как главный способ создания и реализации руководства единой системой имеющихся представлений, верований и убеждений» [14, р. 40].

Культурная картина мира выступает как универсальная семантическая

матрица, объединяющая по соответствию значений общезначимые ценности (культуры), предполагающие культурно адекватное оперирование ими. Инкорпорируясь в культурную картину мира, ценностные представления человека обретают достаточную основательность своей смысло-значимости.

Как доминион подлинно человеческого бытия культура представляет собой мир ценностей. С позиции аксиологического понимания, культура – это определяемый ценностями, их объективацией и утверждением универсальный способ сознательно-творческого отношения человека к миру/действительности, удостоверяющий оптимальную модальность его бытия. Культурная картина мира является ценностной доминантой культуры, центром, ядром интеграции и организации ее ценностей в смысловой порядок человеческого бытия.

Аксиологическое понимание культуры показывает, что, в сущности, она представляет собой не просто совокупность артефактов, а мир ценностей, которые человек объективирует в своих действиях и творениях. Ценность первостепенна для культуры. «Вся совокупность культуры, – как утверждает И. Докучаев, – является выражением определенных ценностей» [3, с. 48-49].

Каждая ценность как антропный или человечески-значимый смысл есть ценность культурная. Понятие культурной ценности указывает на то, что она предполагает объективацию ее семантического потенциала, ее смысловой содержательности в человеческой деятельности, ее предметных результатах – артефактах (от лат. *artefactum* – искусственно сделанное). Мир культуры, ее явлений – артефактов – есть человеческий мир объективированных ценностей.

Культурная ценность содержит принцип субъектной объективации с соответствующим семантическим горизонтом ценностного отношения к миру. Объективация ценности в артефакте предполагает культурную форму как форму культуругенной модификации ценностей, моделирующую артефакты.

Объективированная (культурная) ценность предстает композиционным единством идеального (значение) и реального (артефакт) своих компонентов. И. Докучаев указывает на то, что «ценности есть конкретные порождающие модели человеческой деятельности, интегральные модели всех ее артефактов» [3, с. 19]. Культурные ценности предполагают утверждение, сохранение и воспроизводство, т.е. культивирование их в практике и сфере человеческого бытия в культуре, как и приращение семантического потенциала их значений.

И поскольку ценность обладает смысло-значимым (семантическим) потенциалом, предполагающим субъектную объективацию, постольку для человека актуально существует именно культурные ценности, т.е. ценности, выступающие диспозициями праксеологического мироотношения. Согласно словам И. Докучаева, «...ценность – не только ключевая форма отражения бытия, она ключевая форма всей человеческой деятельности» [3, с. 64]. В своей оптимальной – творческой – модальности это ценностное мироотношение человека обретает конституирующий культуру культуругенный характер.

Как ценностная доминанта, ядро культуры культурная картина мира интегрирует и сублимирует ее общезначимые ценности, среди которых можно

выделить три основные группы. К первой относятся онтологические или метафизические ценностные представления о мире, т.е. мироздании как универсуме, его сущности, устройстве, атрибутах и т.п.; сюда можно отнести метафизические представления о жизни и смерти, смысле жизни. Ко второй группе относятся антропологические ценностные представления о человеке, его качествах; например, представления о вере, мудрости, творчестве, любви, долге и т.д., также представления об идеальной личности. К третьей группе относятся социетальные ценностные представления о человеческих отношениях с позиции нравственности; например, представления о нормах нравственности, социальной справедливости, социальном порядке, публичной власти и т.д.

Культурная картина мира содержит ценностные представления о мире и человеке, и, соответственно – смысле его бытия в мире, смысле его жизни.

Общезначимая культурная ценность, т.е. соответствующая культурной картине мира, включает три основных семантических слоя значимостей: 1) слой обобщенных мировоззренческих и смысложизненных представлений; 2) слой конкретных значимостей, которые становятся действенными, как только удостоверить их в контексте семантической матрицы; 3) слой социетальных значимостей, соответствующих человеческим отношениям [12, с. 257].

Культурные ценности являются многомерными смысло-образами мира, которые включаются в культурную картину мира, типизируются в ней.

Культурная картина мира является такой универсальной семантической формой и матрицей, которая выполняя синтезирующую функцию общей миропрезентации, интегрирует как апробированные, типизированные, так и новые ценности, с производными от них образами, представлениями, идеями и т.д.

На (интегрирующей) семантической основе культурной картины мира организуется системная иерархия культурных ценностей, согласно с которой одни ценности имеют главенствующее значение, а другие – соподчиненное. Иерархия культурных ценностей, выявляющая и соотносящая их смысловые содержания и значения, задает морфологическое строение культуры, ее порядок и соответственный этому смысловой порядок человеческого бытия.

Так как ценности выступают идеальными семантическими моделями миро-презентации, культурная картина мира не просто презентует мир, но и моделирует его смысло-образ, выступая семантической моделью мироздания.

Будучи универсальной семантической формой интеграции культурных ценностей как системообразующих элементов культуры, культурная картина мира сублимирует их значения в (интегральном) фокусе актуальной презентации мира и моделирования его смысло-образа, выступая тем самым универсальной программой функционирования и развития культуры. И чем выше уровень развития и организованности культурной картины мира, тем выше уровень развития и организации культуры, ее исторической зрелости.

Организуемые культурной картиной мира как ценностной доминантой

культуры, ее смысловым центром, ядром культурные ценности выступают диспозициями человеческого мироотношения и руководящими принципами человеческого мышления, поведения, коммуницирования и деятельности.

Культура является сферой изначальной – творческой – объективации ценностей в направлении и перспективе их позиционирования, утверждения, коммуникативного распространения, сохранения, системного воспроизводства.

В истории культуры как культурно-исторического процесса развития человечества можно выделить такие эпохальные культурные картины мира:

- *природоцентризм* (первобытная культура, культуры Древнего Востока);
- *космоцентризм* (античная культура Древней Греции и Древнего Рима);
- *теоцентризм* (средневековая европейская христианская культура, христианская культура в целом, арабо-мусульманская культура);
- *антропоцентризм* (европейская культура эпохи Возрождения и эпохи Нового времени);
- *сциентоцентризм* (научно ориентированная – сциентистская культура Новейшего времени или эпохи НТП и НТР).

В определяющих принципы мироотношения и культурогенной субъектности человека культурных картинах мира находят свое воплощение ориентирующие его бытие в мире ценностно-мировоззренческие искания.

Трактуя человеческую историю как культурно-исторический процесс, можно полагать, что в ней разворачиваются ценностно/мировоззренчески фундируемые смысловые порядки человеческого бытия в мире как бытия в культуре, которые удостоверяются культурными картинами мира. Понятие культурной картины мира, как утверждают Т. Кузнецова и В. Луков, должно занять центральное место в культурологии и философии культуры [5, с. 66].

Можно предположить, что онтологическим основанием исходной положительной значимости ценностей является ориентация на бытие, сущее, на утверждение и развитие его форм и создание новых, более совершенных. Это – оптимизация бытия, направленная в предельном своем выражении на его абсолютную полноту. Интенция бытия как стремление к его оптимизации является онтологическим источником семантического потенциала ценностей.

Эта деонтологическая интенция бытия обретает нормативный характер. Так, для человека в нормальном состоянии свойственно стремление к оптимизации своего бытия в мире, осознанию себя в стремлении к жизни, а не смерти, к истине, а не заблуждению, к добру, а не злу, к прекрасному, а не безобразному, к любви, а не ненависти, к полезному, а не бесполезному и т.д.

В семантически концептуализированной актуализации интенция бытия обретает мировоззренческое оформление, а в культурно-исторической своей актуализации выступает в качестве культурной картины мира, фундирующей принципы объективирующего ценности культурогенной субъектности.

Каждая культура как мир ценностей человеческого бытия представляет собой способ оптимизирующего его онтологического самоопределения, обладающий своей ценностно-мировоззренческой спецификой. Каждая

культура как мир/сфера ценностей человеческого бытия представляет собой его смысловой порядок, имеющий ценностно-мировоззренческий характер.

В ходе всей своей истории человек создает смысловые порядки своего бытия, объективируя в своем субъектном (культурогенном) мироотношении ценности, ответствующие на мировоззренческий вопрос: «во имя чего?».

Выводы. Презентация мира в ценностях как антропно/человечески - значимых смыслов является сущностью мировоззрения, в форме которого осуществляется универсальный смысловой охват мира/действительности человеческим сознанием. С мировоззрением связана организация всех тех значений, которые определяют понимание мира в целом, места и роли в нем человека и придают его бытию в мире осмысленный, субъектный характер.

Для человека мир/действительность презентуется мировоззрением, мировоззренческим миром ценностей. Человеческое бытие в сущности своей есть бытие с позиции и в свете ценностей как его смысловых детерминант.

Человеческое бытие свершается в ценностях, которые разворачиваются в ценностно-мировоззренческие представления, предельно актуализируются в них. Обладающие универсальной мировоззренческой презентабельностью ценности являются подлинной действительностью человеческого бытия.

Л и т е р а т у р а

1.Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: Монография / Л.В. Баева. – М.: Прометей; МПГУ, 2003. – 240 с.

2.Гудинг Д. Мировоззрение: Для чего мы живем и каково наше место в мире. Том 1 / Д. Гудинг, Дж. Леннокс; пер. с англ. – Минск: Принткорп, 2004. – 448 с.

3.Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И.И. Докучаев. – СПб.: Наука, 2009. – 595 с.

4.Ильин В.В. Аксиология / В.В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.

5.Кузнецова Т.Ф. Культурная картина мира в свете тенденций развития культурологии / Т.Ф. Кузнецова, В.А. Луков // Вестник Международной Академии наук (Русская Секция). – 2009. – № 1. – С. 66-69.

6.Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло: Сборник / Лосский Н.О. – М.: Республика, 1994. – С. 249-314.

7.Максимов А.Н. Философия ценностей / А.Н. Максимов. – М.: Высшая школа, 1997. – 174 с.

8.Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / Налимов В.В. – М.: Прометей, 1989. – 287 с.

9.Риккерт Г. О понятии философии / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Риккерт Г.; пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 13-42.

10.Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: Том 1 / М.М. Рубинштейн. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 480 с.

11. Рыбаков Н.С. Н.О. Лосский: онтологическая теория ценностей [Электронный ресурс] / Н.С. Рыбаков. – Режим доступа: <http://geum.ru/next/art-353821.php>.

12. Сухина И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: ГОВПО ДонНУЭТ, 2016. – 444 с.

13. Франкл В.Э. Человек в поисках смысла: сборник / В.Э. Франкл; пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

14. Срапо R.H. Cultural Anthropology / R.H. Срапо. – McGraw-Hill, 1999. – 549 p.

Sukhina I.G. VALUES AND WORLDVIEWS AS SEMANTIC DETERMINATIONS OF HUMAN EXISTENCE: SEMANTIC FOCUS OF AXIOLOGICAL EXPLICATION

In the article on the theoretical platform of axiology in its semantic conceptualization, the (philosophical) explication of values in their worldview semantic content and significance as the semantic determination of human being of a universal nature is carried out.

Values are interpreted as the main structural element of the worldview and the cultural picture of the world – as value views/apperceptions that present the world in accordance with anthropologically/human – significant meanings, and motivate the world attitude of a person, his subjectivity.

Human being is seen precisely as «being in culture» – the world of objectified values as the universal order of its ontological arrangement. Values are thought of as the formative beginning of human being as being in culture, and are interpreted by its semantic determinants.

Semantic understanding of values as semantic configurations, eidos with anthropologically adequate meanings is carried out.

Key words: value, meaning, significance, worldview, person, consciousness, human being, value representation, world, value attitude, subjectivity, actualization, objectification, axiological, semantic, culture, cultural picture of the world.

Сухина Игорь Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского».

Sukhina Igor Grigoryevich – Doctor of Philosophical sciences, Professor of the Department of Philosophy FSBEI HE «Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky».

E-mail: suhina_igor@mail.ru.

Рецензент: Звонок Наталья Степановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассмотрены особенности и основные подходы к исследованию проблемы человека в современном социально-философском дискурсе. Обоснована актуальность исследования проблемы человека, а также рассмотрены основные подходы в трактовке человеческой личности как элемента и объекта социальной системы, в том числе – в аспекте проблемы субъекта истории.

Ключевые слова: антропология, личность, марксизм, общество, проблема человека, проблема субъекта истории, свобода, человек.

Введение. В XXI веке осуществляется крутой перелом во всех сферах жизни людей, решается задача обновления всей системы общественных отношений, поэтому особую теоретическую и практическую значимость приобретает вечная проблема человека как высшей цели развития общества.

Современная эпоха многими осознается в контексте кризисного состояния духовной культуры, неопределенных перспектив развития человечества, когда продолжение жизни и в целом человеческое существование находится под вопросом вследствие глобальных проблем, а межчеловеческие отношения характеризуются увеличением чувства отчужденности от традиционных «вечных» ценностей, от содержания духовно-практических чувств, выработанных в истории культуры. Актуальным становится переосмысление духовного развития человечества, прежде всего в аспекте становления проблемы человека как одной из наиболее значимых философских проблем (а по сути – является главной проблемой). Поэтому очень важно соответственно воспроизвести, опираясь на социально-философский дискурс, концептуальные подходы к анализу данной проблемы.

Итак, актуальность темы определяется прежде всего особенностями современного состояния культуры. Несмотря на то, что в ее пределах выстраиваются оригинальные толкования так называемых «вечных» философских проблем, тем не менее не потеряли своего значения и предыдущие наработки области социальной философии. Проблема человека традиционно составляла важную сферу философствования, в которой прежде всего осмысливались и формировались предпосылки развития сущностных сил человека, основы его ценностно-смыслового универсума, начала его личностного бытия.

Обращение к анализу социально-философского дискурса проблемы человека определило главную интенцию философского анализа – поиск основ индивидуальной свободы через сохранение универсальных ценностей. В миропорядке основное место принадлежит человеку, феномен которого

составляет большую тайну и загадку бытия. С учетом этих, важных для людей самых разных культур, чувств и ориентируясь на содержательный аспект разных философских традиций, исследование будет служить основанием преодоления кризисных состояний духовной жизни людей.

Итак, актуальность темы обусловлена также отсутствием целостного исследования касательно идейных истоков и духовно-культурных основ формирования проблемы человека.

Основная часть. Подходы к анализу концепций человека в связи с экзистенциальной (Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер, Г. Марсель, К. Ясперс, Н.Аббаньяно) и персоналистическо-интуитивистской (Э. Мунье, А. Бергсон) философией, прежде всего определяются работами, посвященным в целом духовно-культурным особенностям, направлениям философствования, идейным основам и специфике категориального устройства мыслительной культуры, которая сформировалась в данной традиции, поэтому значительное место занимает анализ работ А.Г. Мысливченко, Л.А. Шершенко, Т.А. Кузьминой, В.А. Карпушина, Р.М. Габитовой, Е.М. Коваленко, И.С. Вдовиной, А.Б. Зыковой, В.А. Подороги, Е.А. Зориной, Г.М. Тавризяна, З.М. Какабадзе, П.В. Корнеева, Б.Л. Губмана, Л.П. Буевой, И.Т. Фролова, В.В. Ляха, П.С. Гуревича, Л.Н. Верченова, В.И. Добренькова, П.П. Гайдено, Г.Д. Гачева, А.В. Гулыги, Ю.Н. Давыдова, К.Г. Исупова, Е.К. Соболевской, Н.Г. Филипенко, М.К. Мамардашвили, М.Ф. Лановского.

Разные аспекты проблемы человека в связи с религиозно-идеалистической философией, а также конкретные учения философов о проблеме человека в религиозной традиции исследуют Л.Н. Митрохин, М.В. Желнов, Ю.А. Кимелев, А.И. Абрамов, О.А. Богатова, И.В. Брылина, А.В. Водолагин, Н.С. Джежер, Р.Б. Жанбуршина, К.Г. Исупов, А.М. Косарев, Е.Н. Луценко, А.И. Новиков, Р.Г. Подольный, Т.В. Рябинина, В.Ш. Сабиров, Л.Н. Столович, А.М. Страхов, Л.А. Тарасова, Ф.Г. Овсиенко, Л.И. Писарев, О.С. Соина, С.А. Чурсанов и другие.

Взгляды мыслителей русской религиозной философии на природу и назначение человека тесно связаны с толкованием в рамках этой традиции содержания таких понятий, как «София», «Богочеловечество», «всеединство», «духовная телесность» и т.д., которые играют особенную роль в культуре «русского религиозно-философского ренессанса». Активно эти же проблемы освещаются в работах отечественных мыслителей – Н.К. Михайловского, П.А. Сорокина, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, З.П. Гиппиус, Л.П. Карсавин, Д.С. Мережковский, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, П.А. Флоренский и многих других. В этом аспекте берутся во внимание работы С.С. Аверинцева, А.А. Блока, З.П. Гиппиус, В.В. Зеньковского, Н.М. Зернова, В.И. Иванова, А.Ф. Лосева, Н.О. Лосского, Ю.М. Лотмана, И.Ф. Мейендорфа, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Трубецкого, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского, А.Д. Шмемана, В.Ф. Эрн.

Проблема человека разрабатывается и в психологической науке. Концепция гармоничности личности в отечественной психологии представлена, к примеру, именами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Л.И. Яфясовой.

Вопрос о сущности человека как субъекта общественных отношений начал фундаментально разрабатываться только в XIX веке. В этот период в трудах социальных философов появляются первые концепции взаимодействия общества и человека как активного субъекта общественных отношений. В той или иной мере эти проблемы ставятся в трудах М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма.

Проблема человека рассматривается на фоне философских интерпретаций темы в XX веке, среди которых отрабатываются следующие. Так, учение о человеке разрабатывается в рамках философской антропологии (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен), а также представлено с литературно-художественной точки зрения в работах Х. Ортеги-и-Гассета, Ж.-П. Сартра, А. Камю. В целом, в современной западной философии отражаются позитивистские, натуралистические, иррационалистические, экзистенциалистские, теологические, психоаналитические и другие концепции человека. Человек также может выступать как символическое существо (Э. Кассирер), а символ становится ключом к природе человека.

Согласно Э. Фромму, человек – это единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен разрешить. М. Шелер в работе «Положение человека в космосе» считает, что дать определение человеку невозможно [1]. В экзистенциальной и антропологической литературе утверждается латентная связь человека и бытия, наличествует диалогический нарратив. Проблематика человека наличествует как отображение личностного бытия через ответственность за Другого (Э. Левинас); перенесение центра своего бытия на Другого, утверждение доброжелательности как нормы отношений (Д. Гильдебранд), «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер); творческая космическая энергия (П.А. Сорокин), которая находится по иную сторону добра и зла, в «трансвитальном» измерении бытия (Г. Зиммель).

Существо антропологического поворота в религиозной философии выявляется в пересмотре концепции Бога и человека, стремлении вернуться к первоначальному христианству, возникает на стыке традиционной христианской догматики и новых социальных отношений в неотолизме (Ж. Маритен, Ю. Бохеньский), неопротестантской теологии (К. Барт, Р. Нибур), в работе Пьера Тейяра де Шардена «Феномен человека». В неотомистической концепции личности человек занимает промежуточное место между животным царством и миром «чистого духа». Наряду с телом у человека имеется «духовная душа», являющаяся сущностью человека как нематериальная субстанциальная форма. В неопротестантской концепции личности анализируется понятие греха как эгоизма человека, выдвигаются религиозные представления об избранности к спасению отдельных людей, а также личная вера противопоставляется внешнему

авторитету. На первом плане здесь – духовная свобода личности и индивидуализм. Познание Бога понимается как процесс возрастания личного убеждения человека.

В постмодернистской философии характерно выделяются антропологические позиции А. Адлера, Ж. Лакана, М. Фуко. Человек – существо, которому присуще стремление к свободе и личному успеху, к активной хозяйственной и общественной деятельности.

Однако, на наш взгляд, максимальную теоретическую разработку проблема человека в социальной философии получила в трудах К. Маркса (1818-1883) и Ф. Энгельса (1820-1895). В этом в том числе и заключается существеннейший момент новаторства философии марксизма.

Разработкой марксистской концепции человека в период с начала 60-х по конец 80-х годов XX века занимались, например, А.К. Можеева, Г.С. Батищев, И.Ф. Балакина, О.Г. Дробницкий [2]. При этом человек в данных работах подвергается также предмету и социально-философского анализа.

Необходимо отметить, что исторические формы представлений о природе и сущности человека, внешне столь несопоставимые и, казалось бы, полностью взаимно исключающие друг друга, в действительности «воплощают лишь начальную и „конечную” ступени развития понятия „человек”» [3, с. 44].

Человек не только продукт обстоятельств и воспитания, он и сам изменяет общественную среду и себя. Другими словами, в какой мере человек изменяет природу и социальную среду, приспособлявая их для себя, в такой мере меняется и сам человек. Признание общественного характера (социальной сущности) человека в марксизме не исключает, как уже отмечалось, индивидуального (личностного) измерения им человеческого бытия.

Взгляд на проблему человека сквозь призму проблемы объективного субъекта истории заключается в главном вопросе о том, кто или что, будучи подвержен изменениям и развитию во времени, обладает способностью не только существовать в истории, но и активно воспроизводить себя во всех своих изменениях на разных этапах общественно-исторического развития.

Необходимо отметить, что сущность марксистского взгляда на историю вовсе не состоит в признании того, что люди сами делают свою историю (концепт философов Просвещения). Конечно, в истории каждый преследует собственные, сознательно поставленные цели. Но общий итог или социальная сила этого множества действующих по различным направлениям стремлений – это и есть сама история, то есть нечто другое, к чему стремиться каждый человек, преследующий свои эгоистические интересы.

На наш взгляд, можно выделить несколько подходов в марксистской концепции человека, которые могут быть проблемными. Первый – это «личностный подход», в котором человек есть, прежде всего, личность с неповторимым внутренним миром, со своими ценностями, идеалами, с отношением к миру, к себе самому и к себе подобным. Без уважения к личности как таковой, без ее суверенитета, без приоритетности отдельного

человека, без терпимости к человеческим склонностям, дарованиям и «слабостям», нормального, гуманитарного общества построить невозможно.

С другой стороны, личностный подход определенным образом связан «деятельностным подходом». По мнению Э. Фромма, истинная цель Маркса состояла в освобождении человека от давления экономической нужды, с тем чтобы он мог развиваться как человек (сформировать себя как гармоничную личность) [5]. То есть главная забота Маркса – освободить человеческую личность, помочь человеку преодолеть утраченную гармонию с природой и другими людьми; то есть для того, чтобы он мог развиваться как гармоничная личность.

Наконец, соответственно, существует концепция гармоничного человека. Д. Лукач, Л. Альтюссер неправомерно провозгласили антигуманизм марксизма, в котором якобы не учитывается личностный аспект истории. С точки зрения марксистов, сущность человека определяется теми социальными условиями, в которых он находится. Человек таков, какова окружающая его общественная среда, понимаемая в широком плане как историческая эпоха, социальный строй, классовые и групповые интересы.

Итак, методологической основой марксистской теории о соотношении человека и общества является признание возможности сведения индивидуального к социальному. То есть бесконечно разнообразных действий отдельных личностей к действиям социальных общностей масс. Благодаря этому социальные философы смогли перейти от рассмотрения человека вообще к изучению человека как субъекта общественных отношений, отличающегося конкретно-историческим характером, правильно решить вопрос об основных исторических типах человеческой личности. Такой подход помогает понять особенности взаимоотношений общества и отдельного человека на современном этапе исторического развития.

На наш взгляд, в различных подходах к проблеме человека необходимо найти золотую середину в аспекте определения проблемы субъекта исторического процесса. С одной стороны, история – это деятельность преследующего свои интересы человека. Здесь главным выступает не сознательная деятельность человека, преследующего свои цели, и не среда в виде общественных отношений и форм, взятых каждый в своей отдельности, а только коллективный, общественно-организованный и общественно-разделенный труд. Мы стоим на позиции, что именно труд является подлинной субстанциальной основой и субъектом исторического развития.

Как справедливо вопрошает Т.Э. Рагозина, говоря, обладает ли человек свободой исторического творчества или навеки обречен быть «пешкой» исторического процесса. И при этом какая роль отведена человеку в системе взглядов исторического материализма? Мы солидарны с мнением, что все эти вопросы завязаны в один теоретический узел [3]. Это означает, что для исторического материализма тезис о том, что «люди сами делают свою историю» не является полноценно разрешающим проблему человека.

Выводы. Итак, самый сложный момент – признание наличия в истории некоего объективного субъекта. При этом важно иметь в виду, что труд понимался Марксом как процесс производства форм общественной связи и производство средств существования, то есть труд выступает как процесс, производящий само общество.

Таким образом, решение заключается в специфическом для исторического материализма понимании роли общественного разделения труда – формы организации общественного производства – как некоего «объективного субъекта», подчиняющего всеобщему закону своего движения все без исключения явления общественной жизни.

Сейчас человечество озадачено так называемыми глобальными проблемами, которые лежат в самых разных областях человеческого бытия. Важнейшим условием правильного понимания взаимосвязи целей и задач дальнейшего совершенствования всей совокупности общественных отношений с задачами развития личности и ее сущностных сил является активизация углубленного исследования сущности человека.

Л и т е р а т у р а

1. Проблема человека в западной философии: Переводы. / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с.
2. Проблема человека в современной философии / Ред. коллегия: И.Ф. Балакина, Б.Т. Григорьян, С.Ф. Одуев, Л.А. Шершенко. – М.: Наука, 1969. – 432 с.
3. Рагозина Т. Э. Человек как предмет философской рефлексии // Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-практической конференции 27-28 апреля 2021 года. / Отв. ред. Сулимов С.И. – Воронеж: Воронежский ЦНТИ, 2021. – С. 35-45.
4. Смирнов С. А. Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. – 2017. – № 2. – С. 23-35.
5. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – 430 с.

Mirgorodskiy A.A. THE ANALYSIS OF THE HUMAN PROBLEM IN MODERN SOCIO-PHILOSOPHICAL DISCOURSE

The paper considers the features and main approaches to the study of the human problem in modern socio-philosophical discourse. The relevance of the study of the human problem is substantiated, as well as the main approaches to the interpretation of the human personality as an element and object of the social system, including in the aspect of the problem of the subject of history, are considered.

Key words: *anthropology, personality, Marxism, society, the problem of man, the problem of the subject of history, freedom, man. love, morality, freedom, integrity.*

Миргородский Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского».

Mirgorodskiy Andrei Alexandrovich – Candidate of philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology SBI HE «Dzerzhinsky Academy of the Ministry of Internal Affairs DPR».

E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Рецензент: Сухина Игорь Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского».

УДК 130:3 : 125

Кобылкин Д.С.

РУССКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИКИ ВРЕМЕННОГО И СВЕРХВРЕМЕННОГО КАК КАТЕГОРИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

В статье представлен анализ диалектики категорий временного и сверхвременного в контексте ценностного аспекта русского мировоззрения на ментальном уровне. Исследуется значение категорий «небесной родины» (первородины) и «земной родины», страдания и зла, сознание вины (греха) и ответственности и т.д. – как неотъемлемого единства жизни, в которой противоположность укоренена как в общей почве. Указанная противоположность преодолевается через ту глубину бытия, которая объемлет ее в себе в антиномистическом единстве.

Ключевые слова: *временное, сверхвременное, «небесная родина», «земная родина», правда-справедливость, правда-истина, теогуманизм, страдание, теодицея.*

Анализируя значение русской ментальности, следует выделить ряд особенностей. Так, ведущим подходом в русском мировоззрении было развитие аксиологической идеи русской идеалистической философии. В данном подходе представление о человеке рассматривалось как *целостность*, включенная в более широкую систему связи предметного и трансцендентного бытия, или что то же в контексте категорий временного и сверхвременного. Важная особенность этого подхода заключалась в том, что получаемое знание являлось не только истинным, но и полезным, имело значимую ценность для познающего человека. Познавательное отношение «освещалось», «являло себя в свете» в единстве и взаимосвязи с ценностным отношением.

Тем самым необходимо проанализировать, что лежит в основе бытия человека как познающего субъекта. Говоря о познании, мы, вслед за русским философом С.Л. Франком, хотим представить субъекта как, с одной стороны, имеющего адекватное представление о картине мира, а с другой – обладающего целесообразностью и полезностью в отношении его развития.

Бытие познающего субъекта можно представить в двух измерениях: «В предметном бытии, первооснова которого нам раскрылась как безусловное бытие, и в реальности, дающей о «себе знать через самооткровение, как оно проявляется в нашем непосредственном самобытии и осуществляется в трансцендировании к «ты» и к духовному бытию» [8, с. 415]. Указанный дуализм в виде «внешнего» и «внутреннего» миров оказывается в своем основоположном существе формами обнаружения единого, непостижимого. Возникает вопрос: в каком отношении друг к другу они находятся. Ответ на этот довольно непростой вопрос связан с «самой судьбой человека» [8, с. 416].

Человек оказывается перед лицом двойственности, а именно, сознавая свое непосредственное самобытие в виде собственного «внутреннего» бытия, расширенного до связи «я-ты» и духовной жизни, с одной стороны, и сознавая себя вброшенным в чуждый ему предметный мир, искони полный трагизма этой двойственности и несогласованности, – с другой, ищет из него исхода.

Трагизм этого исхода заключается в том, что человек может не *осознавать* свое непосредственное самобытие в виде собственного «внутреннего» бытия и принимать предметное бытие внешней действительности за единственную реальность вообще. Это естественное мировосприятие человека, не искушенного горьким опытом безнадежной коллизии между указанными мирами, характерное большинству молодых людей либо людей, цивилизационно преуспевающих в жизни и внутренне удовлетворенных этими успехами, которые никогда не испытали достаточно остро и глубоко таких фактов, как превратность судьбы, утрата близких или неминуемо предстоящая собственная смерть.

Однако же в таком мировосприятии, сходным с «позитивизмом» или «эмпирическим реализмом», человек все же пытается как-то раствориться в предметном бытии, удобно «устроиться» в нем, окончательно и всецело «приспособиться» к нему. Такое мировосприятие относится к человеку, как замечал Ф. Ницше, которого *истина не интересует, но ему нужен комфорт*.

Следует отметить, что и противоположная установка, сходная с «субъективным идеализмом», когда человек воспринимает все бытие как содержание своего внутреннего мира, пытающаяся обойти трагическую коллизию двух миров, представляется чем-то вроде сновидения.

Однако обе эти установки бессильны перед столкновением этих двух миров, перед реальностью их трагической двойственности, властвующей над нашей жизнью. Тем самым «„мир” не есть ни естественная родина «души», ни ее «переживание» и что „бытие-в-мире” есть, напротив, тяжкая, горькая *судьба души*» [8, с. 417]. В сущности, мы оказываемся перед незыблемым фактом, что *притязание нашего самобытия на бесконечность и абсолютную значимость есть лишь сирота, одинокий изгнанник в предметном мире, который со всех сторон ему угрожает и его стесняет*. И тогда возникает вопрос как проблема всей человеческой мысли: возможно ли вообще здесь примирение? Есть ли

такая глубина бытия, в которой все же преодолевается этот дуализм и открывается для нас утешительное единство обоих миров?

Противоположность этих установок может быть отождествлена с такими установками, как «вера» и «неверие». Последняя представляет собой положительное утверждение, допускающее абсолютно непреодолимую пропасть между сферой нашей внутренней жизни и предметным миром, или «объективной действительностью». В то время как «вера», напротив, представляет собой положительное утверждение монизма бытия, т.е. убеждение, что эти два мира, несмотря на всю их противоположность, укоренены в общей почве, и путь к этому единству, «в котором наше внутреннее бытие находит свою родину, все же не заказан нам, а, напротив, может быть нами найден» [8, с. 418].

При такой онтологической позиции дуализм совмещается с монизмом, что, по точному определению Франка, может именоваться *антиномистическим монодуализмом*, т.е. усмотрение единства в глубине самой этой двойственности. Поэтому единство нашего сознания представляет собой уже единую реальность, вмещающую в себе оба мира, тем самым соответствуя единству самого безусловного бытия, той реальности, в которой укоренено всякое сознание.

Один из основоположных моментов связан с тем, что человеческая мысль «познавая» бытие, т.е. идеально обладая им, был бы немислим без допущения сущностного сродства между человеческой субъективностью и космической или предметной действительностью. В этом смысле первичный «свет», возгорающийся в познании, «освещает предметное бытие, как-то должен соответствовать самому существу бытия, – иначе он не мог бы освещать его» [8, с. 421]. «Свет» мысли происходит из самого бытия; и благодаря ему нам раскрывается разьединение бытия, что отображается в системе понятий нашего мышления, свидетельствуя о внутренней «приспособленности» нашей субъективности к структуре бытия, имея с ним некий общий корень. В этом аспекте основная роль заключается в раскрытии *познавательного отношения между субъектом и объектом* как двумя соотносительными моментами реальности, сопринадлежащими друг к другу и имеющими своим последним корнем общность момента рациональности.

Другой основоположный момент связан с усмотрением сущностного сродства нашего непосредственного самобытия в виде собственного «внутреннего» бытия с иррациональным элементом бытия в виде откровения «ты». Важно то, что «ты» открывается нам как нечто чуждое и враждебное, как основа для нас предметного бытия.

Эти два основоположных момента, обозначенные рациональностью и иррациональностью, находящиеся в неразрывном единстве, присущи обоим мирам. В этом смысле определять их в качестве абсолютного дуализма оказывается теоретически несостоятельной идеей. Тогда двойственность, в

силу которой обе эти половины остаются все же частями некоего целого, представляет двуединство.

Последнее по отношению к нашему непосредственному самобытию не должно выступать для нас тем всеединством, которое растворит в себе нашу «самость», с чем мы сталкиваемся в восточном, индусском решении: заменить нашу «самость» тем, что есть «все и ничто». Не этого всеединства мы ищем, но того, которое нам непосредственно открывается в опыте как указание, намек на реальность того, подлинно удовлетворяющего нас внутреннего единства между «внутренним» и «внешним» миром, в котором сохранена вся невыразимая, но неотчуждаемо первичная ценность для нас нашего собственного внутреннего самобытия.

Прежде всего такое указание, намек мы имеем в лице красоты, прекрасного как эстетически воспринимаемого, некоего сплошного, проникнутого внутренним единством целого. Многообразие же целого само по себе не имеет такой значительности, как в контексте интегрального, неразрывного целого. Подлинное искусство способно более всего передать нам образ этого целого, что позволяет в наглядной непосредственности реальности «дать нам ощутить новизну, значительность – *красоту* – даже самого будничного, прозаического, привычного и знакомого» [8, с. 425].

Характер этой целостности, проявляющийся о всепронизывающем единстве «прекрасного», сближающий прекрасное с органическим единством, «усиливается и становится особенно явственным, когда он выражается во внутренней согласованности и соразмерности отдельных составных частей единства, когда единство испытывается как некая *гармония*» (там же). Важно здесь то, что этот элемент гармонии придает прекрасному некую внутреннюю законченность и внутреннюю абсолютную ценность вследствие самодовления на нашу внутреннюю жизнь. И, наоборот, прекрасное как бы изымается из предметного мира, в котором нет самодовлеющей части, нет ничего законченного в себе, а все есть фрагмент, черпающий свою полноту из своей связи со всем другим, из своей зависимости от другого; и тем самым предметный мир характеризуется частичностью, неполнотой, незавершенностью, несовершенством, что присуще всему частному в составе предметного мира.

Мы должны признать, что все испытываемое как прекрасное не является лишь грубым фактом, который по сути не дает нам ничего, кроме себя самого, и, непросветленный никакой внутренней понятностью и осмысленностью, требует от нас своего признания. Особую роль здесь, по нашему мнению, занимает *метафорическое мышление*, «мышление по аналогии» в умственном выражении эстетического опыта. Традиционно мы определяем метафору как «перенесение имени из одного объекта на другой», – что обнаружено еще у Аристотеля [3, с. 31]. Сама возможность употребления слов в переносном смысле связана с тем, что они в своем первоначальном смысле означают что-то наглядно-пространственное, и в психологическом смысле предполагают какое-

то глубокое реальное сходство или сродство между «внешним» и «внутренним» бытием. И именно образный язык точнее в данном контексте передает существо дела, тогда как язык отвлеченных понятий остается зависимым к поверхностной видимости вещей. Однако важным является не только средство, но и интенциональность, т.е. для чего перенесение осуществляется, что является последней целью? Вследствие этого сам факт «„красоты” или «эстетического опыта» неопровержимо свидетельствует о глубоком *внутреннем средстве в самой структуре* объектов „внешнего” и „внутреннего” опыта, о некоем единстве между внешним предметным бытием и внутренним „самобытием”» [8, с. 431].

Отметим, что в описательном анализе эстетического опыта адекватно то, что не человек «вкладывает» что-то свое в реальность, навязывая что-то ей чуждое, а, напротив, реальность навязывает ему свой собственный состав описанного характера, «заражая» им. В ином виде, полумиллюзорном, представлено в позитивизме и материализме, когда пытаются представить, что человек берет из себя самого свои чувства, вкладывает их в объект, чтобы затем иметь их «данными» в самом объекте.

Тем самым то, что в нашем эстетическом опыте реальность навязывает нам, мы не стремимся доказать, что в сущности и невозможно, но в вышеизложенном смысле, говоря о значении метафорического, образного языка, мы единственно можем лишь *показать*, содействуя бытийственному подъему «души» к «Богу». А для самой души – это то, что дает ей уверенность, что эта *родина достаточно могущественна, чтобы всегда отразить ей враждебные, угрожающие силы*.

Человек имеет опыт духовной реальности прежде всего в форме своей духовной жизни. Важно, что в этом опыте содержится сознание его причастности к превышающим его духовным реальностям (его служения «Истине», «Добру», «Красоте», «Богу» как следования призыву высших сил).

Ведь общественный идеал для человека требует оправдания не только в его верности как такового, но чтобы он был осуществимым. Для него знание идеала не может ограничиваться знанием лишь внутреннего содержания, но должно распространяться на отношение идеала к реальным силам. Поэтому нравственное сознание человека должно опираться на ту конкретную точку бытия, в которой идеальное соприкасается с реальным, становясь реальной действующей силой.

В этом смысле феномен добра «не есть бесплотный и бессильный, сияющий лишь на небесах завет – добро, при всей своей идеальности, есть реальная сила, действующая в нравственной воле человека и вместе с тем борющаяся с иными, враждебными ему силами человеческой воли» [7, с. 25].

По справедливому замечанию Франка, «достаточно одного внутреннего сдвига души, ... ее самораскрытия, чтобы то, что казалось нам темной бездной, чуждость и неосмысленность которой нас страшила, обнаружилось как исконная родина и твердая почва нашей души, как *тот самый свет*

внутренней правды, которого мы ищем вне нас силою его же самого в нас» [8, с. 447].

Сегодня, когда мы пожинаем горькие плоды бездуховности, особенно важным представляется выяснение оснований человеческого бытия. Мир, понимаемый в логике цивилизации, оказывается перманентно в состоянии трагического разлада и расколотости. Как справедливо указывает В.Д. Исаев, «на почве прагматизма и утилитаризма, нацеленности на себя, полезности развивается главный алгоритм в поведении человека цивилизации. Этот алгоритм носит название: ЭГОИЗМ. На нем и строится фундамент современного мира. Так что с ценностями в пространстве цивилизации происходит жесткая метаморфоза: ценностью становится нечто прямо противоположное тем системам ценностей, которые обычно изучает аксиология» [2, с. 52].

Мечта о преображении мира – есть мечта о торжестве красоты в нем. Однако нереализованность ее в чистом виде заключается в горькой реальности внутренней несогласованности, расколотости бытия. Поэтому красота есть только отблеск «рая», божественного всеединства. Этот отблеск чарует нас в нашем грешном, падшем, раздираемом внутренним противоборством «земном» бытии и дает утешающий намек на возможность совсем иного бытия.

Для нас важно показать, что сознание моей внутренней связи превосходящей меня реальности в ее вечности и абсолютности не обеспечивает моего бытия, поскольку мы имеем дело с той реальностью, которая имеет облик бездны, что может поглотить нас. На этом основании даже можно вывести и «панический» страх смерти – страх собственного небытия, страх бесследного исчезновения в бездне безличного бытия. Но если этому жизнечувствию противопоставить более глубокое, проникающее во внутрь жизнечувствие моего внутреннего сродства с реальностью, то облик «бездны» сменяется ощущением твердой почвы. Внимание здесь сфокусировано не столько на том, будет ли человек «продолжать существовать» после своей телесной смерти, сколько на том, обладает ли он «уже сейчас подлинной реальностью, подлинно ли я *есмь*, или я обладаю лишь призрачным, неподлинным бытием. Из того, что мое «есмь» обретает прочность – и даже обретает подлинное свое существо и бытие – лишь в двуединстве с Божьим «еси» и что это двуединство, интимность этой связи в известной мере зависит от меня самого, от моего собственного духовного напряжения, – следует, что этому моему истинному и вечному бытию всегда все же угрожает возможность соскользнуть в низины отрешенного призрачного бытия – бытия, которое само есть умирание и гибель, – именно поскольку мое бытие как «я-с-Богом» всегда может снова регрессировать к призрачному, не-сущему бытию «я-без-Бога». Но ... даже если я покидаю Бога, он не покидает меня, т.е. даже *мое бытие без Бога* остается бытием *Бога со мной*» [8, с. 475].

Но известно, что бытие «я», которое представляет собой форму «есмь», неосуществимо без выхождения за свои собственные пределы, т.е. без

имманентной связи с тем, что зовется «ты». *Данное отношение более полно обнаруживается – как отношение любви.* Здесь необходимо уточнить, что «всякое истинное, ... подлинное ощущение своей *внутренней родины* или родной почвы в „мы” уже *само по себе религиозно* ... На этом основана *сущностно-онтологическая* неразрывная связь между «любовью к Богу» и «любовью к ближнему», причем первое из этих отношений есть *онтологическая первооснова* второго, а второе есть ближайший *психологический показатель* и образ проявления первого. «Всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога (1Иоан. 4, 7, 8)» [8, с. 471].

Получается, что самораскрытие непосредственного самобытия человека во-внутрь, вглубь, в направлении первоначала, т.е. откровения Бога как «ты» – есть онтологическое первоусловие моего самораскрытия в направлении человеческого или вообще «тварного» «ты». С этой позиции сама форма бытия «мы» может рассматриваться в качестве единства субъективности и объективности, предполагая единство бытия и ценности.

Здесь мы сталкиваемся с двойственностью в рассмотрении вопроса бытия «мы». С одной стороны, с его внешним проявлением, рациональной общностью, и окружающую его живую исконную глубину бытия «мы», чтобы охранить и укрепить свою внутреннюю действенность и значимость – с другой. Между ними существует нераздельная связь, хотя внутреннее существо и внешний облик и находятся в состоянии имманентного противоборства. С позиции социальной философии русского мировоззрения данное рассмотрение бытия «мы» как теории общества представляет как бы ее оболочку и ядро. Последнее заключает в себе такие характерные черты, как целостное, соборное, которое подобно духовному организму с центром в форме сознания подлинного «мы». Первое же заключает в себе более видимую периферию общественной жизни, которая носит скорее механический характер. Подлинно и адекватно своему предмету социальная философия, по нашему мнению, может быть построена лишь на осознании, что сфера «общественности» (механический аспект общества) основывается на глубинной сфере «соборности» («духовной основы общества»).

Гуманистическая этика общества, поскольку она утверждает достоинство и самоценность личности в отрыве от целого высшего порядка, может стать обществом в виде суммы индивидов, что является опасным заблуждением. Тем самым в целостном социальном единстве «мы» заключается непосредственное отражение всеединства в социальной жизни. Так, деспотизм и анархия есть – крайние формы извращения социальной жизни в форме бытия «мы». В этом смысле «*соборность*» – *основа «общественности», «небесная родина*» – *основа «земной родины», религия и церковь – основа всякой социальной жизни.*

Такой подход «теогуманистической» этики или «теогуманизма» распространен в русской культуре и русской религиозной философии.

Наиболее отчетливо этот мотив религиозного восприятия выражен в стихотворении А.С. Пушкина «Два чувства дивно близки нам»:

«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека, –
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была без них мертва;
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества» [4, с. 597].

Особый интерес представляет та философская точность, с которой здесь изображена связь духовного индивидуализма с духовной соборностью: «любовь к родному пепелищу» органически связана с любовью к «отеческим гробам», с животворящей святыней. Их единство представляет фундамент того, о чем мы говорили выше, что живой источник для «земной родины» черпаем в «небесной родине» – как основы для личной независимости человека, для его «самостояния», как единственного «залога его величия».

Говоря о взаимодействии «двух родин», мы говорим о формировании культуры данного народа и его культурного развития. Так, Пушкиным был поставлен риторический вопрос: если культура московского государства, в которой славянофилы видели адекватное выражение национального русского духа, выросла на почве, оплодотворенной влиянием Византии, то отчего же культура петербургской эпохи заранее объявляется чуждой и враждебной национальному своеобразию только потому, что она оплодотворена западным влиянием? В одном из писем к Чаадаеву Пушкин отвечает на него: «Мы восприняли от греков евангелие и традиции, а не дух ребячества и споров. Нравы Византии никогда не были нравами Киева» [6, с. 281]. Общеизвестно, что без взаимодействия между народами невозможно их культурное развитие, но это, однако, не означает, что такое взаимодействие уничтожает его исконное своеобразие, как своеобразие личности не уничтожается ее общением с другими людьми.

Пушкин ставит вопрос о «народности» (или «самобытности»), означающей своеобразие *духовного склада народа*. В этом усматриваются суть и ядро народа. Взаимодействие как личности с другим, о чем говорил Франк, что «впервые обретенным истинным бытием „я” – именно бытием, обогащенным через обладание „ты”» [8, с. 496], так и народа с другим, таким же как они сами, приводит к обогащению, с той лишь оговоркой, что как в личности сохраняется «своеобразие моего существа» [8, с. 493], так в народе –

своя идентичность: «Нам целый мир чужбина; Отечество нам Царское Село» [5, с. 102].

В этом случае философское значение данной мысли может заключаться в том, что *чем глубже, тем шире*. Тем самым лишь «в последней, уединенной глубине человеческого духа, питаемой традицией, впечатлениями родного дома и родной страны, человек, соприкасаясь с последней „несмертной“ таинственной, божественной глубиной бытия, тем самым обретает свободу, простор для *сочувственного восприятия всего общечеловеческого*» (выделено нами – авт.) [7, с. 283].

В этом же контексте философская мысль отражена у Ф.М. Достоевского, которого по праву считают учителем жизни. Ключевым является объединение его веры в Бога и в Россию. Никто острее не видел несовершенство мира. Согласно Достоевскому, никакая чаемая будущая гармония не может искупить ни одной загубленной человеческой жизни. И все же он не проповедует отвращения от злого мира, но, наоборот, любви к миру, той, которая устремлена «преобразить ад земной жизни в рай». Это суждение более выражает направленность, нежели достижение конкретной цели. «Надо уметь со слезами умиления целовать землю, эту родную «мать сыру землю» и всем существом ощущать ее божественность» [6, с. 355]. Вера Достоевского в Россию и русский народ есть вера, любовным проникновением в тайники национального духа преодолевающая пессимистические итоги всех эмпирических наблюдений. «Вера в русский народ, как и вера в человека вообще, есть у Достоевского вера в *воскресение, в нравственное возрождение падшего, греховного существа*. Эта вера неуязвима, ибо даруется *любовью*, как силой, открывающей глаза на *метафизические глубины* индивидуального или коллективного человека» [6, с. 356].

Проявление религиозного гуманизма отражено и в творчестве, наполненном трагическим религиозным стремлением, какое мы замечаем у Н.В. Гоголя. Желание добра и спасения, в стремлении русского духа к последней полноте, ко вселенскому духовному совершенству становится характерным для установки Гоголя, художественное творчество которого оценивается и рассматривается с точки зрения «пользы» для Родины и мира. Гоголь первым выразил религиозную установку русского духа на искусство. Последнее, согласно Гоголю, «всегда является или должно быть больше чем „чистое искусство“, а именно – функцией или орудием стремления к святости. В «Авторской исповеди», как в своем стремлении к истинному художественному постижению различных человеческих типов, он постепенно пришел к поискам сущности души человека и отсюда – к Христу, как единственно подлинному знатоку человеческой души. Он первым заметил пророческую черту подлинно русского искусства, глубочайшая сущность которого заключается в стремлении к Богу» [6, с. 307]. Он резко отвергал распространенное в то время требование реформировать церковь как безжизненную. Гоголь считал, что это ложь, поскольку этот вывод сделан по

определенным людям некой местности, а не по самой Церкви. «Жизнь нашей мы должны защищать нашу Церковь, которая вся есть жизнь; благоуханием душ наших должны мы возвестить ее истину» [6, с. 308]. Им выдвинут был идеал, который после него и по нынешнее время оказывает действие в религиозно настроенных русских душах: это идеал *«оцерковления жизни»*.

В своих произведениях он представляет целую галерею типов тщеславных, корыстных и лживых людей, негодяев под маской порядочных обывателей. Название его главного произведения «Мертвые души», в прямом смысле обозначающее умерших крепостных, которыми торгует проходимец Чичиков, выдавая их за живых, в то время имеет символический смысл. Повсюду в мире Гоголь видит мертвые, духовно опустошенные души, внутренне уничтоженные злом. Именно поэтому зло, которое является, по Гоголю, принципом небытия, лжи и иллюзии, воплощается в низменности повседневного-пошлого и мещанстве. «Я все называю своими именами, – сказал он однажды, – черта я зову чертом и знаю, что он разгуливает по свету в сюртуке» [6, с. 306].

Большое различие между Гоголем и славянофилами было в том, что последние, идеализируя народные традиции русской жизни, оптимистически видели в них совершенно адекватное выражение русской религиозной веры, тогда как он, напротив, с раздраженной резкостью отмечал противоречие между фактическим образом жизни и христианской верой и поэтому призывал к религиозному обновлению.

К тому же пониманию пришел и другой русский писатель. Социалистически и радикально настроенный А.И. Герцен – атеист и ничего не хочет знать о христианстве; но его диагноз и его прогноз относительно европейского человечества в существенном совпадают с гоголевским. Близкое знакомство с образованным европейским обывателем и опыт революции 1848 года открыли ему глаза на неистинность, духовную ограниченность и лживость гуманистической веры в прогресс. Сам перед собой и перед своими друзьями-единомышленниками он поставил уничтожающий для этой веры вопрос: «Отчего верить в Бога смешно, а верить в человечество не смешно; верить в царство небесное – глупо, а верить в земные утопии – умно?» [6, с. 310].

Гоголь выступает первым представителем той «существенной черты русской литературы, которая, постоянно требует последней, настоящей, безобманной истины и поэтому идет от эмпирического реализма к реализму религиозно-метафизическому» [6, с. 311]. Он как основатель художественного реализма в России одновременно замечательным образом является первым представителем глубокого и трагического религиозного стремления, которым проникнута русская литература.

Продолжая выяснение диалектики временного и сверхвременного в русском мировоззрении как проявление теогуманизма, обратим внимание и на русскую философию, а именно, к С.Б. Струве. Его творчество уходит своими корнями в глубочайшую, подчас тайную, цель его мышления – «всегда искание

практической *правды* – правды социально-политической, этической и отчасти даже (в последнее время) религиозной» [6, с. 481]. Жажда «*правды-справедливости*», выражаясь терминологией Н.К. Михайловского, потребность найти удовлетворяющие ответы на гнетущие вопросы, составляют исконную особенность русской мысли [6, с. 712]. Но стремление к «правде-справедливости» редко гармонически уживается со стремлением к «*правде-истине*». Как замечал еще П.Я. Чаадаев, «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть нечто еще более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, воспитывает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не чрез родину, а чрез истину ведет путь на небо» [10, с. 523]. Нравственный субъективный импульс часто вмешивается в самый ход объективной действительности, отклоняя его от единственной цели – «правды-истины» и придавая мысли неподобающую ей по самому ее существу субъективную окраску. Об этом с предельной четкостью сформулировал основной принцип своего мировоззрения Пушкин и выразил в заключительных словах своей оценки А.Н. Радищева: «Нет убедительности в поношениях: и нет истины, где нет любви» [6, с. 276]. Вся драма духовного пути России, или, выражаясь в терминологии ученых XX в., русской ментальности, этот завет Пушкина был забыт и отвергнут.

Мир сам в себе, в своем существе, с одной стороны, обоснован, не есть «*causa sui*» и, с другой – имеет свое идеальное основание в «сверхмирном», в Боге. Бог, в качестве «первооснования, в качестве единства бытия и ценности, есть живая, целостная правда, так что „творение” им мира, вызывание мира к бытию совпадает с обоснованием, дарованием ценности, осмыслением» [8, с. 519].

В связи с этим мир имеет абсолютное «начало» – которое не есть он сам, а что есть нечто «абсолютно иное». Как душа не отождествлена телу, но представляют собой единое человеческое бытие, так и предметный мир или объективная действительность не отождествлены реальности, но представляют собой реальность целокупного бытия.

В этой двойственности смысла русского слова «*правда*», как правды-истины и правды-справедливости, отражено единство двух установок: с одной стороны, мир в своей последней глубине есть образ Божьей правды, что делает нас сопричастными ей и, с другой – подлинная Божья правда пронизывает и объемлет мир, иное же ей противоречит. Обличение и борьба со злом столь же законны и необходимы в человеческой жизни, как приятие Божественного существа и смысла мира. Для оценки благотворного значения пушкинской духовной установки, а вместе с ней и многих русских мыслителей, достаточно одного: *признания, что она есть необходимое условие*. «Где борьба со злом не укоренена в приятии Божественного религиозного корня, там негодование,

не просветленное любовью, превращается в чистую злобу и ненависть, пророческое обличение становится сатанинским бунтом против мира и – в пределе – против его Творца, и совершается таинственное и жуткое, как бы химическое превращение первоначального добра в чистое зло, в бессильную и в своем бессилии тем более жестокую потугу разрушения мира» [6, с. 277]. Все предположения о всемогуществе зла и его победы над добром, сколько бы ни заключали в себе об этом факты действительности, содержат очевидное внутреннее противоречие – если бы разрушительной силе зла не была поставлена абсолютно неприступная преграда, все давным-давно было бы разрушено и *некому было бы жаловаться на зло*.

Вернемся к рассматриваемой нами выше мировоззренческой позиции Струве. Его сознание родины как высшей ценности и служение ей – воспринималось им не только на благо земных нужд в плане эмпирической действительности, но самой ее духовной реальности как некоего соборного лица. В мировоззренческой позиции Струве *служение ценностям родины связано со служением ценностям «небесной родины», в смысле правде-истине*, о чем указано выше. Однако это не означало, что его действительно нравственной натуре был присущ тип пиэтистического, отстраняющегося от жизни благочестия, практически связанный с равнодушием к добру и злу, к земной неправде. Это связано с одной из двух ограничивающих установок [9, с. 98].

Важным, на наш взгляд, является тот тезис, что ценности «земной родины» должны быть укоренены в ценностях «небесной родины», где внутренняя, душевная жизнь человека находит, в ее глубочайшем уповании, *первородину*. Тем самым в этом контексте в имманентном мире можно говорить об отблеске той первореальности, которая наделяет мир всеединством. Последнее привлекает наше внимание, поскольку имманентный мир как таковой «полон зла, – более того, сам берет сторону зла в его борьбе с добром и тем обеспечивает победу зла над добром» [8, с. 519]. Важно здесь обратить внимание на основание в лице всеединства и выделяющегося из него единично-сущего. Когда частное, единично-сущее через собственное абсолютизирование, которое конституирует его существо, полагает себя как замкнутое в себе сущее, оно становится для себя мнимым Абсолютом, неким псевдо-божеством. В этом и состоит извращение, образующее сущность зла как сущего не-бытия. Проблема зла, присущая имманентному миру, ставит задачу как примирить реальность всеединства в лице «Божества» с мировым злом?

Зло всегда связано со страданием. Однако как это связано с Богом как всеобъединяющим и всепроникающим всеединством, как всемогущим и всеблагим? Прежде всего заметим, что «как Бог не «всемогущ» на манер какого-нибудь деспота, мечом и тюрьмами расправляющегося со своими непокорными подданными, так он и не «всеблаг» на манер благодушного дедушки, дряблой рукой ласкающего внучков и кормящего их сладостями. Всеблагой Бог-Отец есть, конечно, и Бог, внушающий нам некий невыразимый трепет» [8, с. 545]. Отсюда невозможность логического согласования,

поскольку Бог имеет трансрациональную основу сущности, но в то же время остается всеединством, всеобъемлющей полнотой реальности в смысле антиномического монодуализма, о чем выше было сказано.

Происхождение зла заключено в сознании моей вины, в самом опыте виновности. Поэтому смысл вопроса о происхождении зла связан с ответственностью. Сознание виновности не отождествлено простому констатированию факта совершения чего-то *недолжного*. Вина в этом контексте, пережитая в опыте, равнозначна греху. Вина есть искажение, перверсия моего «истинного, основанного в Боге, свободного бытия и существа в хаотически-бунтовщическую псевдо-свободу, в которой я становлюсь носителем не-бытия» [8, с. 547], того, что не имеет «основания», реальности, выпавшей из самого бытия, характеризующейся ущербностью, в этом и *состоит сущность зла*.

Из существа вины вытекает, что она может быть испытана лишь во мне самом, т.е. я с очевидностью узнаю, что вина есть грех. Путь погашения или преодоления зла, в его относительном, а не абсолютном смысле, – есть сознание вины. Последствие зла – распад всеединства на отдельные противоборствующие части, ведущий к факту страдания, свидетельствующий о некоей роковой бессмысленности мирового бытия, что не может не смущать мысли здравомыслящего человека. Если бы факт страдания не имел никакого смысла и оправдания, то все бытие оставалось бы бессмысленным, несмотря на самоочевидность его божественной первоосновы.

Страдание, в отличие от морального зла, допускающее по крайней мере возможность искать его смысл, не является призраком, т.е. реальностью как обманом, в отличие от страдания – подлинной, хоть и тягостной реальности. Страдание является родом реальности, в котором *сознается его не-должность* и содержит в себе *стремление преодолеть себя через духовное претерпевание*. Тогда страдание воспринимается не как бессмысленное зло, а напротив, как «исцеление от зла и бедствий, как желанный Богу ... возвратный *путь на родину*» (выделено нами – авт.) [8, с. 551], т.е. путь к совершенству реальности.

Важно то, что без принятия этой закономерности духовной жизни – что вне страдания и его преодоления нет совершенства как прочного фундамента реальности, – в качестве реальности мы получаем бессмысленную и бесперспективную антагонию – превращение первоначального добра в чистое зло, о чем выше.

Внутренняя духовно-интеллектуальная борьба с самим собой через *самоопределение*, самоограничение и самопожертвование, в том смысле, что человек предстает той «точкой», «через которую проходит связь мира с Богом» [8, с. 542], и что он избирает, за то и несет ответственность. Это есть то закладывание фундамента в развитии личности, которое является определяющим в выборе норм и принципов морали, духовно-нравственных ценностей, формировании его воли и системы взглядов.

Выводы. Однако проблема зла – проблема теодицеи, не является решенной. Это связано с тем, что одновременно с подлинной (Божией) правдой сохраняет свою силу низшая, подчиненная (человеческая) правда. Даже преодоление «неосмысленной», эмпирической фактичности с ее проблематикой зла с точки зрения перспективы самого Бога не исчерпывает без остатка, не делает тьму исчезающей пред светом, но имеет силу только в «антиномистическом единстве с противоположной, человечески-земной перспективой, для которой непонятный факт „грехопадения“, отпадения творения от Бога остается неустранимой горькой реальностью» [8, с. 555]. Лишь в этом единстве целокупного бытия мы можем говорить об единственном выходе из проблемы теодицеи. Эта связь с точки зрения перспективы Бога как всеобъемлющей, абсолютной любви, в которой душа не замкнута в самой себе и страдание есть адская мука, но в сотворчестве представляет тяжкий подъем к «небесной» правде, в этом смысле, как замечает А. Шопенгауэр, страдание есть любовь, плод которой – торжество подлинной реальности.

Говоря о русском мировоззрении как источнике русской ментальности без соотнесенности с открывавшейся нам в онтологической позиции абсолютной реальности, обладавшей высшей ценностью и смыслом, как основополагающей и осмысляющей нашу жизнь сознание, так жизнь становится бессмысленным, слепым прозябанием.

В этом контексте, когда речь идет о русском мировоззрении, то на ментальном уровне ценности сложнее девальвировать, если они укоренены в почве не «земной» временности, а в вечности, сверхвременного. При этом ценности «земной родины» не подменяются, но укрепляются высшими ценностями, обретая устойчивый и подлинный характер своего бытия. Обратная же сторона этого вопроса, когда гуманистическая этика утверждает достоинство и самоценность личности, – она становится опасным заблуждением, поскольку профанирует ценности «небесной родины» человека и утверждает ценность человека в его отрыве от Царства Божия. При таком развитии сценария, господстве самоценности личности ценности «земной родины» становятся более уязвимыми, а ее защитники все более соблазняются теми приемами и методами, которыми против них ведут их враги, в виде «ментальной войны». Примером такой антитезы представляют два героя из романа «Вечный зов» А. Иванова – П. Назаров и П. Полипов. Первый всю жизнь посвятил бескорыстному служению и любви к «ближнему». На склоне своих лет он просит прощения «перед жизнью» за то, что возможно чего-то не сделал, но должен был: «...он припал к земле. ... „Прости ... меня, матушка... Может ... и мало чего я сделал для тебя, да сколько сил было...”» [1, с. 611]. То есть в основу положено служение высшим ценностям, что, как выше было указано, считается само по себе религиозно. А второй – оказался карьеристом, шкурником и лежкоммунистом (т.е. против официальной идеологии, помогая

ее разлагать), который также без сомнения проводил дискредитацию и губил наиболее ярких борцов за идею [1, с. 412-413].

Тем самым представленные типы двух героев есть определенным образом указанная противоположность, в которой, с одной стороны, мы видим тенденцию в обществе к господству самоценности личности, т.е. «общественности», механическому аспекту общества, совокупности его элементов многих «я», которое существенно легче сделать несогласованным, расколотым, внутренне противоречивым, и, с другой – тенденцию к соборности, целостности ядра общества, единству в виде духовного организма «мы», которое, по словам героя А. Лахновского из романа А. Иванова, «не сломить... Войны обычно ослабляли любой народ, потому что, помимо физического истребления значительной части народа, вырывали его духовные корни, растаптывали и уничтожали самые главные основы его нравственности. Сжигая книги, уничтожая памятники истории, устраивая конюшни в музеях и храмах... Но слишком он ... какой-то особый и непонятный... *И в результате войны он не слабеет, а становится сильнее* [1, с. 414].

Задача философии – показать и разъяснить особенности целостного восприятия бытия, в единстве обыденного (прагматичного, цивилизационного) и духовного (нравственного, культурного), вне которого происходят разного рода искажения, увядание от подлинного развития личности и ее сосуществования в обществе.

Л и т е р а т у р а

1. Иванов А.С. Вечный зов: Роман в двух книгах. Кн. вторая. – М.: Правда, 1987. – 720 с.

2. Исаев В.Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры. – Луганск: Світлиця, 2003. – 188 с.

3. Кобылкин Д.С., Исаев В.Д. Мост над бездной: метафора и религиозная культура: монография / Кобылкин Д.С., Исаев В.Д. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2021. – 224 с.

4. Пушкин А.С. Сочинения и письма в 8 т. / Под ред. П.О. Морозова. – СПб.: Т-во «Просвѣщеніе», 1903. – Т. 2. Мелкие стихотворения (1825-1836). – СПб., 1903. – С. 597.

5. Пушкин А.С. Собрание соч. в 10 т. / Под общей редакцией: Д.Д. Благого и др. – Т. 2. Стихотворения 1823-1836. – М.: Государственное издательство ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, 1959. – С. 102.

6. Русское мировоззрение : [Сборник] / С.Л. Франк; [Вступ. ст. А.А. Ермичева, с. 5-36]. – СПб. : Наука : С.-Петербур. изд. фирма, 1996. – 736 с.

7. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с. (Мыслители XX в.).

8. Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. – М.: изд-во «Правда», 1990. – С. 183-559.

9. Франк С.Л. Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия / Семен Франк. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 382 с. – (Философия. Психология).

10. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. АН СССР Институт философии. – Том I. – М.: Издательство «Наука», 1991. – 800 с. Серия: «Памятники философской мысли».

Kobylkin D.S. RUSSIAN WORLD VIEW IN THE CONTEXT OF THE DIALECTICS OF TEMPORARY AND SUPER-TEMPORARY AS CATEGORIES OF SOCIO-CULTURAL ANALYSIS

The article presents an analysis of the dialectics of the categories of the temporal and the supertemporal in the context of the value aspect of the Russian worldview at the mental level. The meaning of the categories of "heavenly homeland" (original homeland) and "earthly homeland", suffering and evil, consciousness of guilt (sin) and responsibility, etc. – as an inalienable unity of life, in which the opposite is rooted as in a common soil is explored. This opposition is overcome through that depth of being which embraces it in itself in antinomian unity.

Key words: *temporal, supratemporal, "heavenly homeland", "earthly homeland", truth-justice, truth-true, theohumanism, suffering, theodicy.*

Кобылкин Дмитрий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Kobylkin Dmitriy Sergeevich – Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: dmitriy3003@mail.ru

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

ФИЛОСОФСКИЙ ДОСУГ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ МЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается специфика понятия «ментальная война», условия формирования ориентира, с помощью которого человек соотносит свои мысли и действия с действительностью; раскрывается сущность понятия «досуг» – время, когда мы посвящаем себя духовному развитию, и возможность с его помощью восстановить моральные силы, укрепить волю, войти в стабилизирующее состояние атараксии, которое способствует оптимальному взаимодействию с окружающей средой и решению экзистенциальных проблем.

Ключевые слова: *otium, negotium, schōlē, атараксия, досуг, ментальная война.*

Наша реальность последних лет – перманентные потрясения, постоянные глобальные кризисы, теперь ещё и война. В современном военно-политическом дискурсе как отдельное явление выделился новый тип войны, направленный на уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной основы общества противника.

Полковник запаса, доктор военных наук И.Н. Караваев отмечает, что сущность войны – это продолжение политики насильственными средствами, иными словами, она определяется как признак слабой политики или даже её отсутствие, а основная цель военных действий, как правило, заключается в овладении властью или в её расширении [1, с. 36]; сейчас вполне справедливо говорить о новой парадигме войны, в соответствии с которой вооружённая борьба используется только как исключительное средство для достижения поставленных политических целей [1, с. 37]. Для определения войны, имеющей подобный характер, всё чаще употребляется понятие «ментальная война», представляющая собой один из видов информационного, психологического и других типов межгосударственного противоборства, не предусматривающих первоочередного применения вооружённых сил для достижения победы над противником [1, с. 37]. Теоретико-методологические основы концепции ментальной войны составляют социально-философские, психологические, социальные, политологические и другие теории («окна Овертона» и т. п.), теорию национальной безопасности, стратегию национальной безопасности, военную науку, законы войны (хода и исхода войны, раскрывающие их зависимость от экономического, политического, социального, научного, военного потенциалов государства), законы вооружённой борьбы и др. [1, с. 37]. Под ментальной войной понимается применение противником системы способов и средств воздействия, направленных на поражение общественного сознания (ментальности, идентичности, исторических традиций, ценностей и

др.) противостоящей стороны, как в мирное время, так и в условиях военного конфликта [1, с. 37, 39]. Наиболее важное значение в современной войне имеет тенденция трансформации вооруженной борьбы любого масштаба в политико-информационное, информационно-вооруженное и другие виды противоборств, что определяет актуальность разработки теории и проблематики ментальной войны [1, с. 39]. К основным формам ментальной войны относятся многоходовые информационные операции, при проведении которых используются специфические психологические механизмы воздействия на сознание человека (установки, заражение, подражание, убеждение, влияние, подавление, внушение и др.), особые силы и средства, сетевые и другие информационные и психологические техники и технологии, поражающие ментальность общества в целом, все его сферы, индивидуальное и общественное сознание, социальные отношения, социальные институты, в том числе семью, образование, органы власти, все виды деятельности [1, с. 39].

Ментальная война – это скоординированная совокупность разномасштабных действий и операций, направленных на оккупацию сознания противника в целях паралича его воли, изменения индивидуального и массового сознания населения. В результате уничтожаются духовно-нравственные ценности, традиции и культурно-исторические основы государства, стирается национальная идентичность народа, происходит деморализация армии и общества. Такая война строится путём обмана и манипуляций в сфере познавательной деятельности человека и замещения культурных и социальных принципов сообщества, используя для этого информационно-коммуникативные и кибертехнологии [2].

Итак, ментальная война – это цивилизационная война за волю, замыслы, цели, ценности, смыслы; в которой разрушаются народы, независимые государства.

В начале XIX века Карл фон Клаузевиц, прусский и русский военачальник, военный теоретик и историк в своём научном труде «О войне» писал, что устойчивость сил во многом определяет моральный элемент: «Уничтожение вооруженных сил противника не должно ограничиваться уничтожением одних только материальных сил. Важнее уничтожение его моральных сил» [3].

Две с половиной тысячи лет назад китайский философ Сунь-Цзы пришёл к выводу, что высшее искусство войны состоит в том, чтобы разрушить планы врага – навести хаос, разбалансировать систему целеполагания и принятия решений, повлиять на сознание, на умы, разрушить его союзы и только потом напасть [3].

Военный мыслитель Антон Антонович Керсновский в 1930-е годы в трактате «Философия войны» использовал термин «умовая война» (война умов). Он выделял в ней два фактора – знание/информация и воля. Первое воздействует на левое полушарие мозга, отвечающее за логику, восприятие; вторая составляющая – эмоциональная, воздействует на правое полушарие

(интуиция, фантазии, воображение). Воле в «умовой войне» Керсновский отдавал предпочтение, в ментальной войне психо-эмоциональные факторы и технологии крайне важны [3].

В начале XX века, после Первой мировой войны, когда люди пришли в отчаяние от бессмыслиц и ужасов внешнего мира, когда мировой порядок распался и люди не имели больше вокруг себя ничего твёрдого, на что они могли бы опереться, и гармонии с миром не стало, осталось лишь возвращение к собственному внутреннему, чтобы здесь найти ту безусловную опору, которая не принадлежала бы объективному миропорядку, и поэтому была бы неподвластна стихии всеобщего распада.

Тема сохранения способности выстаивать в ужасах эпох перемен, когда вершатся трагедии, затрагивает много актуальных, но мало разработанных проблемных вопросов, касающихся проблемы эстетического сознания и сознательной деятельности, которые влияют на такие процессы, как: поддержание естественного равновесия, баланса отношений с внешней средой; эффективной адаптации к условиям внешней реальности; экологизации мировоззрения. В связи с этим можно отнести ценность состояния атараксии индивида к важнейшим стабилизирующим ценностям, которые способствуют оптимальному взаимодействию с окружающей средой, обществом.

Атараксия (греч. *αταραξία* – «невозмутимость, хладнокровие, спокойствие») – душевное спокойствие, невозмутимость, безмятежность, по мнению древнегреческих философов, достигаемая мудрецом. Она является особой ценностью индивидуального и общественного бытия, которая способствует снятию проблем смысла жизни, смерти, абсурда.

Всегда актуальна проблема достижения человеком счастья и гармонии. Развитие представлений о мире и человеке от мифологического до теоретического неизбежно содержит идею гармоничности первичной Вселенной. А понимание гармонии обычно связано с рефлексией по поводу трагичности и ограниченности бытия человека. Эта рефлексия приводит к отступлению от позитивного толкования обыденного существования человека и подчёркивает необходимость сложного пути совершенствования для обретения утраченной естественности и гармоничности. Поэтому понятие гармонии представляет два варианта осмысления – первичной гармонии и новообретённой гармонии как итога совершенствования и поиска высшей мудрости. Гармония в каждом из случаев (в первом – как начало и итог, а во втором – как сам процесс) оказывается снятием раздвоенности, противоречия мира, осознанием человеком бытия. Это – познание гармоничной укоренённости бытия духа в повседневности.

Этика философов-стоиков, строивших философские системы, обеспечивавшие для отдельной личности её независимое, невозмутимое и бесстрастное состояние, всегда актуальна. Здесь мера, ритм, гармония и другие категории эстетики из абстрактно-общих схем космического бытия превращаются в способы самоизучения внутреннего устройства человека. А

достижение атараксии оказывается показателем цельности и упорядоченности природы и равновесия рационального и эмоционального в человеке, возможностью снятия социальных антагонизмов.

Рационалистическая этика исходит из убеждения, что только человеческий разум может стать источником и основой нравственного порядка и гармонии. Ум в нашей традиционной философии и этике – не способ ухода от мира, а средство его организации. Он является высшей инстанцией внутри индивида, решительно подчиняет себе все его страсти, склонности, интересы. Ум не просто уравнивает страсти, указывая каждой её место и время, а стремится придать всей человеческой жизнедеятельности разумный смысл.

Для осознания реалий действительности, исследований, постановки жизненных вопросов, восстановления физических и духовных сил, развития, правильного планирования, удовлетворения творческих потребностей, совершенствования и многого другого необходимо свободное время. Время, когда мы заняты удовлетворением наших интеллектуальных потребностей, когда никто не мешает нашей творческой деятельности, когда мы посвящаем себя духовному развитию. Человек ищет ответы на вопросы: Что есть окружающий мир и каково предназначение человека в этом мире? Что первично – материальное или духовное начало? Подчинён ли мир каким-либо законам или в нём господствует хаос? Может ли человек познать окружающий мир? В чём смысл человеческой жизни, её цель и ценность? Человек размышляет о добре и зле, прекрасном и ужасном, свободе и справедливости, а также о многих других мировоззренческих вопросах.

Для размышлений нужно время, свободное время. Это время в русском языке называется «досуг». Во время досуга формируется ориентир, с помощью которого человек соотносит свои мысли и действия с действительностью.

В истории цивилизации со времён античности сформировалась идея о сущности досуга в процессе обучения и воспитания. В древней Греции слово «σχολή» (*schólē*) – досуг – означало «серьёзную деятельность без давления необходимости». В латыни это слово стало корнем многих английских терминов, связанных с образованием, таких как «школа», «учёный», «схоластика» [4].

Латинский абстрактный термин «*otium*», имеет множество значений, включая время досуга, в которое человек может наслаждаться едой, играми, расслаблением, созерцанием и академическими занятиями. Идея *otium* заключалась в том, чтобы отойти от повседневных дел и заняться художественно ценной или поучительной деятельностью, например, говорить, писать, философствовать. Особое значение *otium* имел для бизнесменов, дипломатов, философов и поэтов [4].

Впервые *otium* был использован в военных терминах, связанных с бездействием во время войны. Во времена Древнего Рима солдаты в зимние месяцы, когда погода не позволяла вести войну, отдыхали и скучали – *otium otiosum* (незанятый и бессмысленный досуг – праздный досуг).

Противоположностью этому был *otium negotiosum* (занятый досуг, разновидность бизнеса) – досуг с удовлетворяющим хобби или возможность позаботиться о своих делах или имуществе – *otium privatum* (частный досуг) [4].

Значение *otium* в частной жизни – выход на пенсию (противоположность бизнесу). Это означало досуг только для собственного удовольствия без какой-либо пользы для государства или общества. Это была противоположность активной общественной жизни [4].

В общественной жизни *otium* означал мир и облегчение после войны. Это была не только свобода от внешнего нападения (врага), это была также свобода от внутренних беспорядков (гражданской войны). Это означало досуг, мир и безопасность на родине. В конечном итоге это стало статус-кво: принятие существующих политических и социальных условий местных законов, обычаев предков, полномочий магистратов, авторитета сената, религий, вооруженных сил, казначейства и восхваление империи [4].

Старейшим упоминанием *otium* является хор солдат, поющих о праздности в походе, что они предпочли бы отправиться домой, заниматься своими делами, чем бездельничать, ничего не делая. Первоначально *otium* было военной концепцией и означало прекращение боевых действий, сложение оружия – время мира. Самый древний римский календарь выделял десять месяцев в году войне и земледелию, оставляя зимние месяцы (январь и февраль) свободными для *otium*. Позже *otium* стало элитным престижным временем для заботы о себе. Историки древнего Рима считали *otium* временем кропотливого досуга, когда много личных обязанностей вместо общественных. Цицерон писал, что все счастливые, честные и здравомыслящие мужчины больше всего жаждут полный достоинства *otium*; что они, когда по какой-либо причине отходят от общественной жизни, посвящают свой *otium cum seritio* (досуг со служением) поэзии, математике, музыке и обучению детей [4].

Сенека считал стоицизм и эпикурейство примером *otium* в надлежащих ситуациях. Основная обязанность стоиков – приносить пользу обществу. Этого можно добиться культивируя добродетель или исследуя природу на пенсии, живя в медитации и созерцании, а не активно участвуя в политической жизни. Сенека показывает, что *otium* – это не свободное время помимо политических и карьерных достижений, а изучение, чтение, письмо, философия [4].

В то время число пенсионеров, переселяющихся в сельскую местность, увеличилось, строились «*otium villa*» («вилла с садом» или «вилла у моря») – сельский дом, уединённый, простой и удобный, где можно восстановить силы, в отличие от оживленной городской жизни со всеми делами (*negotium*). Общественная работа заменялась на *otium liberale* (свободный досуг) и была освящена, если пенсионер занимался чтением, письмом и философией, потому что это выявляло духовный смысл горацанских и вергилианских образов этого типа жизни [4].

Святой Августин Гиппонский напоминал римлянам об *otium philosophandi*, что жизнь счастливее всего, когда у человека есть время пофилософствовать. А так же указывал, что *otium* – основа для созерцания. Именно из-за *otium* Аппий Тагастский отговорил Августина от брака, ибо у него не было бы времени на любовь к мудрости, если бы он женился. Августин описывал *christianae vita otium* как христианскую жизнь в досуге [4].

Многие христианские писатели формулировали *otium* как служение Богу посредством глубоких размышлений. И поощряли изучение Библии в *otium*. Они также считали *otium ruris* (уединенный сельский досуг) необходимым шагом к монашескому *propositum*. Августин описывал монашескую жизнь как *otium sanctum* (освященный досуг или одобренный досуг). Во времена Августина идея философии имела два полюса амбиций: один – быть достойным христианином (*negotium*), а другой – быть достойным другом Бога (*otium*) [4].

Петрарка рассматривал *otium* не как свободное время, посвящённое праздности, страсти, развлечениям; но время, идеально потраченное на изучение природы, серьёзные исследования, медитацию, созерцание, письмо и дружбу. Петрарка подчёркивал идею активного ума в *otium* (досуге). Указывал на связь с *vacatio* (освободиться – быть неподвижным) и с *videre* (видеть), что в христианстве означает физическую и умственную деятельность, направленную на нравственное совершенствование. *Otium* как *vacate et videte* (будь спокоен и смотри – форма медитации, созерцания), нужно быть активным в досуге, чтобы набираться сил с учётом уникального характера и религии [4].

Итак, дефиницию досуга можно выразить так: досуг – это совокупность различных видов занятий, деятельности, осуществляемой в свободное время, в результате которой происходит развитие личностных качеств человека, удовлетворяются его духовные, физические и другие социально значимые потребности. Это развивающая деятельность, осуществляемая в русле определённых интересов и целей, которые ставит перед собой человек. К сфере досуга относится всё, чем людям интересно заниматься. Досуг объединяет и отдых, и труд. Он позволяет раскрыть физический, духовно-нравственный, эстетический потенциал человека. Это и путь активного продвижения в культуре, освоение социокультурного наследия. Культура и досуг связываются со свободой деятельности, творческим состоянием.

В философии досуг можно рассматривать как созерцание, связанное с высоким уровнем культуры и интеллекта, это состояние ума и души.

Люди становятся активными посетителями культурно-досуговых центров по желанию приобрести новые знания, умения и навыки. По этому запросу создаётся система дополнительного образования как важный элемент структуры свободного времени современного человека. Социально-культурная концепция досуга – в сфере образования, воспитания личностной и социальной культуры, личностных и гражданских качеств, расширения культурного

кругозора и обмена духовными ценностями, знакомство с культурно-историческим наследием.

В общем, досуг несёт в себе через особый образ организованное пребывание и общение глубокие личностные и социальные смыслы, выполняет культурно-образовательное развитие.

Когда пространство мысли заполнено переработкой информации, обслуживанием вещей, предназначенных для обихода человека [5, с. 58], не остаётся времени для спокойной, медленной, зрелой, законченной мысли. Досугом обладает не каждый. Это не просто время не занятое работой, т. е. свободное время, включающее развлечения, личные занятия, хобби и т. д. Досуг удовлетворяет человеческую необходимость в формировании установок и ценностей. Досуг – в свободе, возможности индивидуального выбора занятий, рекреационной деятельности, это состояние ума. И этим он ценен и противостоит разрушительному воздействию ментальной войны.

Война – это часть жизни, но не вся жизнь. Помимо войны есть многое другое, требующее нашего внимания. В сфере досуга свободное время предназначено для удовлетворения потребностей человека в культуре, социальных устремлениях, потребностях, в регенерации тела и души. Свободное время определяет качество жизни. Важно чувствовать вкус к жизни, жить полной жизнью на основе того досугового увлечения, которое выбирает сам человек.

В истории философии досуг рассматривается как одно из условий её возникновения. При этом досуг и дело философии мыслятся как связанные неразрывно: досуг здесь – состояние, в котором обретается дело философии (свобода для), и не может определяться как время человека, свободного от деятельности (свобода от). В основе аксиологии досуга, по нашему мнению, должна быть концепция «сохранение человечности важнее выживания». И правильно организованный философский досуг способен обеспечить выполнение этой концепции.

Главная экзистенциальная задача человека – снятие страха перед стихией, смертью, мировым злом, абсурдом, невозможностью подлинного знания и свободы, то есть всего того, что является ключевыми проблемами каждого индивида. Экзистенциальные проблемы: «страх – страдание – незнание – одиночество» решаются внутренне, через формирование соответствующего отношения к себе и внешнему миру – атараксию. Она как душевный покой, который становится источником блаженства, безмятежности, является, по мнению философов-практиков, наивысшей ценностью.

Подводя итог, – успешным противостоянием ментальной войне может стать философский досуг – ключ к качеству жизни, к полноте жизни, к счастью, – в результате которого человек имеет силы противостоять ментальному влиянию и может сохранять и отстаивать свои ценности, культурные и социальные принципы.

Л и т е р а т у р а

1. Караваев И.Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная мысль, 2022. – № 3. – С. 35-42. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mentalnoy-voyny-kak-sostavnaya-chast-ucheniya-o-voyne-i-armii/viewer>.
2. Ментальная и когнитивная войны: вопросы определения, цели и средства // Геополитика.ru / 12.11.1022. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-voyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva>.
3. Ментальная война. Статья в Википедии. – [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ментальная_война.
4. Otium. Статья в Википедии. – [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.6bdb3c0a-6423ef62-603fc3cb-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Otium.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

Rudko V. PHILOSOPHICAL LEISURE – OPPOSITION TO MENTAL WARFARE

The article examines the specifics of the concept of «mental war», the conditions for the formation of a guideline by which a person aligns his thoughts and actions with reality; reveals the essence of the concept of «leisure» – the time when we devote ourselves to spiritual development, and the opportunity with its help to restore moral strength, strengthen the will, enter into a stabilizing state of ataraxia, which promotes optimal interaction with the environment and the solution of existential problems.

Key words: *otium, negotium, schólē, ataraxia, leisure, mental warfare.*

Рудько Виктория Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Rudko Victoria Alexandrovna – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: for-vr@yandex.ru

Рецензент: Капичина Елена Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и конфликтологии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ О ЧЕЛОВЕКЕ В КАТОЛИЦИЗМЕ

В статье исследуется средневековая концепция идентичности в портретной живописи через иконографию и религиозный символизм. Анализируется проблема восприятия сакральной живописи, а также доказывается необходимость существования религиозных образов и их значения в жизни каждого человека.

Формулируется вывод о том, что произведения религиозной живописи должны восприниматься не только как художественный комментарий к источникам вероучения в католицизме, но и как связующее звено в диалоге с Богом.

***Ключевые слова:** христианство, Средневековье, католическая церковь, католицизм, религия, религиозная живопись, художественный образ.*

Постановка проблемы. Схоластическая направленность как важный аспект христианской философии имел особое значение в Средневековье. Схоластики были выдающимися апологетами в пропаганде религиозной философии, основанной на доказательстве существования Бога. Эта направленность очень сильно влияла на религиозную живопись и другие произведения искусства. История религиозного искусства католической церкви берет начало с давних времен и тесно связана с развитием христианства в Европе. С самых первых дней своего существования христианство стало искать формы выражения своей веры. Религиозное искусство было одним из наиболее важных способов показать духовную приверженность верующих. Религиозное искусство в католической церкви имело глубокое влияние на культуру и искусство в целом. Многочисленные картины, статуи и другие произведения искусства оказали большое влияние на художников, которые создавали произведения не только религиозной, но и мировой тематики. Истоки религиозного искусства католической церкви восходят к ранним дням христианства, когда новым верующим было трудно найти способы визуального выражения своей веры. Католицизм был основан на апостольской традиции и на знании святых текстов. Согласно учению католической церкви, есть только один верный путь к спасению, и этот путь заключается в соблюдении вероучений, составляющих католическую догматику.

Сегодня религиозная живопись Средневековья остается важным наследием и является достопримечательностью многих европейских стран. Это связано с духовной ценностью, которую она несет в себе, а также ее исторической и культурной значимостью. Религиозное искусство католической церкви в значительной степени связано с верой и традициями, которые в знакомой нам форме сохранились еще среди первых христианских общин. Религиозная живопись – один из первых специфических видов искусства,

созданных для служения вере. В католической церкви эта форма искусства была особенно важна для миссионерской работы и для передачи смысла библейских событий. Картины имели мощное символическое значение, чтобы помочь епископам в своей миссии во благо церкви. Религиозные изображения выполняли ряд функций. Изображая религиозные сюжеты - будь то святые, библейские эпизоды или какие-то другие примеры - они стремились поощрять укрепление нравственности, прививать веру и просвещать в религии. Согласно средневековой христианской традиции, иконы были самой ранней формой религиозного искусства. Иконописная традиция была наиболее сильна на востоке, особенно в Византийской империи. Изображения служили для верующего средством поклонения и созерцания, позволяя ему сосредоточить свое внимание к молитве. В конце шестого века папа Григорий Великий отстаивал позицию, согласно которой изображения, выставленные в церквях, позволят неграмотным прихожанам «читать, видя на стенах», и таким образом получить знание истории, которое образованное население приобретает через книги. Изображения служат примером для подражания для тех, кто не обучен грамоте. В то же время у изображений были и свои критики: Аврелий Августин Иппонийский сомневался в их эффективности и был обеспокоен тем, что они искажают факты. Многочисленные отцы церкви одобряли использование изображений как в качестве учебных пособий по изучению веры, так и в качестве средства дополнения к их содержанию. Религиозные, светские и картографические изображения использовались либо для усиления духовной набожности, либо для лучшего понимания священных текстов.

Средневековое искусство от своего возникновения и до падения было под постоянным присмотром и влиянием религиозного мышления. В догматах освящался феодальный строй, а его влияние отражалось на нравственных идеалах, морали и философии. Образованным классом считалось духовенство и благодаря своей идеологической силе являлось главным заказчиком искусства. В литературе давно дискутируется вопрос о том, что было первично в возникновении «реалистических тенденций и активного иконографического обновления искусства позднего средневековья» – живопись или религиозный театр. Влияние религиозного мышления вносило свои коррективы на разные формы жизни общества, а особенно на художественную культуру. Духовенство понимало, что художественные изображения земного существования могли быть растолкованы простым народом в неудобной для них форме. В христианской религии того времени утверждалось мнение, что земная жизнь несравнима с загробной. Тело человека – это тюрьма для души, сосуд, собирающий грехи и соблазны, оковы духовного бессмертия. Изображения человека – недостойное занятие, которое не заслуживает никакого внимания со стороны окружающих. Немного изменилось искусство Средних веков ближе к XI, когда к официальным религиозным идеям художники присоединяли нравственные представления. В них своё отображение нашли народная фантазия и мифология, материнская любовь, стоическое мужество, природная

красота, внутренние страдания. Периодом зарождения и становления европейского искусства Средних веков можно отсчитывать от нескольких исторических событий: нашествие варваров на Западную Римскую империю и её падение или от принятия европейским миром христианского облика, который сменил античный (язычный) в IV веке. Окончанием средневекового феномена, как искусство принято считать XVII век. Этот факт обосновывается изменениями в общем образе жизни разных народов – промышленности, науке, технике, поведении и новых взглядах на жизнь.

Основной целью данного исследования является определение специфики религиозного искусства в католицизме, а также изучение антропологической проблематики через призму религиозной живописи эпохи Средневековья.

Основная часть. Живопись всегда была связана с жизнью Церкви. Со времен Катакомб она использовалась в церковных украшениях, и на протяжении веков после Константина религиозное искусство было единственной формой живого искусства в христианском мире. Ее плодovitость была замечательной и даже сейчас, хотя и значительно уменьшилась, все еще важна. До эпохи Возрождения церковь обладала настоящей монополией в этой сфере. Светская живопись в Европе появилась только за последние пять столетий, и она заняла лидирующие позиции только в девятнадцатом веке. Поэтому можно сказать, что на протяжении всей христианской эры история живописи была историей религиозной живописи. Вместо того, чтобы упрекать Церковь в неверии учению ее Основателя, мы должны скорее признать ее мудрость в том, что она не отвергает никаких естественных форм человеческой деятельности и тем самым способствует развитию цивилизации.

Реформистские идеи затрагивали не только вопросы теологии, но и искусства, находившегося на службе католической церкви. Ответной реакцией сторонников католического вероучения стал созыв Тридентского собора. По итогам его были приняты постановления, касающиеся истинности и достоверности Ветхого и Нового Заветов, ибо они исходят от одного и того же Бога, а также запрета толкования священных текстов, вопреки тому смыслу, который вкладывает в них католическая церковь. Данные положения касались не только книг, но и религиозного искусства. Декреты определяли строгие нормы, касающиеся содержания картин, границу между христианскими и языческими изображениями. На заключительной сессии собора вновь подтверждается положение о важности влияния образов на духовную жизнь человека и подчеркивается, что главная задача образов – наставлять, предлагая пастве изображения различных религиозных сюжетов из Священного Писания как модель образцового поведения. Далее предписывалось всем епископам контролировать процесс создания живописных полотен в своих епархиях. Однако никаких конкретных требований предъявлено не было. Для выполнения данного предписания необходимо было разработать соответствующие директивы, и за этот труд взялся архиепископ Габриэле

Палеотти. Он начинает свое повествование с доказательства необходимости существования образа. «Еретики отрицают эффективность изображений. Запретить их означало бы совершить серьезную несправедливость по отношению к безграничному количеству людей, потому что это означает лишить их чувственного восприятия образа, которое рождает знание. Знание о важных моментах из жизни христианина необходимо для здоровья души. Лишить их образов, это все равно, что лишить знания бесконечное количество несчастных неграмотных». Искусство должно вести прихожанина к размышлению над жизнью Христа и святых с обязательным доказательством исторической действительности изображения в живописи. В сакральной живописи преобладал спиритуализм. Поэтому Габриэле Палеотти призывал к очищению живописи от многочисленных наслоений.

Цель искусства заключается в возбуждении у людей положительных эмоций. Искаженные образы по сути своей становятся «безразличными». Развивает идею о соответствии текста Священного писания с изображениями на картинах, фресках. Идея о троичности небесной иерархии имела хождение на территории западноевропейского региона в эпоху Средневековья и, по-видимому, согласно этой концепции Габриэле Палеотти утверждает о необходимости трехуровневой иерархии в живописных полотнах.

Иерархия художественного образа в соответствии со статусом персонажей. Небеса, т. е. верхняя часть картины (небеса) отводятся Господу и сыну его Иисусу Христу. В центре должны изображаться святые и Дева Мария. Внизу располагается портрет заказчика и второстепенные персонажи. Кардинал сознательно не затрагивает проблему стилистики изображения. Он дистанцируется от обсуждения вопросов «материи и формы» изображаемого, оставляя этот выбор за художником, но предъявляет достаточно строгие требования к изображению сакрального образа: спокойная цветовая гамма, и если используются яркие тона, тогда они не должны быть кричащими; естественность поз и правдоподобие изображаемых событий. Габриэле Палеотти, доказывая необходимость универсального образа в религиозном искусстве, выступает не столько против маньеризма, сколько пытается вновь вернуться к традициям раннехристианского искусства. Это было обусловлено тем, что границы между религиозной и светской живописью были размыты. В связи с этим возвращение к истокам и возможность использовать христианскую символику облегчило процесс создания «универсального» образа, т. е. образа, доступного для всех. Стремясь к воплощению исторической правды на религиозных полотнах, кардинал рекомендует использовать сохранившиеся документы и реликвии, хранящиеся в храмах, базиликах и т. д.

Проанализировав взгляды Габриэле Палеотти, которые изложены в его монументальном научном труде, можно сделать следующие выводы: во-первых, делается акцент на различии между церковным и светским искусством, особо отмечается значение образа в церковном искусстве. Во-вторых,

раскрывается значение светского искусства и доказывается необходимость изучения истоков религиозного искусства с момента зарождения христианского вероучения, соответствие художественных жанров содержанию Священного Писания. Габриэле Палеотти планировал доказать тезис о положительном влиянии образов на душу человека и на конкретных примерах показать, какие картины можно отнести к «благочестивым», какие – к «нечестивыми» [3, с. 200-205].

Одна из главных характеристик религиозной живописи, ее консервативный инстинкт и склонность к иератическому формализму. Искусство, рассматриваемое как дидактическое, обязательно принимало суровый характер догмы. Малейшая ошибка граничила с ересью. Изменить что-либо в одежде святых или Пресвятой Девы, изобразить первых обувными, а вторых босыми, смутить благочестие простых людей нововведениями и индивидуальными прихотями – все это было серьезным делом. Художник-христианин был окружен строгой сетью запретов и предписаний. Отсюда вытекала художественная опасность бездушного, механического повторения, которой религиозная живопись не всегда избегала. Ответственность за это, однако, должна быть возложена не на Церковь, а скорее на человеческую леность ума, поскольку на самом деле в искусстве есть элемент мобильности, как его понимает Церковь. Религиозным художникам никогда не было отказано в новаторских и творческих способностях. Изображая дела, а не идеалы, события, а не символы, византийская школа наделила христианство полной системой изображения всех типов, некоторые из которых используются до сих пор, и раз навсегда сформулировала основные черты великих сцен религиозной истории.

Иконоборчество остановило развитие византийской школы. Оно запрещало искусство только в том случае, если оно носило характер идолопоклонничества. Для полноты картины следует упомянуть о многочисленных иконах, различных типах Мадонны (Панагия, Никопея, Одигитрия), о миниатюрных картинах в рукописях, об эмалях, таких как в Пале д'Оро собора Святого Марка. Однако личность художника едва ощущалась в этом искусстве. Изучение, к примеру витражной живописи, имело исключительно иконографический интерес. Иконография этих окон, по сути, символична, и аллегорический дух Средневековья нигде так не проявляется. Это была старая христианская идея о том, что каждый человек и факт Ветхого Завета был образом, прообразом человека Нового. Эта идея только расширилась с полным богатством деталей в готическом искусстве тринадцатого и четырнадцатого веков. Все, что раннесредневековое искусство представляло как догмы, приобрело волнующий характер жизни. Сказать, что искусство стало секуляризованным, значило бы рисковать неправильным пониманием, но на самом деле из интеллектуального и теологического оно стало демократичным и популярным. Вера стала визуализированной. Все усилия художников, так же как и людей, были направлены на то, чтобы как

можно ярче представить себе жизнь и страдания Христа. Все эти характеристики начали проявляться и в живописи. В течение трех столетий развития некоторые сцены, такие как Рождество и Богоявление, продолжали развиваться в движении, экспрессии и живописном эффекте. Символизм и дидактический замысел отсутствуют: живопись перестает иметь какую-либо цель, кроме как представлять жизнь. Учение Христа, притчи и таинства исчезают, заменяясь сценами скорби и драмой Голгофы, каждый момент которой подробно рассматривается в деталях. То, чего первобытное христианское искусство избегало с некоторой скромностью или страхом, теперь стало его избранным и постоянным предметом. Поразительная особенность этих картин - совершенно новое впечатление фамильярности и теплоты. Но весь этот реализм никогда не был самоцелью: его целью было достичь эмоций, и он проявил характер человечности в христианстве. То же вдохновение прослеживается в картинах, представляющих моральную, дидактическую или философскую живопись того времени. Картины обладают силой проповеди; в них нет строго художественного намерения, но очевидное намерение наставлять и впечатлять.

Альбрехт Дюрер должен был выразить все самое сокровенное в германской религии, и какими бы прекрасными ни были его картины, он выразил самые глубокие смыслы в своих гравюрах. Гений Дюрера был полностью посвящен этому, и искусство не обладает более трогательными шедеврами, чем серия «Апокалипсис», «Жизнь Пресвятой Девы», «Маленькие страсти» и «Великие страсти».

В религиозном сознании людей того времени каждый портрет открывал дверь к постижению промысла Творца, который создал человека по своему подобию. Как и образ Бога, он определял диалектику бытия видимого и трансцендентного, где в предвечном ожидании пребывала душа человека. Мастера Северной Европы вслед за Яном ван Эйком стали смело экспериментировать с выразительными возможностями изображения человеческого тела. В Северной Европе не существовало того строгого канона религиозных изображений, что сложился в Византийской империи. Для поколения ван Эйка программа соприсутствия Иисуса в жизни каждого христианина была сформулирована в поучительном трактате Фомы Кемпийского «О подражании Христу», который получает распространение в Северной Европе начиная с 1418 г. Составленный как антология наставлений в праведной жизни, он, подобно «Лестнице» Иоанна Лествичника, созидает образ идеального христианина, предостерегая от всех соблазнов и испытаний на пути обретения веры. К указанию на спасительную цель боговоплощения апеллирует и «Святой Лик» Яна ван Эйка, безупречную симметрию которого определяет прямой пробор спускающихся на плечи темных волос, раздвоенная клинообразная борода и, прежде всего, абсолютная физиогномическая пропорция [1, с. 106-120].

Два религиозно-философских течения, *Devotio Moderna* («новое благочестие») и пантеизм, были важным импульсом к тому, чтобы не только культура в целом, но и главенствовавшая на севере Европы религиозная живопись начала засматриваться на зримый мир. Первое из них объединяет стремление во всем следовать Христу и одновременно внимание к повседневной жизни. Основное внимание обращалось на духовную жизнь человека, который во время молитв должен стремиться так представить себе эпизоды из жизни Христа, в особенности из Страстного цикла, будто является их непосредственным свидетелем. Этот момент важен и для живописи *Ars Nova*, где появление города будет связано со сценами из жизни Христа. В живописи *Ars Nova* город появляется в узловых точках Христологического цикла, причем есть два основных вида архитектурных задников. Иконографическая зависимость архитектуры от сюжета очевидна [2].

Прочтение антропологической проблематики через призму искусства позволяет посмотреть на природу человека глазами эпохи Средневековья, сопоставив при этом различные философские подходы в рамках разных культур. Творчество Веласкеса можно рассматривать как ориентир по отношению к современной религиозной антропологии. В его картинах происходит осмысления проблем человека в контексте религиозной философии и философской антропологии. Произведение «Менины» является весьма продуктивным для философской антропологии и философии культуры, в частности через попытку интерпретировать его как систему «рефлексов»: ребёнок – образ – Божий – искажённый образ (шут) – искажённый образ (власть) – тот, кто видит (=понимает, отражая; т.е. художник) и т.д. Художник, избравший в качестве своей духовной оптики столь неожиданную возможность через шутов бросить взгляд на королей, действительно «ставит ребром» антропологическую проблему христианства. Ведь шут и король – это те социальные и психологические крайности, которые разделяют людей необратимо, по рождению; и вместе с тем, как показывает мастер, крайности эти необратимо сходятся. Точка, в которой они обязательно сойдутся, является специфицирующей для христианской культуры: «основание» человека – Бог, совершенный человек – это совершенный Бог. Понять философскую антропологию в культуре, генетически связанной с христианством, можно лишь «обратившись к лику Христа», – как понять циклы картин Веласкеса, посвящённые королям и шутам, возможно, лишь обратившись к его «Распятию». Христос Веласкеса глубоко страдает, и Он с надеждой ждёт. Совершенное тело гармонично именно потому, что «отвечает» духу, не «зацикленному на себе», но открытому миру. Искупительная жертва, принесённая «за всех и за вся» – не просто некий «религиозный образ», тиражируемый религиозной живописью. В данном случае религиозный образ – ещё не «картинка», хотя уже и не икона; он уже не является «окном в другой мир», но всё ещё призван напомнить о «вечных ценностях», среди которых – действительное совершенство, соединившее Истину, Добро и Красоту и

«распятое на кресте» реального присутствия в реальном мире. Образ человека, как видим, «привязан» к ненадуманному идеалу, раскрываясь при этом в любом человеке через его «усилие свободы», часто – «вопреки» природной, социальной, культурной и иной «заданности», данности.

Тема «антропологического прорыва» как основного условия «человечности» – едва ли не главная в творчестве Веласкеса, как оно воспринимается сегодня. Его «вечные дети» и трагические шуты – носители образа Божия; люди, чьей жизни коснулась грозная сила, оставившая след, искажающий «исходное» совершенство заметным образом. Для них самих, однако, такое положение дел не закрыло горизонт «человечности» в той мере, которую они готовы «понести». А для королей и их подданных здесь – источник целительного сопереживания, деятельного сострадания и усмотрения собственной искажённости и неполноты. Философско-антропологические изыскания Веласкеса соединяют мистическое видение «полноты» человека и его «греховной природы» с вполне рационализируемым стремлением понять происходящее, уяснить его сущность и динамику развития. Отличительной чертой религиозной антропологии Веласкеса является отсутствие поэтизированных «упрёков Богу» в «некачественном производстве». Веласкес констатирует трагичность положения человека в мире. В этом смысле со всех полотен мастера, из караваджийской «темной глубины» пространства, «звучит голос Бога» – слово, которое слышно только в молчании. Для «глины», из которой человек создан вдыхающим душу Богом, оказывается чрезвычайно важным зеркало художественной культуры, которая ревностно и бескомпромиссно следит за подлинным состоянием его существа. Веласкес, к слову, в определённой степени «солидарен» с «гуманистическим» прочтением христианских ценностей. Образ один – «совершенный Бог и совершенный человек» [4, с. 271-284].

Выводы. Средневековое искусство было создано на основе художественного наследия Римской империи и иконографических обычаев раннехристианской церкви наряду с «варварским» стилем Северной Европы. Сочетание этих источников привело к созданию невероятного художественного наследия. Период средневекового искусства охватывал различные художественные течения, в основном раннехристианское художественное движение, византийское художественное движение, романское художественное движение и готическое художественное движение. Хотя стиль произведений искусства, созданных в этот период, варьировался, его объединяли различные общие факторы. Самое главное, это отражало стремительную популярность христианства. Картины Средневековья были богаты религиозной символикой и образами. Средневековые художники и их картины преимущественно изображали святых и библейские повествования. Эти повествования имели иерархию, которая в основном диктовалась пространством, которое должны были занимать картины. Хотя средневековые произведения искусства в основном выполняли религиозную функцию, в

картинах Средневековья появлялась и светская тематика. Изобразительное искусство пережило переходный период в эпоху Средневековья, поскольку цели художников претерпели радикальные изменения. Использование при написании средневековых картин светских деталей позволило художникам выразить разнообразные эмоции и более реалистично изобразить современную жизнь. Средневековые художники воплощали элегантный дизайн в своих произведениях искусства, изгибая драпировки и изображая покачивание и движение человеческого тела. Тела больше не изображались жесткими и плоскими; иллюзия движения и текучести становилась обычной практикой. Средневековые художники и их картины демонстрировали технические достижения этого периода, которые имели основополагающее значение для развития позднего западного искусства.

В католической церкви религиозное искусство до сих пор имеет огромное значение, оно продолжает свои традиции и сюжетные линии, но при этом тонко чувствует изменения в социокультурной среде. Сам факт того, что Церковь разрешала живопись, обязывал ее определить объект такого искусства и определенные правила. Искусство никогда не казалось ей самоцелью, но как только Церковь приняла его, она превратила его в средство обучения и назидания. Христианство выражало все чувства и не игнорировало ни тени человеческой природы.

Исходя из анализа рассмотренных выше примеров, необходимо сделать следующие выводы. Искусство в Средние века состояло из религиозных портретов и аллегорических историй на библейские темы. Церковь была главным покровителем и диктовала художникам, что и как они будут рисовать. Духовенство считало, что искусство должно использоваться только как руководство, помогающее Церкви привести непросвещенных к любящему свету Христа. Всесильное духовенство заказывало эмоционально привлекательные картины, иллюминированные рукописи и резьбу по дереву, которые служили наглядными пособиями и утешением для неграмотных верующих. Эти прекрасные произведения искусства помогли Церкви привлечь новообращенных, а также украсили стены церкви. Картины были переполнены христианской символикой, которая была частью богатого визуального языка, понятного всем. Предпочтительными христианскими темами были распятие, Мадонна с младенцем, мученичества, апостолы и драматические смерти - все это было создано для того, чтобы вызывать к эмоциям верующих. Церковь больше ценила способности художника-ремесленника, чем его творчество. Многим художникам удавалось придать своим работам индивидуальность, а иногда и юмор. Воплощение религиозных сюжетов происходило в том числе на основе информации о византийских и раннехристианских архетипах. Практическим руководством к созданию образа могло являться как непосредственное знакомство художника с древними изводами, так и сведения, полученные о них из альтернативных источников. Копирование как принцип воспроизведения применяется в этот период с учетом сохранения свободы

мастера в трактовке образа и наделении его новыми коннотациями. Иконография, насколько можно судить о ней по сохранившимся копиям, не имела прямых аналогов в восточно-христианской иконописи и основывалась на контаминации разных образов. Идея подобия, центральная в византийской эстетике, раскрывается через образ «очеловеченного» Бога, пребывающего в повседневном сознании каждого человека. Если человек создан по образу Божию, то возможно развернуть это соотношение в обратном направлении и представить Бога в антропоморфном виде, не сводя Его только к одному человеку. Критерий «универсального образа» в религиозном искусстве Средневековья играет важную роль. Религиозный символизм включает в себе не только декоративную функцию, украшая стены храма, но и дает возможность соприкоснуться в процессе созерцания с миром божественным, ощутить себя сопричастным с вечностью, а для малограмотного населения это было единственное доступное знание.

Л и т е р а т у р а

1. Веншиков М.А. Иконографическое наследие Византии на выставке Яна ван Эйка / М. А. Веншиков // Музей. Памятник. Наследие. – 2020. – № 1(7). – С. 106-120.

2. Курдюкова Д.Е. Город вдаль: небесный или земной? Изображение и образ города в нидерландской религиозной живописи XV в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История, N. 3 /2010. : [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-vdali-nebesnyu-ili-zemnoy-izobrazhenie-i-obraz-goroda-v-niderlandskoy-religioznoy-zhivopisi-xv-v>.

3. Носова Е.С. Взгляды кардинала Габриэле Палеотти на религиозное искусство // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, Вып. 2. С. 200-205.

4. Силантьева М.В. Короли, шуты и философы Диего Веласкеса в контексте его религиозной живописи: взгляд из России. Вестник МГИМО-Университета. 2014. (2(35)). С. 271-284.

Kozlova M.Y. RELIGIOUS PAINTING OF THE MIDDLE AGES ABOUT A MAN IN CATHOLICISM

The article explores the medieval concept of identity in portraiture through iconography and religious symbolism. The problem of perception of sacred painting is analyzed, and the necessity of the existence of religious images and their significance in the life of each person is proved.

The conclusion is formulated that works of religious painting should be perceived not only as an artistic commentary on the sources of the creed in Catholicism, but also as a link in dialogue with God.

Key words: *hristianstvo, srednevekov'e, katolicheskaja cerkov' katolicizm, religija, religioznaja zhivopis'. hudozhestvennyj obraz.*

Козлова Мария Юрьевна – аспирантка кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Kozlova Mariya Yurievna – graduate student of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: kozlova.maria1985@mail.ru

Рецензент: Звонок Наталья Степановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 37.013.73

Бибииков А.А., протоиерей Александр Кобзев

ОТ ЧЕЛОВЕКА К ЛИЧНОСТИ: ОБРАЗОВАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием Болонской системы образования, ее целями и недостатками. Рассмотрены возможности преобразования системы образования в рамках коммунистического (ноосферного) общества.

Ключевые слова: *Болонская система образования, система массового образования, образование, воспитание, социальный лифт, коммунистическое (ноосферное) общество, русский космизм, капитализм.*

В последнее время государственными чиновниками и учеными часто озвучивается идея «социального лифта» как средства изменения социального статуса человека, продвижения талантливых, образованных людей по карьерной, иерархической лестнице. Западный вариант такого лифта представляет Болонская система образования, идеи которой после долгих согласований 29 европейскими странами были оформлены в виде Болонской декларации и подписаны ими 19 июня 1999 года в г. Болонье. Переводя свое образование на Болонскую систему образования, страны-подписанты договорились об интеграции образовательных систем в единое мировое образовательное пространство путем установления связей между вузами этих стран в образовательных и научных сферах, обеспечив при этом доступное образование всем слоям населения, а также возможность переподготовки преподавателей за рубежом, обмена студентами; итогом решения этих задач должен был стать рост в обществе роли образовательных учреждений, а также научного, культурного и интеллектуального потенциала, основанного на единых европейских ценностях.

Однако, поставив перед собой вышеуказанные глобальные задачи построения фундаментальной системы образования, Болонский процесс довольно оригинально их реализовал, что нашло свое отражение в создании

системы массового образования иначе называемого «масс-образованием» и подготовке «специалистов-функций», задачей которых должно стать выполнение конкретной, предусмотренной определенному специалисту функции, работы, вида деятельности. Г.А. Ключарев отмечает, что в Великобритании, «Ассоциация образования рабочих... стала сама нанимать преподавателей и определять цели и содержание занятий. При этом речь шла только о развитии рабочих до определённых профессиональных стандартов, необходимых для поддержания существующего положения вещей» [1, с. 236], без идеологической составляющей.

Но еще более негативным моментом является тот факт, что через компетентностный подход, заложенный в основу образования и о котором В.Д. Исаев писал, что использованием в образовательных стандартах вместо понятия «знания» понятия «компетенции», адепты Болонской системы получают возможность наполнять программы любым необходимым им содержанием [2], что во многих случаях приводит к тому, что студенты, обучающиеся в рамках Болонской системы, становятся уже невостребованными работодателями, даже еще не получив образование. Окончив вузы, молодые дипломированные специалисты становятся перед выбором: либо поиск работы без учета образования, и зачастую неквалифицированной, либо в надежде оказаться быть востребованным работодателем, желая работать по специальности, заниматься тем, что нравится, быть полезными обществу обращаются на биржу труда, в центры занятости в надежде найти работу, соответствующую специальности и квалификации, а разочаровавшись в своем образовании, в случае невозможности его реализации задумываются о получении сначала второго, а затем третьего, четвертого и так далее образований в надежде, что может быть хоть какое-то из них окажется востребованным. Но приведут ли затраты на получение последующих образований (ведь все последующие, кроме первого – платные) хоть к какому-то положительному результату? Оставим этот риторический вопрос без ответа, так как для большинства он и так известен. Какими же изумительными, издевательскими на этом фоне выглядят заявления так называемой «элиты общества» о том, что человек должен всю жизнь менять виды деятельности и, соответственно учиться, приобретать новые компетенции.

Сформировав довольно примитивную систему образования для масс, законодатели Европейских стран еще больше подчеркнули наличие в мире элитарного образования, доступного только для богатых и влиятельных семей мира, а соответственно именно они одни имеют право на получение знаний в элитарных вузах, заниматься научной деятельностью в самых, перспективных и высокооплачиваемых областях государственного управления, науки, производства.

Разрабатывая проблему неравенства в образовании, Г.А. Ключарев, обращаясь к трудам К. Маркса, его идеям, писал что «люди, имеющие власть или влияние в обществе, посредством существующей системы образования

закрепляют свое положение и положение своих приемников» [1, с. 236]. Также в своей работе он подчеркивал наличие элитарного образования и элитарности в образовании. Так, в рамках национального проекта «Образование» (2010 – 2011), руководитель Ф.Э. Шереги), результаты которого приводит Г.А. Ключарев, обучение в массовых, коммерческих вузах характеризуются высокой доступностью поступления, низкой стоимостью обучения и самым низким уровнем трудоустройства по специальности (востребованностью их выпускников). В противовес этому элитарные вузы характеризуются низким уровнем доступности обучения, высокой стоимостью обучения и 100 % трудоустройством их выпускников [1, с. 246].

Такой подход к образованию есть не что иное, как отражение капиталистической системы и современного мироустройства, воплощенных в концепции «золотого миллиарда», теориях Р. Финдли экономического неравенства «Север – Юг», И. Валлерстайна «Мир – системный анализ». По данным, приведенным А. А. Иванчук, со ссылкой на Ву Зыонг Хуан, В.В. Оленьева, Ф.П. Федотова и Р. Баландина, отмечается, что индекс социально-экономической дисгармонии с 1820 до начала 2000 годов вырос в 35-70 раз, а разрыв в заработной плате топ-менеджеров и рядовых сотрудников с 1980 к 2000 годам – в 125 раз, и эти показатели только продолжают расти, что отражается на жизни низших слоев общества [3, с. 156-157]. В таких условиях становится вопрос: «Так для кого же может быть доступным элитарное образование?».

Одним из самых негативных моментов, сказавшихся на качестве, цене и доступности образования и науки, является тот факт, что включив их в систему рыночных отношений, правящий класс стал относиться к ним как к услугам, как к тому, что дает высокие доходы, а все остальное для них не имеет никакого смысла. Таким образом, ученые и преподаватели были поставлены перед несвойственными им бюрократическими функциями, выполнение которых стало обязательным, а непосредственно наука и образование, которым свойственны длительные капиталовложения, перед тем как они начнут давать отдачу, отошли на второй план. При этом, как отмечал В.Д. Исаев, творческие преподаватели, способные передавать знания, которые «рождены» обучать и входят в элитарный круг, будут работать в элитарных вузах, остальные – в системе «Болонского образования» [2], выпуская специалистов, которым не свойственно самостоятельное мышление, они были научены лишь выполнять определенные функции как машины.

Кредитно-модульная система, в рамках которой оценивание образования происходит в соответствии с кредитной системой оценивания, во многом является формальной. В вузах с Болонской системой отсутствуют унифицированные, систематизированные планы предметов, студенты сами, кроме ряда обязательных, имеют право выбирать предметы, которые они желают изучать. А получение экзамена или зачета предполагает «набор» необходимого количества баллов в процессе изучения предмета, что дает возможность студенту посещать отдельные занятия, изучать отдельные темы,

выбирать отдельные задания, гарантирующие набор ему этих баллов. Зачастую аудиторные занятия с помощью преподавателей, которые вынуждены таким образом поступать в силу ограниченности часов, выделенных на аудиторные занятия, превращаются в «зуборвание», в формальное заучивание, без понимания, строго определенного объема знаний, который необходим для получения студентом «точки контроля». Такие студенты, как отмечал Э.В. Ильенков, воспринимают все, что они услышали, все, что им было преподнесено, с позиций «абсолютных истин», а соответственно это лишает их возможностей усомниться, сопоставить предоставленные им знания, сделать свои выводы, заставить себя «пошевелить мозгами». Результатом, который был предсказан (по нашему мнению, его выводы подходят и для вузов) еще в середине прошлого века Э. В. Ильенковым, является искаленный орган мышления. Излечение же человеческого органа мышления, что, без сомнения, требует огромных финансовых, физических, интеллектуальных затрат, подбор соответствующих специалистов разных сфер, а в отдельных случаях даже проведения таких мероприятий, является бесполезным, излечение уже невозможно. Как же правильно писал Э.В. Ильенков: «Мозг привыкает двигаться только по проторенным (другими мозгами) путям. Все, что лежит вправо и влево от них, его уже не интересует. На остальное он просто не обращает уже внимания как на «несущественное» и «неинтересное» [4].

С экономической точки зрения можно сказать, что Болонская система направлена на резкое сокращение аудиторных занятий, сведение их к возможному минимуму, при котором это еще можно считать обучением, и перевод ранее аудиторных часов в ранг самоподготовки. Все это приводит к получению студентами минимально возможного объема знаний в вузах, время непосредственного общения педагога и студента в процессе обучения постоянно сокращается, а в рамках развития и использования сети «Интернет» и программ для сетевого общения приобретает катастрофическое значение. Но именно таким способом правительства стран, подписавших Болонскую конвенцию, достигают снижения стоимости образования.

Студенты, обучающиеся по Болонской системе, оказываются неспособными работать с книжной литературой, снижается их способность к обучению, получению новых знаний. И если говорить о бакалаврском образовании, которое получают бакалавры в подавляющем числе вузов, в рамках Болонской системы, то оно может сравниться разве что с образованием в средних специальных заведениях СССР. Само образование при этом превратилось в образование для масс, без наличия какого-либо серьезного отбора среди абитуриентов и последующей невостребованностью выпускников вузов.

Т.В. Свадьбина и О.А. Немова, ссылаясь на М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги, У. Бека и Г. Стендинга, отмечают, что минимум 40% процентов молодых специалистов, выпускников вузов, уже не нужны на рынке Российской Федерации в момент их поступления в учебные заведения, начиная с 2005 г. свыше 33% процентов молодых специалистов, выпускников вузов Западной

Европы, не могут найти себе работу свыше одного года, а с 2006 г. более одного миллиона становятся безработными. Образование перестало быть тем преимуществом, которое ранее давало возможность получения более престижной и высокооплачиваемой должности, работы [5, с. 112, 116]. На наш взгляд, такое образование, полученное в рамках Болонского процесса, никогда и не было преимуществом, так как не обладало необходимым качеством и никогда не служило социальным лифтом. Сейчас же это служит маркером для осознания перепроизводства специалистов с высшим образованием в определенной социально-экономической нише, в которой могут трудоустроиться представители низших слоев.

Качественное же образование в элитарных вузах остается недоступным сейчас и будет оставаться недоступным низшим слоям общества вследствие его высокой стоимости и иных ограничений для поступающих. Также для большинства выпускников бакалаврата, вследствие его высокой стоимости, является недоступным уровень подготовки «Магистр» в уже даже и не в элитарных вузах.

Если же обучающийся по Болонской системе хочет получить качественные знания, то он вынужден нанимать для себя репетиторов, что для большинства также является не доступно.

Выпускники, которые получили образование в рамках Болонской системы, как мы уже отмечали выше, становятся лишь определенной функцией в предусмотренной для него деятельности. Они не способны творчески мыслить, создавать новое, участвовать в созидательных общественных процессах.

Но основным недостатком Болонской системы образования является то, что она является не чем иным, как частью буржуазной системы обучения, она проповедует аполитичность общества, независимость доступности, а также уровня обучения от классовой структуры общества, концентрируя в себе стремление буржуазии ограничить общеобразовательный уровень трудящихся, [6, с. 219].

В то же время в рамках капитализма «приватизированное» высшими слоями общества элитарное образование не только не ликвидирует социальное неравенство, но и усугубляет его. Элитарное образование, элитарная служба, элитарная работа плюс финансовые возможности и морально-нравственные качества, которыми обладают представители высших слоев, все это создает последним фундамент для последующего продвижения с помощью социальных лифтов. Именно изначальное социально-экономическое неравенство, существующее в разных социальных классах, ведет к стартовому неравенству, студенты из высших слоев получают качественное образование, в противовес им студенты из низших слоев зачастую не могут претендовать даже на образование, впоследствии дающее им возможность получить рабочее место по специальности в соответствии с полученной квалификацией и достойной оплатой труда. Таким образом, идея «социального лифта» в полной мере в рамках капиталистического общества не работает, каким бы социально

направленным этот капитализм не представлялся.

Если мы обратимся к пониманию образования во времена Российской империи, то С.С. Гогоцкий в Философском словаре, изданном в 1876 году, пишет: «Под образованием разумеется степень совершенства, до которой человек или народ успел силою разума, знаний и воли донести совершенствование данных ему сил и средств от природы» [7, с. 129], обучение же по его пониманию – это «вообще сообщение систематических сведений, необходимых человеку в жизни, будут ли то сведения общие, необходимые каждому, или частные, специальные – по роду призвания. Но под обучением обыкновенно разумеется общее или воспитательное образование, слагающееся из такой совокупности предметов, которая потом могла бы служить основанием для всякого дальнейшего специального образования. А потому, общее воспитательное обучение будет ли оно обширнее или ограниченнее, сообщает необходимые сведения, касающиеся внутренней жизни и природы внешней или физической» [7, с. 130]. Таким образом, пропагандировались идеи образования как непрерывного процесса, в котором обучению и воспитанию уделяется большое значение в течение всей сознательной, трудоспособной жизни человека.

В целом же в Российской империи к 1917 г. существовала образовательная система, сложившаяся к 70-80 гг. XIX в. Как отмечает И.М. Гриневиц, гимназии в системе образования являлись подготовительным звеном к поступлению в университеты, и в то же время правительство считало нежелательным обучение в них представителей низших слоев и, соответственно, применяло все средства, чтобы представители низших слоев не могли в них обучаться. «Доминирующей, пишет И.М. Гриневиц, – оставалась установка Министра народного просвещения Д.А. Толстого (1866-1880): «Если всегда русское дворянство стояло во главе просвещения в России, то в настоящее время, при великих внутренних преобразованиях и дабы быть в уровень с ними, дворянство должно стоять не ниже, а выше других сословий по своему образованию» [8, с. 253]. Такое положение дел проявилось в проекте реформирования среднего образования В.П. Мещерского. И.М. Гриневиц пишет: «Суть его состояла в укреплении сословной направленности образования. Будущее устройство школы выглядело следующим образом: низшая школа с законченным курсом образования; средняя школа нескольких типов с законченным курсом образования без права поступления в университет; средняя школа с подготовительным для университета курсом. Каждый из типов школ предназначался соответствующим сословиям. На усиление сословной направленности были направлены и введенные в 1903 году новые правила приема в высшие учебные заведения, согласно которым, окончившие средние учебные заведения представляли приемным комиссиям выписки из кондуктов за три последние годы обучения, позволяющие отобрать в число студентов наиболее благонадежных выпускников» [8, с. 254-255]. А согласно циркуляру министерства народного просвещения от 7 июля 1907 г. «Об улучшении общей постановки учебно-воспитательного дела»

администрации учебных заведений в этих заведениях должны были исключить всякое свободомыслие [8, с. 255].

Боязнь идеологической составляющей образования, присутствовавшая в системе обучения в СССР, сильно пугала правительства всех стран, появившихся на его бывшей территории после 1991 года, а поэтому они пошли по пути разрушения этой системы. Многие из них нашли выход в присоединении к Болонской декларации, Россия – в 2003 году. Как итог такого присоединения – отказ от Советской системы образования, от обязательности стандартов и стыковки программ обучения, обеспечивавших качество подготовки специалистов для Советского общества и находивших свою востребованность за рубежом даже в условиях искусственных ограничений, которые на законодательном уровне принимались правительствами зарубежных стран. В то же время желание наибо́льшим образом отказаться от советского наследия привело к тому, что никто не захотел учесть особенности и недостатки, с которыми общество может столкнуться при построении Болонской системы образования в долгосрочной перспективе. Просуществовав в условиях постоянной критики Болонской системы образования, Российская Федерация после начала военной операции по защите Луганской и Донецкой Народных Республик, в которой она обозначила концептуальную составляющую своего будущего развития, 11 апреля 2022 года была исключена испугавшейся Европой из Болонской системы. Но и в Российской Федерации к этому времени уже шли разговоры о создании собственной системы образования, которая должна опираться на собственные культурные, морально-нравственные нормы и традиции. Как итог, сегодня руководство России рассматривает идеи концепции «Русского мира» как основу новой образовательной системы Российского государства. Получится ли ее создать или это так и останется «разговорами», как и многое другое, увидим через какое-то время. Пока каких-то серьезных изменений не видно. Непонятно также, насколько станет доступным образованиям всем слоям общества.

Впрочем, идеям «Соборности», которые хотят взять за основу построения новой России, по нашему мнению, наиболее отвечает «Русский космизм», о котором В.Ш. Сабиров писал: «Интенции соборного сознания лежат в основании русского космизма – многопланового явления в духовной и культурной жизни России прошлого и текущего столетий» [9, с. 90].

Во многом современные взгляды на «Русский космизм» раскрывает А.И. Субетто, который подходит к нему с глобально-исторических позиций. По его мнению, идеи «Русского космизма» в XX веке свое проявление нашли в учении В.И. Вернадского о ноосфере [10, с. 121]. Итогом этих мировоззрений стала теоретическая система А.И. Субетто «Ноосферизм».

В своей переписке с Б.Л. Личковым В.И. Вернадский отмечал, что его идеи о «Ноосфере» созвучны с учением К. Маркса, он писал: «Я мало знаю Маркса, но думаю, что ноосфера всецело будет созвучна его выводам» [11, с. 267], а в своей работе «Размышление натуралиста. Научная мысль как

планетное явление» он указывал, что будущее человечества в построении «ноосферного общества» [12]. Близость прогнозов В.И. Вернадского и К. Маркса позволяет говорить, что будущее человечества – построение коммунистического (ноосферного) общества как системы вселенского мировоззрения, цель которого, как указывал А.И. Субетто, через создание единого вселенского мышления, достижение социоприродной гармонии на коэволюционных принципах, устремления человечества к завоеванию космоса и освоению иных миров ликвидировать негативное влияние капиталистического способа производства на отношения в системе «человечество (общество) – человек – биосфера (ноосфера)». «Ноосферизм», как пишет А.И. Субетто, – есть соединение учения о ноосфере, он есть развитие учения о ноосфере В.И. Вернадского, связанное с более глубоким исследованием оснований становления будущей ноосферы со стороны человека, т. е. антропогенных, социальных, экономических, политических оснований, дополняющих естествоведческую позицию В.И. Вернадского и его последователей. Ноосферизм есть теоретическая система философско-научных, социологических, научно-экономических взглядов, раскрывающая законы и закономерности, принципы и императивы становления социоприродной гармонии в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества. Принцип управляемости входит в систему принципов Неклассичности: принципов дополнительности и антропных принципов. Он противостоит сложившейся парадигме стихийной Истории, которой в конце XX века подписала «приговор» Природа, Биосфера в форме наступивших Пределов в виде первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы. В этом «пункте» ноосферизм есть отказ человечества от рыночно-капиталистической формы своего бытия, породившей в конце XX века глобальную капиталистическую экспансию мировой финансовой капиталократии (со «столицей» в США)» [10, с. 121-122].

Еще в прошлом веке, как отмечает Ю.В. Пущаев, Э.В. Ильенков указывал, что будущее будет зависеть от революционных достижений в сфере политической экономики и педагогики. Первой отводилась роль разработки научной теории устройства коммунистического общества, второй – разработке научной теории формирования нового человека [13]. Педагогика, по мнению Э.В. Ильенкова, «должна учить мыслить», и именно эта его мысль стала названием его труда: «Школа должна учить мыслить» [4].

Именно создание человека-функции Э.В. Ильенков, как отмечает И.С. Андреева, называл одной из главных проблем капиталистического производства. По его мнению: «... капиталистическое производство, как пишет И.С. Андреева, – превращает человека в «винтик», в «частичную деталь машины», а «... разделение труда ведет к профессиональному кретинизму (особенно, когда профессией становится политика), поскольку профессия становится частной собственностью на определенные способности» [14, с. 12]. Кроме того, «Верно, что способность (умение) мыслить невозможно «вдолбить» в череп в виде суммы «правил», рецептов и – как любят теперь

выражаться – «алгоритмов». Человек все же остается человеком, хотя кое-кто и хотел бы превратить его в «машину». В виде «алгоритмов» в череп можно «вложить» лишь механический, то есть очень глупый «ум», – ум счетчика-вычислителя, но не ум математика» [4, с. 8].

Использование тестов в системе Болонского образования для профессионального отбора и умственного развития, как было доказано Советской педагогикой и психологией еще в 30-х годах XX века, на примере тестовой системы, существовавшей в царской России и которая была позаимствована последней из буржуазной психологии, ведет к подмене процессов обучения, развития и воспитания на определение коэффициента одаренности учащихся, что, по сути, ведет ни к чему иному, как к определению врожденных способностей [15, с. 63]. Таким образом, делящих всех людей на способных к обучению и развитию своих способностей и неспособных на это, и на кого не стоит тратить ресурсы. А ведь еще Э.В. Ильенков отмечал, что 99 % людей на планете рождается с биологически нормальным мозгом, который может усвоить все ранее добытые, полученные, развитые предшественниками способности. Однако несправедливость капиталистического распределения, в том числе в доступе к образованию, не дает каждому человеку реализовать свои способности, не создает условий человеческого развития. А ведь «ум, как писал Э.В. Ильенков, – умение думать, способность умело мыслить, – это способность, которая вовсе не достается человеку даром, а есть умение, которое каждый человек может и должен сам в себе воспитать, развить, постоянно тренируя орган мышления – мозг – с помощью соответствующих упражнений» [16]. «Ум – это не «естественный» дар. Это – дар общества человеку. ... ум («талант», «способность» и т.д.) представляет собой естественный статус человека – норму, а не исключение. Нормальный результат развития нормального в биологическом отношении мозга в нормальных же – человеческих – условиях» [4, с. 9-10].

Соответственно, как правильно отмечает Э.В. Ильенков, это предполагает от человека необходимость обучаться, развиваться, приобщаться к общественно-человеческой культуре, к тем знаниям, которые были добыты предыдущими поколениями человечества [16] и к которым именно в СССР – в первой стране, которая пошла по пути строительства социализма (коммунизма), впервые был открыт доступ и дана равная возможность на их приобретение. И именно на этом этапе огромное значение играет качественное образование, включающее в себя образовательную, духовную (морально-нравственную) и воспитательную составляющие.

Еще в программе Российской коммунистической партии (большевиков) в области народного просвещения В.И. Ленин писал: «В области народного просвещения РКП ставит своей задачей повести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества. В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих

возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм. Ближайшей задачей на этом пути является в настоящее время дальнейшее развитие установленных уже Советской властью следующих основ школьного и просветительного дела: 1) Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоого пола до 17 лет ...». [17, с. 431]. Кроме того, в этой же программе В.И. Ленин указывал на необходимость установить материальное обеспечение учащихся за счет государства, в том числе обеспечить бесплатное предоставление учебных пособий, одежды, обуви, пищи, обеспечить подготовку работников просвещения, обеспечить оказание государственной помощи по саморазвитию и самообразованию всех граждан страны, что должно заключаться в создании библиотек, школ, университетов, курсов, системы учреждений внешкольного образования, профессионального образования и т. д., сделать доступным приобщение к культурным ценностям, обеспечить широкий доступ к получению знаний в стенах вузов всем желающим, привлечь к преподаванию всех лиц, которые могут заниматься преподавательской деятельностью, устранить всякие искусственные преграды на пути к образованию рабочих и крестьян [17, с. 432]. Таким образом, уже через полтора года после революции В.И. Ленин и коммунистическая партия поставила своей задачей обеспечить равные всем гражданам страны возможность получения качественного образования как фундамента, позволившего бы им в будущем воспользоваться социальным лифтом. И уже 6 июня 1956 г., всего лишь менее чем через 40 лет после Октябрьской социалистической революции, несмотря на огромные потери, которые понес СССР в годы Гражданской войны, Интервенции, Финской, Великой Отечественной и Второй мировой войн, была полностью отменена плата за обучение в старших классах средней школы, средних специальных и высших учебных заведениях СССР, образование стало бесплатным во всех учебных заведениях Советского Союза.

В работе «Задачи Союзов молодежи», В.И. Ленин, отмечая особенности царского образования, подчеркивая свойственное ему зазубривание, в то же время писал: «Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека» [18, с. 305].

В отличие от советской системы образования, Болонская система

образования, которая является проявлением сущности капиталистической системы, может производить, создавать только «человека – функцию», действующую, как машина. Об этом еще в 1966 году, как отмечает Д.В. Михель, писал Э.В. Ильенков: «Торжество частной собственности... способствует распространению «профессионального кретинизма», т. е. подчинению всей жизни человека какой-то одной производственной функции, его закабалению» [19, с. 146].

Именно в СССР образование впервые в истории человечества стало носить всеобщий, бесплатный и непрерывный процесс, который обеспечивался непрерывностью общего и специального (профессионального) обучения, которое во времена СССР представляло собой систему образования, включавшую дошкольное, школьное (начальное, неполное и полное среднее образования), среднее специальное (профессиональное), высшее (высшее специальное (профессиональное) и послевузовское (аспирантура, адъюнктура, докторантура). Данная система образования обеспечивалась единством, обязательных для всех образовательных стандартов, стыковкой программ обучения на всех этапах образования.

Советское образование стало тем «социальным лифтом», с помощью которого любой желающий имел возможность изменить свой социальный статус, продвинулся по службе, заняв должность, получить работу согласно своему образованию, специальности, квалификации, специализации, оно было направлено на формирование мыслящего, творческого культурного, морально-нравственного члена общества – советского человека. Ю.Ю. Ермолавиčius, приводя фразу Киссинджера «Меня сложно назвать поклонником социализма, я западный человек с западным мышлением, но я считаю, что в Советском Союзе действительно рождался новый человек, можно сказать – homo soveticus», писал: «Нельзя не согласиться с мнением Г. Киссинджера о существующем расхождении между человекообразным существом и разумным человеком. Общепринято человекообразное существо квалифицируется как разумный человек – homo sapiens, - но по своей умственной развитости люди значительно различаются. Между обывательским и научным сознанием существует качественное различие. Поскольку в Советском Союзе социалистический общественный строй обеспечивал формирование научного мировоззрения людей с соответствующей ценностной ориентацией, социальным и нравственным поведением, образом жизни и культурой мышления, советский человек прогрессивно отличался от типичного представителя буржуазного общества, отстающего в социальной зрелости и умственной развитости. Загнивание капитализма не могло не повлечь за собой духовного кризиса личности человека» [20].

Именно высказанные выше идеи могли бы стать принципами формирования мировоззрения будущего, новой системы образования, основанной на традициях советской системы образования, целью которой должно было бы стать создание духовного (морально-нравственного) общественного человека, творца, создателя и созидателя своего будущего, о

которой Дж. Кенеди говорил: «Советское образование – лучшее в мире. Мы должны многое из него взять. СССР выиграл космическую гонку за школьной партией. Не за счет финансов, а за счет советской школы Советский Союз обогнал США» [5, с. 112]. В данном случае, по нашему мнению, под школой следует понимать не только среднюю школу, но и всю систему образования в СССР.

На современном этапе развития общества марксизм-ленинизм, синтезирующий идеи В.И. Вернадского о «Ноосфере», в том числе в образовании, среди ряда ученых, сторонников коммунистического (ноосферного) общества вновь приобретает огромный интерес, а марксисты-ленинцы видят в идеях построения коммунистического (ноосферного) общества – новый путь развития своих идей.

Л и т е р а т у р а

1. Ключарев Г.А. «Проблема мелюзги», образовательные неравенства и эффективность вузов как социально-экономические индикаторы [Электронный ресурс] / Г. А. Ключарев // Вестник Института Социологии. – 2013. – Вып. 6. – Т. 4. – №. 1 – С. 235 – 251. – Режим доступа: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2013_6/Klucharev.pdf (дата обращения 20.04.2023).

2. Исаев В.Д. «Преодолеть формализм «болонской системы», возвратиться к традициям русской педагогической школы» [Электронный ресурс] / В. Д. Исаев. – Режим доступа: <https://kmfit.ru/wp-content/uploads/2022/12/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE-%D0%BF%D0%BE-%D0%BA%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D1%83-%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%83.doc> (дата обращения 29.01.2023).

3. Иванчук А.А. Готово ли мировое сообщество на смену глобальной парадигмы своего существования? / А. А. Иванчук // Ноосфера і цивілізація : Всеукраїнський філософський журнал. – 2012. – Вып. 1 (13). – С. 154 – 173.

4. Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить [Электронный ресурс] / Э. В. Ильенков. – Режим доступа: https://vk.com/doc3260116_590462850?hash=euqyWDM4oxza3FXoovN (дата обращения 20.04.2023).

5. Свядьбина Т.В. Высшее образование как «социальный лифт»: оценка эффективности [Электронный ресурс] / Т. В. Свядьбина, О. А. Немова // Вестник СупГПУ. – 2018. – № 2 (53). – С. 111 – 118. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-kak-sotsialnyy-lift-otsenka-effektivnosti> (дата обращения 20.04.2023).

6. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 18 : Никко – Отолиты. – М. : Издательство «Советская энциклопедия», 1974. – 632 с.

7. Гогоцкий С.С. Философский словарь [Электронный ресурс] / С.С. Гогоцкий. – СПб.: Тропа Троянова; Иваново: ИТ «Роща Академии», 2009. – 297 с. – Режим доступа: https://vk.com/doc4605748_437169839?hash=oftFBwDXJLMSJuQ0pZY1SYEiLRazcjKpItnCyeDTZUT (дата обращения 20.04.2023).

8. Гриневич И.М. Реформирование системы образования в начале XX века [Электронный ресурс] / И.М. Гриневич // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 4. – С. 251–257. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-sistemy-obrazovaniya-v-nachale-xx-veka> (дата обращения 20.04.2023).

9. Сабиров В.Ш. Русская идея спасения (Жизнь и смерть в русской философии) / В.Ш. Сабиров. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 1995. – 152 с.

10. Субетто А.И. Русский космизм в логике становления Ноосферизма в XXI веке [Электронный ресурс] / А.И. Субетто // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – Т.2 : Живая Этика и Культура: идеи наследия семьи Рерихов в нашей жизни. – Вып. 2. – С. 120 – 143. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-kosmizm-v-logike-stanovleniya-noosferizma-v-xxi-veke> (дата обращения 20.04.2023).

11. Вернадский В.И. Собрание сочинений: в 24 т. Т. 15. : Переписка с Б.Л. Личковым [Электронный ресурс] / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 2013. – 468 с. – Режим доступа: http://vernadsky.ru/webv/?document=http://vernadsky.ru/assets/files/41/xiRQ2T2poZDUm2FidovVob_iwKZkJ6ti.pdf (дата обращения 20.04.2023).

12. Вернадский В.И. Размышление натуралиста. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 1977. – 192 с.

13. Пушаев Ю.В. История и теория Загорского эксперимента. Начало (I). [Электронный ресурс] / Ю.В. Пушаев. – Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 132 – 147. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=715&Itemid=52 (дата обращения 18.02.2023).

14. Андреева И.С. Рыцарь диалектики: Эвальд Васильевич Ильенков (1924 – 1979). (Обзор) [Электронный ресурс] / И.С. Андреева. – С. 3 – 19. – Режим доступа: <http://caute.ru/files/andreeva.pdf> (дата обращения 20.04.2023).

15. Общая психология: Учеб. пособие для студентов пед. институтов / В.В. Богословский, А.А. Степанов, А.Д. Виноградова и др. – М. : Просвещение, 1981. – 383 с.

16. Ильенков Э.В. Думать, мыслить... [Электронный ресурс] / Э.В. Ильенков. – М., 1968. – С. 258 – 279. – Режим доступа: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/cogitare.html> (дата обращения 20.04.2023).

17. Ленин В.И. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) /В. И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 38. / В.И. Ленин. – М. : Издательство Политической Литературы, 1969. – С. 417-446.

18. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российской Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Полное собрание сочинений в 55 т.: Т. 41. / В.И. Ленин. – М. : Издательство Политической Литературы, 1981. – С. 298-318.

19. Михель Д.В. Э.В. Ильенков и борьба за подлинный марксизм: философское свободомыслие в позднем СССР [Электронный ресурс] / Д.В. Михель. – Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22. – Вып. 2. – С. 144 – 149. Михель Д.В.

Э.В. Ильенков и борьба за подлинный марксизм: философское свободомыслие в позднем СССР. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/e-v-ilienkov-i-borba-za-podlinnyu-marksizm-filosofskoe-svobodomyслиe-v-pozdnem-sssr> (дата обращения 20.04.2023).

20. Ермолавиčius Ю.Ю. «Генри Киссинджер прибег к самокритике» [Электронный ресурс] / Ю.Ю. Ермолавиčius. – Режим доступа: <https://kprf.ru/kpss/182732.html> (дата обращения 20.04.2023).

Bibikov A.A., Kobzev A.F. FROM PERSON TO INDIVIDUAL: EDUCATION AS THE MOST IMPORTANT WAY TO ENSURE SPIRITUAL SECURITY

The article deals with issues related to the formation of the Bologna system of education, its goals and shortcomings. The possibilities of transforming the education system within the framework of the teachings of Russian cosmism and communist (noospheric) society are considered.

Key words: Bologna system of education, system of mass education, education, social lift, communist (noospheric) society, Russian cosmism, capitalism.

Бибиков Алексей Анатольевич – аспирант кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Bibikov Aleksey Anatolyevich – post-graduate student of the Department of Philosophy of FSBEI HE «Lugansk State University named after Vladimir Dahl».

E-mail: a_bib_a@mail.ru

Кобзев Александр Федорович – аспирант кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», магистр религиоведения, протоиерей, настоятель Свято-Трифоновского храма г. Луганска.

Kobzev Aleksandr Fedorovich – post-graduate student of the Department of Philosophy of FSBEI HE «Lugansk State University named after Vladimir Dahl» master of Religious Studies, archpriest, rector of the St. Tryphon church in Lugansk.

Рецензент: Исаев Владимир Данилович – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 343.228:2

Шелюто В.М.

КОНФЛИКТНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена отражению политических конфликтов в государственной символике. Символ содержит в себе глубокую связь с базовыми идеями и ценностями, на которых базируется общество и государство. В статье проанализированы изменения символики государственных атрибутов в переходные моменты истории государств. Раскрыта глубинная связь символа с историей народа, подчеркнута важнейшая роль государственных символов в процессе патриотического воспитания личности.

***Ключевые слова:** символ, государственный атрибут, флаг, герб, гимн, конфликт, революция, традиция.*

Формирование гражданско-патриотических качеств личности невозможно без представления о происхождении и истории тех или иных символов, используемых в атрибутике государства. Ведь смысл ключевых событий исторического процесса заложен именно в государственной символике и атрибутике, которая должна быть расшифрована, понята и экзистенциально пережита.

Государственный символ аккумулирует в себе чувство любви к Родине, и в то же время продуцирует ненависть к её врагам. По определению В.П. Зинченко, символы представляют собой «аккумуляторы живой энергии, своего рода энергетические сгустки» [1, с. 11]. На изломе исторической эпохи, вызванном революциями, государственные символы уходящего в историю государства и возникающего на этой территории нового пребывают в ситуации обострённого конфликта. Государственный символ определенным образом концентрирует на себе деятельность человека не только в отношении государства, в котором он проживает, но и в отношении других стран. Он является концентрированным выражением самой государственной власти.

Глубинное содержание государственного символа способствует формированию отношения человека к государству, раскрывает смысл существования данного государства в истории человечества. Символика государственных атрибутов может способствовать установлению

правопреемственности между отдельными периодами истории государства, Она восстанавливает связь между прошлым, настоящим и будущим и формирует целостность истории того или иного народа. Однако в ряде случаев она может разрывать связь настоящего с прошлым. В исторической реальности это выражается в учреждении посредством государственного переворота или революции качественно иного государственного образования, существенно отличающегося от предыдущего. Ярким примером этого является замена государственных символов Российской империи коммунистической символикой, официально утверждённой в качестве государственной символики СССР. Аналогичная замена произошла и в символике Российской Федерации после распада СССР, когда был восстановлен бело-сине-красный флаг, являющийся государственным флагом Российской империи и герб – двуглавый орёл, символизирующий преемственность великого княжества Московского по отношению к православной Византии. Велением времени качественные изменения государственных символов прошли в начале 90-х годов XX века во всех бывших советских республиках. В республиках Центральной Азии, которые ранее не имели своей государственности в установленных границах, была утверждена государственная символика, связанная с религиозной и культурной символикой ислама. Те же республики, у которых была некоторое время своя государственность в установленных границах в досоветский период, стремились в максимальной степени восстановить свою национальную государственную атрибутику. К числу таких стран относились прибалтийские республики – Эстония, Латвия и Литва. Исключение составляла Республика Беларусь, в которой после длительных дискуссий относительно атрибутики независимого государства, была восстановлена символика, связанная с периодом существования Белорусской ССР. Государственный флаг Республики Беларусь восстанавливает историческую преемственность этой страны по отношению к Советской Белоруссии, в рамках которой произошло объединение всех белорусских земель. Под бело-красно-белым флагом Белорусской Громады периода революции и гражданской войны в Республике Беларусь выступают различные оппозиционные течения и противники президента А.Г. Лукашенко. Жёлто-голубой флаг современной Украины, наоборот, разрывает всякую правопреемственность этой страны по отношению к Советской Украине и устанавливает её непосредственную связь с УНР, существовавшей в 1918-1920 годах. Исходя из такой направленности в будущее, выстраивается вся последующая история этих государств. Беларусь, не утрачивая государственного суверенитета, с 1996 года участвует в создании Союзного государства России и Белоруссии на конфедеративной основе. Политика властей Украины, особенно после майдана 2013-2014 года, была направлена в сторону радикального разрыва с Российской Федерацией, что привело к затяжному военному конфликту. Этому способствовала политика правящих кругов современной Украины, направленная на «декоммунизацию», а в настоящее время и «друсификации».

Одни государственные символы прочно связаны с традицией и поступательным развитием государства. Другие символы порождены революцией и гражданской войной и свидетельствуют о «скачкообразном» характере его движения от прошлого к будущему, связанной с прерыванием целостности истории государства и легитимности власти. В государственных символах таких стран проявляются разрывы исторического времени и «лакуны» исторического знания. Задача государственных символов, которые связаны с победившими идеологическими течениями, заключается в том, чтобы «отречься от старого мира» и осуществить построение той или иной модели «нового мира».

Исключительно важное воздействие на формирование государственных символов играет религиозная символика. Влияние религиозного канона на формирование государственной символики проявляется в том, что самыми распространенными символами, которые используются в государственных гербах и флагах, являются крест, полумесяц, колесо, звезда. В форме этих символов заложено религиозное содержание.

В христианской традиции крест сопряжён с категорией времени. Место, где соединяются перекладины креста, символизирует приход Христа. Евангельская история личности Иисуса Христа, описывающая рождение, подвижническую жизнь, крестные муки и смерть, воскресение, является центром всей священной истории христианства. Крест является символом смерти и воскресения, поскольку христианская религия является одной из религий, которые утверждают вечную жизнь.

В украинской государственной символике наряду с «трезубом» важное место также занимает крест. Однако в отличие от использования символики креста в России, где, как правило, в геральдике используется православный крест, на военных знаках и орденах Украины употребляются совершенно произвольные крестообразные формы. Среди них, в частности, используются «гельветический, румынский, австрийский и антониев кресты, а также подобие мальтийского, сочетание антониева с библейским вилообразным» [2, с. 552]. Всё это свидетельствует об эклектике украинской геральдической традиции, заимствовавшей символику разных по своему вероисповеданию и культуре государств. В настоящее время эта тенденция прослеживается в постепенном отказе Украины от канонического православия и дрейфом данного государства в сторону ценностей западной культуры.

В качестве символической фигуры индуистской и древнеегипетской религий широко используется свастика. Она представляет собой солярный символ, который обозначает постоянную борьбу. Данный символ являет собой глубокую метафизику конфликтности существующего мира. Свастика является символом огня, символом войны. Свастика в белом кругу на красном фоне выступала в качестве основного символа власти в нацистской Германии 1933-1945 гг. В результате сращивания партийного и государственного аппарата свастика стала не только символом НСДАП, но и государства «Третьего рейха»

в целом. Таким образом, будучи одним из древнейших солярных символов, свастика подверглась существенной трансформации в смысловом поле европейской культуры XX века. Этот символ стал восприниматься человечеством второй половины XX столетия крайне негативно, невзирая на его тысячелетнюю историю.

Символом, заменившим крест у значительного числа государств, заявивших в XX столетии о строительстве социализма, является пятиконечная звезда. Красная пятиконечная звезда выступает в качестве эмблемы солидарности трудящихся. Её пять лучей означают пять континентов. Лучевая звезда заменяет эмблему Солнца и трактуется как символ счастья и процветания. В советский период красная звезда была связана и с погребальным культом. Она использовалась на памятниках усопшим. Однако с развалом советской системы использование красной звезды в процессе погребения было прекращено.

Важнейшим для понимания культуры той или иной страны является геометрическая фигура, которая широко используется в символике. Начиная с глубокой древности, геометрические фигуры использовались для того, чтобы выразить глубинную сакральную основу той или иной страны. Для Древнего Египта, таким сакральным символом являлась пирамида, символизирующая устремлённость к солнцу древних египтян. В древнеегипетской культуре пирамиду сменил обелиск, который по своей форме имеет некоторое сходство с пирамидой. Важность погребального культа для древнеегипетской цивилизации была связана с наличием в египетской религии представлений о загробной жизни. «Книга устремлённого к свету», или «Книга мёртвых», составленная жрецами Древнего Египта является древнейшим текстом, в котором описывается посмертное существование.

В зависимости от отношения к наиболее почитаемым светилам, связанным с посмертным существованием цивилизации древности, подразделяются на «солнечные» и «лунные». Эти цивилизации отличались друг от друга в первую очередь наличием или отсутствием в них представлений о посмертном существовании. «Солнечная» цивилизация опиралась на символику, содержащую в себе надежду на посмертное существование, в то время как в религиозно-мистических представлениях «лунной» цивилизации представления о вечной жизни либо отсутствовали полностью, либо не имели чёткого выражения в мифопоэтических произведениях принадлежащих к ней народов. Примером этого является представление о «шеоле», где томятся души умерших, свойственное религии древних евреев.

В отличие от древних египтян у жителей Древней Месопотамии не было развитого учения о загробной жизни. Поэтому жители Месопотамии строили не пирамиды-усыпальницы, а башни-зиккураты, которые представляли собой своеобразные астрономические обсерватории. Среди них особое значение приобрела знаменитая башня Этеменанки, ставшая прообразом Вавилонской

башни, упомянутой в Библии. В связи с отсутствием ясных представлений о посмертном существовании, которые в египетской религии рассматривались как «устремлённость к свету», жители Месопотамии хоронили своих умерших царей в «великих шахтах смерти». Жителей Междуречья интересовала преимущественно земная жизнь. Они стремились стать ближе к небу для того, чтобы ярче видеть звёзды, которые, согласно верованиям, могли рассказать правду об их дальнейшей судьбе. Изучение знаков зодиака явилось важнейшим занятием халдейских звездочётов, составлявших гороскопы и звёздные карты. Если египтяне строили устремлённые к солнцу пирамиды и обелиски, то результатом отсутствия представлений о загробной жизни жителей Месопотамии явились здания прямоугольной или квадратной формы. Это наглядно свидетельствовало о сосредоточенности их сознания на земной жизни. Даже мир богов представлялся им в качестве космического государства. Эти здания своей внешней тяжеловесностью и громоздкостью показывали всю тяжесть земного пути, который суждено пройти человеку без всякой надежды на «жизнь после смерти». Ярким свидетельством этого является шумеро-аккадский эпос «Гильгамеш» («О всё видавшем»). Даже жизнь богов у шумеров и вавилонян выглядела как отражение земных форм. Космическое государство, собрания богов, принятие ими решений после обсуждения других бюрократических процедур – всё это являлось предпосылкой создания первой в истории человечества правовой системы, которая была основана на законах вавилонского царя Хаммурапи. Боги Месопотамии были уподоблены земным царям, а земные цари не являлись богами, они были смертными людьми.

Глубокая конфликтность символов «солнечных» и «лунных» цивилизаций прослеживается на протяжении многих веков. Это символика Древнего Египта и Вавилона, Ирана и Иудеи.

В древнееврейских государствах Иудее и Израиле шестиконечная звезда «Могендавид», представляющая собой два перекрывающиеся друг друга треугольника, раскрывала символику двух миров, в которых одновременно пребывает человек.

В античной культуре главным символом являлся шар как совершенная геометрическая фигура, все точки поверхности которой равноудалены от центра. Круг соответствовал индийской философской системе, где жизнь духа повторяется много раз в различных перевоплощениях. Круг, символизирующий вечное возвращение, явился важнейшим символом индийской цивилизации. Он означал колесо перерождений сансары, повторяемость времени, символизировал смену времён года.

В XX веке ярким примером глубокой конфликтности символики являлось противостояние солнечного знака свастики еврейской шестиконечной звезде. Наиболее жёсткое противостояние сакральной символики в истории XX века вылилось в проводимую немецким нацизмом политику государственного антисемитизма и холокост, проявившийся в массовом уничтожении нацистами, возводящими свою родословную к арийской «солнечной» расе, еврейского

населения Европы. Преследования еврейского населения, исторически связанного с семитскими культурами «лунного света», распространёнными в странах Ближнего Востока, осуществлялось во многих странах Европы и Азии в различные исторические эпохи по разным мотивам.

Противостояние внешнего характера также влияет на характер государственной символики. Польша оказалась самым слабым звеном в мировой социалистической системе и явилась своего рода тараном в плане её разрушения. И дело здесь не только в сохранении частной собственности на землю в польской деревне и обобществлением собственности в городе, но и в том, что и в народной Польше католическая церковь сумела практически полностью сохранить свою духовную власть и авторитет. Член ПОРП мог быть правоверным католиком, а значит, он находился, по сути, в двойном подчинении. ПНР являлась единственной из европейских социалистических стран, в которой государственная символика была практически не изменена по сравнению с прежней символикой Речи Посполитой и Республики Польша (1918-1939 гг.). Единственным изменением являлось то, что на гербе в период ПНР орёл лишился короны. Но даже во времена Речи Посполитой Польша имела во главе выборного короля, который мог быть смещён Сеймом или мятежными феодалами – рокошами и конфедератами. Объединённое государство, включающее в себя Королевство Польшу и Великое княжество Литовское, со времён заключения Люблинской унии 1569 года в официальных документах именовалось Речью Посполитой – республикой. За всеми другими польскими государственными образованиями был утверждён тот же статус: 2-я Речь Посполитая (1918-1939), Речь Посполита Народов – ПНР (1951-1990), 3-я Речь Посполитая (с 1991 года)

Особое значение в плане конфликтного характера символики имеет период существования Советского Союза. Это – прежде всего конфликт между государством и церковью, когда вся религиозно-церковная символика была полностью удалена из государственной атрибутики. Оставалась только коммунистическая символика. Но в столь сложные годы партия и правительство не смогли запретить существование церкви. Это осуществилось единственный раз в истории после французской революции.

Советский период истории характеризовался противопоставлением СССР капиталистическому окружению. В связи с этим вся символика нового государства рабочих и крестьян была по своей сути мобилизационной. Достаточно вспомнить плакаты того времени: «Ты записался добровольцем», «Родина – мать зовёт!», «Воин Красной армии – спаси!». СССР находился в кольце враждебного окружения. То, как за границей власти относились к государственной символике СССР, очень ярко описывает В.Маяковский в «Стихах о советском паспорте»: «Берут как бомбу, берут как ежа, как бритву обоюдоострую, берут как гремучую в двадцать жал змею двухметроворостую». Само появление таких стихов представляло собой важный культурно-исторический феномен того революционного времени. Ибо никаких других

стихов о паспорте или каком-то другом удостоверении личности нигде, кроме СССР, написано не было. В этом случае мы встречаемся с одним из важнейших проявлений конфликтности символики в XX веке. В этом столетии с неистовой силой развернулись войны с сильным идеологическим содержанием, когда противоборствующие стороны обращались к символике, усиливающей конфликтность общества.

Символика цвета, используемая в государственных атрибутах стран Европы, восходит к временам Римской и Византийской империи. Символика цвета государственного флага в европейских и многих азиатских странах преимущественно определена религиозным канонам. В строго упорядоченной христианской церковью иерархии цвета «высшее место занимал пурпурный цвет – цвет божественного и императорского достоинства. Следующий по значению цвет – красный, цвет пламенности, огня (как карающего, так очищающего) – это цвет животворного тепла и, следовательно, символ жизни. Белый цвет часто противостоял красному как символ божественного цвета. Дальше располагался черный цвет как противоположность белому, как знак конца, смерти. Потом – зеленый цвет, который символизировал юность, цветение. И, наконец, синий и голубой, которые воспринимались в Византии как символы трансцендентного мира» [3, с. 47].

Государственный флаг Российской империи, первоначально утверждённый при Александре III в 1883 году, в ходе распада СССР в 1991 году становится флагом Российской Федерации.

Он включает горизонтальные полосы белого, синего и красного цвета. Указанные цвета появляются и на флагах других славянских стран, что свидетельствует о принадлежности этих стран к славянской культуре. Указанные цвета, помимо Российской Федерации присутствуют на знамени Югославии и образовавшихся на её территории Сербии и Хорватии, а также Чехословакии и стран-правопреемниц – Чехии и Словакии. В атрибутике Венгрии и Болгарии синий цвет заменён зелёным.

В период волнений в русскоязычных областях Украины неофициально использовались флаг СССР, флаг России и флаг цветов георгиевской ленты.

В значительной степени мы встречаемся с острым конфликтом символов в настоящее время. Особый характер конфликтности символики сложился между Россией и Украиной. Российская Федерация приняла в качестве государственного флаг Российской империи, в которую Украина входила на протяжении длительного времени, начиная с Переяславской Рады 1654 года. Государственным флагом Украины стал жёлто-голубой флаг УНР. С этой республикой вели в годы гражданской войны 1918-1920 гг. борьбу и «красная», и «белая» Россия. В современной конфликтной ситуации на Украине символическое значение приобретают «цвета борьбы».

Государственная символика находит своё яркое проявление и в музыке. Музыка в большей степени, чем другая символическая система, связана с непосредственным переживанием, то есть с экзистенциальной сферой бытия.

Она в первую очередь воспринимается на чувственном уровне. Связь музыки со сферой сакрального прослеживается ещё у первобытных народов. Во многих «примитивных» обществах музыку понимали как богатство в форме «невидимого имущества», она передает комплексы магических знаний от одних людей к другим.

Музыка является «временным» видом искусства. Она связана с невидимым миром. Поэтому музыка в наибольшей степени связана с сакральным, которое с религиозной точки зрения также представляет собой невидимое и может проявляться только посредством различных символических форм. Время, по словам Платона, представляет собой «текущий образ вечности». Это же представление характерно для неоплатоников и «отцов церкви». Таким образом, временной вид искусства в большей степени сопряжен вечности, чем словесный или пластический. По словам музыковеда В.В. Медушевского, музыкальный слух имеет религиозную природу [4, с. 8].

Как уже было отмечено ранее, символ в наиболее чистом виде представляет собой музыкальный звук. Его способ существования – время. Поэтому пению священных стихов в мировых и национально-государственных религиях всегда было уделено особенное внимание. Пение священных Вед, гимнов Заратустры, псалмов, речитативное декламирование Корана способствовали концентрации души на священном объекте, вхождению её в мир чистых сущностей, который не нуждается для своего выражения в каких-то пространственных символах. Этот чисто «временной» символ является средством противостояния силам зла, силам разрушения, хотя само по себе время есть не что иное, как осуществление этого разрушения. Причастность музыкальной символики к вечному началу проявляется и в пении государственного гимна, который представляет собой музыкально-поэтическое произведение. Он может исполняться в оркестровом, хоровом, оркестрово-хоровом либо ином вокальном и инструментальном вариантах. При исполнении государственного гимна могут использоваться средства аудио- и видеозаписи, а также средства теле- и радиотрансляции. Государственный гимн может исполняться в различных учреждениях при открытии и закрытии торжественных собраний, посвященных государственным праздникам, при проведении официальных мероприятий. Сакральный характер государственного гимна выражается и в том, что на официальных мероприятиях его слушают и поют стоя. В случае, когда на церемонии исполняется несколько гимнов, то сначала исполняется именно государственный гимн. Тексты государственных гимнов составлены так, чтобы вызвать гордость за страну, чтобы показать особый характер её государственности. В государственном гимне может быть подчеркнута геополитическая роль страны в мире, например, «Правь, Британия, морями». В американском гимне ключевым экзистенциалом является свобода, имеющая многозначную трактовку: «Ты скажи, ты ответь, вьётся ль звёздный наш флаг

над землёй храбрецов, надсвободы сынами». Направленность на революционное преобразование мира характерна для французской «Марсельезы» и первого советского гимна «Интернационала». Современный гимн Российской Федерации исполнен гордости за свою страну. В музыкальном отношении он связан с гимном Советского Союза. В государственном гимне в наивысшей степени проявляется чувственное восприятие возвышенного, грандиозного, величественного. Именно с этими категориями связано возвращение в современной Российской Федерации к музыке советского гимна.

Музыка государственного гимна способна сама по себе вызывать сильные эмоции, которые могут быть выражены в чувстве радости, гордости за свою страну. Музыка государственного гимна проникает в душу, воспринимается сердцем, поднимает человека к трансцендентному, сакральному началу бытия.

Таким образом, в государственных символах фиксируются героическое прошлое, устойчивое настоящее и светлое будущее, которые предстают как единый феномен времени в истории той или иной страны. Отличаются государственные символы различных стран в зависимости от того, какой момент времени в них доминирует.

Особый язык сакральных символов выражает глубинный смысл исторического существования народов, наций, государств. В то же время символ, используемый в государственной атрибутике, адресован внутреннему переживанию каждого человека, который является гражданином данного государства.

Л и т е р а т у р а

1. Зинченко В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации / В.П.Зинченко // Вопросы психологии. – 1993. – №4. – С. 5-19.
2. Похлёбкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – М.: Международные отношения, 1995. – 560 с.
3. Кривцун О.А. Эстетика / О.А. Кривцун. – М.: Аспект Пресс 2001. – 447 с.
4. Медушевский В.В. Религиозная природа музыкального слуха // НОМО MUSICUS Альманах музыкальной психологии. – М.: Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, 1995. – С. 8-16.

Shelyuto V.M. CONFLICT OF STATE SYMBOLS: HISTORY AND MODERNITY

The article is devoted to the reflection of political conflicts in state symbols. The symbol contains a deep connection with the basic ideas and values on which society and the state are based. The article analyzes the changes in the symbolism of state attributes in transitional moments in the history of states. The deep connection of the symbol with the history of the people is revealed, the most important role of state symbols in the process of patriotic education of the individual is emphasized.

Key words: *symbol, state attribute, flag, coat of arms, anthem, conflict, revolution, tradition.*

Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Shelyuto Vladimir Mikhaylovich – doctor of philosophical sciences, professor of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: kaf.filosofia.teologia@yandex.ru.

Рецензент: Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и конфликтологии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 316.37

Баева Л.В.

МОДА НА «КОЛУМБАЙН» В РОССИИ И МЕНТАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ¹

Проблема массовых нападений в учебных заведениях стала одним из острых проявлений молодежного экстремизма, получившего вирусное продвижение в мире. На основе обзора эпизодов скандалов последних десятилетий предпринимается попытка выявления атрибутивных признаков преступлений-копий и факторов их тиражирования. Раскрыты особенности поведения стрелков, в том числе под влиянием негативного информационного воздействия в социальных медиа.

Ключевые слова: колумбайн, массовые расстрелы в учебных заведениях, преступления-копии, вирусный эффект.

18 декабря 2018 года в Государственной Думе РФ были приняты поправки в два федеральных закона, связанные с усилением мер по противодействию кибервоздействия на молодежь и подростков. Поправки коснулись Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федерального закона от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Их суть была связана с требованиями немедленной блокировки интернет-страниц, содержащих информацию, направленную «на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни и (или) здоровья либо для жизни и (или) здоровья иных лиц» [2]. Принятие этих поправок было очередной мерой в системе действий, направленных на

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00765, <https://rscf.ru/project/23-28-00765/>.

противодействие киберугрозам в цифровой среде, которые имеют реальные последствия для жизни и здоровья детей, подростков и молодежи. Причиной для этого стали популярные в последние годы в соцсетях деструктивные виртуальные сообщества и группы, призывающие к агрессии или суицидам, ориентированные на детскую, подростковую и молодежную аудиторию. Наиболее значимыми среди них по своим трагическим последствиям оказались так называемые «группы смерти» и «колумбайн-сообщества», имеющие, на первый взгляд, различную направленность, но сходные по методам и целевой аудитории и финальным этапам [2].

Целью нашего исследования является понимание сущности и форм проявления молодежных преступлений-копий в России, совершенных в подражание расстрелу в школе Колумбайн в 1999 году, как формы деструктивного ментального воздействия на молодежь. Исследование молодежных преступлений, общей чертой которых является подражательный и демонстративный характер, связанный с выражением предельной ненависти к окружающим, активно ведется на протяжении последних 30 лет, после трагедии в американской школе Колумбайн, породившей цепную реакцию по всему миру. Проводимые исследования могут быть систематизированы на основании подходов в отношении источника, формирующего причины нападений, которые связываются с социальными, психологическими, криминальными и иными факторами. Например, психологические аспекты скулшутинга исследуют П. Лангман, Д. Левин и Э. Медфис, С.К. Погребная и др. Так, П. Лангман выделил психопатические, психотические и травмированные типы скулшутеров, в том числе с перенесенными ранее травмами или обидами (подвергавшиеся физическому, эмоциональному, а иногда и сексуальному насилию), имеющих симптомы шизофрении или шизотипического расстройства личности, серьезные социальные и эмоциональные нарушения как врожденного, так и приобретенного характера [3]. В свою очередь Д. Левин и Э. Медфис отмечают высокую роль возрастных и психических особенностей, связанных с хроническим, неконтролируемым напряжением, длительными фрустрациями, переживаемыми в раннем или подростковом возрасте, которые ведут к социальной изоляции, а при отсутствии просоциальных систем поддержки – к поведенческим взрывным разрушительным эффектам [4].

Источники скулшутинга с позиции информационного воздействия выявляются в качестве определяющих в работах В. Вашингтона, В.А. Сапрыкина, Е.О. Маловой, Г.В. Красновой и А.А. Маркова и др. Например, фактор влияния видеоигр с высоким уровнем агрессии для мировоззрения и поведения стрелков представлены в работах В. Вашингтона [5]. Социологические аспекты скулшутинга исследуются в трудах А.Ю. Карповой и Н.Г. Максимовой, которые изучают его социальные детерминанты и связи скулшутеров, вовлеченность стрелков в сообщества деструктивной направленности [6]. Правовой, криминологический подход к

проблеме склуштинга раскрывается в работах Ю.В. Суходольской, А.С. Чунина, К.Б. Ваняна и др., в работах которых изучены возможности и ограничения современного законодательства, связанные с решением этой проблемы, а также вопросы оборота оружия и его доступности. Несмотря на множество подходов и исследований единый портрет школьных стрелков составить затруднительно. У стрелков оказывается различное семейное происхождение, уровень обеспеченности, способности и успеваемость, возраст, увлечения, психические и эмоциональные особенности. Каким бы ни был научный фокус изучения темы, исследователи всегда приходят к выводу, что составить однозначную картину школьного стрелка невозможно, хотя сценарии преступлений во многом повторяются, во многом воспроизводя расстрел в школе Колумбайн в Литтлоне.

История возникновения «колумбайнеров» связана с преступлением двух американских подростков – Эрика Харриса и Дилана Клиболда, которые устроили стрельбу в своей школе Колумбайн (штат Колорадо) 20 апреля 1999 года, убив 13 и ранив 24 человека. После неудавшегося минирования столовой они расстреляли школьников и учителей, а затем расстреляли друг друга в помещении школьной библиотеки. До этого они тщательно готовились, вели дневники, составляли списки одноклассников, которых хотели убить, через друзей приобретали оружие (поскольку им не было 18 лет), готовили взрывчатые устройства, тщательно выбирали одежду (черные плащи, ботсы, белые футболки, ставшие затем объектами подражания). Харрис в своем дневнике писал о том, что его восхищали громкие теракты, совершенные в США, и он хотел бы «превзойти» их. Увлечением подростков, как и многих в те годы, была игра «Дoom», и Харрис с Клибордом создали свой уровень в этой игре, имитирующий их школу. В дневнике Харрис писал о том, как ему хотелось бы поместить всех в эту игру с тем, чтобы все слабые были убиты, а сильные победили. Харрис написал на своей футболке, надетой в день бойни: «Естественный отбор», Клиборд – «Гнев». Эти факты показывают, что в данном случае имело место не просто стремление отомстить за обиды, нанесенные им другими (хотя версия травли остается одной из наиболее популярных), но культ самого насилия и стремления к устрашению других ради самоутверждения. Судя по дневнику, который вел Клиболд, целью нападавших была не месть за травлю, а желание войти в историю самых жестоких убийц, стать примером для подражания у последователей. Таким образом, преступление явно имело характер манифестации, привлечения массового внимания, а также проявления крайней степени ненависти к окружающим и отрицания смысла собственной жизни.

Это преступление, хотя оно не было первым в США, стало источником для многих последующих подражаний, терактов-копий, совершенных подростками в США, а затем и в других странах. Уже через восемь дней, 28 апреля 1999 года, произошел первый случай подражания. 14-летний подросток из полуавтоматической винтовки открыл стрельбу в коридоре

канадской школы, убил одного и ранил другого ученика. Ребенка с оружием скрутил преподаватель физкультуры. На суде стрелок заявил, что его вдохновила бойня в «Колумбайне». Ровно месяц спустя после «Колумбайна», 20 мая 1999 года, 15-летний подросток устроил стрельбу в своей школе Heritage High School. Из револьвера и полуавтоматической винтовки он ранил шестерых человек. Его приговорили к 40 годам тюрьмы и еще 65-ти годам условного заключения. Стрелок также заявлял, что на стрельбу его вдохновили Эрик Харрис и Дилан Клиболд, он называл себе членом «Мафии плащей».

21 марта 2005 года 16-летний подросток в Ред-Лейк, в штате Миннесота, перед тем, как отправиться в школу, застрелил своего деда, а затем в школе убил семь и ранил пять человек. При этом он также пытался копировать стрелков из «Колумайна».

16 апреля 2007 года студент из Южной Кореи устроил расстрел в Виргинском политехническом институте в городе Блэксберг. Начав со студенческого общежития, он расстреливал всех, кто попадался ему на пути. Затем перешел в учебный корпус, он убил 32 человека, еще 25 ранил. Он оставил прощальное видео, в котором упоминал «мучеников Эрика и Дилана». По количеству жертв эта бойня стала вторым массовым расстрелом в США. На первом месте был теракт в начальной школе «Бэт» в 1927 году. Другой массовый расстрел произошел 14 декабря в начальной школе в Санди-Хук, в штате Коннектикут, когда 20-летний мужчина, застрелив свою мать, устроил бойню в начальной школе, где его мишенями стали 6-7-летние дети. Он убил 20 детей, шестерых взрослых.

Преступлений подражателей после расстрела в Колумбайн в США насчитывают уже более 70. Еще 17 массовых убийств в стиле «Колумбайна» были совершены в Мексике, 7 – в Бразилии, 6 – в Австралии. В Европе массовые убийства в школах были в Швеции в 2015 году (на фоне расовой нетерпимости, преступник выбрал школу, в которой около 90% учеников были детьми мигрантов), в Финляндии подобные преступления имели место несколько раз: в 2007, 2008 и 2012 годах, в Эстонии в 2014 году и во Франции в 2017-м, в Польше в 2020.

В России первое подобное преступление произошло в Москве в феврале 2014 года, когда десятиклассник, вооруженный винтовкой и карабином, застрелил учителя географии, взял в заложники одноклассников. После приезда полиции стрелок убил одного и тяжело ранил другого полицейского, затем сдался, а позже был объявлен невменяемым и избежал приговора.

Начиная с 2017 года подражание «колумбайнерам» стало активно продвигаться в России в виртуальных сообществах через социальные сети. Так, в четырех сообщества «ВКонтакте» «Эрик Харрис и Дилан Клиболд», «True columbine», «Columbine edits» и «Тупо колумбайнер» в 2017 году состояло более 6,5 тысяч подписчиков (ныне заблокированы). Они сами называли себя «мафией плащей», обменивались в группах советами, где купить очки и плащи,

как у их кумиров, какое оружие лучше и для чего, обсуждали свою ненависть к школе, учителям и одноклассникам. В группах размещались фото и видео из дела Колумбайн, действия Харриса и Клиборда романтизировались и героизировались как подростков, замученных окружением и решившихся на вызов обществу. Среди участников сообществ также были популярны игры-шутеры, тот же Doom, с высоким уровнем насилия, ведение дневников и блогов, восхищение массовыми терактами. Во многом за этими сообществами стояло желание привлечь внимание к себе, найти единомышленников в своей обиде или ненависти, однако за словами и постами последовали и события в виде реальных преступлений.

Одним из первых резонансных в ряду подобных преступлений-копий в России стало дело «ивантеевского стрелка», девятиклассника из Ивантеевки (поселка в Московской области), который 5 сентября 2017 года во время урока информатики выстрелил в учительницу из пневматического оружия, а затем напал на нее с кухонным топором и ударил по голове. После этого подросток взорвал в классе самодельные устройства, открыл стрельбу из оружия, в результате чего пострадали четыре человека, в том числе трое детей. В этом преступлении стрелок явно копировал стиль Колумбайн: также использовалась пневматика, минирование, самоубийство. Внешне он также пытался подражать Харрису и Клиборду. В ходе расследования выяснилось, что подросток был зарегистрирован в социальной сети «ВКонтакте» под именем одного из стрелков Колумбайна и активно размещал на своей странице видеозаписи и фотографии из этой школы. Прежде чем его страницу заблокировали, на неё успели подписаться почти 14 000 пользователей.

В 2018 году теракты в стиле Колумбайн были совершены в целом ряде российских школ. В Перми в школе №127 после нападения двух старшеклассников пострадали 15 человек, в том числе сами нападавшие, нанешие друг другу намеренные ранения. Преступление было совершено в стиле американских колумбайнеров, которым подростки подражали как внешне, так и в действиях. Они одели белые футболки, высокие ботинки, одежду в стиле милитари, вели подобные записи, увлекались играми-шутерами.

В Улан-Уде 19 января 2018 года ученик девятого класса бросил в кабинет русского языка и литературы бутылку с зажигательной смесью, а затем напал с топором на учеников седьмого класса и преподавателя. Пострадали семь человек, среди них сам нападавший и учитель.

21 марта 2018 года в школе города Шадринска Курганской области 13-летняя ученица открыла стрельбу из пневматического оружия по одноклассникам, в результате инцидента пострадали семь подростков. Девочка несколько раз повторяла «Вы все мне надоели». Во время расстрела ей помогали еще две ученицы, державшие дверь.

18 апреля 2018 года 17-летний ученик коррекционного класса общеобразовательной школы №1 башкирского города Стерлитамака вошел в

кабинет информатики, где находились его одноклассники, и нанёс ножевые ранения одной из учениц, учительнице и себе самому, затем он разлил и поджег горючее вещество, в результате чего еще одна ученица выпрыгнула со второго этажа и получила травмы.

Наиболее массовой стала бойня в Керченском политехническом колледже 17 октября 2018 года, когда от действий 18-летнего студента погиб 21 человек, 50 были ранены, сам он застрелился в библиотеке характерным для колумбайнеров способом. «Керченский стрелок» был одет подобно школьникам из Колумбайна, в белую футболку (с надписью «Ненависть»), черные брюки, высокие ботинки, тактические перчатки. Как и Э. Харрис, Росляков стрелял из помпового ружья, заминировал буфет (где произошел взрыв), использовал самодельные взрывные средства.

20 сентября 2021 году в Пермском государственном университете студент-первокурсник, используя помповое ружье, убил 6 и ранил 47 человек. Еще на улице он начал стрелять по проезжавшим мимо автомобилям и людям, находившимся у входа в кампус. Ранил охранника и вошел в университет, где продолжил стрельбу по людям, произведя около 30 выстрелов.

11 мая 2021 в Казани 19-летний студент колледжа с помощью ружья и самодельного взрывного устройства убил 9 и ранил 32 человека в гимназии, в которой учился. Впоследствии на суде он признал свою вину.

26 сентября 2022 года в Ижевске в 34-летний выпускник школы, используя травматические пистолеты, убил 18 и ранил 23 человека. После расстрела в школе, совершенного в подражание расстрелу в Колумбайне, стрелок покончил собой. На пистолетах Казанцева были нанесены надписи Columbine и Eric Dylan. Казанцев имел диагноз шизофрения, стоял на учете у психиатра. Судя по тексту предсмертной записки, к преступлению стрелок готовился больше года, нелегально покупая оружие и планируя нападение.

Преступления-копии в стиле Колумбайн во многом связаны с широкой распространенностью запускающих их причин, в том числе с культом насилия в медиакультуре, повышенной агрессивностью среди молодежи, доступностью оружия, широким освещением массовых расстрелов в СМИ и Интернете, погоней за всеобщим вниманием в медиасреде, характерной для молодежной поп-культуры. В то же время проблема далеко не проста в оценке причин и выявлении запускающих механизмов. Анализ видеоблогов, страниц в Интернете колумбайнеров, с одной стороны, и информации о них со стороны общества (психологов, криминалистов, СМИ, власти) дают противоречивые выводы. «Колумбайнеры», по их собственному мнению, это результат травмы и унижений подростков (со стороны одноклассников, учителей, улицы, родителей), они считают себя никому не нужными и ненавидят свое окружение. Они мечтают о свободе, собственном пространстве и времени, о независимости от тех, кто оказывает на них давление. Они создают свои группы для обмена своими чувствами, обсуждают желание убить тех, кто над ними издевается: дома, в школе, на улице. Большая часть этой молодежи

относятся к школе с ненавистью, злость становится атрибутивным состоянием. Окружающие вызывают ненависть своей жестокостью, насмешками, издевательствами, нотациями, требованиями или равнодушием. За все это подросток хочет отомстить, и таким способом становится «скулшутинг» с последующим суицидом [7]. Из дневника Клиболда, совершившего расстрел в Колумбайн: «Я отдаляюсь все дальше и дальше – это то, что сейчас происходит. Надеюсь вскоре я обрету покой. С каждым днем я все больше впадаю в депрессию, все больше дерьма происходит и я не могу ничего с этим поделать.

Все люди, которых я люблю, бросили меня. Мои родители злят меня, они ненавидят меня, хотят, чтобы я стал целеустремленным, черт возьми! Какая тут целеустремленность, когда всё вокруг уничтожает тебя! У меня нет денег, нет счастья, нет друзей» [11]. Подобная установка не является оригинальной, она характерна для многих подростков, считающих себя несправедливо обиженными окружающими. Отчужденность, замкнутость на себе, одиночество становятся факторами, создающими почву для паталогического мировоззрения с искаженной системой ценностей, в которой доминирует ценность Я и своих переживаний.

В то же время, с позиции психологов-криминалистов, «колумбайнеры» трактуются не как затравленные жертвы, решившиеся на месть, но скорее как наиболее агрессивные и асоциальные подростки, переносившие игру в насилие в реальность и желающие привлечь максимум внимания, или состоящие в радикальных социальных сообществах, где продвигаются экстремистские методы либо деструктивная идеология. Значительным фактором для вирусного распространения идей массовых расстрелов и насилия в среде подростков с 2000-х годов стали играть сообщества (так называемые «Тру-крайм-комьюнити») в социальных медиа (сайты, социальные сети, блоги, видеохостинги), посвященные расстрелу в Колумбайн, сценам насилия, серийным убийствам, ставшие популярными среди подростков. Как показывает анализ нападений в российских школах, ряд молодых людей, совершивших нападения, также находились под влиянием подобной информации о серийных убийцах, маньяках, нацистах, о чем свидетельствовали их интернет-страницы в социальных сетях, музыкальные и видео-подборки, блоги и комментарии. Так, «керченский стрелок» с юношеского возраста был увлечен подобным контентом, среди его подписок были паблики и сообщества, посвященные маньякам, серийным убийцам, нацизму и фашизму. В исследовании А.Ю. Карповой и Н.Г. Максимовой «Скулшутинг в России: что имеет значение?» на основе проведенного кейс-анализа 23-х эпизодов нападений с 2014 по 2019 годы в России выявлено, что стрелки не были «волками-одиночками» или «монстрами-психопатами», как это нередко и упрощенно представляется в популярных статьях. Главную роль в организации нападений имеют, по мнению авторов исследования, «связи с радикальными кругами» в Интернете и в реальной жизни для «установления и поддержания мотивов и

способности совершать насильственные инциденты» [6]. Социальные деструктивные сообщества питают и создают почву для продвижения скулушутеров как медийных героев, тиражируют идеи «колумбайна», а также методы насилия, убийства как способов решения социальных конфликтов и достижения собственных целей. Фактор направленного деструктивного воздействия на молодежную аудиторию может проявляться наряду с молодежной «модой» на шок-контент, когда интерес к насилию становится проявлением ложной «мужественности», брутальности, требующейся для того, чтобы произвести «впечатление» на окружающих. При проявлении интереса к просмотру сцен с насилием, по мнению психологов, срабатывает ряд эффектов. Так, Л. Берковиц в работе «Агрессия: причины, последствия и контроль» связывает рост агрессии в обществе с теорией прайминга [8]. Берковец считает, что восприятие насилия вызывает у зрителя ассоциативный ряд и укрепляется в сознании, оказывая вирусное влияние на поведение, расширяясь подобно эпидемии. Патологическим проявлением эффекта прайминга становятся преступления-копии, в том числе акты массовых убийств в стиле Колумбайн, о которых сообщают все СМИ. Источником агрессии с позиции этой теории являются негативные воспоминания, ассоциации, которые воскресают в памяти человека при восприятии контента с насилием в СМИ. Образы насилия и агрессивности и поведенческие практики таким образом порождаются как цепная реакция под влиянием факторов масс-медиа и глобальной коммуникации. Запускать подобные реакции может не только контент с реальным насилием, но и игровые практики, что получает усиленный эффект в случае, когда складываются и иные неблагоприятные факторы (социальные, психические, экономические, межличностные). Таким образом, запущая в социальных медиа информацию с контентом о насилии, ее источник оказывает длительное воздействие на широкую аудиторию, в особенной степени остро воспринимаемую при наличии иных факторов риска.

Как показывает социально-психологический анализ, расстрел в Колумбайн был совершен подростками, имевшими проблемы с гневом, высокой агрессивностью, конфликтовавших с окружающими по причине их собственного неприятия мира. Ряд последующих преступлений-копий был совершен подростками, также имеющими проблемы с нестабильной психикой. Этот фактор становится определяющим для всех других, накладывающихся на него (увлеченность играми, конфликты с окружающими, переходный возраст и свойственный ему максимализм и др.) [9]. При этом для ряда преступлений характерны авторитарно-демонический характер, с самоотожествлением себя с высшей силой, карающей человечество. Так, в Манифесте «казанского стрелка» было объявлено: «Я как бог, хочу, чтобы все признали себя моими рабами. Вы должны делать абсолютно все, что я захочу», «В мире не должно остаться живности, это ошибка вселенной. Я явился в этот мир в облике человека, чтобы избавиться от всех вас» [10]. Подобные заявления свидетельствуют как о возможных психических расстройствах, так и об

идейной позиции их автора, имеющей асоциальную социопатическую направленность. В этом смысле не стоит недооценивать роль идейной увлеченности молодежи деструктивными идеями.

Продвижение своеобразной «моды» на «колумбайн» стало возможным благодаря подражательной психологии молодежной аудитории, которая в значительной степени поддается влиянию и информационному воздействию, особенно связанному с высокоэмоциональным контентом. При этом для современных подростков характерной становится игровая модель поведения, связанная с доминированием цифровой среды общения в социальных медиа, где вырабатываются симулятивные модели поведения со смещенными этическими нормами, где представления о добре и зле имеют подвижные границы. Цифровая реальность, которая становится терминальной в сознании подростка, формирует плюрализм, свободу действий, ощущение игры, девальвацию реальной жизни, что также оказывает влияние на мироощущение человека и его поведение и ведет к трансгрессии, преодолению предела между реальностью и виртуальным миром. Подражание и игровой характер, таким образом, становятся важными атрибутами этих преступлений. Сценарность действий, косплей, имитация внешнего вида «колумбайнеров», демонстративность своих мыслей в пабликах для устрашения аудитории – все это становится элементами преступления-игры, в которой стрелок выполняет определенную миссию, зачастую не воспринимая окружающих как равных себе людей.

Следует отметить и тот факт, что высокая агрессивность, ненависть к окружающим, которой наполнены мотивы совершенных нападений, практически во всех случаях связаны с экзистенциальным разрывом между уровнем притязаний и реальным отношением к подростку со стороны окружающих. Фрустрация, нереализованность своих стремлений в отношениях с окружающими во многих эпизодах становятся источниками отрицания мира и ценности своей жизни.

Таким образом, можно заключить, что массовые расстрелы в школах являются в определенной мере одним из проявлений распространяющейся через сетевые сообщества ментальной войны, направленной на пропаганду и продвижение среди молодежной аудитории идеологии радикализма, терроризма, культа массовых убийств и насилия. Хотя для молодежной культуры в целом свойственны повышенный интерес к смерти, максимализм в оценке окружающих, острота переживаний личных неудач, однако объяснить только этими причинами массовые боины, совершенные с предельной жестокостью, явно недостаточно. Совершение нападений оказывается следствием ряда индивидуальных причин и нескольких общих эффектов, среди которых эффект прайминга (рост агрессии на фоне полученной информации о совершенном насилии на фоне ассоциативного ряда, запускающего собственные деструктивные устремления), эффект Вертера (когда сообщения о суицидах запускают цепную реакцию и волну суицидов), эффект моральной

трансгрессии на фоне виртуализации образа жизни (размывания преставлений о добре и зле, подлинном и игровом мире), эффект «хайпа» (стремления привлечь внимание к себе любой ценой, порожденного социальными медиа), «эффект домино» с тягой к моде и подражанию, созданию кумиров и фанатов, свойственных для массовой культуры. Трагедия состоит в том, что понимание этих причин тем не менее не останавливает их действия. Отмечая высокую важность законодательных мер по блокировке групп «колумбайнеров», отметим, что чрезвычайно важно переходить к следующему шагу, связанному с ограничением в социальных медиа и СМИ «шок-контента» с демонстрацией насилия, убийств и активно противодействовать деструктивной идеологии терроризма.

Л и т е р а т у р а

1. 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ФЗ. : [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103797/a12e592436009d6119af2e9f9239cec795ce53f8/#dst100035_

2. Баева Л.В. «Группы смерти» и «колумбайн-сообщества» в онлайн культуре и реальном социуме. Информационное общество. 2019 № 3. С. 33-42. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.infosoc.iis.ru/content/2019/201903.html>.

3. Лангман П. Почему дети убивают. Что происходит в голове у школьного стрелка. – М.: Эксмо, 2022. – 304 с.

4. Levin J., Madfis E. Mass murder at school and cumulative strain: A sequential model. American Behavioral Scientist. – 2009. – 52 (9). – P. 1227-1245.

5. Washington B. School counselors play important role in keeping students safe. – 2013. : [Электронный ресурс] – URL: <http://educationvotes.nea.org/2013/01/24/school-counselors-playimportant-role-in-keeping-students-safe/>.

6. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Том. 29. № 1. – С. 93-108.

7. Watson Justin. The Martyrs of Columbine: Faith and Politics in Tragedy. – New York: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 25.

8. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 510 с.

9. Greg Toppo. 10 years later, the real story behind Columbine. USA Today. – 2009. : [Электронный ресурс] – URL: <https://sermons.faithlife.com/sermons/93003-10-years-later-the-real-story-behind-columbine>.

10. «Я – бог»: казанский стрелок опубликовал перед убийством манифест. : [Электронный ресурс] – URL: https://www.trud.ru/article/11-05-2021/1402863_ja_bog_kazanskij_strelok_opublikoval_pered_ubijstvom_manifest/print/.

11. Дневник Клиборда. : [Электронный ресурс] – URL: https://vk.com/@death_inside-iz-dnevnikov-dilana-klubolda_

Baeva L.V. COLUMBINE FAD IN RUSSIA AND PSYCHOLOGICAL WARFARE

The problem of mass assaults in educational institutions has become one of the acute manifestations of youth extremism that has gone viral in the world. After reviewing school shooting incidents of the last decades an attempt is made to identify the attributive features of copycat crimes and factors of their replication. The paper reveals the features of the shooters' behavior, including those under the influence of negative informational impact in social media.

Key words: *Columbine, mass shootings in educational institutions, copycat crimes, viral effect.*

Баева Людмила Владимировна – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева».

Baeva Liudmila Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for scientific work FSBEI HE «Astrakhan Tatischev State University».

E-mail: baevaludmila@mail.ru

Рецензент: Исаев Владимир Данилович – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 130:2

Деревянко К.В.

НИЦЕТА СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Оценка качественных параметров украинской философии требует анализа работ ее типичных представителей. В качестве таковых рассмотрены некоторые репрезентативные участники украинского философского процесса: директор киевского Института философии, ряд сотрудников этого института, а также один из представителей периферийной философии. Анализ их работ показывает, что для современной украинской философской ментальности характерны идеологизация и политизация. Помимо этого, для многих философов характерны иррационализм, а также тенденция к мифологизации.

Ключевые слова: *философский процесс, политизация, А. Ермоленко, идеологизация, иррационализм, О. Соловьев, мифологизация.*

Постановка проблемы. Современная украинская философия (т. наз. «сучукрфіл») активно участвует в ментальных войнах, демонстрируя при этом экстраординарный уровень своей аргументации. Данная особенность прослеживается на всех этапах украинской философии, начиная с ее лидеров и

заканчивая публикациями типичных представителей. В работе [1] было охарактеризовано творчество директора киевского Института философии А. Н. Ермоленко. Но издаваемый этим институтом журнал «Філософська думка» практически в каждом номере предоставляет все новые образцы неподражаемых особенностей содержания и стиля. В связи с этим обстоятельный контент-анализ подобной ментальной продукции потребует целого цикла статей.

Целью настоящего исследования является продолжение анализа интеллектуального творчества некоторых репрезентативных участников украинского философского процесса последних лет.

Основная часть. Начать хотелось бы с характерной статьи 2020 года под названием «Существует ли уже общая теория мозга, или Каким образом феномен информации объясняет Mind-Body Problem, свободу выбора и причинность-из-середины-себя» [8]. Для автора (доктора психологических наук О. В. Соловьева) вопрос «Существует ли уже общая теория мозга» является риторическим. Потому что он уверен: такая теория существует, и создал ее Соловьев. Теория есть, но известна пока только автору статьи. И вот свою личную «общую теорию мозга» он делает достоянием мировой общественности.

Предлагать своим землякам аббревиатуру ОТМ (общая теория мозга) ее создатель не стал, однако в экспортном варианте международной общественности представил ее англоязычный вариант. Прежде чем послать статью в украинский журнал, профессор on-line сообщил о своей теории на форуме в Аризоне: «Towards the general brain activity theory (GBT): seven principals of informational activity of the brain by means of phenomenon of consciousness» [8, с. 77]. Русское название статьи – «К общей теории мозговой активности (ОТМ): семь принципов информационной активности мозга посредством феномена сознания» – вызывает недоумение. Если «информационная активность мозга» представляет собой процесс, вызывающий появление некоторых феноменов (т.е. явлений), то как этот процесс может осуществляться «посредством» одного из этих явлений (а именно – «феномена сознания»? Ведь все эти явления сами возникают лишь посредством «активности мозга»? Для выяснения сути дела обратимся к украинскому тексту.

Написание и публикация статьи всегда предполагают наличие у автора определенной заинтересованности ее проблематикой. Но в данном случае речь идет о чем-то большем: заинтересованность профессора Соловьева просто «неумна» или «неутолима» (короче говоря – «невгамовна»). В начале работы он так и пишет: «...Меня соблазняет...моя неумная заинтересованность тем, действительно ли человек является тем удивительным существом, которому таки дано выйти за пределы “биологически-эгоцентрического” существования...» [8, с. 59] (Здесь и далее все переводы с украинского принадлежат автору. – К.Д.). Для забывчивых читателей в последнем абзаце статьи автор настойчиво повторяет: «Моя неумная заинтересованность...» и далее по тексту [8, с. 75].

Такая степень заинтересованности просто не могла остаться бесплодной. И плоды явились. В аннотации расставляются все точки над *i*: «Еще со времени Декарта, который концептуально “отделил душу от тела“, мы наблюдаем путаницу в их причинно-следственных, функциональных и семиотических отношениях. Но в условиях современного знания (...) уже пришло время поставить точку в этой проблеме...» [8, с. 58].

Косноязычное «в условиях современного знания» среди прочего означает, что «уже и в современном знании (а не только в его “недалекой” гуманитарной ветви) можно говорить о свободе как рационально понятной данности» [8, с. 60]. Почему гуманитарная ветвь современного знания названа «недалекой» («недолуга») и кто именно так считает, остается тайной. Может быть, доктор психологических наук имеет в виду ту гуманитарную науку, в которой сам подвизается?

Но вернемся к аннотации. Итак, «в условиях современного знания (...) уже пришло время поставить точку в этой проблеме...». В скобках перечислены те компоненты «современного знания», которые позволяют автору «поставить точку». Это знания «об информационной деятельности человеческого мозга, функциональных и каузальных свойствах его нейронных сетей, функции психических явлений во время обработки в нем информации, о причинной “способности” информации» [8, с. 58].

Однако из дальнейшего текста статьи следует, что это вовсе не «современные знания», а лишь современные гипотезы автора. Что, например, «современные знания» могут сообщить «о причинной “способности” информации»? Ведь через две страницы Соловьев выражает свое согласие с мнением, согласно которому «еще слабо исследована в науке информационная причинность» [8, с. 61].

А каковы «современные знания» о «функции психических явлений во время обработки в мозгу информации»? Да никаковы. Если, конечно, не величать «знаниями» соловьевские предположения.

Но в таком случае как же ему удалось «поставить точку в этой проблеме»? В аннотации автор сообщает: «Для того, чтобы объяснить, о чем идет речь, я буду использовать понятие “информация”, при помощи которого буду истолковывать “спор” между “разумом” и “телом” (физичностью и ментальностью) за “право” быть более фундаментальной онтологией Реальности...» [8, с. 58].

Почему «тело» – это только «физичность» («физичність»), а не (к примеру) «химичность» или «биологичность»? И что это за право «быть фундаментальной онтологией»? Как вообще можно «быть онтологией» (то есть наукой о бытии)? Язык Соловьева – это особая песня. Но вернемся к сути сказанного.

Чтобы использовать понятие «информация», его нужно иметь. Однако в статье Соловьева определение данного понятия отсутствует. То есть о сущности информации понятия не имеется. Вместо этого имеется лишь слово, которое каждый волен понимать по-своему. Это не термин, а некое неопределенное представление.

И в названии соловьевской статьи речь идет вовсе не о понятии, а о «феномене информации». Но ведь в действительности никакого одного-единственного «феномена информации» не существует. На деле имеется огромное множество феноменов, к которым (с той или иной степенью обоснованности) применяется прилагательное «информационный». Слово «феномен» в переводе с греческого означает «явление». И Соловьев рассуждает лишь о некоторых «информационных» явлениях.

Из множества феноменов его интересуют только связанные с «информационной деятельностью человеческого мозга»: «информационная активность мозга»; «информационные процессы в мозгу» и т. д.

Однако это лишь часть информационных феноменов. В действительности их неизмеримо больше. И в каждом своем проявлении информация, разумеется, вплетена в определенные причинно-следственные процессы. Поэтому «причинная “способность” информации» является сущностным атрибутом информации как таковой. А в тех процессах, о которых рассуждает Соловьев, имеет место частный случай этой «способности». И тому, кто согласен с тем, что «еще слабо исследована в науке информационная причинность» [8, с. 61], вряд ли стоит рассчитывать на то, что ему удастся «поставить точку» в какой-то частной информационной проблеме.

Не имея понятия «информация», Соловьев в отдельной статье был вынужден сконструировать псевдонаучную космогонию, в которой описывается «связь феноменов энергии и информации» [9]. Речь опять же идет лишь о «феноменах», и снова не определяется ни одно из понятий. Уровень аргументации нашего энциклопедиста можно продемонстрировать на некоторых примерах:

«...Начнем наши рассуждения с того, что предположение о наличии атрибутивной связи между феноменами информации и энергии по крайней мере не противоречит известной формуле А. Эйнштейна $E=mc^2$...» [9, с. 84]. В этой формуле нет ничего о связи информации и энергии, следовательно – она не противоречит предположению Соловьева об их «атрибутивной связи». Но зачем же останавливаться только на одной формуле? Ведь в других формулах (например, в законе сохранения энергии) тоже не упоминается информация, следовательно – и они не противоречат предположению Соловьева. И вообще, ни одна из формул физики ничего не говорит об информации. Следовательно, ни одна из них не противоречит предположению Соловьева... Таким образом, его шансы неуклонно возрастают.

Еще пример: «...Протоны и нейтроны, обладая определенным запасом кинетической энергии, преодолевая тем самым электрическую силу «одноименного» отталкивания, образовывали ядра химических элементов» [9, с. 85]. Психолог знает об электромагнитных взаимодействиях, но, судя по всему, не обладает никакой информацией о сильных взаимодействиях нуклонов.

Информации еще нет, но она уже на горизонте: «...Поскольку появились частицы и появились соответствующие им формы силового взаимодействия, постольку появились и пространственно-временные отношения между ними... Следовательно, появилась и принципиальная возможность, основываясь

на учете физических закономерностей и пространственных параметров, формировать информационные модели будущего»; «уже обнаруживается феномен энергии, но еще не обнаруживается феномен информации» [там же].

В скобках между делом автор упоминает, что «длительная дискуссия об онтологической природе информации еще далеко не завершена» [9, с. 86]. Но это нисколько не мешает ему совершить прыжок к информационным феноменам в «живых системах». При этом уровень «дискурса» остается прежним.

Вот, например, доктор психологических наук уверяет читателя: «...Коленный и зрачковый рефлекс позволяют организму в часто повторяющихся стандартных негативных условиях сохранять способность видеть и передвигаться...» [9, с. 88]. Но как именно коленный рефлекс позволяет организму «сохранять способность передвигаться» остается тайной (то же касается и зрачкового рефлекса). Читатель недоумевает: ведь ему доподлинно известно, что вовсе не коленный рефлекс «позволяет организму в часто повторяющихся стандартных негативных условиях сохранять способность передвигаться», а еще кое-что не менее существенное. Представим себе студента, который на вопрос «что позволяет организму в часто повторяющихся стандартных негативных условиях сохранять способность передвигаться» отвечает: «коленный рефлекс». Можно не сомневаться, что у профессора Соловьева (но только у него) он получит отличную оценку.

«...Построение сберегающих информацию структур – макромолекул, нейронных сетей – требует затраты энергии, ее фактического участия в качестве «строительного» материала. И это еще раз демонстрирует адекватность эйнштейновской формулы $E=mc^2$, декларирующей онтологическую эквивалентность материи и энергии...» [9, с. 89]. Однако «построение сберегающих информацию структур» требует затраты не только энергии, но и вещества. Говорит ли это в пользу «атрибутивной связи» информации и вещества? Для Соловьева, видимо, говорит. На каком основании? На основании все той же «эйнштейновской формулы $E=mc^2$ ». Это элементарно, Ватсон...

Все тем же нехитрым способом (совершая марш-бросок от нейтронов до нейтронов с помощью формулы Эйнштейна) психолог быстро достигает апогея: «Апогей информационно обеспечиваемой процессуальности мы наблюдаем именно с возникновения человеческого мозга и распределенных в нем нейронных сетей, реализующих психические явления...» [9, с. 99]. Оказывается, психические явления «реализуются» нейронными сетями. Что бы это значило? И как именно выглядит эта таинственная «реализация»? Ответа нет.

Возвращаясь к киевской статье, мы видим, что психические явления не только «реализуются» нейронными сетями, но и сами способны к «реализации». В финале аннотации читаем: «...Оказывается, что классическая физическая каузальность, которая действует в нейронных сетях мозга, не способна сама по себе, без психических явлений, реализовывать те информационные операции, которые на самом деле осуществляет мозг

человека...» [8, с. 58]. Однако каузальность не является каким-либо субъектом действия и поэтому не «способна сама по себе» (даже с помощью «психических явлений») реализовывать «информационные операции» (да и любые операции вообще). Это касается не только «физической», но также «химической» и прочих видов каузальности.

«...Оказывается также, что функциональное включение психических явлений в нейрофизическую активность мозга поясняет возможность и необходимость включения в эту информационную активность феномена свободы выбора» [8, с. 58]. Однако активность мозга, разумеется, является не только «нейрофизической», но также «нейрохимической», а еще «нейрофизиологической»...

Однако все это мелочи по сравнению с тем, как доктор психологических наук понимает психику: «В этом тексте я не буду различать понятия Mind, «сознание» и «психика», принимая во внимание, что они описывают одну и ту же реальность – субъективную реальность» [8, с. 59]. Вот это уже настоящий апогей (он же – апофеоз). Ибо, не отличая сознания от психики, можно доказать все что угодно.

Можно, например, напрямую включить «сознание» в «нейрофизическую активность мозга» (главное при этом – избежать короткого замыкания). Если «психика» и «сознание» – одно и то же, то последнее предложение аннотации вполне может звучать и так: «Оказывается, что функциональное включение сознания в нейрофизическую активность мозга поясняет возможность и необходимость включения в эту информационную активность феномена свободы выбора». То есть соловьевская ОТМ уже объяснила все тайны психики. Поэтому Декарт (и не он один) отдыхает.

Вспомним название американской статьи – «К общей теории мозговой активности (ОТМ): семь принципов информационной активности мозга посредством феномена сознания». Получается, что феномен (то есть явление) сознания объясняет сущность «информационной активности мозга». Обычно явление объясняется посредством сущности. Но только не у Соловьева.

Его аргументация неповторима. Вот последний пример: «У того, кто видел, как двигается, что говорит глубоко психически больной человек, уже нет сомнений в разумности, целесообразности, «информационной насыщенности» нормальных человеческих движений» [8, с. 61]. Любой психиатр (особенно занимающийся судебной психиатрией), который неоднократно «видел, как двигается, что говорит глубоко психически больной» с симптоматикой, например, паранойяльного типа, хорошо знает, какими целесообразными, а также «информационно насыщенными» могут выглядеть его «человеческие движения». Поэтому судебно-психиатрическая экспертиза (как и дифференциальная диагностика вообще) требует столь значительных усилий. И только у нашего профессора «уже нет сомнений».

Можно долго цитировать эти перлы. Однако нельзя объять необъятное. Уже рассмотренного материала вполне достаточно, чтобы присвоить Соловьеву почетное звание «профессора». Очевидно, что в его трудах гармонично сочетаются два основных качества: импотентность и

претенциозность. Разумеется, претенциозная импотентность свойственна также многим другим представителям украинского философского сообщества, начиная с его лидера.

Дирижером украинского философского процесса в последние годы является А. Ермоленко. Поэтому его позиция в современных ментальных войнах представляет определенный интерес. В 2018 году он был выбран директором Института философии НАН Украины и в своем первом интервью чистосердечно признавал: «Мы до сих пор не знаем, какое общество строим» [2]. На вопрос корреспондента «Почему, на ваш взгляд, вместо того чтобы обсуждать реальные проблемы, мы постоянно отвлекаемся на какие-то шоу?» последовал правдивый ответ философа: «Власть использует такие механизмы и инструменты. Отвлекаемся, возможно, еще и потому, что мы до сих пор не знаем, какое общество строим. Это проблема и вопросы, в том числе и для Института философии» [2]. Другими словами: сотрудники института не представляют, какое именно общество строить. Директор этого также не знает, однако всегда готов возглавить коллектив строителей.

Несмотря на то что позитивный идеал ему неведом, четко очерчен полюс негативный, против которого ведется перманентная ментальная война. На этом полюсе находим, например, христианство. Для этого представителя украинской мысли существуют «две парадигмы поиска последних оснований познания: диалогично-дискурсивная, по которой этот поиск состоит “в рациональном мудрствовании через диалог”, и монологично-догматическая, согласно которой эти основания следует искать в вере, в авторитете Священного Писания и Заповедях Господа Христа» [4, с. 25]. Эти заповеди хорошо известны: любовь к Богу и любовь к ближнему. Но с точки зрения директора украинской философии любовь является неким монологом (в медицине такие случаи обычно характеризуются термином *ipsatio*).

Он разделяет точку зрения, согласно которой имеет место «противоречие: диалогично-сократическое обоснование versus монологично-догматическая вера» [4, с. 25]. Таким образом, для этого извращенного ума Святая Троица символизирует собой монолог. А формулой монологичности для него, очевидно, будут слова Спасителя: «Я и Отец одно»; «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...». Так во всеоружии своего непоколебимого невежества Ермоленко ведет ментальную войну с христианским абсолютом.

Абсолюта трансцендентного он не знает, но в мире посюстороннем охотно конструирует полюс абсолютного зла. Так человек, который еще вчера влачил вполне бесцельное существование, обрел «абсолют». Носителем абсолютного зла для него является Россия. Философ, не представляющий, что ему строить, вместо этого узнал, что нужно ломать: это зловерный «русский мир». Но поскольку разрушить его может только Запад, для этого следует хорошенько напугать западного обывателя. Этим и занялся директор украинской философии. При этом страшилки идут по нарастающей.

Оказывается, смертельная опасность угрожает всем европейцам: «...Если Украина потеряет свой суверенитет в этой войне, Россия, без сомнения, пойдет

дальше, оккупируя Европу» [6].

Мало того – под угрозой весь западный мир: «Путин нацелен на Запад, чью свободу отчаянно защищают в Украине» [5, с. 59].

А когда и западного мира показалось мало – угроза распространяется на «весь свободный мир»: «Сегодняшняя Россия снова пошла по кругу, олицетворяя самые худшие и страшные элементы тоталитаризма, национализма и империализма. Она угрожает не только Украине, но и Европе и, наконец, всему свободному миру» [6].

Но почему только «свободному»? А пусть угроза касается всего мира вообще. Так будет еще страшнее: «Ресентимент распада Советской империи проявляется в идее мирового господства России как глобальной экспансии “русского мира” путем использования современных средств насилия» [3].

Таким образом, 140-миллионная Россия угрожает 500-миллионной Европе. А еще – всему «золотому миллиарду». А еще – всему 8-миллиардному населению Земли. И поэтому: «...нам всем нужна общая победа над злом, и мир должен объединиться для этого» [6]. Так глава украинской философии призывает все человечество к войне до победного конца.

Невольно вспоминаются известные гоголевские персонажи – Хлестаков и Ноздрев. Однако наш персонаж, к сожалению, вовсе не литературный, а вполне реальный, да еще наделенный рупором для трансляции бредовых идей. В медицине для подобного нагромождения лжи существует термин «мегаломанический бред». А на Украине за такое творчество можно получить, например, госпремию имени Шевченко. Но для этого директору нужно мобилизовать весь послушный коллектив своего института. И он работает над этим, не покладая рук. В качестве иллюстрации можно рассматривать практически любой номер журнала «Философская мысль».

Последний (на сегодня) номер этого журнала [7] заполнен статьями сотрудников отделения религиоведения Института философии НАНУ. Редакция сообщает читателю, что эти люди «с начала нынешней войны России против Украины системно отслеживают все события, связанные с состоянием свободы совести и изменениями в религиозной жизни страны на фоне военных действий» [7, с. 5]. Видимо, раньше это делалось не очень системно.

А что происходит в религиозной жизни? «Широкомасштабное вторжение России дало толчок Церквам и религиозным организациям не только изменять свою практику в условиях войны, но и переосмысливать теологические установления и даже доктрины» [там же].

Но если на потребу злобе дня на Украине изменяют даже богословские доктрины, то как философы и религиоведы могут остаться в стороне от этого всеобщего порыва к «переоценке всех ценностей»? И они не остаются: «Авторы статей этого тематического блока в своих работах раскрыли методологические подходы религиоведов к анализу религиозной ситуации в Украине во время войны, наставляя на приоритетности контекстуализма как главного принципа исследования» [там же].

Итак, «главным принципом исследования» становится контекстуализм.

Что же это за принцип? И каким образом он занял место «главного», оттеснив все прочие? Ответ находим в первой же статье журнала под названием «Контекстуализация как один из главных методологических подходов религиоведческого исследования в период российско-украинской войны» [7, с. 7-25].

Оказывается, трех религиоведок не устраивает «украинское академическое религиоведение», которое они собрались усовершенствовать: «Статья предлагает углубить и расширить классические методологические принципы, сформулированные украинским академическим религиоведением в довоенное время...» [7, с. 7]. Прощай, академическое религиоведение и его «классические методологические принципы». Здравствуй, религиоведение неакадемическое с его новым принципом. Хотя насколько он нов?

«...Авторы обосновывают необходимость контекстуализации как одного из главных методологических подходов в изучении современных религиозных процессов...» [там же]. Может быть, авторы хотят сказать, что до них «украинское академическое религиоведение» не подозревало о том, что религиозные процессы следует изучать в историческом контексте? И насколько это патриотично с их стороны?

«...Переосмысления требует не только универсальность и действенность некоторых исследовательских методов в новых обстоятельствах российско-украинской войны...» [там же]. По их мнению, религиоведение в стране недостаточно универсально и действенно. Очевидно, в нем не хватает злости дня.

Поэтому: «...В иерархии религиоведческих принципов особенно востребованным реальными событиями войны становится принцип контекстуальности...» [там же].

«...Трагические изменения контекста жизни украинцев – языкового, культурного, информационного, религиозного и т. д. с необходимостью корректируют экспертную нейтральность, объективность, незаангажированность...» [там же]. Поэтому к нежелательному избытку «экспертной нейтральности» следует добавить толику экспертной односторонности. Объективность желательно дополнить субъективностью, а на место беззубой незаангажированности поставить здоровую заангажированность.

«...По мнению авторов, ситуация войны освобождает от беспристрастного, внеконтекстуального анализа...» [там же]. А по мнению некоторых их предшественников, эта ситуация освобождает также «от химеры, именуемой совестью» (в том числе – и научной).

Таким образом, вместо того чтобы опираться на принципы «академического религиоведения» и отслеживать ход современных религиозных процессов, украинские религиоведы предпочитают видоизменять собственные принципы в соответствии с требованиями текущей конъюнктуры.

Все следующие статьи этого номера также идеологизированы и политизированы в контексте современной злости дня. И это характерно практически для любого номера журнала «Філософська думка».

Выводы. Таким образом, анализ ряда работ репрезентативных участников украинского философского процесса убедительно демонстрирует характерные черты современной украинской философской ментальности: идеологизацию, политизацию, а также иррационализм и тенденцию к мифологизации.

Л и т е р а т у р а

1. Деревянко К. В. / К. В. Деревянко. Ментальные войны в современной украинской философии – Антропос: Логос и Теос – 2022. – №9. – С. 21-32.
2. Ермоленко А. Н. Мы до сих пор не знаем, какое общество строим. Интервью газете «Зеркало недели» от 15.06.2018 г./ Ермоленко А. Н. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://zn.ua>.
3. Ермоленко А. М. Ресентимент і гібрис у контексті стратегії насильства та комунікації порозуміння / Філософська думка. – 2019. – № 2. – С. 6-13.
4. Ермоленко А. М. Сократичний діалог у поетично-практичній філософії Лесі Українки / Філософська думка. – 2021. – № 2. – С. 20-36.
5. Ермоленко А. М. Спротив замість перемовин / Філософська думка. – 2022. – № 3. – С. 59-63.
6. Юрген Хабермас: «Война и возмущение» vs Анатолий Ермоленко: «Спротивление вместо переговоров». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://sapere.online>.
7. Филипович Л., Титаренко В., Горкуша О. Контекстуалізація як один з головних методологічних підходів релігієзнавчого дослідження в період російсько-української війни / Філософська думка. – 2023. – № 1. – С. 7-25.
8. Соловйов О. Чи вже існує загальна теорія мозку, або Яким чином феномен інформації пояснює Mind-Body Problem, свободу вибору та причинність-з-середини-себе / Філософська думка. – 2020. – № 6. – С. 58-77.
9. Соловьев О. В. О сущностной связи феноменов энергии и информации (или о роли случайности в антропогенезе) / Філософські дослідження. – 2014. – Вип. 20. – С. 83-102.

Derevyanko K.V. THE POVERTY OF MODERN UKRAINIAN PHILOSOPHY

Evaluation of the qualitative parameters of Ukrainian philosophy requires an analysis of the works of its typical representatives. As such, some representative participants of the Ukrainian philosophical process are considered: the director of the Kiev Institute of Philosophy, a number of employees of this institute, as well as the representative member of peripheral philosophy. The analysis of their works shows that the modern Ukrainian philosophical mentality is characterized by ideologization and politicization. In addition, many philosophers are characterized by irrationalism, as well as a tendency to mythologize.

Key words: *philosophical process, politicization, A. Ermolenko, ideologization, irrationalism, O. Soloviev, mythologization.*

Деревянко Константин Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Derevyanko Konstantine Vasilievich – PhD in Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk State University named after Vladimir Dahl».

E-mail: fl-fil@yandex.ru

Рецензент: Атоян Арсентий Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и конфликтологии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 179.6

Протоиерей Алексей Слюсаренко

ПО ТУ СТОРОНУ МЕНТАЛЬНЫХ ВОЙН

Несколько известных философов прошлого с разной степенью успешности пытались заглянуть «по ту сторону» определённых феноменов бытия. По крайней мере трое оставили тексты с похожим заглавием. Ницше развивал философию аморализма «по ту сторону добра и зла», Фрейд желал исследовать область бессознательного «по ту сторону удовольствия», а наш С. Л. Франк вывел свою философию «по ту сторону правого и левого». В настоящей статье мы, по примеру знаменитого русского философа, попытались заглянуть по ту сторону современных ментальных войн.

Ключевые слова: классовая борьба, абсолютная война, информационная война, тотальная война, ментальная война, героизм, подвижничество.

Постановка проблемы. В информационном обществе и войны информационные. Имена героев этих сражений у всех на слуху: Джулиан Ассанж и Эдвард Сноуден. Нетрудно догадаться, что есть герои и неизвестные широкой публике. За информационной войной стоит более глубокая война ментальная. Здесь мы уже недалеко и от религиозного измерения проблемы. Каково быть христианину в этих баталиях? Обладают ли достаточной философской культурой те, кто берутся отстаивать интересы России в ментальных и информационных войнах? Допустимо ли в ходе военного конфликта критиковать свою родину? Ответить на эти вопросы мы попытались в настоящей статье.

Цель исследования. Критический анализ некоторых тезисов современных идеологов ментальных войн.

Основная часть. Понятие «ментальная война» происходит от латинского слова *mentis*, которое переводится как «дух», «душа», «ум». Под ментальными войнами современные идеологи предлагают нам понимать войну

мировоззрений, умов, сознаний. Частью ментальных войн становится информационная война. Каждая из сторон в этой брани настаивает на своей правоте. Как правило, своя сторона объявляется силой Добра, а противная – империей Зла.

Думается, что в один ряд с понятием ментальной войны могут быть поставлены и сходные концепты: «классовая борьба», «тотальная война», «абсолютная война».

Генерал А.М. Ильницкий, разработчик концепции ментальной войны, в одной из своих статей противопоставляет двух мыслителей XIX века: Ницше (он, надо думать, олицетворяет западный менталитет) и Достоевского (он выразитель русской идеи):

«...ещё Ницше писал, что истина человека не интересует, что ему нужен комфорт. А вот российский писатель Федор Достоевский утверждал, что, если человек стремится к истине, то он уже победил» [1, с. 26].

Получается, что мы борцы за истину с западным релятивизмом и аморализмом. Это приятно сознавать. Когда я прочёл статью Ильницкого в «Военной мысли», то нимало удивился: где и когда писал такое Фёдор Михайлович? Никогда не встречал у него такой мысли. А Ильницкий ссылку дать не потрудился. Пришлось мне обратиться за разъяснениями к крупнейшему на сегодня специалисту по творчеству Фёдора Михайловича Достоевского Людмиле Ивановне Сараскиной. Вот что она ответила:

«Дорогой о. Алексей! Как Вы видите, ссылаются на слова Достоевского, но не указывают источник. Я называю такие фразы цитатами-подкидышами. Приписывают всем всё что угодно. Или слышали звон, но не знают, откуда, где, кто, зачем и почему он. Вот настоящая цитата: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной». 1854 год, письмо Н.Д. Фонвизиной» (10 февраля 2023).

Как видим, мысль писателя ровно противоположна той, что предлагает нам от его имени генерал. Поразительно, но советник министра обороны России и в других случаях весьма вольно цитирует наших философов. В той же статье генерал Ильницкий воспроизводит всем известные слова В.С. Соловьёва из «Оправдания добра»: «Государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад». Но принадлежат они, по мнению генерала... Бердяеву! Николай Александрович действительно повторяет их в «Философии неравенства», но прямо ссылается на Соловьёва. См.: [2]. Кстати, в своём тексте Ильницкий снова обходится без ссылки на самого Бердяева.

Когда партийный пропагандист говорит: «великий русский философ Василий Розанов» – становится понятно – он его не читал. Розанов – один из любимых моих писателей, оттого и режет глаз затасканный штамп.

Генерал А. М. Ильницкий искажённо цитирует философа в своей недавней статье «Время Больших Решений»:

«Единственный порок *российского* (курсив наш – А.С.) государства – это его слабость. Слабое государство не есть уже государство, а просто его нет». См.: [3]. В указанной статье автор не счёл необходимым дать ссылку на источник. Однако мы нашли такую ссылку на аналогичную цитату в другой статье Ильницкого [1]. Цитата взята из «Опавших листьев». В том виде, в котором даёт её генерал, мысль Розанова становится аргументом в пользу строительства насквозь этатичной «народной империи». Однако генерал выдаёт желаемое за действительное. На самом деле Розанов пишет не столько о российском государстве, сколько о государстве в принципе. Подлинная цитата выглядит так:

«Государство ломает кости тому, кто перед ним не сгибается или не встречает его с любовью, как невеста жениха.

Государство есть сила. Это – его главное. Поэтому единственная порочность государства – это его слабость. «Слабое государство» – *contradictio in adjecto*. Поэтому «слабое государство» не есть уже государство, а просто – нет (прислонясь к стене дома на Надеждинской)» (1912 г.) [4].

И вот в этих костоломных трудах государства Розанов уже лишний. В этом деле гораздо эффективнее звучит советский агитпроп в лице Маяковского: кто не с нами, тот против нас! Его лозунг и повторяет в своей статье товарищ генерал. Пока он адресован только несознательной элите. Но при полном государственном контроле информации в империи и рядовым гражданам следует идти в ногу. Иначе есть риск лишиться всего.

Пусть Ильницкий и не философ, а технар, но так работать с текстами в условиях информационных войн можно только в «фейкньюз». В интеллектуальной борьбе нужно быть на высоком профессиональном уровне.

Александру Гельевичу Дугину в профессионализме не откажешь. Его цитаты, как правило, точны. А вот философские взгляды далеко не бесспорны. Нынешнюю СВО он именуется ни много ни мало «абсолютной войной» [5]. Насколько же безвкусен язык Александра Гельевича! По сути он придумал синоним понятию «тотальная война». Зачем это нам? Чтобы украинцы лишний раз обвинили нас в «рашизме»? И что за претензия называть СВО «последней войной человечества»?! Вот уж никогда не поверю. Кроме того, Дугин соблазняет Россию героизмом. См.: [6]. «Герой есть несчастье», – учит нас философ. Наша задача, продолжает он, быть «необратимо несчастными»...

Героизму мы, вслед за приснопамятным отцом Сергием Булгаковым, противопоставим подвижничество. См.: [7].

Философия героизма больше подходит тем, кто горланит ныне: «Герои не умирают!» или «Слава героям!». Христианство есть философия любви, а не героизма или несчастья. А задача наша сформулирована апостолом Павлом: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За всё благодарите...» (1.Фес. 5: 16-18).

Все конфликты, что скрываются за вышеуказанными типами войн, носят относительный характер. Главный конфликт не замечен ни Ильницким, ни

Дугиним. Об этом главном конфликте пишет автор, чьи произведения недавно призвал изъять из школьной программы депутат Государственной Думы от партии «Единая Россия» Вяткин:

«Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, – она проходит через каждое человеческое сердце – и через все человеческие сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами. Даже в сердце, объятom злом, она удерживает маленький плацдарм добра. Даже в наидобрейшем сердце – неискоренённый уголок зла. (...) Нельзя изгнать вовсе зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить» [8, с. 496].

И ещё в соцсетях, а также в популярной телепрограмме «Бесогон» показывали недавно интервью 20-летней давности с Сергеем Бодровым, в котором тот заявил, что считает неправильным критиковать свою страну во время войны. Вот после можно, а во время войны аморально. Ни Михалков, который разделяет эту мысль актёра, ни Бодров, не философы. Может быть поэтому они так поверхностны? А вот великий философ Сократ полагал возможной критику Афин во время Пелопонесской войны. В конечном итоге это стоило ему жизни. И А.И. Солженицын критиковал, пусть и в частной переписке, свою родину во время войны. И это стоило ему 8 лет заключения. Но и даром Божиим, благословением воспринял он ту тюрьму...

И в наше время есть люди, оказавшиеся «про меж двух жерновов», не укладывающиеся в логику «свой-чужой». Например, известный блогер Анатолий Шарий. Или вот на том «мондиалистском» Западе живёт великий генетик-христианин Френсис Коллинз, протестант, академик Папской Академии Наук. Учёный христианин. А у нас равные ему есть в современной науке? Он нам враг? Да и сам папа Франциск явно не жалеет занимать исключительно украинскую сторону в нынешнем русско-украинском конфликте.

Участник информационной войны с нацистами, Илья Эренбург как-то сказал: «В военное время всех объективных репортёров следует расстреливать» [Цит. по: 9, с. 375]. К сожалению, сегодня единомышленников у Эренбурга не мало.

Одним из методов ведения ментальной войны стала волна переименований городов, посёлков, улиц, кварталов и площадей на освобождённых территориях. Практически везде возвращается советская топонимика. Приведу лишь два примера в отношении г.Счастье и г.Старобельска. В 2015 г. Счастьенский горсовет (в украинском составе) принял решение о переименовании 5 улиц города. Комсомольская стала Спортивной, Ленина превратилась в Каштановую, Советская стала Центральной, Чапаева стала Цветочной (Квитковой), Ворошилова – Радужной (Веселковой). Местное население отнеслось к этим переименованиям спокойно. Я сам уроженец Счастья, и те счастьеенцы, что оказались в результате войны в Луганске, тоже никак не были огорчены этим решением украинского

горсовета. Более того, новые названия гораздо лучше прежних и очень даже Счастью к лицу. Но теперь всё возвратилось на круги своя. Осталось восстановить поваленный памятник Ленину.

Обратимся теперь к Старобельску. В том же 15-м году Старобельские власти переименовали около 40 улиц. Среди новых наименований есть сомнительные, но ни одного нациста в новых топонимах я не обнаружил. Более того, местная власть вернула некоторым улицам ещё дореволюционные названия. В соответствии с указом главы ЛНР Л.И. Пасечника от 10 марта 2022, ныне улица Большая Садовая (так было ещё при Государе) стала улицей Третьего Интернационала, Гимназическая (тоже царское название) Октябрьской (конечно в честь «Великого Октября»), Аграрная вновь носит имя бандита Котовского, улица Мира стала Пролетарской, Слобожанская вновь стала улицей Ленина... Отдельно стоит выделить улицу Лангемака, которой возвращено имя нашей любимой Розы Люксембург. Георгий Эрихович Лангемак – уроженец Старобельска, создатель легендарной «Катюши», прообраза нынешних «Смерчей» и «Градов», Герой Социалистического Труда, расстрелянный Сталиным в 38-м. Он был реабилитирован в 55-м. Неужели наши воины умирали за Розу Люксембург и Третий Интернационал? В этих именах наша ментальность? Очень близорукий выбор.

Немалые средства наше Правительство направляет на работу телевидения Russia Today. Круглосуточный канал вещает на русском, английском, арабском и французском языках. Но почему нет украинского вещания? Почему, желая «побороться за Украину», как выразился однажды президент Лукашенко, мы сами добровольно отдали украинское вещание целиком врагу? Высокомерно-презрительное отношение к украинскому языку явно не способствует нашему успеху. Для сравнения: насколько успешно работали западные радио-голоса на украинскую аудиторию. Они и воспитали нынешнее поколение оголтелых националистов. Мы же, провозглашая Украину или, если угодно Малороссию, частью исторической России, не желаем разговаривать с местным населением на родном ему языке. Так информационную войну не выиграть.

Выводы. Ментальные, информационные и даже военные конфликты не могут быть поводом для оправдания некомпетентности, бескультурия и деспотизма. Тем более они не должны стать поводом для расправы с негодными согражданами. Увы, уже слышны призывы возродить понятие «врага народа» (депутат Гурулёв). Это ложный и гибельный путь, уже пройденный нами однажды. Напротив, конструктивная критика только полезна для общего дела защиты России.

Христианин же призван помнить в наш век универсальную формулу апостола Павла: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6: 12). Всякого рода ксенофобия, политиканство, софистика в полемике пусть даже с врагом совершенно недопустимы для православного сознания.

Л и т е р а т у р а

1. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. – 2021. – №8. – С.19-33. : [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnaya-voyna-rossii/viewer>.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. : [Электронный ресурс] – URL: https://librebook.me/filosofia_neravenstva/vol1/3_
3. Ильницкий А.М. Время Больших Решений // Парламентская газета. 23 сентября 2021: [Электронный ресурс] – URL: <https://www.pnp.ru/politics/vremya-bolshikh-resheniy.html>.
4. Розанов В.В. Опавшие листья. : [Электронный ресурс] – URL: https://litmir.club/br/?b=118532&p=28_
5. Дугин А.Г. Впервые за всю историю... 16 января 2023: [Электронный ресурс] – URL: https://dzen.ru/b/Y8Uk6DhDxEuKctnm_
6. Дугин А.Г. Герой. Метафизика несчастья. 7 февраля 2023. : [Электронный ресурс] – URL: https://izborsk-club.ru/23835_
7. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Новое время, 1990. – С.23-69.
8. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918-1956: Опыт художественного исследования. Части III-IV // Собрание сочинений в тридцати томах. – Т.5. – М.: Время, 2010. – 558 с.
9. Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941-1945. – М.: РОССПЭН, 2010. – 455 с.

Slyusarenko A.V. BEYOND THE MENTAL WARS

Several famous philosophers of the past, with varying degrees of success, tried to look "beyond" certain phenomena of being. At least three left texts with a similar title. Nietzsche developed the philosophy of amorality "beyond good and evil", Freud wanted to explore the realm of the unconscious "beyond pleasure", and our S.L. Frank derived his philosophy "beyond right and left". In this article, following the example of the famous Russian philosopher, we tried to look beyond the modern mental wars.

Key words: class struggle, absolute war, information warfare, total warfare, mental warfare, heroism, asceticism.

Протоиерей Алексей Владимирович Слюсаренко – кандидат богословия, почётный доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Archpriest Alexey Vladimirovich Slyusarenko – candidate of theology, Honorary Associate Professor at the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: slusarenkoa@mail.ru

Рецензент: Складар Павел Петрович – доктор психологических наук, профессор, директор Института философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

СКУЛШУТИНГ КАК ЯВЛЕНИЕ ЗАПАДНОГО МИРА. СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ²

Скулшутинг, явление массовых стрельб в школах, является серьезной угрозой для безопасности образовательных учреждений во многих странах, включая США и Россию. Цель данной научной статьи – исследовать истоки возникновения скулшутинга в западном мире, в особенности в США, и проанализировать стратегии, которые были разработаны в американском обществе для борьбы с этим явлением: оценка риска насилия, создание позитивного школьного климата и обучение учащихся и взрослых сообщать о тревожных признаках. В статье приводятся стратегии, которые могут быть применены в России с учетом специфики культуры и особенностей образовательной системы.

Ключевые слова: скулшутинг, колумбайн, стратегии предотвращения актов насилия.

Проблема скулшутинга как явления западного мира заключается в насилии и угрозах, с которыми сталкиваются ученики и учителя в школьной среде. Это явление имеет серьезные последствия для здоровья и благополучия участников образовательного процесса, а также для общества в целом. Скулшутинг является сложной проблемой, которая требует комплексного подхода и решения ряда научных и практических задач при выполнении исследований.

Важными научными задачами являются изучение причин и факторов, которые приводят к скулшутингу, а также разработка эффективных стратегий противостояния этому явлению. Практические задачи включают в себя создание безопасной и поддерживающей среды в школах, обучение учеников и учителей навыкам конструктивного разрешения конфликтов, а также предоставление помощи и поддержки для тех, кто стал жертвой скулшутинга.

Последние исследования и публикации показывают, что скулшутинг является многогранной проблемой, которая требует комплексного подхода, но в настоящее время в российской науке она раскрыта недостаточно, требуются уточнения, которые учитывают специфику российского общества [1]. Большинство исследований указывают на то, что причиной скулшутинга могут быть факторы, такие как насилие в семье, психические расстройства и социальная изоляция. Тем не менее вероятность каждого отдельно взятого фактора как триггера к действию не является основополагающим и ключевым, срабатывает совокупность факторов и их комбинации, об этом

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00765, <https://rscf.ru/project/23-28-00765/>.

свидетельствуют исследования А.Ю. Карповой и Н.Г. Максимовой [2]. Влияние внешних факторов на подростков с различными психическими расстройствами, которые находятся в нестабильной социальной среде, оценивают в своих работах А.А. Гадельшин, Е.А. Потапов [3].

Необходимо также отметить научные работы, которые сосредотачиваются на разработке эффективных стратегий противостояния скулшутингу, таких как создание безопасной и поддерживающей среды в школах и обучение навыкам конструктивного разрешения конфликтов. В статье «Профилактика скулшутинга как основное направление профессиональной деятельности специалистов психолого-педагогической службы» рассматривается проблема скулшутинга и предлагаются методы и стратегии профилактики этого явления. Эффективность профилактической работы по предупреждению актов скулшутинга в образовательных учреждениях зависит от профессиональной компетентности специалистов психолого-педагогической службы – как ключевого фактора в борьбе с этим явлением. В статье также рассматриваются методы профилактики буллинга, создания безопасной и поддерживающей среды в школах, а также реализации профилактических программ, направленных на сплочение классных коллективов и обучение детей навыкам конструктивного разрешения конфликтов [4].

Цель данной статьи состоит в рассмотрении истоков возникновения явления «скулшутинг» и массовых убийств в школах, прежде всего в США; будет проанализирована история и факторы, которые способствовали возникновению скулшутинга в США, включая социокультурные, психологические и социально-политические аспекты, рассмотрена роль доступности оружия, влияние медиа и культуры на формирование образов «массовых убийц», а также проблемы психического здоровья и насилия в обществе. На основе успешных американских практик будут определены стратегии, которые могут быть применимы в российском контексте для противостояния данному явлению. Специфика российского общества также будет учтена при определении стратегий, таких как особенности образовательной системы, роль медиа и информационной грамотности, взаимодействие с правоохранительными органами, профилактика психических заболеваний.

Скулшутинг, известное как стрельба в школе или массовое убийство в школе, – явление, при котором один или несколько человек производят стрельбу внутри школьного учреждения, наносят физический вред ученикам, учителям и другим сотрудникам и в некоторых случаях приводят к смертельным исходам. Скулшутинги обычно совершаются молодыми людьми, настоящими или бывшими учениками школы, у них могут быть различные мотивы, такие как месть, социальная изоляция, психические расстройства, насилие, доступ к оружию. Анализируя данное явление, необходимо обратиться к историческим сводкам. Начиная с середины 19 века, произошли сотни случаев стрельбы в школах, прежде чем о них стали сообщать. Школьные перестрелки – явление не новое, меняются только мотивы (часто незначительно). В 19 веке было 28 случаев стрельбы в школах с 54 жертвами, в

20 веке – 227 случаев стрельбы в школах с 660 жертвами. В 21 веке (за 18 лет) более 300 случаев стрельбы в школах, только в США – 288 [5].

Основным мотивом для стрельбы в школе была месть как для учителей, так и для учеников, вплоть до 1940-х годов учителя стреляли в учеников не реже, чем ученики в одноклассников. Учителя применяли порку и другие жестокие наказания к ученикам, поэтому некоторые ученики стремились отомстить за побои. Учителя стреляли в директоров и школьных администраторов, которые пытались наказать их за то, что они выполняли свои обязанности несоответствующим образом. Вторым мотивом школьных перестрелок было романтическое соперничество. Третьей причиной стрельбы в школе были так называемые «несчастные случаи»: ученики и учителя приносили оружие в школу и оставляли его без присмотра, а также использовали его в качестве «реквизита» в школьных спектаклях. Вплоть до 1970 годов разрешалось приносить оружие в школы США. В 1960-х годах добавился новый мотив – расовый фанатизм. Одна из самых страшных школьных перестрелок за всю историю США произошла в Южной Каролине, когда отряд полицейских открыл стрельбу в школе для афроамериканцев и ранил 76 учеников, потому что «они почувствовали угрозу» [6].

Стрельба в Техасском университете 1 августа 1966 года ввела новый мотив: стрелявший был психически болен [7]. У снайпера, стоявшего на крыше высотного здания, который убил и ранил десятки людей, прежде чем был убит сам, была обнаружена опухоль в мозге. Появился новый класс стрелков – психические больные люди, имеющие доступ к оружию.

На протяжении 60-х и 70-х годов, по мере того как росло неравенство между богатыми и бедными, отмечается больше школьных перестрелок между бедными учениками в городских школах, которые стреляли друг в друга из-за оскорблений, мелких краж, инициаций в «школьные» банды, вероятными мотивами становились – тотальная бедность, отчаяние и отсутствие надежды. Значительная часть этих школьных перестрелок была связана с бедными чернокожими учениками. В 1970 годы неравенство доходов и растущая безнадежность в бедных районах стали новым мотивом. В этот период в статистических данных отсутствуют перестрелки между учителями и административным персоналом, тем не менее, они часто становились жертвами стрельбы со стороны, бывших и настоящих учеников. Старый мотив мести за обиды, реальные или воображаемые, все еще существовал, но он был вытеснен другими мотивами: фанатизмом (белые против черных, черные против белых, белые против азиатов), психическими заболеваниями, романтическими связями.

Мир изменился, когда произошел «Колумбайн». Это не был первый массовый расстрел в Америке (первый был в 1940 году, когда уволенный учитель вернулся в школу и убил весь административный персонал). Это был не первый случай в 1990 годах, но он стал самым шокирующим из-за методичности, с которой Дилан Харрис и Эрик Клеболд приступили к убийству. Этот инцидент интенсивно расследовался, он изменил структуру подхода к подобным убийствам. С тех пор было расследовано более 40

ситуаций-подражаний, большинство из которых были раскрыты до того, как это произошло. Причина, по которой кто-то хочет убить большое количество других учеников, не всегда ясна. Для Клеболда и Харриса основной причиной, по-видимому, была месть за изоляцию, за оскорбления или просто месть против концепции «школы», их заставляли делать то, что они не хотели делать, и наказывали за то, что они не делали [8]. Мечь являлась основной причиной с момента первых расстрелов в Америке.

В фильмах, на телевидении и в видеоиграх нет реального наказания за стрельбу, человек не ощущает состояние молящего о пощаде, не видит всю картину последствий. Именно это и произошло с Харрисом и Клеболдом, как только они начали свои убийства, они потеряли связь с реальностью. У них были приготовлены бомбы и достаточно боеприпасов, количество жертв могло стать больше, но процесс потерял «привлекательность», он шел не так, как они ожидали, не был похож на видеоигру или фильм. В связи с этим событием в современных исследованиях, в том числе российских, часто обращаются к типу стрелка, оценивают его увлечение видеоиграми, теми или иными музыкальными произведениями, книгами и фильмами [2].

Мотивы подражателей иные, для них мотивом служит представление о власти, потребность в контроле. Олицетворением власти для детей младшего возраста становятся динозавры и паровозы. Дети, которые чувствуют себя беспомощными, видят силу в этих вещах, а когда они становятся старше, они видят силу в оружии, и их постоянно снабжают информацией о том, сколько силы дает людям оружие.

Крупные расстрелы совершались психически большими людьми, которые чувствовали себя изолированными, непринятыми, оскорбленными, и они требовали наказания виновных, даже если на самом деле виновные не были теми, кто причинил им боль. Они наносили личный удар по близкому обществу, которое причиняло им боль. Они не могли найти более подходящие способы справиться с ситуацией. Например, в декабре 2012 года произошла трагическая стрельба в школе Сэнди Хук. В этом инциденте стрелял Адам Лэнза, молодой человек в возрасте 20 лет. Лэнза ворвался в школу и открыл огонь по ученикам и сотрудникам в результате погибли 20 детей в возрасте от 6 до 7 лет и 6 взрослых, включая учителей и администраторов. После стрельбы Лэнза покончил с собой. Этот инцидент стал одним из самых смертоносных школьных нападений за всю историю в США. Адам Лэнза страдал от различных психических проблем по данным, опубликованным в расследовании. Он был описан как человек с социальными и эмоциональными нарушениями, включая аутизм и обсессивно-компульсивное расстройство. Также было отмечено, что Лэнза имел проблемы в общении с другими людьми, испытывал трудности в установлении социальных связей и проявлял неадекватное поведение. Однако точные причины и мотивы его действий в результате стрельбы в школе Сэнди Хук остаются предметом спекуляций и дебатов. Психическое состояние Адама Лэнзы было одним из аспектов, изученных в результате расследования этого трагического инцидента [9].

Жестокость жизни в сочетании с очень легким доступом к оружию –

факторы, которые способствовали возникновению и распространению феномена «скулшутинг» в США. Посещение школы превращается в наказание, школьники перестают видеть возможности, присущие обучению: социальный аспект, образование, умение управлять своим временем и распределять задачи, возможность внеклассных занятий. Школьники не могут найти разумные способы выразить свое недовольство (например, обстановкой, которая сложилась в учебном заведении; количеством заданий, которые нужно выполнять, чтобы стать успешными; изменениями в организме в ходе взросления; романтическими отношениями, которые только учатся выстраивать). Школа для многих учеников похожа на тюрьму. Легкий доступ к оружию, нереалистичное изображение перестрелок в кино и на телевидении с отсутствием жестокости, раскаяния или горя и их очевидная магическая способность обеспечить контроль и ответы почти на все проблемы – делают перестрелки более привлекательными. В настоящее время предпринимаются попытки контролировать ситуацию и ограничить стрельбу, создавая школы, похожие на «крепости», с большим количеством металлоискателей и собак-ищек в коридорах, с пуленепробиваемыми дверями классов из алмазной плиты и телекамерами в каждом коридоре, но все это не решит проблему, а может перенести ее в другие места: в церкви, театры, на стадионы.

Одним из решений проблемы является усложнение доступа к оружию, но в США сделать это крайне сложно. Не предпринимается мер, которые введут запрет на жестокие видеоигры, телепередачи и фильмы. Производители средств массовой информации никогда не покажут последствия стрельбы в реальной жизни, всю жестокость, боль, раскаяние, горе. Демонстрируются только быстрые действия с героями, невосприимчивыми к выстрелам, которые решают проблемы с помощью оружия, в то время как на самом деле оружие только создает больше проблем. Ситуация в России с показом жестокости в фильмах и телепередачах и ее влияние на проблему скулшутинга требует тщательного изучения. В настоящее время демонстрация жестокости в средствах массовой информации указывается как косвенный внешний фактор проблемы скулшутинга в российских школах [2, 3].

Передача оружия в руки учителей не решит проблему. История показала, что если вооружить учителей и административный персонал, то они станут стрелками. Если рассматривать случаи стрельбы в школах в последнее время, то вооруженные и подготовленные охранники часто бывают убитыми. Их присутствие не гарантирует безопасности, скорее создает ложное чувство безопасности. Здесь также имеют место быть вопросы экономического и социального характера: что делать, когда вооруженный охранник, получающий минимальную зарплату, выходит из себя; кто оплачивает работу охранников всех школ.

Легкость получения оружия – фактор, который требует рассмотрения и анализа. Число учеников, погибших в школьных перестрелках, резко возросло, когда ученики стали иметь доступ к оружию с большим количеством патронов и возможностью быстро стрелять. В США количество случаев скулшутинга превышает общемировое в десятки раз [5], но необходимо рассматривать

каждый случай в отдельности, так как в статистику попадают разборки с применением оружия на школьной территории, включая вечернее и ночное время. Здания школ превращаются все больше в «крепости», но школьник, который готовит нападение, может знать об «уязвимостях» системы охраны. В обществе поднимается вопрос о строгом регулировании оружия, но ценности, на которых базируется американская нация, включает принцип личной свободы и отстаивания индивидуальных прав, в том числе связанный с приобретением, хранением и ношением оружия.

Многое зависит от моральных наставлений родителей о ценности жизни и сдержанности в развлечениях; важен вклад в формирование ценностей гражданских и религиозных институтов. Тем не менее, религиозность сообществ прошлого не уберегала от массовых расстрелов.

Рассмотрев историю и факторы, которые способствовали возникновению склуштинга в США, представляется возможным выделить мотивы, которые подтолкнули людей на совершение массовых убийств:

1. Мечь. Некоторые убийцы чувствуют, что их в чем-то обидели, и считают, что должны отомстить (им не удалось стать частью того или иного сообщества, они были отвергнуты противоположным полом).

2. Зависть. Это противоположная сторона мести. Убийцы завидуют тем, кто пользуется популярностью или может построить отношения, поэтому считают, что эти люди заслуживают того, чтобы им причинили боль.

3. Слава. Стремясь к тому, чтобы их заметили, убийцы хотят быть уверенными в том, что их заметят. Многие из убийц планируют покончить жизнь самоубийством после того, как совершат свой акт, или ожидают, что их застрелит полиция. Они желают попасть в национальные новости, а не в хроника самоубийств на последней полосе.

4. Психическая неуравновешенность. У всех убийц были те или иные психические проблемы, например, депрессия – наиболее частая из проблем. Когда депрессия становится достаточно сильной, самоубийство часто рассматривается как способ избавиться от боли, но в то же время и заявить о своей боли.

Не существует единого мотива, представляется сложным определить тех, кто находится в группе риска (тем не менее существует стратегия оценки риска насилия, и она совершенствуется), пока молодые люди не начинают предпринимать действий, связанных с планированием преступления. Многие проходят через депрессию, решают проблемы гнева, мести и зависти и заканчивают школу, не причинив никому вреда, но есть и те, кого одноклассники или одноклассники описывают как немного странных, которые однажды появляются с ружьем.

В результате достаточного количества печальных событий в США разработаны стратегии, которые могут быть реализованы для предотвращения школьной стрельбы. Одна из стратегий заключается в использовании в школах большего количества оценок риска насилия. Исследователи и федеральные правоохранительные органы изучают случаи стрельбы в школах и разработали оценки риска для определения вероятности реального насилия со стороны

подростка, отнесенного к группе возможного риска. Эти оценки могут помочь выявить учащихся, которые могут быть подвержены риску совершения насилия, и предоставить им необходимую поддержку и ресурсы, чтобы предотвратить совершение нападения [10].

Другая стратегия заключается в формировании сплоченной и поддерживающей школьной среды, что достигается путем предоставления адекватной поддержки, обучения и ресурсов школьному персоналу, а также создания позитивного школьного климата, способствующего налаживанию чувства общности среди учащихся. Это помогает преодолеть чувство изоляции, как следствие, чувства отчаяния и гнева, которые в дальнейшем приводят к насильственному поведению [11].

Третья стратегия заключается в том, чтобы научить учащихся и взрослых сообщать о тревожных признаках. Большинство школьных стрелков демонстрировали тревожное поведение и сообщали о своем плане причинить вред до совершения смертоносного нападения. Обучая учащихся и взрослых распознавать и сообщать об этих предупреждающих признаках, школы и сообщества могут вмешаться на ранней стадии и предотвратить потенциальное нападение. Это достигается путем организации обучения и предоставления ресурсов учащимся, учителям и родителям для того, чтобы они могли определить и сообщить о тревожном поведении, а также путем создания культуры информирования, в которой учащиеся чувствуют себя комфортно, сообщая о своих проблемах [12].

Проблема скулшутинга не настолько распространена в России, как в США, но даже единичные случаи приводили к жертвам среди школьников и получили широкий резонанс в обществе. Анализ мотивов скулшутинга и способов их предотвращения, которые применяются в США, позволяет выделить несколько эффективных стратегий противостояния скулшутингу, которые были разработаны на основе последних исследований. Одна из таких стратегий – профилактика буллинга в школьной среде. Профилактическая работа включает в себя обучение учеников и учителей навыкам конструктивного разрешения конфликтов, создание безопасной и поддерживающей среды в школах, а также предоставление помощи и поддержки для тех, кто стал жертвой скулшутинга [4].

Другая эффективная стратегия – влияние на агрессора извне. Это может включать в себя работу с родителями и другими взрослыми, чтобы помочь им понять, как их поведение может влиять на детей, а также обучение родителей навыкам конструктивного родительства. Также может быть полезным проведение кампаний по противодействию насилию и агрессии в школах и обществе в целом.

Эффективность профилактической работы по предотвращению скулшутинга в образовательных учреждениях в первую очередь определяется профессиональной подготовкой педагогов и их готовностью к работе с проблемой скулшутинга. Важно, чтобы педагоги были обучены не только распознаванию признаков скулшутинга, но и умели эффективно реагировать на них, а также проводить профилактическую работу среди учеников. Здесь может

оказаться полезной система оценки рисков проявления насилия, разработанная в США и адаптированная под российские условия.

Проблема скулшутинга является серьезной и требует пристального внимания и действий со стороны общества и правительства. Необходимы теоретические и практические исследования по определению мотивов совершения массовых убийств (скулшутинг и колумбайн); выявлению групп риска на основании формирования коммуникативных портретов тех, кто входит в эти группы. Является важным продолжением разработки эффективных стратегий противостояния скулшутингу для обеспечения безопасности и благополучия участников образовательного процесса.

Л и т е р а т у р а

1. Плотников В.В., Самойлов С.Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке / В.В Плотников, С.Ф. Самойлов // Общество и право. 2021. №2 (76). : [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-skulshutinga-kolumbayna-v-rossiyskoy-nauke>.

2. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? / А.Ю. Карпова, Н.Г. Максимова // Власть. 2021. №1. : [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skulshuting-v-rossii-chno-imeet-znachenie>.

3. Гадельшин А.А., Потапов Е.А. Оружейная культура в РФ. Причины скулшутинга и пути его предотвращения / А.А., Гадельшин, Е.А. Потапов // Вопросы российской юстиции. 2021. №13. : [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oruzheynaya-kultura-v-rf-prichiny-skulshutinga-i-puti-ego-predotvrascheniya>.

4. Грунина С.С., Паатова М.Э., Демкина Е.В., Сажина Н.М. Профилактика скулшутинга как основное направление профессиональной деятельности специалистов психолого-педагогической службы образовательного учреждения / С.С. Грунина, М.Э. Паатова, Е.В. Демкина, Н.М. Сажина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2022. №3 (303). : [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-skulshutinga-kak-osnovnoe-napravlenie-professionalnoy-deyatelnosti-spetsialistov-psihologo-pedagogicheskoy-sluzhby>.

5. School Shootings by Country. : [Электронный ресурс] – URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/school-shootings-by-country>.

6. Bazzinotti J. Why do you think school shootings happen? What's the main culprit in your opinion? : [Электронный ресурс] – URL: <https://qr.ae/pr0ghn>.

7. Бойня в американском университете – 33 погибших. : [Электронный ресурс] – URL: <https://iq.hse.ru/news/177691629.html>.

8. A Columbine Site. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.acolumbinesite.com/event/summary.php>.

9. Кем был Адам Ланза, устроивший стрельбу в школе в США? : [Электронный ресурс] – URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/12/121217_us_school_shooter_profile.

10. Boxer P. 5 ways to reduce school shootings, published: June 2, 2022. : [Электронный ресурс] – URL: <https://theconversation.com/5-ways-to-reduce-school-shootings-183965>.

11. Preventing School Shooting by Center for Violence Prevention. : [Электронный ресурс] – URL: <https://violence.chop.edu/types-violence-involving-youth/school-shootings/preventing-school-shootings>.

12. Kingston B., Goodrum S. Research Shows This Is How to Prevent School Shootings. : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.yesmagazine.org/social-justice/2023/03/10/prevent-school-shootings>.

Osipov D.V. SCHOOL SHOOTING AS A PHENOMENON OF THE WESTERN WORLD. PREVENTION STRATEGY

School shooting, the phenomenon of mass school shootings, is a serious threat to the security of educational institutions in many countries, including the United States and Russia. The purpose of this article is to explore the origins of school shootings in the Western world, especially in the United States, and to analyze the strategies that have been developed in American society to combat this phenomenon: violence risk assessment, creating a positive school climate, and teaching students and adults to report warning signs. The article provides strategies that can be applied in Russia, taking into account the specifics of the culture and peculiarities of the educational system.

Key words: school shooting, Columbine, preventing acts of violence strategies.

Осипов Даниил Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева».

Osipov Daniil Vladimirovich – candidate of Philological Sciences, associate professor at the Department of English Philology FSBEI HE “Astrakhan Tatishchev State University”.

E-mail: daniio@yandex.ru

Рецензент: Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор философии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева», г. Астрахань.

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В СЛУЖЕНИИ ОТЧИЗНЕ

Рассматриваются основные идеи русской философии – проблема предназначения России и религиозность. Анализируется творчество И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, Н.С. Трубецкого как великих предшественников, поднимающих вопросы столкновения интересов западной цивилизации и интересов всего остального человечества. Подчеркивается ведущая роль России в деле пробуждения национального самосознания народов. Уделено внимание роли современной русской философии, ее принципам и перспективам.

***Ключевые слова:** Русская идея, религиозность, русская философия, культура, принципы.*

*Поэт в России – больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
кому уюта нет, покоя нет.*

*Поэт в ней – образ века своего
и будущего призрачный прообраз.*

*Поэт подводит, не впадая в робость,
итог всему, что было до него.*

Евтушенко Е. Поэт в России больше, чем поэт

*Современная Россия сейчас
переживает катарсис – очищение души.
Михаил Ошеров, журналист*

Постановка проблемы. Предназначение России, «русская идея» были одной из основных проблем, на протяжении веков тревоживших русскую философию. Суждения философов о роли России, русском народе, русской душе неповторимы и оригинальны. Во многом в суждениях отсутствует терминологическая точность, зато присутствуют тонкие суждения и искренние чувства. Эту проблему подымали религиозные деятели и славянофилы, великие русские писатели Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, философы Леонтьев, Розанов, Соловьев, Бердяев и др. Самое же главное, по мнению Бердяева, в том, что эта Русская идея – идея истинно народная, она была сформулирована лучшими представителями народа и соответствует глубинным народным желаниям и чаяниям.

Различные источники по истории русской философии единогласны в главном – собственно оригинальные черты философской мысли в России во

многим сложились под влиянием географических и социально-культурных процессов, а предпосылки для возникновения философского сознания созрели уже в эпоху Киевской Руси. Дискуссии об истоках и границах русской философии продолжаются до сегодняшнего дня, хотя в большинстве очерков русская философия рассматривается как явление русской интеллектуальной культуры, на которое особое влияние оказала христианизация. В зависимости от подхода исследователя, подчеркивается то историческое и философское содержание, которое интересно для данного историка философии. Так, мыслители начала XX века выделяют следующие характерные черты русской философии (Н. Лосский): космолизм, софиология (учения о Софии), соборность, метафизичность, религиозность, интуитивизм, позитивизм, реалистичность (онтологизм); С. Франк: неразделимость рационального и нравственного смыслов, присущих слову «правда»; Н. Бердяев: стремление «выработать себе тоталитарное, целостное мирозерцание, в котором правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью» [6].

Цель исследования. Насущной проблемой становится рассмотрение основных идей русской философии – предназначение России и роль религиозности в философии XX-нач.XXI века, а также выявление преемственности современной русской философии с идеями великих предшественников.

Основная часть. Мыслители подчеркивают, что две идеи – «русская идея» и «религиозность» отличают русскую философию начала XX века. Напомним слова А.Ф. Лосева о русской философии: «Достигшая чрезвычайной апокалиптической напряженности самостоятельная русская философия уже стоит на пороге нового Откровения, а может быть, и новых кристаллизаций этого Откровения, т. е. догм. Этого уже жаждут сердца истинно русских людей» [8, с. 212].

Как отмечает М. Озмитель, великое дерзновение стоит за этой фразой А.Ф. Лосева. Это – дерзновение создать русскую православную догматику в дополнение к уже имеющимся догматам Православия, это – дерзновение знать, как отличить истинно русского человека [10].

Тема истинно русского человека звучит в творчестве И.А. Ильина и Н.А. Бердяева. В развитии темы предназначения России особо интересна философия И.А. Ильина, виднейшего русского философа первой половины XX века. Он стремился разработать концепцию сильного государства, восстановить древнее русское православное «учение о мече во всей его силе и славе». Ильин в своих разработках руководствовался принципом правового обоснования «сильной власти». На его взгляд, право по своей сути есть не что иное, как «необходимая форма духовного бытия человека»; поэтому вне права «нет пути ни к добродетели, ни к Божеству, ни к последним и высшим удовлетворениям духа». Право в сильном государстве должно опираться на «истинный патриотизм» и «чувство государственности». По мнению Ильина,

патриотическое единение людей, имеющее «в корне духовную природу», составляет опору права и государства. Человек становится гражданином не благодаря формальному подданству, а благодаря «приятию государственной цели». Философ считал, что лишь в особых случаях удастся с самого начала обойтись без «сильной власти». Это когда государство незначительно по своей территории и населению, когда в нем нет резких бытовых, языковых и климатических различий, словом, когда «проще национальная, культурная, хозяйственная и международная проблематика страны». Поскольку Россия по всем этим моментам имеет прямо противоположное содержание, то она может возродиться только как «сильная, эмансипированная от заговорщических партий, сверхсословная и сверхклассовая власть». Власть же слабая, т. е., собственно, демократическая, эгалитарная «не поведет Россию, а развалит и погубит ее», ввергнет в коррупцию, безобразную смуту, гражданскую войну. Во многом взгляды Ильина подтверждены историей развития России [5; 4, с. 163].

С точки зрения исследователей, философ Н.А. Бердяев является одним из самых ярких философов «русского духовного ренессанса» первой половины XX века. Задолго до своей высылки из Советской России в 1922 г. он открыл перед русской духовностью новые горизонты мысли. Неоценимый вклад философ внес в разработку «Русской идеи». Опубликованный впервые в Париже в 1946 г. трактат «Русская идея» поднимает тему России, русской мысли. Здесь четко виден подход Бердяева к отечественной духовной традиции: Бердяева интересовала не Россия сама по себе – в ее духовных и политических реалиях, а то, что «замыслил Творец о России», какое «новое слово» она скажет миру. Н. Бердяев в данном случае исходил из Соловьевской историософии, признававшей, что «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». Бердяев приходит к выводу, что русские мыслители, русские искания XIX и начала XX века подтверждают существование «русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа». Н.А. Бердяев подчеркивает, что «русские люди из народного, трудового слоя, даже когда они ушли от православия, продолжали искать правды, искать Бога и Божьей правды, смысла жизни». Бердяев считает, что русская идея – идея мессианская, русские призваны играть достойную роль в истории мира в утверждении принципов коммюнитарности, мыслитель также утверждает, что «русская идея – идея братства» [1].

В Бердяевской историософии России, в ее основе интуитивный тезис о саморазорванности, противоречивости русской души. Русский народ, по Бердяеву, представляет собой «совмещение противоположностей» – на одном полюсе – изначальное язычество, дионисийность, на другом – аскетически-монашеское православие, церковь. Их постоянная борьба в течение веков способствовала развитию особого «творческого религиозного сознания», составляющего сущность «русской идеи». Это религиозное сознание охватывает все направления отечественного любомудрия – все они выражали

идеалы, соответствующие «характеру и призванию русского народа», его самобытной религиозности. Учение Бердяева получило широчайший резонанс в русской духовности, включив в сферу своего влияния все направления отечественной мысли XX в. [4].

С точки зрения исследователей, «отцом евразийства» был еще совсем молодой, но уже прославившийся лингвист Н.С. Трубецкой. В 1920 г. в Софии вышла его небольшая книга «Европа и человечество», сразу ставшая своего рода бестселлером. Н. Трубецкой был ярким оригинальным русским мыслителем, который еще в 20-х гг. XX века поднял вопрос столкновения интересов западной цивилизации и интересов всего остального человечества. Рассматривая процесс вестернизации незападного мира, он доказывает пагубность влияния западноевропейской политической культуры. Он считал, что интеграция в систему западноевропейских ценностей не приводит к обогащению национальной культуры. Напротив, это способствует идеологическому и политическому укреплению человечества. России в новой системе мирового порядка отведена роль колонии, пусть и обладающей формальным суверенитетом. Альтернативой этому может служить лишь объединение всего человечества в борьбе против Запада. Именно Россия, по мнению Н. Трубецкого, должна возглавить мировое движение за освобождение от политической гегемонии западноевропейских стран и США [11; 12]. Идеи Н.С. Трубецкого актуальны в нашей стране и поныне. В настоящее время наша страна настоятельно нуждается в мерах, направленных на сохранение национальной и культурной самоидентичности, укреплении суверенитета. Это, бесспорно, должно привести к переоценке ценностей, воспринятых нашим обществом с Запада без надлежущей критики. Методологической основой этих преобразований вполне может стать концепция князя Трубецкого. Россия рассматривает как своих важнейших геополитических партнеров на Востоке крупнейшие страны Азии – Китай и Индию. Эти страны вместе с Россией способны заключить новый союз в борьбе против однополярного мира и политической гегемонии Запада [9, с. 13-14].

Своих преданных сторонников евразийство имело и в СССР. Самый крупный среди них – Л.Н. Гумилев, историк и географ, профессор Ленинградского университета. Основной труд ученого – «Этногенез и биосфера Земли» (1989). К нему примыкает ряд других исследований, прежде всего: «Древняя Русь и Великая степь» (1989) и «География этноса в исторический период» (1990). Все работы автора написаны с позиции евразийского принципа полицентризма, т. е. рассмотрения истории человечества не как единого целого «с единственным центром в Европе, а как многозначную целостность, вид, разбитый на разные ландшафты». Эти идеи как никогда актуальны сегодня для России.

Современная философия продолжает развивать идеи своих великих предшественников. Практически все ключевые вопросы философии являлись предметом рассмотрения современного философа А.А. Зиновьева. Широкий

международный резонанс получили его работы, посвященные анализу эволюции Запада как цивилизации и как социальной системы. В ряде книг он сформулировал свое видение перспектив развития человечества.

Современный философ, политолог, профессор МГУ А. Дугин говорит о сегодняшнем Великом Пробуждении России: «Очевидно, что место России – по крайней мере, России Путина, России суверенной, независимой и свободной – в рядах «Великого Пробуждения».

Для того чтобы это стало необратимым фактом, необходимо предпринять последнее усилие. Наполовину Россия проснулась уже 20 лет назад. И начала трудный, но в целом успешный (хотя и затянувшийся) возврат в историю в качестве субъекта мировой политики, а не ее объекта (как в 90-е годы XX века). Но пространство для компромисса с глобалистами полностью исчерпано. У нас есть только один выход – проснуться окончательно и не просто принять активное участие в «Великом Пробуждении», но – что было бы желательно и достойно масштаба нашей истории и нашего духа – возглавить его» [3].

А. Дугин – активный участник современной жизни России. Учитывая неопределимую его роль в духовном пробуждении россиян, враги совершили беспрецедентный террористический акт – убили дочь А. Дугина Дарью Дугину, которая никогда не призывала к насилию и войне. Украинские спецслужбы ее подло убили на глазах у отца. На что получили ответ философа: «... нас, наш народ не сломить даже такими невыносимыми ударами. Они хотели подавить нашу волю кровавым террором против самых лучших и самых уязвимых из нас. Но они своего не добьются» [3].

Русские философы на протяжении истории размышляли о грядущем предназначении России. Но они не имели представления о том, как именно оно будет свершаться. Философы сегодня (например, И.И. Евлампиев) считают, что в истории человечества настал тот час, когда это предназначение свершается. Так, Русский мир – это форма новой человеческой цивилизации, которая реализует русскую идею, – заявил И.И. Евлампиев, рассказывая студентам Народного университета им. Дарьи Дугиной о своём курсе лекций «Философия русского мира: история и современность».

Как отмечает исследователь А.Ф. Замалеев, «споры о возможностях и будущем русской философии разрешаются простым фактом ее исторического существования. Она еще менее всего может считаться целостной, завершенной. В ней больше задатков, нежели свершений, больше упований и надежд, нежели систематизированных уроков. Она еще не отлилась в специфическую форму, еще нет тех мехов, в которых можно было бы хранить и настаивать вино истинного отечественного любомудрия» [4].

Выводы. Каковы же принципы развития русской философии XX-нач.XXI века?

Во-первых, с нашей точки зрения, тот, с которого был начат разговор о русской философии – «гордый дух гражданства». Проф. Н.А. Дмитриева отмечает, что злободневные социально-политические и этические вопросы

были темой русской философской мысли вплоть до рубежа XIX-XX веков [2]. Ту же тенденцию мы наблюдаем сегодня.

Во-вторых, то, что Алексей Введенский назвал «мелиоризмом», т. е. «тенденцией к улучшению и преобразованию мира». В мелиоризме он усматривал особое понимание смысла жизни, чуждое крайностей пессимизма и оптимизма. Это понимание, на его взгляд, более всего отвечает характеру и умонастроению русского народа [4].

В-третьих, другой принцип секуляризованного сознания – антропологизм, или тенденция к исправлению и совершенствованию человеческой природы. От Владимира Мономаха до Радищева, от Радищева до Ухтомского и Циолковского русская мысль всегда тяготела к познанию тайны человека, его смертности и бессмертия. Эта экзистенциальность, пожалуй, действительно составляет неотъемлемую черту русской философии, хотя вовсе не является признаком ее национального своеобразия [4].

В-четвертых, русская философия в своих главных вопросах тесно связана с религией, христианской теологией.

Так, отвечая на вопрос, есть ли философия в Советском Союзе, Г.П. Щедровицкий написал в свое время: «... философия у нас есть, и даже со многих точек зрения – о-го-го какая!» [14].

«Я понял, что практически вся наша философия до сих пор остаётся во многом религиозной философией. Религиозной в широком смысле этого слова, то есть философией, связанной с *верой* в то, что *должно быть*.

...И в этом есть своя сила ... Религиозная философия есть философия с принципиальным, категорическим императивом – как должно быть. Но только очень странным образом, с категорическим императивом не в смысле Канта – не в смысле требований к себе, норм своего личного поведения, личных взаимоотношений и своих обязанностей, а в смысле требований, вынесенных в мир и даже объективированных. И до сих пор, читая работы советских философов, независимо от того, какой системы взглядов они придерживаются, я каждый раз отчётливо ощущаю эту вот линию религиозного философствования и соответствующую эсхатологию» [14].

Заслуживает внимания также мнение Г.П. Щедровицкого, что естественно-научный подход в философии себя исчерпал. За последние триста лет из него было выжато все, что возможно. В данный момент необходимо рассмотреть новые перспективы развития, по определению Г.П. Щедровицкого, «искусственно-технические», которые будут определять направления развития на ближайшие двести-триста лет. Исследователь подчеркивает: «И поэтому я говорю: в науке, в философии нет разницы между истинным путём или ложным. Важно в жизни не мельтешить. Выбрал путь – иди до конца и не сгибайся. А что у тебя получится в результате – человечество проверит» [14].

Сербский режиссер и музыкант Эмир Кустурица на награждении медалью «Великий русский писатель Достоевский» от Министерства культуры РФ заявил, что российскую культуру невозможно отменить. Он также отметил,

что, благодаря масштабу, глубине и достижениям, а также вневременной ценности, российская культура не может быть уничтожена [7]. Русская философия дала величайшие образцы интеллектуального творчества, которые проверены временем, неповторимы и оригинальны. Русская философия, как и русская культура, не могут быть уничтожены!

Л и т е р а т у р а

1. Бердяев Н. Русская идея / Н.А.Бердяев // Вопросы философии. – 1990. – № 2. – С. 87-154.
2. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки / Н.А. Дмитриева. – М.: РОССПЭН, 2007. – 512 с.
3. Дугин А. Большая Перезагрузка и Великое Пробуждение /А.Дугин. – [Электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20210215/perezagruzka-1597564983.html>.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. – М.: «Парогъ», 1993. – 235 с.
6. Красицки Я. Борьба за правду (Бердяев, Кант и другие) // Соловьёвские исследования. – 2014. – № 2 (42). – 212 с.
7. Кустурица рассказал о невозможности отмены российской культуры. – [Электронный ресурс] – URL:https://kino.mail.ru/news/57397_kusturitsa_rasskazal_o_nevozmozhnosti_otmeni_r_ossiiskoi_kulturi/?from=mr_news&frommail=ft_ml.
8. Лосев А.Ф. На рубеже эпох. Работы 1910-х – начала 1920-х годов / Общая ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Прогресс-Традиция, 2015. – 1086 с.
9. Никитин А.Ф. Николай Сергеевич Трубецкой: Запад и человечество / А.Ф. Никитин // Известия ПГПУ. Общественные науки. – №2(6). – 2006. – С. 13-14.
10. Озмитель М. Заметки о статье А. Ф. Лосева «Русская философия» / М.Озмитель. – [Электронный ресурс] – URL:<https://proza.ru/2021/05/12/85>.
11. Трубецкой, Н. Европа и человечество / Н. Трубецкой // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 31-105.
12. Трубецкой Н. Мы и другие / Н. Трубецкой // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 106-125.
13. Философия. История и теория: Учебник для вузов, 2-е изд., дораб. / Под ред. А.А. Гусейнова и Ю.Н. Солодухина. Сост. П.П. Апрышко. – М. : Мир философии, Алгоритм, 2023. – 799 с.
14. Щедровицкий Г.П. Философия у нас есть // Щедровицкий, Г.П. Философия. Наука. Методология / Г.П. Щедровицкий. – М.: «Школа культурной политики», 1997. – С. 1-24. // [Электронный ресурс] – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5484/5485>.

Zvonok A.A., Zvonok N.S. RUSSIAN PHILOSOPHY IN SERVING THE HOMELAND

The main ideas of Russian philosophy are considered – the problem of Russia's destiny and religiosity. The work of I.A. Ilyin, N.A. Berdyaev, N.S. Trubetskoy as the great predecessors who raised the issues of the conflict of interests of Western civilization and

the interests of the rest of mankind is analyzed. The leading role of Russia in the cause of awakening the national self-consciousness of peoples is emphasized. Attention to the role of modern Russian philosophy, its principles and perspectives is paid.

Key words: *Russian idea, religiosity, Russian philosophy, culture, principles.*

Звонок Александр Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

Zvonok Alexandr Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Docent of the Department of Sociology and organization of work with youth FSBEI HE «Lugansk State Pedagogical University».

E-mail: al.zvonok@gmail.com.

Звонок Наталья Степановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Zvonok Natalya Stepanovna – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: zvonok1962@mail.ru.

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 14.316.6.81'272

Фоминова Г.В.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ФОРМА ДЕОНТОЛОГИЗАЦИИ РУССКОГО МИРА

Статья посвящена изучению влияния лексических заимствований на мышление русскоговорящей языковой личности, на менталитет русской молодёжи, на русский язык и культуру. В данной работе изучается влияние заимствованной лексики как формы деонтологизации Русского мира. Под термином деонтологизация Русского мира понимается – негативное влияние, искажение национального российского менталитета. Подобная трактовка проблемы представляет исследовательский интерес, так как рассматривается в парадигме междисциплинарного научного знания: лингвистики, философии и психологии.

Ключевые слова: *лексические заимствования, Русский мир, деонтологизация, лингвистика, философия, этническое самосознание, языковая личность.*

Актуальность данной статьи следует из того, что в современном мире, в связи с усилившимися процессами глобализации, количество иноязычных слов

в русском лексиконе постоянно приумножается. Учитывая особенности геополитического положения России, вопрос о защите Русского мира, русского самосознания становится одной из основных задач государства и научного сообщества нашей страны. Вследствие чего Государственной думой федерального собрания Российской Федерации во втором и третьем чтениях был принят закон «О защите русского языка от чрезмерных иностранных заимствований» [13].

Научная новизна нашего исследования обусловлена тем, что впервые процесс лингвистического заимствования с иностранного языка в русский язык рассматривается как форма деонтологизации Русского мира.

Цель исследования – выявить влияние лексических заимствований на русский язык и русское национальное самосознание.

Анализ публикаций. Вопросами лексических заимствований занимались такие известные ученые-лингвисты, как: Ж. Багана, А.И. Бодуэн де Куртене, О.Э. Бондарец [3], В.А. Виноградов, Е.М. Иссерлин, А.С. Клименко, В.Т. Клоков, Л.П. Крысин, Л.Д. Микитич, А.М. Молодкин, Ю.С. Сорокин, Л.В. Щерба и другие, а также зарубежные языковеды – Р. Аппель, Т. Кауфман, А. Мартине, Г. Пауль, Э. Сепир [12], С.Г. Томасон, Г. Шухардт.

С философской точки зрения данный вопрос рассматривался такими выдающимися философами как Л. Витгенштейн, В. Гумбольдт [5] и другими учеными.

Проблематика Русского мира исследуется доктором исторических наук МГУ России и главой фонда «Русский мир» – В.А. Никоновым [11], доктором исторических наук В.А. Тишковым, кандидатом философских наук и политтехнологом П.Г. Щедровицким.

Русский мир как культурно-цивилизационный феномен рассматривается политологами О.Н. Батановой, К.С. Гаджиевым, М.М. Лебедевой, А.П. Цыганковой, И.Г. Яковенко.

Постановка проблемы. Русский язык по праву считается одним из самых богатых языков мира. Он, несмотря на всю свою самобытность, яркость и экспрессивность, всегда был открыт для принятия слов и выражений других языков. Однако в последнее время тенденция проникновения слишком большого числа элементов иностранной речи вызывает тревогу ряда лингвистов, а также деятелей науки, искусства и специалистов других областей. Этот процесс стал одной из серьезных проблем современного русского литературного языка и речевой культуры.

Основная часть. Главным аспектом данного вопроса является рациональное использование заимствований в русской речи, то есть необходимо дать верные ответы на ряд вопросов: какие заимствования следует использовать, в каких ситуациях их применение уместно, нет ли в родном языке подходящих эквивалентов, как именно употреблять в речи иноязычные элементы. По мнению специалистов в области языкознания: «Процесс заимствования иноязычной лексики в большей или меньшей степени присут

любому языку во все периоды его развития, потому что языки не существуют в полной изоляции» [4]. Однако если более детально анализировать данную проблему, то можно прийти к другим выводам. Известный лингвист Эдвард Сепир утверждал: «Естественно, что у языка страны, на которую смотрят как на средоточие культуры, больше данных оказывать заметное влияние на другие языки. Когда есть на лицо культурное заимствование, есть полное основание ожидать соответствующего заимствования слов» [12]. Культурный уровень народа и язык, на котором этот народ разговаривает, безусловно, взаимосвязаны. Речь – слова, которые народ одной страны использует для выражения своих мыслей и чувств, отражают его культурную составляющую. Процессы, происходящие в русском языке, и особенно, что касается заимствования иностранной лексики, сигнализируют нам, что наша культура находится под влиянием внешней культуры и претерпевает чудовищные по своим масштабам изменения.

Следует заметить, что только под влиянием и давлением одной культуры на другую происходит языковое вторжение в культуру зависимую. В данной статье речь идет о влиянии западноевропейской культуры на культурный код русского человека. Рассматривая вопрос лексического заимствования и его влияния на культуру России, сквозь призму исторической ретроспективы, было обнаружено, что русский философ и мыслитель Николай Яковлевич Данилевский говорил о «европейничании» как о «болезни» русского общества, начало которой он относит к реформам Петра I. Под данным термином философ понимал то, что русский человек воспринимал под «средоточием культуры» культуру западноевропейскую: «Болезнь эту, вот уже полтора столетия развившую Россию, всё расширяющуюся и укореняющуюся и только в последнее время показавшую некоторые признаки облегчения, приличнее всего, кажется мне, назвать европейничаньем» [7].

По мнению других ученых-историков, на самом деле первые «симптомы болезни» начали проявляться ещё в царствование Алексея Михайловича. До правления царя Алексея иностранцев на Русь пускали и даже приглашали, чтобы они научили тому, в чём лучше разбирались. Однако их не пускали «дальше порога». «Нужда заставляла правительство звать иноземцев. Но, призывая их и даже лаская, правительство в то же время ревниво оберегало от них чистоту национальных верований и жизни» [9].

Изучение данного вопроса и рассмотрение его в более раннем периоде дало нам возможность определить истоки и первые проявления склонности русского человека заимствовать чуждые для его обычного лексикона слова и как следствие культуры.

Говоря о более позднем периоде, начиная с 1990-х гг., в связи с включением России в процессы интеграции, компьютеризации, глобализации и изменениями в политической, экономической, культурной жизни общества в целом приток иностранных слов увеличился. Необходимо отметить, что неуместное, частое и ошибочное употребление подобных слов приводит к

закреплению в речи неверных их значений и потере чистоты языка.

Вопрос лексического заимствования можно рассматривать с двух точек зрения:

1) язык является динамичной подсистемой духовной сферы жизни общества, следовательно употребление большого количества слов иностранного происхождения необходимо России для преодоления барьеров и движения в русле общемирового развития – что является конструктивным и считается одним из векторов естественного развития языка [7];

2) большая часть подобных элементов имеет аналог на исконном языке, вследствие этого употребление их не оправдано и приводит к негативным изменениям не только языка и русской культуры в общем, но и к потере самобытности, национальных черт речи, что является деструктивной чертой лексического заимствования с иностранного языка в русский язык, на которой мы акцентируем внимание в нашем исследовании и называем деонтологизацией Русского мира [1, 7, 10].

В настоящее время сложно представить современного человека, без высокотехнологичных устройств – «гаджетов», подключенных к сети Интернет. Использование данных устройств значительно облегчает поиск информации для учебы, работы, скрашивает досуг. Большинство людей, в частности молодёжи, активно пользуются социальными сетями. Следует отметить, что социальные сети все чаще приобретают ярко выраженный манипулятивный характер [15].

Такие социальные сети, как TikTok (с 24.02.2022 г. контент, признанный экстремистским в РФ в соответствии со ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ) и Instagram (с 14.03.2022 г. контент, признанный экстремистским в РФ в соответствии со ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ) влияют как на личность взрослого человека так и на формирование личности подростка, в том числе и языковой. Термин «языковая личность» возник посредством переноса в область лингвистики этого междисциплинарного понятия, которое включает в себя социологические, психологические и философские принципы, которые обуславливают физическое и духовное развитие личности [8]. Данные соцсети репрезентируют себя как глобальные коммуникационные каналы, оказывая влияние на сознание человека, формируют уже иную, виртуальную ЯЛ, которая тесно взаимодействует с собственной (реальной) личностью, которая имеет свои, исключительно характеризующие ее представления об окружающем ее реальном мире.

Действительно, лексикон большинства блогеров чаты изобилуют иностранной лексикой. Проанализировав популярные блоги, видеоролики, исходя из их языкового (речевого) содержания можно сделать вывод, что при помощи определенного алгоритма т.е. путём употребления популярных иноязычных фраз и «словечек» (через язык) «заинтересованные лица» получают доступ к сознанию молодёжи. В многослойном кодировании информации в медиатекстах, которое порождает сложности при их восприятии,

возникает не критичность оценки скрытых в них посылов и некоторая пассивность при их восприятии [15].

Для многих публичных личностей, особенно блогеров, активное употребление «модных» англицизмов стало секретом успеха. К сожалению, из-за своей популярности и финансовой обеспеченности таким блогерам активно стремится подражать современная молодёжь, копируя не только речевые паттерны, невербальное поведение, но и образ жизни, который у большинства из них далёк от духовно-нравственных идеалов и в реальной жизни не соответствует демонстрируемому ими образу с экрана.

Выводы. В процессе изучения влияния заимствованной лексики на русский язык и культуру, на языковую картину мира и мышление русскоговорящей языковой личности и Русского мира в целом было выявлено:

а) употребление иноязычной лексики приводит к снижению уровня грамотности и обеднению словарного запаса;

б) заимствование иноязычной лексики приводит к тому, что говорящий начинает воспринимать не родную – русскую, а картину мира языка лексические заимствования из которого он употребляет;

в) чрезмерное употребление лексических заимствований может привести к изменению национальной идентификации индивидуума, к его отношению к родному языку и принятию чужой культуры и менталитета.

Лексические заимствования, проникая в русскую речь, влияют на русское самосознание, изменяя мышление и приводя к опрошению духовной и интеллектуальной жизни русского народа. Для решения данной проблемы, необходимо повышать культуру речи и овладевать нормами языка, проводить акции, направленные на формирование любви к родному языку и ценностных ориентаций молодежи с использованием информационных технологий.

Л и т е р а т у р а

1. Аверинцев А.А. Философский энциклопедический словарь / Прагматика. – М.: Советская Энциклопедия, 1989. – 503 с.
2. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. – М.: ЧеРо, 2000. – 122 с.
3. Бондарец О.Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосоциологический аспект. – Таганрог, 2008. – 142 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 2005. – 321 с.
5. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. – М.: Наука, 1984. – 124 с.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. // Благословение. Институт Русской цивилизации. – Москва, 2011. – 320 с.
7. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. – Новосибирск: Новосибирская гос. Академия водного транспорта, 2003. – 442 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 423 с.

9. Мельников Ф.Е. Что такое старообрядчество. // Фонд поддержки строительства храма Покрова. – Барнаул, 2007. – 213 с.

10. Национальный корпус русского языка (сокр. НКСРЯ), 2018. : [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ruscorgora.ru>.

11. Никонов В.А. Идеология «Русского мира» // фонд «Русский мир» 2007. : [Электронный ресурс] – URL: <https://russkiymir.ru/fund/>.

12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. // Издательская группа «Прогресс», «Универс». Москва, 1993. – 173 с.

13. Федеральный закон от 28.02.2023 №52-ФЗ Проект Федерального закона N 221977-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/79204.html>.

14. Чейф У.Л. Значение и структура языка. Пер. с англ. Г.С. Щура, послесл. С.Д. Кацнельсона. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.

15. Miller G.A., Johnson-Laird P.N. Language and Perception. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1976. 427 p.

Fominova G.V. LEXICAL BORROWINGS AS A FORM OF DEONTOLOGIZATION OF THE RUSSIAN WORLD

The article is devoted to the study of the influence of lexical borrowings on the thinking of a Russian-speaking linguistic personality, mentality of Russian youth, Russian language and culture. The study examines the influence of loanwords as a form of deontologization of the Russian world. The term deontologization of the Russian world is understood as a negative influence, distortion of the national Russian mentality. Such interpretation of this problem represents outstanding scientific interest because it is considered in the paradigm of interdisciplinary scientific knowledge: linguistics, philosophy and psychology.

Key words: *lexical borrowings, Russian world, deontologization, linguistics, philosophy, ethnic self-consciousness, linguistic (language) personality.*

Фоминова Галина Валерьевна – преподаватель кафедры лингвистики и технического перевода, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Fominova Galina Valerievna – teacher of the Department of Linguistics and technical translation FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: prof.gv@mail.ru

Рецензент: Клименко Александр Сергеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и технического перевода ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

К ВОПРОСУ АРХЕТИПА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье делается попытка выявить архетип суицидального поведения определённой части населения как нашей страны, так и в целом в человеческом обществе. Данный вопрос оказался весьма сложным и требует дальнейшего тщательного изучения, в то время как архетипичность явления просматривается более определённо и поддаётся философскому анализу.

Ключевые слова: суицидальное поведение, история вопроса, философский анализ, изучение.

Постановка проблемы. Суицидальное поведение – глобальное социальное явление, подчиняющееся определенным закономерностям, связанным с экономическими, культурно-историческими и этническими особенностями целых государств и их отдельных регионов [1]. Это обобщающее понятие, которое, кроме завершённого акта самоубийства, включает в себя попытки без летального исхода, суицидальные мысли, намерения и планы [2, 3].

По разным оценкам, в мире ежегодно добровольно расстаются с жизнью от 703 тысяч до 1 миллиона человек [4, 5, 6]. Каждые 40 секунд в человеческой популяции происходит одно самоубийство со смертельным исходом [7]. Около 2,5% людей, населяющих нашу планету, хотя бы раз в жизни пытались совершить самоубийство, а количество покончивших с собой лиц ежегодно составляет около 1,4% от общего числа умерших в мире [8]. Согласно статистике, число самоубийц в человеческом сообществе превышает число жертв убийств, террористических актов и локальных военных конфликтов, вместе взятых [9]. В общем массиве данных по количеству случаев насильственной смерти доля самоубийств достигает 71% у женщин и 50 % у мужчин [10]. В качестве причины смерти для трудоспособного населения самоубийства занимают третье место в большинстве экономически развитых стран [11], а в возрастной когорте от 15 до 29 лет – второе место в общемировом масштабе [12].

В нашей стране наблюдается стабильно высокий уровень самоубийств у лиц трудоспособного возраста, преимущественно мужчин, что влечет за собой негативные экономические и демографические последствия [13]. Российская Федерация на протяжении ряда последних лет прочно сохраняет одну из лидирующих позиций в мире по числу самоубийств у лиц молодого возраста [14]. Сотрудники системы здравоохранения фиксируют лишь 25% от общего количества попыток самоубийства. Исследователи суицидального поведения называют это «феноменом айсберга», у которого над водой выступает только одна четвертая часть [15].

Цель работы состоит в выделении архетипичности и поиске архетипа

суицидальности исходя из классической в данном вопросе литературы и анализа суицидов крупнейших деятелей прошлого и современности.

Изложение основного материала. Представители философского направления исследований суицидального поведения пытались постичь тайну жизни и смерти на протяжении веков.

Пропагандировавший нравственную философию стоицизма Lucius Annaeus Seneca придерживался мнения о том, что жизнь не является безусловным благом, ее ценность определяется заложенной в ней нравственной основой. Когда данная основа исчезает, человек имеет право совершить самоубийство [16]. L.A. Seneca оправдывал добровольный уход из жизни в случае невыносимых страданий. Он полагал, что если у человека есть выбор между мучениями и легкой и простой смертью, то лучшим решением для страдающего субъекта будет добровольный уход из жизни [17]. Английский философ D. Hume, написавший в XVIII веке «Трактат о человеческой природе», утверждал в нем, что суицидальное поведение не противоречит замыслу Бога и не нарушает мировой гармонии. Суицид представлялся D. Hume всего лишь проявлением разумного эгоизма [18]. Французский мыслитель-эссеист M. Blanchot считал готовность совершить самоубийство необходимой составляющей развития цивилизации. Он утверждал, что без способности к добровольному лишению себя жизни человечество потеряло бы природное равновесие, перестало бы быть возможным. Самоубийство M. Blanchot рассматривал как безумие, необходимое для цельности разума [19]. Немецкий философ A. Schopenhauer представлял суицидентов безвольными людьми со слабыми способностями к выживанию. По мнению A. Schopenhauer, самоубийца – человек, который не отказывается от желания жить, а лишь в корне подавляет это желание. Иными словами, актом суицида он прекращает не столько волю к жизни, сколько саму жизнь [20]. Немецкий философ E. Dühring определял самоубийство как добровольную смерть, связанную не только с величайшим страданием для решившегося на нее человека, но и являющуюся общим протестом против мирового порядка вещей, вынудившего его совершить этот акт [21]. Российский философ Н.А. Бердяев трактовал суицид как духовное падение и слабость. Он особо подчеркивал дуалистичную природу самоубийства. С одной стороны, убивающий себя человек достоин жалости и сострадания, а с другой – его ждет неотвратимое наказание как совершившего смертный грех и преступление [22].

Следует признать, что суицидальное поведение не может быть понято или объяснено в рамках какой-либо одной концепции или одного научного направления. Французский философ, представитель экзистенциализма A. Camus считал суицидальную проблематику краеугольным камнем философских воззрений. Он утверждал, что есть только одна по-настоящему серьезная философская проблема. И это проблема самоубийства. Решение вопроса о том, стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить, позволяет ответить на фундаментальный вопрос философии [23]. E.S. Shneidman, по просьбе властей Великобритании написавший в 1973 году статью для «Британской энциклопедии», высказал в ней мысль о том, что на самом деле никто не знает

подлинных причин самоубийств, а широкий диапазон суицидальных проявлений создает трудности для их классификации [24].

Таким образом, тема самоубийства находится в поле внимания философии едва ли не изначально. Помимо указанных выше ставшие классическими философско-суицидологические исследования (или рассуждения) принадлежат также Платону («Федон» и др.), Лукрецию («О природе вещей»), Давиду Юму («О самоубийстве»), Иммануилу Канту («Метафизика нравов» и др.), Уильяму Джеймсу («Стоит ли жить?»)). Нельзя обойти вниманием и связанный с осмыслением самоубийства опыт Эмпедокла, Аристотеля, стоиков, киников, Цицерона, Марка Аврелия, Монтеня, Гегеля, Гёте, Ницше, Вл. Соловьёва, Витгенштейна, Фромма, а также, безусловно, Ф.М. Достоевского, с огромной глубиной, вдумчивостью и страстью поставившего вопрос о суициде в своих произведениях. Достойны внимания в этом отношении и литературные опыты Уильяма Шекспира, Фридриха Гёльдерлина, Стефана Цвейга, Франца Кафки, Леонида Андреева, Марка Алданова, Андрея Платонова и Владимира Набокова.

Философское рассмотрение суицида требует от рассматривающего дать ответ на два взаимосвязанных вопроса: кто совершает самоубийство, что совершается в самоубийстве. Иначе говоря, изначально речь заходит об агенте вольной смерти (о суициденте) и о том, что с ним происходит (ибо вопрос самоубийства есть вопрос о происходящем с самоубийцей). Суицид совершает человек; суицид есть событие в человеческом бытии; значит, вопрос об агенте самоубийства есть в первую очередь вопрос о человеке в совокупности его специфических бытийных характеристик (таких как личность, существование, свобода, дух). Однако не всякий человек (не человек как таковой) а priori может быть назван суицидентом (даже в потенциальном смысле); значит, вопрос об агенте самоубийства есть также вопрос о том, какой человек является таким агентом; иначе говоря, это вопрос о тех акцентуациях или, напротив, деформациях указанных специфически человеческих характеристик, которые могут привести к суициду. Так вопрос о суициденте тесно увязывается с вопросом о том, что с ним происходит.

В свою очередь, под происходящим имеется в виду не то, что происходит с человеком в результате самоубийства (это вопрос скорее богословский, чем философский), но то, что должно происходить с человеком для того, чтобы самоубийство произошло как результат этих происшествий. Специфика философского освещения этого вопроса заключается в сосредоточении внимания на метафизическом измерении указанных происшествий, а не на внешне регистрируемых обстоятельствах и симптомах (которые являются предметом социологических или психологических исследований). Точнее говоря, философия может занимать поиск необходимого условия самоубийства, но не его достаточных оснований. Всё, что касается возможности суицида и его причин, для философской суицидологии связано именно с выявлением такого необходимого условия (архитипичности).

Вопрос о совершающем самоубийство (если он поставлен метафизически) оказывается прежде всего вопросом о человеческой природе. Полагаемая в

человеке природа (которая может мыслиться лишь как универсальная сущность) сообщает человеку «божественный» статус. Однако для личности такой её универсальный статус может быть реализован лишь через полное самоотрицание (через растворение личного в наличном). Из этого обнаруживается абсурдность всякой жизненной программы, в конечном итоге лишь воспроизводящей исходное положение дел. Отрицание смысла жизни выражается как абсолютный фатализм (исключение модуса свободы из бытия), проведённый в форме господства всегда наличного порядка (неважно, закона судьбы или закона случайности). Человек может смягчить давление фатальности через принятие этого порядка и участие в нём, вплоть до полагания тождества вечного закона и бессмертной души. Такое тождество возможно лишь при континуальном устройстве бытия, иными словами, при его диалектичности. Но такая универсальная синтетическая диалектика предстаёт в конце концов как сама на себя замкнутая и себя отрицающая сила (называть ли её разумом, волей или практическим разумом), способная только аннигилировать. Так последовательно проясняется необходимое условие самоубийства, его архитипичность.

В поисках архитипичности рассмотрим следующий общеизвестный, можно сказать хрестоматийный, список известных самоубийц:

Анаксагор. Знаменитый греческий философ. Был несправедливо обвинен в шпионаже в пользу Персии. На суде его защищал сам Перикл, в результате чего обвинения были сняты. Несмотря на это, подозрение в измене считалось несмыслимым позором и покончил с собой в 428 г. д. н. э.

Антисфен, основатель кинизма, закололся кинжалом из-за старческой немощи (около 336 г. д.н.э.).

Демокрит умертвил себя голодовкой по той же причине (470 г. д.н.э.).

Диоген Синопский. Замотал голову плащом и задохнулся (323 г. д.н.э.).

Лукреций Кар, автор книги «О природе вещей» убил себя в 55 г. д.н.э. то ли из-за психической болезни, то ли из-за ссылки друга и покровителя Меммия.

Метрокл. Греческий философ. Если верить Диогену Лаэртскому, покончил с собой, задержав дыхание.

Дионисий. Греческий философ, ученик знаменитого Зенона, основателя стоицизма. Уморил себя голодом.

Клеанф. Тоже ученик Зенона, и тот же способ самоубийства.

Эмпедокл. Греческий философ. Согласно Диогену, покончил с собой, бросившись в жерло вулкана Этна.

Антипатр. Военачальник сначала Филиппа Македонского, а затем и Александра. После смерти последнего в 323 г. д.н.э. прожил еще несколько лет, но вскоре понял, что дело создания Империи не имеет перспектив и отравился ядом.

Ганнибал. После первой войны с Римом Ганнибал оставался в Карфагене. Римляне заподозрили его в подготовке новой войны, и он был вынужден бежать к сирийскому царю Антиоху III, став его военным советником. Последовала новая война с Римом, которая была проиграна. Ганнибал бежал в

Вифинию. Римляне стали требовать у тамошнего царя Пруссия выдачи своего заклятого врага. Когда Ганнибал узнал, что царь решил уступить Риму, то принял яд.

Марк Брут и Гай Кассий. После убийства Цезаря, желавшего упразднить республиканский строй, Брут и Кассий вели безуспешную войну с триумvirатом Октавиана, Антония и Помпея. Потерпели полное поражение и покончили с собой. Кассий приказал одному из своих солдат убить себя мечом.

Марк Антоний. Сначала союзник Октавиана Августа в войне против Брута и Кассия. Позже женился на Клеопатре и стал врагом Октавиана. В морской битве возле мыса Акций египетский флот был уничтожен. Римляне высадились в Египте, войска Антония разбежались. Сам Антоний бросился на меч.

Клеопатра. После смерти Антония жила несколько месяцев под домашним арестом Октавиана. Тот убеждал ее отречься от престола за себя и за своих детей. Клеопатра намеревалась покончить жизнь, оставляя наследниками детей. Октавиан угрожал, что в этом случае казнит ее детей. Клеопатра колебалась. Наконец, один римский солдат признался ей, что ее собираются провезти в позорной колеснице по улицам Рима, а детей казнить. Тогда царица приказала принести корзину с фруктами, в которых пряталась змея. Она опустила туда руку и умерла от укуса, послав записку Октавиану: «Хочу быть похороненной рядом с Антонием». Октавиан был в ярости и казнил ее сына от Юлия Цезаря, а также детей Антония от первого брака. Общие дети Клеопатры и Антония остались жить.

Сенека. Римский философ-стоик. Сперва воспитатель будущего императора Нерона, а затем и глава правительства. Попал в опалу и через какое-то время получил от императора приказ покончить с собой. Сидя в ванной на своей богатой вилле, подаренной все тем же Нероном, в окружении родных и рабов, перерезал себе вены и принял яд. Секретари записывали каждое его предсмертное слово (65 г.н.э.).

Петроний Арбитр. Римский писатель, автор «Сатирикона». Был замешан в заговоре против Нерона. Когда все открылось, покончил с собой. Перерезав вены, он слегка замотал их тканью, чтобы кровь вытекала медленно. Его друзья окружили его и до последнего мгновения улаждали его слух стихами и музыкой (66 г.н.э.).

Нерон. Своими многолетними жестокостями вызвал мятеж в Галлии и Испании, в результате которого был объявлен Сенатом низложенным и брошен на произвол судьбы сначала преторианской гвардией, а затем и всеми своими подданными. Скрывался на одной из вилл недалеко от Рима. Долго не мог решиться на самоубийство. Наконец, когда послышались приближающиеся враги, приказал рабу заколоть его мечом в горло (68 г.н.э.).

Отон. Римский император в течение нескольких месяцев после смерти Нерона. Надеялся удержать власть, не прибегая к кровопролитию. Однако другие претенденты на престол развернули военные действия. Отон сначала выиграл три мелких сражения, затем проиграл одно крупное. Несмотря на то

что у него оставалось еще много войск, да к тому же к нему спешили союзники, заявил, что не хочет больше крови и приносит себя в жертву. После этого воткнул себе в сердце кинжал.

Иуда Искариот. Согласно Евангелиям, раскаялся в предательстве Христа и повесился. Однако многие авторы обращали внимание на то, что у Иуды не было мотивов для убийства учителя. Отсюда множество версий этого события, вплоть до того, что предавая, Иуда выполнял волю самого Иисуса.

Макс Линдер. Знаменитый комик немого кино тоже стал жертвой суицида. Причиной называют падение популярности.

Ван Гог. Основная версия самоубийства – шизофрения, которой страдал художник. Сделал последний мазок картины «Вороны на пшеничном поле» и выстрелил себе в голову (1890 г).

Александр Радищев. Возвращенный из ссылки Павлом I, был тем не менее в опале. Один из вельмож ясно дал ему понять, что легко организует и повторную ссылку в Сибирь. Измученный писатель не выдержал и выпил стакан кислоты, после чего еще пытался резать вены.

Александр Фадеев. Обласканный властью писатель выстрелил себе в сердце, оставив записку: «Не вижу возможности жить дальше, т. к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено...».

Сергей Есенин. Повесился на отопительной трубе гостиничного номера «Англетера». Мотивы неизвестны. Несмотря на предсмертную записку, ходят упорные слухи о том, что это было убийство, осуществленное спецслужбами.

Владимир Маяковский. Выстрелил в сердце. В предсмертной записке просил: «Не сплетничайте, покойник этого не любил». Уважим просьбу поэта, тем более, что о мотивах самоубийства нет никаких достоверных данных. И тоже, как и в случае Есенина, подозрение в том, что это было убийство.

Марина Цветаева. Трагическое стечение обстоятельств. Муж расстрелян. Кроме того, на нем висело обвинение в том, что еще будучи в Париже, он сотрудничал с НКВД и сдавал деятелей белогвардейского движения. Дочь – в лагере. В эвакуации в Елабуге Марина Ивановна стала жертвой коллективной травли. Когда она просила себе место посудомойки, Мариэтта Шагинян заявила, что таким людям, как Цветаева, нельзя доверять даже такую работу. Сын относился к ней подчеркнуто враждебно. Разумеется, она не выдержала всего этого и повесилась.

Курт Кобейн, лидер группы «Nirvana» покончил с собой в 1994 году в возрасте 27 лет.

Эрнест Хемингуэй. Приставил к груди ружье и пальцем ноги спустил курок. Говорили об алкоголизме. Но это лишь внешняя причина.

Стефан Цвейг с супругой. Вынужденные эмигрировать из зараженной нацизмом Европы, с 1934 года жили в эмиграции в Бразилии. Оторванность от родины, тяжелые вести, приходящие из Европы, привели их к самоубийству в 1942 году. Они выпили снотворное и умерли в объятиях друг друга.

Джек Лондон. Вколол себе смертельную дозу морфия. Причины неизвестны. Ссылаются на алкоголизм.

Луи Буссенар. Ушел благородным способом (1910) – уморил себя голодом. Другьям он разослал письма: «Луи Буссенар имеет честь пригласить Вас на его гражданскую панихиду, которая состоится (по такому-то адресу). Не в силах пережить смерть своей жены, он уходит на шестьдесят третьем году жизни».

Ясунари Кавабата, нобелевский лауреат по литературе. Отравился газом (1972). Среди причин называют и переживания по поводу смерти Мисимы.

Ипполит Муравьев-Апостол. Декабрист, младший брат казненного Сергея Муравьева-Апостола. Когда восстание Черниговского полка было подавлено, прямо на поле боя застрелил себя.

Большман. Знаменитый химик. Ученое сообщество активно не принимало его работ, в результате чего он впал в депрессию и покончил с собой.

Поль Лафарг и его жена Лаура Маркс. Сочли свою старость и беспомощность достаточной причиной для ухода из жизни. Вкололи синильную кислоту (1911 г.)

Рудольф, кронпринц Австро-Венгрии и его возлюбленная *Мария Вечера.* Причина самоубийства этой пары в 1889 году остается неизвестной. Наиболее вероятная причина в том, что они не могли пожениться (принц уже был женат).

Савва Морозов. Застрелился, находясь в Ницце. Был фактически отстранен от руководства своими фабриками. В момент душевного кризиса рядом не оказалось ни одной души, которая могла бы ему помочь пережить депрессию.

Сергей Зубатов. Один из талантливейших руководителей царской охранки. Инициатор создания легальных рабочих кружков. Твердолобым царским генералам кропотливая работа и уступки не нравились, они предпочитали нагайки. В результате Зубатов оказался в отставке, проживал в Замоскворечье. Когда во время обеда ему сообщили об отречении Николая II, он вышел в соседнюю комнату и застрелился.

Алексей Каледин. Казачий генерал. После поражения казачьего мятежа застрелился.

Антонов. Руководитель крестьянского мятежа на тамбовщине. После подавления восстания около года скрывался в одном из сел. При попытке ареста застрелился.

Ян Гамарник. Застрелился в 1938 году под угрозой ареста, надеясь, что его родственников оставят в покое. Однако их все равно отправили в лагеря.

Серго Орджоникидзе. Застрелился в своем кабинете после очередного спора со Сталиным.

Адольф Гитлер и Ева Браун. Покончили с собой 30.04.1945 г. Гитлер пустил пулю в рот, Ева отравилась.

Генрих Гиммлер. Рейхсфюрер СС был пойман британскими военными при попытке перейти датскую границу 21.05.1945. Покончил с собой, приняв яд.

Герман Геринг. 15.10.1945 года, за два часа до повешения принял яд, который хранил внутри зубной коронки. Кремирован в одной из уцелевших печей Дахау.

Йозеф Геббельс. Его жена Магда сделала смертельный укол своим шестерым детям и отравилась сама. Затем покончил жизнь и сам Геббельс.

Рудольф Гесс. Заместитель фюрера по партии неожиданно для всех на одноместном истребителе совершил 10.05.1941 года перелет в Шотландию. Считая англичан арийцами, надеялся заключить союз Германии и Англии против СССР. В Германии его объявили сумасшедшим. Нюрнбергский процесс приговорил его к пожизненному заключению. В 1987 году в тюрьме в Шпандау он обманул бдительность охраны и повесился в возрасте 93 лет.

Цзян Цин. Вдова Мао Цзе Дуна. По делу «банды четырех» была приговорена в 1981 году к смертной казни, замененной на пожизненное заключение. Находясь под домашним арестом на вилле близ Пекина, покончила жизнь самоубийством в возрасте 77 лет. Причина - рак горла.

Щелоков Н.А. Бывший министр внутренних дел СССР. Был снят со всех постов Андроповым и находился под следствием по обвинению в превышении служебных полномочий. Пустил себе пулю в лоб.

Николай Кручина. Бывший управляющий делами ЦК КПСС. После подавления путча августа 1991 года выбросился из окна своей квартиры. Причины - грозящее расследование махинаций с партийным имуществом.

Ахромеев. Маршал. Повесился после того же путча, хотя не был в нем замешан.

Борис Пуго. Один из руководителей ГКЧП. Застрелился, когда понял, что дело проиграно.

Звиад Гамсахурдия. Экс-президент Грузии. Не смирился с потерей президентского кресла, ушел в западные районы Грузии, где считался законным президентом. После того как звиадисты потерпели поражение, жил в Грозном, под крылом Дудаева. Неожиданно для всех застрелился.

В итоге получается, что существуют, как минимум, два обширных архетипических класса суицидальности. Один – это, по сути, опосредованное убийство, представленное в виде самоубийства. Второй класс – это собственно суицид как таковой. Архитипичность его проистекает из ряда оснований, рассмотренных ниже. А вот материальное базирование архетипа как некой заархивированной программы – скорее всего, находится на уровне генома и, следовательно, может поддаваться коррекции с помощью педагогического воздействия.

Таким образом, получается, что роль социального влияния на распространение феномена суицида как индивидуального явления лежит во взаимосвязи между степенью «развитости» общества и ростом кривой самоубийств: чем цивилизованнее общество, тем слабее в нем социальные связи, тем более прогрессирует явление суицида.

Именно в этом кроется архитипичность данного явления.

Выводы. Культура, цивилизационные нормы с их требованиями, принятые нормы поведения в обществе знаменуются четким распределением социальных ролей, следствием которых есть приспособленческая деятельность отдельного человека, надевающегося для облегчения в реальности маску, которая часто, в конце концов, прирастает к лицу. Тогда на смену личности приходит

безликий усредненный тип. В отличие от последнего остро сознающий и глубоко мыслящий человек не желает мириться с существующим положением вещей, обретая выход из закоснелости и привычки в самоубийстве. В чём и состоит архитипичность суицида.

Поиск же архетипов суицидальности требует дальнейшей тщательной разработки.

Л и т е р а т у р а

1. Амбрумова А.Г. Семейная диагностика и вопросы профилактики суицидального поведения / А.Г. Амбрумова, Л.И. Постовалова / Проблемы профилактики и реабилитации в суицидологии: сборник научных трудов. – М.: Изд-во НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1984. – С. 62-77.

2. Говорин Н.В. Суицидальное поведение: типология и факторная обусловленность / Н.В. Говорин, А.В. Сахаров. – Чита: Издательство «Иван Федоров», 2008. – 178 с.

3. Змановская Е.В. Девиантное поведение личности и группы / Е.В. Змановская, В. Ю. Рыбников. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб: Питер, 2019. – 349 с.

4. Черная М.И. Клинические и социально-психологические характеристики пациентов с суицидальными попытками / М.И. Черная, А.Б. Холмогорова, О.В. Зубарева [и др.] // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24. – № 3. – С. 69-88.

5. O'Connor R.C. Looking to the Future: A Synthesis of New Developments and Challenges in Suicide Research and Prevention / R.C. O'Connor, G. Portzky // *Frontiers in Psychology*. – 2018. – Vol. 9. – P. 1-14.

6. *Suicide Worldwide in 2019: Global Health Estimates*. – Geneva: World Health Organization, 2021. – 28 p.

7. Biftu B.B. Prevalence of suicidal ideation and attempted suicide in the general population of Ethiopia: a systematic review and meta-analysis / B.B. Biftu, B.T. Tiruneh, B.A. Dachew [et al.] // *International Journal of Mental Health Systems*. – 2021. – Vol. 15. – No 7. – P. 1-12.

8. Bilsen J. Suicide and Youth: Risk Factors / J. Bilsen // *Frontiers of Psychiatry*. – 2018. – Vol. 9. – Article 540. – P. 1-5.

9. Аптер А. Самоубийства и суицидальные попытки у молодежи / А. Аптер / *Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств: сборник научных статей*. – М.: Смысл, 2005. – С. 192–208.

10. Любов Е.Б. Статистика суицидов в мире: корни и крона / Е.Б. Любов, С.А. Чубина // *Социальная и клиническая психиатрия*. – 2016. – Т. 26. – № 2. – С. 26-30.

11. Nock M.K. *The Oxford Handbook of Suicide and Self-Injury* / Matthew K. Nock. – New York: Oxford University Press, 2014. – 544 p.

12. Arendt F. Suicide on Instagram – Content Analysis of a German Suicide-Related Hashtag / F. Arendt // *Crisis*. – 2019. – Vol. 40. – № 1. – P. 36-41.

13. Рыбников В.Ю. Многомерный анализ социально-психологических факторов риска суицидального поведения у мужчин и женщин трудоспособного возраста / В.Ю. Рыбников, У.И. Градскова // *Вестник психотерапии*. – 2014. – № 52.

– С. 59-66.

14. Ениколопов С.Н. Моральные суждения и имплицитное отношение к смерти при суицидальном риске / С.Н. Ениколопов, Т.И. Медведева, О.Ю. Казьмина, О.Ю. Воронцова // Суицидология. – 2018. – Т. 9. – №1(30). – С. 44-52.

15. Юрьева Л.Н. Суицидологическая ситуация в Украине: статистика и эпидемиология / Л.Н. Юрьева, А.Е. Юрьев // Суицидология. – 2013. – Т. 4. – № 3(12). – С. 70-75.

16. Сенека Л.А. Философские трактаты / Луций Анней Сенека; [Пер. с латинского, вступ. статья и ком. Т.Ю. Бородай]. – М.: Алетей, 2000. – 396 с.

17. Боровиков В.П. STATISTICA, искусство анализа данных на компьютере / В.П. Боровиков. – СПб: Питер, 2003. – 688 с.

18. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам 1734-1737 г.г. / Сочинения [Текст]: в 2 т.: [пер. с англ.] / Давид Юм; [примеч. И. С. Нарского]. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Мысль, 1996. – 1535 с.

19. Сенкевич Л.В. Методологическое научное понимание суицида в качестве культурно-исторического, философского и психо-социального феномена [Электронный ресурс] / Л.В. Сенкевич, Д.А. Донцов, М.В. Донцова [и др.] // Вестник практической психологии образования. – 2016. – Т. 13. – № 2. – С. 45-58. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2016/n2/enkevich_Dontsov_et_al.shtml (дата обращения: 04.05.2023).

20. Шопенгауэр А. Новые паралипомены / Суицидология: прошлое и настоящее [Текст]: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах / Артур Шопенгауэр / [сост. А.Н. Моховиков; пер. О.Ю. Донец и др.]. – изд. 2-е, стер. – М.: Когито-Центр, 2013. – С. 57-62.

21. Дюринг Е. Ценность жизни / Е. Дюринг; пер. Ю.М. Антоновский. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 282 с. – Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/455040> (дата обращения: 04.05.2023).

22. Бердяев Н.А. О самоубийстве: психологический этюд / Н.А. Бердяев. – Париж: YMCA-press, 1931. – 45 с.

23. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 55 с.

24. Шнейдман Э.С. Душа самоубийцы / Эдвин С. Шнейдман; [Пер. с английского О.Ю. Донец]. – М.: Смысл, 2001. – 315 с.

Oreshkina M.A. ON THE QUESTION OF THE ARCHETYPE OF SUICIDAL BEHAVIOR

The article attempts to identify the archetype of suicidal behavior of a certain part of the population both in our country and in human society as a whole. This issue has turned out to be very complex and requires further careful study. While the archetypal nature of the phenomenon is viewed more definitely and lends itself to philosophical analysis.

Key words: *suicidal behavior, the history of the issue, philosophical analysis, study.*

Орешкина Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

Oreshkina Marina Aleksandrovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: fid04@ya.ru.

Рецензент: Склад Павел Петрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедры психологии и конфликтологии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 140.8:37.034:37.035

Брянцева О.А.

О ЗНАЧИМОСТИ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ МЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируется проблема современного духовно-нравственного и патриотического воспитания детей и молодежи, раскрывается суть понятия «ментальная война». Проанализированы особенности духовно-нравственного и патриотического воспитания в условиях ментальной войны. Сделаны выводы о том, что одним из основных условий победы в ментальной войне России становится воспитание детей и молодежи на основе традиционных для нее духовно-нравственных ценностей и в русле патриотизма.

Ключевые слова: *духовно-нравственное воспитание, духовно-нравственные ценности, патриотизм, патриотическое воспитание, гражданское воспитание, ментальная война.*

Постановка проблемы. Духовно-нравственное и вытекающее из него патриотическое воспитание являются базисом для формирования устойчивого цельного государства, способного противостоять единой силой врагу. Еще до распада Советского Союза в нашей стране наметилась тенденция нигилизации духовно-нравственного воспитания детей и молодежи, а также прививание идеи о «стыдности быть русским», результатом чего на несколько десятилетий стало забвение о важности патриотического воспитания граждан страны.

К счастью, стратегия нашего государства за последние два десятилетия изменилась: пришло осознание того, что только лишь благодаря возвращению в наших гражданах традиционных для нашего народа духовно-нравственных ценностей и патриотическому воспитанию можно вернуть мощь, силу, крепость нашего государства, а также уверенно смотреть в его будущее.

Особое место проблема сильного государства занимает в условиях ментальной войны нашей страны с коллективным Западом, отсюда, именно в условиях ментальной войны, особо остро встает проблема патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи как базиса для противостояния влиянию на умы наших граждан.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблема духовно-нравственного и патриотического воспитания занимала умы практически всех выдающихся мыслителей нашей страны. Традиционно духовно-нравственные ценности нашего народа сопрягаются с ценностями, сформированными православием: любовью к ближнему, Богу и своей Родине, верностью, отеческой мудростью, честью и достоинством, защитой правды, верой в добро – причиной этому служит тот факт, что исторически государственность России началась именно с принятия христианства и в течение всей своей истории неразрывно была с ним связана: «Православие становится духовной и мировоззренческой основой и смыслом древнерусского воспитания и образования, всех его институтов и видов, что позволяет создать «систему» древнерусского образования со своим содержанием и технологиями» [6, с. 288]. В связи с этим первые идеи о духовно-нравственном воспитании мы находим еще в литературе Киевской Руси, например, в «Слове о Законе и благодати». Данной проблемой занимались В.Г. Белинский, Ф.М. Достоевский, С.И. Миропольский, Л.Н. Модзольский, К.П. Победоносцев, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский, рассматривая важность связи духовно-нравственного воспитания человека, его учения и становления патриотизма.

Сегодня тема духовно-нравственного и патриотического воспитания в нашей стране особо актуальна, как мы уже сказали ранее, поэтому массив наработок по данной тематике огромен. Особо следует выделить таких авторов: вопросам духовно-нравственного воспитания посвящены работы Г.А. Баданина, Г.О. Бахриддимова, В.И. Пахомова, А.В. Иванова, Г.А. Кирмач, Ю.П. Колесникова, А.Г. Николаева, В.А. Рязанова, Е.А. Чеблукова; вопросам гражданственности – работы Л.Р. Аблаева, Р.И. Кузьмина, Л.Л. Любимова, Ю.Н. Никифорова, Л.А. Холопова, Л.И. Шорникова; вопросами патриотического и военно-патриотического воспитания – работы В.В. Капустина, К.В. Костина, В.И. Луговинова, У.И. Мамурова, С.В. Покровского, У.Х. Темирова, О.З. Титова, Ф.Б. Рахимова, М.С. Шкитова.

В данной работе нами поднимается проблема духовно-нравственного и патриотического воспитания именно в условиях ментальной войны. Среди отечественных авторов можно выделить Е.П. Борзову, А.М. Ильницкого, И.Н. Караваева, А.А. Ковалева и В.А. Ксенофонтова, Ю.А. Никитина, Е.А. Поправко, М.В. Салтыкову, изучающих теорию и эволюцию ментальных войн. Среди зарубежных авторов выделяем А. Баруди, Дж. Уилт, М.Л. Хаас, Р. Шифтер, М. Юань, Р. Янсонс, занимающихся проблемой ментальной войны как борьбы идей и смыслов и идеологического противостояния.

Цель исследования. Показать, насколько важно воспитание в детях и молодежи традиционных для нашего народа духовно-нравственных ценностей,

а также показать значимость патриотического воспитания для формирования крепкого, устойчивого к внешним воздействиям государства в условиях ментальной войны.

Основная часть. Обеспечение духовно-нравственного и патриотического развития гражданина является ключевой задачей современной государственной политики Российской Федерации. Без духовно и нравственно развитого гражданина невозможно построить законопослушное общество, общество, существующее по принципу доверия к ближнему, общество, целью которого является развитие социально-экономической и гуманитарной сфер, общество, цель которого – удовлетворение потребностей не отдельного индивидуума, но всего государства, общество, которое во главу угла ставит не собственные интересы, а интересы государства, общество, которое способно созидать. Именно на это и направлена «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», в которой приоритетной задачей стоит: «Развитие высоконравственной личности, разделяющей традиционные духовные ценности, обладающей уникальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [7].

Имея более чем тысячелетнюю историю, Россия впервые столкнулась с реальной проблемой, когда на законодательном уровне стало необходимо утвердить стратегию духовно-нравственного, гражданского и патриотического воспитания. Россия в течение всей своей истории отличалась от других стран не только своим географическим положением, населением, территорией. Самое главное ее отличие – ее особый менталитет, основой которого служат высокая духовность, моральность и нравственность. Для русского человека всегда важнее была правда и справедливость, нежели выгода и комфорт. Но с чем нам приходится сталкиваться сегодня?

Современная Россия за совершенно непродолжительный период после распада СССР оказалась перед пропастью безнравственности и такого же потребительства, как страны западного мира. Да, для этого велась целенаправленная работа тех же «цивилизованных» гегемонов мира, которые себя называли доминантами в мировом процессе и самостоятельно установили право других на существование или смерть.

Казалось бы, что плохого в стремлении к комфорту, которое превалирует у современного человека? Главная беда этого стремления – потеря нравственных ориентиров, когда выгода и комфорт становятся важнее чести и достоинства, дружбы, правды и справедливости, любви к ближнему, семье, Родине. В результате мы получаем человека, окруженного множеством удобств, но полностью опустошенного внутренне. Духовно-нравственное воспитание такого человека сводится на нет, а ведь именно эти ценности всегда были базисом, на котором держалась наша страна, тем базисом, благодаря которому она всегда выходила победителем из любого конфликта, т.к. правда была на ее стороне.

Практически все мыслители прошлого указывали на значение

нравственности в развитии человека. Так, еще Аристотель говорил, что добро есть преобладание разума над человеческими желаниями и страстями. Нравственным человек становится, по его мнению, лишь тогда, когда находит в себе силы найти компромисс между своими желаниями и тем, как должно поступить согласно морально-этическим нормам. Великие русские педагоги К.Д. Ушинский и В.А. Сухомлинский также указывали на то, что только знание не делает человека человеком, что именно благодаря воспитанию нравственный человек становится способным к созиданию, человеком – основой общества и государства.

Воспитание личности, возвращение духовно-нравственных ценностей всегда неразрывно связано с образом и качеством жизни гражданина, именно поэтому духовно-нравственное воспитание тесно связано с образовательным процессом и социальной политикой государства (что, к слову, также указано в названной уже нами «Стратегии»).

Духовно-нравственное воспитание является основой для гражданского и патриотического воспитания гражданина. Под ним мы понимаем формирование нравственности на базе духовно-нравственных ценностей, выработанных культурой на протяжении более чем тысячелетней истории нашей страны. В «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» прямо указаны эти ценности: «Человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» [7]. Ни одно государство не может быть сильным, особенно в противостоянии со своими врагами, если оно не имеет поддержки у своего населения. Поэтому первостепенной задачей государства должно быть возвращение с самого раннего возраста у детей чувства патриотизма, любви и уважения к своей Родине.

Что такое патриотизм? Это, можно сказать, «ощущение духовной связи с Отечеством, любовь к его прошлому и настоящему, надежда и вера в его будущее» [8, с. 86]. Чувство патриотизма неразрывно связано со знанием истории государства и развитием духовно-нравственных ценностей гражданина. Отсюда целью патриотического воспитания является гражданин, ответственный за жизнь своей страны. Патриотизм есть основа подвига, базис для совершения нравственного выбора гражданина.

К огромному сожалению, патриотизм в нашей стране, благодаря планомерной работе западных спецслужб, был практически уничтожен. Причиной этому опять же приоритет собственного комфорта над общественным, когда румынские стенки, югославские туфли и латвийское золото стали гражданам нашей страны милее и желаннее не только потому, что были, возможно, лучше по качеству, но в первую очередь потому, что они были не отечественного производства, а привезены «оттуда» и добыты с большим трудом.

Что стало результатом низкого уровня патриотизма среди наших граждан? Во-первых, рост либеральных течений, цель которых, в первую очередь, –

подорвать имидж страны изнутри, показать, как хорошо там и какие плохие мы, сделать так, чтобы каждому гражданину нашей страны было стыдно, что он русский и что он россиянин. Во-вторых, низкий уровень самосознания граждан: опять же приоритет собственной выгоды перед выгодой государства. Как итог, мы можем наблюдать, как разделилось наше общество на три крыла после начала СВО: одна часть выступила с критикой, другая молча отсиживается в стороне, третья – поддержала свою страну и президента в его решениях. Правда, стоит сказать, что удивительным был факт резкого роста патриотических настроений именно в 2014 году с присоединение Крыма и в 2022 году с началом СВО. Несмотря на это, этот патриотизм не является взрощенным и имеющим незыблемое основание, поэтому в нынешней ситуации мы также сталкиваемся с необходимостью духовно-нравственного и патриотического воспитания нашей молодежи.

В истории нашей страны первые уроки духовно-нравственного воспитания и патриотизма дети всегда получали в семье. Сегодня же мы сталкиваемся с тем, что груз духовно-нравственного, гражданского и патриотического воспитания ложится в первую очередь на государство. Почему так происходит? Сегодня мы столкнулись с одной огромной проблемой: современные молодые родители, большая часть которых приходится на девяностые годы рождения, были лишены духовно-нравственных основ в своем детстве, в их головах была взращена ненависть к своему государству, идея превалирования собственной выгоды и комфорта перед долгом к стране. Их любовь к Родине находится в прямой зависимости от того, что им дало государство, но при этом они всегда остаются на позиции «а почему я должен ему что-то отдавать». Проблема этого поколения родителей в том, что они сами просто не могут своим детям объяснить, что такое человечность, любовь к Родине, духовность, добро и зло, почему ложь – это плохо и т.д. Поэтому мы стоим перед тем, что, во-первых, главная роль в духовно-нравственном воспитании детей и молодежи сегодня ложится на государство, а не на семью, а, во-вторых, с тем, что нам необходимо работать теперь не только с детьми, но и с их родителями, в прямом смысле ломая их «нравственные» идеалы. Только таким образом мы сможем вырастить новое поколение патриотически настроенных граждан.

Итак, мы можем говорить о том, что базисом сильной новой России должны стать наши традиционные духовно-нравственные ценности и патриотизм среди граждан страны. Почему эта проблема так важна именно сегодня?

Современный этап развития цивилизаций – это глобализация. С одной стороны, она дает возможность глубокого взаимодействия культур, их диалога, с другой, глобализация размывает границы национальной идентичности народов, уничтожает веками развивавшиеся традиции, семейные ценности, переориентирует сознание человека на личную выгоду. Народ, утративший все это, перестает быть народом, а становится лишь частью общей бесформенной

массы без собственных идей и идеалов.

25 мая 2021 года советник главы Минобороны А.М. Ильницкий дал интервью журналу «Арсенал Отечества», в котором заявил о начале ментальной войны коллективного Запада во главе с США против России, а в августе того же года была опубликована его статья в журнале «Военная мысль» под названием «Ментальная война России».

Понятие «ментальная война» довольно ново: атрибутивно его появление можно связать с введением Э. Людендорфом понятия «тотальная война» в 1935 году. Тем не менее, активно это понятие стало использоваться лишь в последнее время.

Что такое собственно ментальная война? И.Н. Караваев, доктор военных наук, в своей статье «Концепции ментальной войны: сущность, содержание, роль и место в учении о войне и армии» дает такое определение ментальной войны: «... это применение системы способов и средств взаимодействия, направленных на поражение общественного сознания (ментальности, идентичности, исторических традиций, ценностей и т.д.)» [4, с. 64]. Здесь же он указывает особенности ментальной войны: «Имеет субъекты и объекты войны, стратегию и тактику, форму и способы, силы и средства; использует психологические механизмы ... информационные и психологические техники и технологии; поражает все сферы общества, индивидуальное и общественное сознание, социальные отношения, социальные институты ... все виды деятельности» [4, с. 64]. Таким образом, мы видим, суть ментальной войны в том, что ее целью является воздействие на внутренний мир человека с целью его полного изменения и уничтожения. А.М. Ильницкий в своей статье указывает именно на это, говоря, что целью войны нового типа становится уничтожение самосознания человека, изменение его ментальной и цивилизационной основы общества противника [3, с. 25].

Что такое ментальность? Ментальность – это суть народа, нации: это склад ума, своеобразие психо-эмоциональных и культурных особенностей, ценностных ориентиров и установок, другими словами – это все то, что определяет внутреннюю сущность народа и делает его таким, каков он есть. Именно поэтому воздействие именно на менталитет народа должно дать наилучшие результаты в борьбе с противником. По сути, воздействие на духовность человека является на порядок результативнее и губительнее, нежели простое применение вооружения, ибо «ментальная война направлена на уничтожение идентичности и исторической памяти противника» [1, с. 72], а стало быть, на полное уничтожение народа, т.к. народ фактически жив только до тех пор, пока он себя выделяет из общей массы, помнит свою историю и чтит ее и свои традиции. «Главная опасность ментальной войны, повторю это, заключается в том, что её последствия необратимы...» [2]. Другими словами, опасность ментальной войны – в полном уничтожении народа без возможности его возрождения.

Еще одна сильная сторона ментальной войны – это формирование мира

«постправды», в котором человек перестает стремиться к поиску истины. Это уничтожает критическое мышление человека, снимает проблему выбора между правдой и ложью, пониманием хорошего и плохого, нравственного и безнравственного. В результате человек просто оказывается в ситуации, когда выбор за него уже давно сделан, а он просто должен проглотить этот выбор и принять. Результатом победы в ментальной войне на этом фронте будет взращивание гражданина, которым максимально просто управлять извне.

Тот же А. Ильницкий в интервью еженедельнику «Звезда» напомнил, что: «В войне за умы и души часто недооценивают фактор образования и воспитания, но вспомните фразу Бисмарка о том, что это прусский школьный учитель выиграл битву при Садовой – когда немцы разгромили австрийцев, и всё встанет на свои места» [2]. На это же указывает и А.Н. Колобов, говоря о том, что главной целью ментальной войны является изменение мировоззренческих установок врага, а одними из главнейших аспектов формирования мировоззрения человека являются образование и воспитание [5]. Таким образом, мы можем уверенно говорить о том, что главной задачей современного образовательного и воспитательного процесса в России должно стать формирование этого самого мировоззрения русского человека с полным сохранением его русской ментальности. Ввиду этого, огромная работа возлагается на образовательные учреждения, обязанностью которых становится проведение воспитательно-патриотических и образовательных мероприятий, направленных на формирование и укрепление традиционных для русского человека ценностей.

Формирование патриотических настроений и традиционных ценностей в школе, внешкольных образовательных организациях, вузах может быть полным и продуктивным только в случае приобщения детей и молодежи к истории России, русской классической литературе, русской культуре и искусству. Лишь комплексный подход, который будет учитывать все эти образовательные направления, сможет гарантировать нашей стране победу в современной ментальной войне. Только человек, обладающий глубокими знаниями, тягой к этим знаниям, человек, выращенный на духовно-нравственных ценностях своего народа, может противостоять давлению на него, совершать выбор и нести ответственность за него. Чем больше человек образован и воспитан, тем более сильной опорой для государства он является.

Выводы. Таким образом, мы можем говорить о том, что для победы в ментальной войне России, в первую очередь, необходимо работать усердно над умами своих граждан, активно взращивая в них знания, традиционные для нашего народа духовно-нравственные ценности, любовь к Отечеству, чувство долга и ответственности. Только планомерная многовекторная работа государства в этом направлении может дать результаты, и только таким образом наша страна сможет выстоять и победить, пожалуй, в наиболее масштабном противостоянии во всей нашей истории.

Цель воспитания личности – это формирование нравственно устойчивой

цельной личности, которая способна к любви и созиданию. Поэтому роль духовно-нравственного воспитания для усиления и развития нашей страны умалить просто невозможно! Это то, чем однозначно нужно заниматься, это то, что в первую очередь должно поддерживаться всячески государством для собственного же блага.

Л и т е р а т у р а

1. Борзова Е.П., Ковалев А.А. Ментальные войны как новый вызов современному миру // ЭСГИ, 2022. - № 4 (36). – С. 70-76.

2. Ежедельник «Звезда» – Российское сетевое издание : [Электронный ресурс] – URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20214211636-jxgHZ.html>.

3. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль, 2021. – № 8. – С. 19-33.

4. Караваев И.Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная мысль, 2022. – № 3. – С. 35-42.

5. Колобов А.Н. Педагогические аспекты противодействия вызовам и угрозам в условиях ментальной войны // Электронный научный журнал «Вестник адьюнкта». – Вып. № 3, 2021 : [Электронный ресурс] – URL: <https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/297-pedagogicheskie-aspekty-protivodejstviya-vyzovam-i-ugrozam-v-usloviyakh-mentalnoj-vojny>.

6. Меньшиков В.М., Гатилова Н.Н., Хохлова А.Б. Историко-цивилизационные и историко-педагогические предпосылки развития духовно-нравственного воспитания в России // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2014. – Выпуск №13 (184). – С. 288-295.

7. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : [Электронный ресурс] – URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf>.

8. Цыганова Т.Ф. Духовно-нравственное и патриотическое воспитание студентов // Духовно-нравственное и патриотическое воспитание в вузе и школе: матер. Всерос. науч.-практич. конф. г. Балашов, 4 апреля 2013 года/под ред. З.Л. Сучковой. – Балашов: Николаев, 2013. – С. 86-88.

Bryantseva O.A. ON THE SIGNIFICANCE OF SPIRITUAL-MORAL AND PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN CONDITIONS OF MENTAL WAR

The article analyzes the problem of modern spiritual, moral and patriotic education of children and youth, reveals the essence of the concept of "mental war". The features of spiritual, moral and patriotic education in the conditions of mental war are analyzed. It is concluded that one of the main conditions for victory in the mental war of Russia is the education of children and youth on the basis of spiritual and moral values traditional for Russia and in line with patriotism.

Key words: *spiritual and moral education, spiritual and moral values, patriotism, patriotic education, civic education, mental war.*

Брянцева Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Bryantseva Olga Anatolevna – Senior Lecturer of the Department of Philosophy
FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: o.a.briantseva@yandex.ru.

Рецензент: **Звонок Наталья Степановна** – доктор философских наук,
профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля».

УДК 17.02-049.5

Кривуля Р.Е.

ЧУВСТВЕННО-ИРРАЦИОНАЛЬНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЙ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В статье рассматривается современная корреляция понятий идентификация и духовная безопасность. В рамках соприкосновения материализма с духовностью проанализированы основные угрозы формированию личности современного русского человека. Также в статье предложено рассматривать взаимосвязь процесса идентификации с духовной безопасностью через нравственное поле культуры.

Ключевые слова: идентификация, духовная безопасность, человек, мораль, русскость, культура, нравственность.

Введение. Актуальность вопроса духовной безопасности русского мира за последние годы выходит на уровень приоритетных направлений изучения вопросов сохранения русскости как основного фактора процесса идентичности русского человека. Как свидетельствует история, понятие «русскость» исследовали лучшие умы России, но до сих пор единственной, научно признанной парадигмы этого сложного явления нет. Сущность «русскости» в XIX-XX веках пытались раскрыть такие известные ученые, как: Н.А. Бердяев, В.О. Ключевский, П.А. Сорокин, В.В. Розанов, С.Н. Булгаков, но и писатели А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой и др. [3, с. 25]. Нам думается, наиболее правильными определениями можно считать слова Митрополита Климента: «...русскость – это особое состояние духа, свойства души человека» [8] и идею Александра Аркадьевича Королькова, который определял понятие русскости через самоидентификацию человека посредством русской культуры. Он считает, что «записаться» в русские может кто угодно, но воплощать в себе дух русской культуры, как и любой другой национальной культуры, способны только те, кто сформировались в этой культуре, напитались ею...». По его мнению, русскость – не этническая характеристика, а вопрос «культурно-психологический»: «Русскость – это проявление русской национально-культурной идентичности» [5]. Но объединяющим все определения русскости

мы считаем слова Николая Александровича Бердяева: «Свою русскость я вижу в том, что проблема моральной философии для меня всегда стояла в центре» [2, с. 98].

Именно «моральная философия» является сутью русскости, которая проявляется и в духовной жизни человека, и в его материальном воплощении действия в окружающем мире. Мораль поступка как духовного мировоззрения, так и материального действия оценивается внутренней моралью человека, сформированной в процессе внешней идентификации критериев оценки «хорошо» и «плохо», что задает коридор формирования нравственных ценностей человека. Формируемые нравственные ценности у русского человека в непрерывном процессе идентификации призваны объединять общественные цели с личностным пониманием, которые в дальнейшем служат критерием отбора и обоснованием своих действий во всех сферах общественной жизни. Нравственное развитие человека основывается на социально-моральной интуиции и на социально-моральной оценке самого себя. Это развитие формирует у человека стабильные, мотивационные динамические убеждения, лежащие в основе моральных решений и поведения в обществе.

Но угроза моральной философии на современном этапе развития общества как раз исходит на духовном уровне. И вопрос духовной безопасности, его грамотной интерпретации и взаимосвязи с процессом идентификации человека как никогда требуют наиболее детального рассмотрения.

Основная часть. Формирование понятия идентичность – процесс, который происходит и сегодня. В параметрах изменчивости материальной реальности всегда образуются новые подходы к пониманию, кто есть человек в современном мире. Современный мир – понятие, которое существует вне времени и пространства, так как в каждый исторический отрезок понятие «современный» отождествлялось со временем настоящим и, изучая мироустройство человечества в различные эпохи, мы всегда будем говорить про современный мир исходя из мировоззренческого подхода того времени. В этой формулировке мы можем утверждать, что данный эффект восприятия истории человечества является неким зеркалом, смотрясь в которое, «сегодняшний» человек может сформировать свою настоящую во времени идентичность. Это связано с тем, что сам процесс идентификации не происходит в одном лице, это всегда процесс отождествления и для более правильной корректировки оптимальнее всего смотреться в зеркало истории.

Для современного мироустройства, на наш взгляд, более всего подходит зеркальное отражение современного понятия идентификации конца XIX века. В этот период появляется труд Карла Маркса «Капитал». Именно в философии данного труда мы можем найти наиболее точное описание процесса идентификации для современного мира XXI века: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: „Я есмь я“, то человек сначала смотрится, как в

зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода „человек”» [7, с. 59].

Данная мысль наиболее точно описывает современное общество потребления. Именно отношение человека к человеку как к товару (идентифицируя его по внешним факторам взамен внутренним – личностным) аннигилирует мироустройство современной цивилизации с позиций восприятия человека как духовного существа и переводит данное восприятие на прямую экономическую горизонталь – где купля-продажа является основной квазирелигией, главенствующей во всех сферах бытия современного человека.

В этой квазирелигии главенствует формула идентификации, описанная К. Марксом: «...посредством стоимостного отношения натуральная форма товара В становится формой стоимости товара А, или тело товара В становится зеркалом стоимости товара А. Товар А, относясь к товару В как к стоимостной плоти, как к материализации человеческого труда, делает потребительную стоимость В материалом для выражения своей собственной стоимости. Стоимость товара А, выраженная таким образом в потребительной стоимости товара В, обладает формой относительной стоимости» [7, с. 59]. Результаты данных взаимоотношений мы видим в реалиях западной культуры, где даже биологическая идентификация стала новым экономическим способом продавать человека человеку.

В этой связи мы не можем обойти стороной второе понятие, которое напрямую связано с процессом идентификации и наиболее актуально в нынешних реалиях, где угроза ментальной личности человека чрезвычайно высока, это понятие духовной безопасности. В самом общем смысле под духовной безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в духовной сфере от внешних и внутренних духовных угроз.

Как мы описали выше – современное мироустройство вывело ментальность человека на товарно-материальный план реальности. Угроза духовной со-части человека в таких реалиях наиболее высока, особенно в процессе его идентификации. Как писал Николай Александрович Бердяев: «Нет ни материальной, ни духовной безопасности жизни, нет больше ни для кого никаких гарантий. Обнаружилось, что мы живем в мире преступления и в мире фантазмов. Таков был мир и раньше, сейчас же это обнаружилось. Человек угрожаем со всех сторон и не знает, что будет завтра» [1, с. 147]. Также он писал: «Духовная жизнь опасна и рискованна. Об этом свидетельствуют описания наиболее замечательного духовного опыта человечества. Испытания, опасные испытания существуют именно для людей духовных. В большей безопасности находятся простые лавочки. С испытанием, соблазном, опасностями и риском связано достоинство человека как свободного духа» [1, с. 281].

Как нам думается, для современного общества эти слова как раз и есть наиболее правильное описание духовной безопасности. Ведь действительно, мир духовный отрицает грехи человека, подразумевая лишь благую цель жизни, а так как мы живем в материалистическом мире (в котором экономика стала «Превыше всего») – обществе потребления, то господствуют здесь законы материального блага и их угроза духовности столь высока, что сильный духом человек далеко не всегда сможет противостоять корыстным устоям общества. Ведь как мы помним именно юриспруденция как квинтэссенция материализации человеческой мысли справедливости судила саму суть духовности – Иисуса Христа. То, что, казалось бы, создавалось для безопасности человека – его и пожирает, во благо меркантильному воплощению духовных ценностей – потреблению. Именно потребление стало квазирелигией, материально-алчной заменой духовности. Именно потребление в материализме экономики замещает духовность. И именно по этому принципу сегодня идентифицируется современный человек. Поэтому, как нам кажется, моральная философия сегодня выступает мерилom сознательного выбора человека, как идентифицировать свое бытие в обществе: поступать во благо духа или же выбирать путь формирования богатств для возможности потреблять.

Выводы. Анализируя взаимосвязь понятий идентификация и духовная безопасность, мы в большей степени выявили степень угрозы преобладания материализма над духовностью в современном обществе. Как мы писали выше, идентификация – процесс непрерывный, происходящий на протяжении всей жизни человека в обществе. В определенные исторические моменты этот процесс усиливается, формируя развилку в связи с внешними политическими, культурными, этническими обстоятельствами, либо происходит менее заметно, в рамках морали определенного выбора действий в жизненной ситуации человека. Духовность всегда сопровождает процесс идентификации, ведь любой выбор, хоть направленное действие, хоть изменение внутренних параметров личности, всегда исходит из мысли. Опираясь на изречение Алексея Федоровича Лосева: «Двигутся же тела не от тяжести, не от удара, но по причине божественной силы, которую он называет умом ($\nu\omicron\varsigma$) и душой. Космос (мир) есть образ этого (ума) ($\tau\acute{o}\nu\ \kappa\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma\ \epsilon\iota\upsilon\alpha\iota\ \iota\delta\epsilon\acute{\alpha}\nu$)» [6, с. 90].

Поэтому всегда основой бытия человека будет выступать духовность. По нашему мнению, духовность в рамках взаимосвязи с процессом идентификации следует связать с пространством культуры. В данной статье мы придерживаемся интерпретации определения культуры, сформулированного Владимиром Даниловичем Исаевым: «...культуру следует рассматривать как пространственно-временной способ жизнедеятельности человека во имя и рядом с Другим с альтруизмцентром «мы»», который в своем бытии подчиняется логике вечности, воспроизводит вещи и отношения преимущественно в этой логике, и по отношению к которому цивилизация выступает вспомогательным служебным средством поставки ресурсов для

физического существования человека в качестве субъекта культуры» [4, с. 6]. Проявление материализации духовности в культуре мы бы хотели рассмотреть в качестве нравственности. Именно через нее выстраивается связь духовности и идентификации человека в обществе, ведь «Нравственность – это такое поле культуры, в котором человек становится человеком и живет в качестве человека. Оно создает напряжение в полюсах добро – зло и понуждает (императивность!) человека каждый раз выбирать либо линию добра, либо линию зла» [4, с. 17], и этот выбор выступает взаимосвязью процесса идентификации с духовностью.

В современном же мире при правильном подходе к нравственному развитию оно приобретает форму просоциальной мотивации, в которой нравственные ценности будут концептуализированы как просоциальные ценности, мотивирующие добровольное поведение человека, направленное на улучшение или стабилизацию благосостояния отдельных лиц или социальных групп конкретной культуры общества. Основой для просоциального поведения, сотрудничества и справедливости является сосредоточенность каждого человека на межличностных отношениях и общих целях всех членов общества, а в глобальном масштабе – государства в целом.

В этом направлении в социальном процессе жизнедеятельности общества у граждан должно формироваться культурное мышление. Его развитие происходит на основе универсальных закономерностей культурного поведения человека в обществе, которые можно рассматривать как основу морали и нравственного поведения гражданина. В процессе социально-коммуникационного взаимодействия граждан спонтанное поведение помощи и сотрудничества переходит в универсальное нравственное поведение. Спонтанное просоциальное поведение меняется на более дифференцированное, обдуманное поведение, которое усиливается и стабилизируется в его дальнейшем нравственном развитии, в конечной форме оно становится просоциальным поведением, что несет культурно-нравственную пользу обществу и государству.

По своей сути просоциальное поведение многомерно, оно может быть адаптивным или основываться на твердом убеждении. Когнитивные, эмоциональные и социальные процессы способствуют развитию просоциального поведения опираясь на оценку ситуации, отношений с индивидом, с которым вступил в коммуникацию человек, и с самим собой. Осознание потребностей (физических или метафизических) человека, с которым вступил в коммуникацию, запускает эмоциональные процессы сопереживания или дистресса, что приводит к просоциальному поведению. В таком формате взаимоотношений проявляются нравственные ценности, которые базируются на культурно-духовных основах поведения. В этой ситуации есть два формата поведения: откликнуться на потребность человека или нет. В зависимости от ситуации нравственная мера может меняться от положительного ответа до отрицательного базируясь на одних и тех же

ценностях. Это связано с тем, что человек придерживается конкретных стандартов морали поведения, которые приобретает в процессе социализации.

Данный процесс у каждого субъекта общества происходит сугубо индивидуально, поэтому одни и те же ценности влияют на выбор модели нравственного поведения совершенно по-разному. Для искоренения данного общественного расхождения необходима идентификация субъекта культурного общества как система норм и правил, в которой процесс индивидуальной социализации не будет иметь главный стимул в выборе модели поведения. Таким образом, перелом сознания в одних и тех же рамках социализации не будет таким критическим, что даст сформироваться более здоровому культурному обществу.

Л и т е р а т у р а

1. Бердяев Н.А. Дух и реальность. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 664 с.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. – М.: изд-во «Книга», 1991. – 448 с.
3. Верещагин С.Г., Верещагина А.В. Русскость как категория национального менталитета русского народа // Азимут научных исследований: экономика и управление: научный электронный журнал. 2021. Том 10 № 4 (37) С. 24-28.
4. Исаев В.Д. Структура социума: взаимосвязи и взаимодействия его элементов по отношению к человеку (дайджест монографии). – Л.: изд-во «Ноулидж», 2022. – 40 с.
5. Корольков А.А. Русскость культуры, русскость философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Том 11. Выпуск 3. С.136-141.
6. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос // Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
7. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. Книга 1: процесс производства капитала // перевод И.И. Степанова-Скварцова. – Л.: государственное издательство политической литературы, 1952 г. – 794 с.
8. Митрополит Климент: Русскость – это особое состояние человеческой души.: [Электронный ресурс] – URL: http://www.ansobor.ru/news.php?news_id=2614.

Krivulya R.E. SENSORY-IRRATIONAL CORRELATION OF THE CONCEPTS OF IDENTIFICATION AND SPIRITUAL SECURITY

The article examines the modern correlation of the concepts of identification and spiritual security. Within the framework of the contact of materialism with spirituality, the main threats to the formation of the personality of a modern Russian person are analyzed. The article also proposes to consider the relationship of the identification process with spiritual security through the moral field of culture.

Key words: *identification, spiritual security, man, morality, Russianness, culture, morality.*

Кривуля Роман Евгеньевич – старший преподаватель кафедры дополнительного образования детей и взрослых ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет».

Krivulya Roman Evgenievich – senior lecturer of the department of additional education for children and adults FSBEI HE «Lugansk state pedagogical university».

E-mail: ya.suitepc@yandex.ru

Рецензент: Исаев Владимир Данилович – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 1.14

Дембицкая И.А., Панова О.Е.

МЕНТАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ УГРОЗА ДЛЯ РУССКОГО МИРА

Рассматривается термин «ментальные войны» в отношении угроз национальной безопасности России в связи с активизацией гибридного воздействия на сознание людей с целью дестабилизации обстановки внутри России. Анализируются просчеты в идеологической войне на территории бывшей УССР и пути преодоления идеологической пропасти. Изучается опасность применения кибертехнологий и систем искусственного интеллекта на службе идеологического противника в глобальном столкновении цивилизаций.

Ключевые слова: ментальная война, ментальная безопасность, информационная безопасность, российская цивилизация, духовно-нравственные ценности, когнитивное воздействие, искусственный интеллект.

Введение. Актуальность темы на данном историческом этапе обусловлена реальной угрозой национальной безопасности России в условиях активизации воздействия всех средств западной пропаганды для уничтожения России как цивилизационного явления, а также анализа просчетов, допущенных ранее на ниве идеологической борьбы с целью недопущения дальнейших деструктивных процессов.

Основная часть. Сам термин «ментальные войны» возник не так давно, объединив понятия идеологических, информационных, гибридных, психологических воздействий для достижения определенных политических целей.

С началом СВО 22 февраля 2022 года гибридная война против России вошла в ее горячую фазу. Для кого-то стало открытием, что формат и размах ментальной войны на территории бывшей УССР уже принес свои горькие плоды, ибо разруха в головах бывших сограждан по СССР явила свою полную неприглядность, выйдя из формата Тик-Токов и представ в своей ужасающей масштабности. Жители Донбасса об этой искусно возведенной пропасти знали

не понаслышке и ранее. Граждане Украины подверглись хорошо организованному мощнейшему воздействию информационных и психологических манипуляций, превратившись в послушное слепое орудие Запада, антироссийскую машину уничтожения и самоуничтожения. Странно и дико наблюдать реакцию некоторых ответственных за идеологию российских деятелей, разводящих руками с тезисом «как мы могли это упустить». Поздновато для разбора очевидного разрушительного воздействия, но самое время активного противодействия для преодоления последствий и выработки стратегии на будущее.

После публикации статьи советника министра обороны А. Ильницкого официально появилось определение – ментальная война. Это война цивилизаций, война за волю и цели, война за ценности и смыслы человеческого существования. Для осознания масштабности этого противостояния можно вспомнить давнюю англосаксонскую теорию о том, что тот, кто контролирует Евразию (Хартленд), тот владеет всем миром. И, удобно подмяв под себя западную часть Хартленда, так называемые сильные мира сего вдруг споткнулись о непокорную Россию. Не раз, открыто выражая свои империалистические замашки информационными дырами о «незаконном владении всеми богатствами» и сумасшедшей идеей «поделить всё» (читаем: заграбастать всё), неугомонный хищный Запад под разными знаменами, от крестоносцев до фашистов, «ходит войной» на Россию. И под знаменами Наполеона, и под свастиками Гитлера на нас шла вся объединенная в своей ненависти Европа. Что из этого вышло, все хорошо знают, но на Западе предпочитают быстро забывать, готова новую «победную кампанию». Именно из этих устремлений родился наш лозунг «Можем повторить».

Европейский политик Мануэль Баррозу как-то сказал: «Россия – это цивилизация, притворяющаяся страной». И действительно, сформированная на основе сильного государства и вечных традиционных ценностей Россия представляется тысячелетним цивилизационным исполином, глыбой исторического развития и незыблемости устоев. В этом наша гордость и в этом причина страха наших врагов. Для пребывающего в глубоком экзистенциальном кризисе Запада мы являемся серьезной угрозой, хотя и не имеем захватнических наклонностей. Нарастает сегрегация и раскол западного общества, назревают глобальные геополитические сдвиги, и в этих условиях сильная Россия для западного мира смертельно опасна. Именно отсюда произрастают причины упорства, с каким Запад стремится уничтожить Россию, используя для этого все доступные средства. Ментальная война становится тем ожесточеннее, чем хуже дела у Европы и США. А на войне для них «все средства хороши», включая постановку на службу искусственного интеллекта.

В ноябре 2020 г. в журнале Национальной академии наук США американские ученые опубликовали результаты своего исследования (*Adversarial vulnerabilities of human decision-making*) о возможностях ИИ манипулировать сознанием человека при принятии решений. Такая особым

способом настроенная ИИ система способна находить точки уязвимости в когнитивных центрах принятия решений и, продавливая их, видоизменяя, манипулирует ими в нужном русле. Особая опасность заключается в том, что такой выбор будет восприниматься человеком как исключительно свой собственный, а не срежиссированный хитрой машиной.

Подобные системы давно опробованы для формирования потребительских интересов в ту или иную сторону, в зависимости от проплаты конкурентами прайса. Причем уже на этом чисто, казалось бы, рекламном уровне продвижения тех или иных товаров и услуг конфетка заворачивается в определенные социальные и политические установки. Люди даже не догадываются о том, что невинная информация из их соцсетей используется для программирования их поведения и, как следствие, для совершенствования методов обработки сознания с помощью ИИ. К слову, к этой системе давно подключены не только соцсети, но и поисковики, в частности Google. Технологии, поставленные на службу определенным кругам Запада, так называемого «золотого миллиарда», из объединяющих платформ, из «территории свободы» превращают интернет в место столкновения цивилизаций, в инструмент экономического и геополитического противоборства.

Человек в условиях современной ментальной войны находится в состоянии проникновения информационных технологий в каждый аспект его жизни. С помощью социальных сетей и других цифровых платформ могут быть завербованы профессиональные шпионы и широкие массы обычных граждан.

Это возможно благодаря тому, что социальные сети и другие цифровые платформы предоставляют доступ к большому количеству информации о людях. Например, через социальные сети можно узнать о месте работы, образовании, интересах и личной жизни человека. Профессиональные шпионы могут использовать эту информацию для завербовки агентов, которые могут иметь доступ к важной информации. Они могут создавать фиктивные профили и вести активную работу по завербовке целей. Обычные граждане могут быть завербованы для сбора различной информации. Например, их могут попросить предоставить фотографии или видео определенного места или объекта, а также собирать информацию о людях в их окружении.

В целом цифровые платформы стали новым инструментом для спецслужб и шпионажа, и их использование будет только расти в будущем. Поэтому важно быть осторожным и бережно относиться к своим персональным данным в интернете.

В этой среде человек должен быть бдительным и осторожным, следить за хорошим уровнем кибербезопасности. Кроме того, он должен быть готов принимать информацию из разных источников и анализировать ее с учетом возможной нелояльности. Общение с людьми и воздействие на их психологические состояния также должны быть основаны на критической аналитике. Ментальная война – это сильный инструмент, и только критически

мыслящий и бдительный гражданин может сопротивляться ей.

Кибербезопасность – это совокупность мер и технологий, направленных на защиту информационных систем и данных от несанкционированного доступа, разрушения, изменения и утечки. Целью кибербезопасности является обеспечение защиты конфиденциальности, целостности и доступности данных, а также защита от киберпреступников. Кибербезопасность имеет важное значение для бизнеса, правительства, организаций и частных лиц, так как любой нарушитель может иметь доступ к конфиденциальной информации с различными целями, – от вредительства до шпионажа.

Информацию можно принимать из различных источников, включая:

- Масс-медиа (телевидение, радио, газеты, журналы, новостные порталы).

- Социальные сети и т.д.
- Официальные сайты правительства, бизнеса и организаций.
- Научные и исследовательские статьи и доклады.
- Книги, учебники и другие печатные издания.
- Коллеги и эксперты по конкретной теме.
- Опросы, исследования и статистика.

Для анализа информации можно использовать следующие методы:

- Критический анализ – оценка и сравнение различных статей и источников с целью выявления их достоверности и объективности.

- SWOT-анализ – определение сильных и слабых сторон, возможностей и угроз в отношении компаний, продуктов и услуг.

- Анализ данных – использование статистических методов для анализа количественных данных, например, при выполнении маркетинговых исследований.

- Анализ причинно-следственных связей – определение связи между различными явлениями и событиями с использованием логических и научных методов.

- Визуализация данных – представление информации в графическом виде для ее наглядного представления и лучшего понимания.

Важно учитывать настрой и эмоциональное состояние собеседника, подходить к нему индивидуально и не пренебрегать настойчивым выстраиванием правильной коммуникации. Эффективное общение построено на ясности и честности, поэтому критическая аналитика позволяет оценить потребности и предпочтения собеседника. Помимо этого, важно контролировать свои эмоции и навыки эмпатии, чтобы сделать общение успешным для всех сторон.

Философия может подойти к ментальным войнам с разных точек зрения. Ниже приведены некоторые из них:

1. Этика: Философия этики может помочь понять, какие методы и техники использования ментальной войны являются морально допустимыми. Также она

может помочь разработать этические принципы для использования ментальной войны в конкретных ситуациях.

2. Логика: Философия логики может помочь анализировать и оценивать доводы и аргументы, используемые в ментальной войне. Она также может помочь развить критическое мышление и способность детектировать ложные доводы и ошибки рассуждения.

3. Эпистемология: Философия эпистемологии может помочь понять, как люди получают знания и как они могут быть манипулированы при использовании ментальной войны. Она может также помочь разработать методы проверки и подтверждения информации, которую мы получаем.

4. Философия языка: Философия языка может помочь понять, как язык используется в ментальной войне и как им можно манипулировать для воздействия на мысли и поведение людей.

5. Философия политики: Философия политики может помочь понять, как ментальная война может быть использована для достижения политических целей и как она может быть контролирована и регулирована.

Каждый из этих подходов может предоставить уникальную перспективу на проблему ментальной войны и помочь разработать стратегии для противодействия.

Одна из возможных опор сознания – это этика. Философия может исследовать, насколько нравственными являются ментальные войны и как они влияют на людей. Например, философия может задаться вопросом, насколько эти войны соответствуют принципу этики, основанной на уважении к достоинству и свободе личности.

Другой возможной точкой зрения является социальная философия. Философия может исследовать, как ментальные войны влияют на общество и какие последствия они могут иметь для социальной структуры. Например, философия может рассмотреть, насколько ментальные войны способствуют распространению идеологии или ограничивают свободу выражения мнения.

Одним из наиболее интересных подходов к ментальным войнам может быть философия мышления. С этой точки наблюдения можно изучать, как люди мыслят и как они принимают решения, почему они подвержены воздействию на сознание извне и как они могут преодолеть это. Она может также рассматривать, как ментальные войны формируют программирование нашего сознания, как они могут становиться источниками эмоционального влияния и как они могут воздействовать на наше понимание и принятие информации.

В целом философия может использоваться для изучения ментального направленного воздействия с разных точек зрения, предлагая понимание и раскрытие механизмов манипуляций.

Как и любые другие формы конфликта, ментальные войны могут иметь отрицательное воздействие на общество. Они могут приводить к распространению неправдивой информации, созданию и поддержанию

стереотипов и предубеждений, способствовать разделению общества на различные группы и приводить к ухудшению международных и межэтнических отношений.

Ментальные войны могут вызвать напряжение в обществе, что может спровоцировать насилие и конфликты между группами людей. Они также могут привести к ограничению свободы слова и прав человека, что может быть опасно для демократических процессов и принципов.

Кроме того, ментальные войны могут сильно повлиять на психологическое состояние людей, вызывая у них страх, тревогу и неуверенность в будущем. Они могут повредить их самооценку и здоровье, что в конечном итоге может негативно сказаться на развитии общества в целом.

В целом, ментальные войны могут создавать опасную обстановку в обществе, которая может привести к невосполнимым последствиям. Поэтому необходимо обращать большое внимание на выявление и противодействие таким конфликтам, чтобы мир и стабильность в обществе сохранялись в любых условиях.

Для этого могут быть использованы различные инструменты, такие как средства массовой информации, образование, культурные мероприятия, диалог и сотрудничество между различными группами общества. Важно обеспечивать свободный и открытый обмен информацией, чтобы люди могли получить правдивые данные и принимать обоснованные решения.

Также важно развивать критическое мышление и способность анализировать информацию, чтобы люди могли отличать правду от лжи и не принимать на веру непроверенную информацию. Необходимо поощрять уважение к правам и свободам каждого человека и бороться с распространением ненависти и дискриминации.

В конечном итоге мир и стабильность в обществе зависят от нас самих и нашей способности бороться с внешним воздействием. Мы должны быть бдительными и ответственными в выборе и использовании информации и стремиться к укреплению демократических ценностей и принципов.

Только тогда мы сможем обеспечить устойчивое и гармоничное развитие нашего общества, в котором каждый человек имеет право на свободу слова и мнения независимо от его политических взглядов, религии, национальности или социального статуса. Получение правдивой и объективной информации, а также построение открытого и толерантного общества – это ключевые факторы в борьбе за ментальный мир и стабильность нашего мира.

Л и т е р а т у р а

1. О Стратегии национальной безопасности РФ: Указ Президента России № 683 от 31.12.2015 г. – [Электронный ресурс] – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391>.

2. Путин В.В. Выступление на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021». 2021. 27 января. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938>.

3. Лосев А., Ильницкий А. «Почему русские не сдаются»
<https://www.pnp.ru/politics/pochemu-russkie-ne-sdayutsya.html>.

4. Ильницкий А. «Стратегия ментальной безопасности России»
<https://amicable.ru/news/2022/04/15/19809/strategy-mental-security-russia/>.

5. Багдасарян В., Перетолчин Д. Поражение сознания. Теория и практика ментальных войн // Завтра. 2021. 31 декабря. URL: https://zavtra.ru/blogs/porazhenie_soznaniya.

6. Федоров М., Цветков Ю. Искусственный интеллект как инструмент борьбы за сознание людей // РСМД. 2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyy-intellekt-kak-instrument-borby-za-soznanie-lyudey/?sphrase_id=90349749.

Dembitskaya I.A., Panova O.E. MENTAL WARS AS A CIVILIZATIONAL THREAT TO THE RUSSIAN WORLD

The term "mental wars" is considered in relation to threats to Russia's national security in connection with the activation of hybrid influence on people's consciousness in order to destabilize the situation inside Russia. The miscalculations in the ideological war on the territory of the former USSR and ways to overcome the ideological gap are analyzed. The danger of using cyber technologies and artificial intelligence systems in the service of an ideological opponent in the global clash of civilizations is studied.

Key words: mental war, mental security, information security, Russian civilization, spiritual and moral values, cognitive impact, artificial intelligence.

Дембицкая Ирина Александровна – ассистент кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Dembitskaya Irina Aleksandrovna – Assistant of the Chair of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: yaremchuk.irine@yandex.ru.

Панова Ольга Евгеньевна – студентка кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Panova Olga Evgenievna – student of the Chair of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: olyapanova@yandex.com

Рецензент: Звонок Наталья Степановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МЕНТАЛЬНЫХ ВОЙН

Проблема обострения ментальных войн между Россией и Западом, основанных на противоборстве ценностных культурных установок, с каждым годом становится всё более актуальной. Можно констатировать, что современное мировое сообщество находится в состоянии глубокой нестабильности и кризисности, однако меры по нивелированию этого положения до сих пор не разработаны в полной мере. В данной исследовательской работе охарактеризованы традиционные семейные ценности, которые и являются основной причиной противоборства и при этом эффективным способом разрешения конфликтов. Автором описаны основные аспекты усиления ментальных войн, дана характеристика современной ситуации и предпринята попытка спрогнозировать возможные последствия. В завершении статьи предложены возможные механизмы, способствующие искоренению этого процесса.

Ключевые слова: ментальные войны, семейно-брачные отношения, функции семьи, социализация личности, традиционные ценности, квазичценности, демографическая война, ценностные ориентации, глобализация.

Семья и семейные ценности можно по праву назвать фундаментальной основой существования всего человеческого общества. Эта социальная ячейка существовала во все времена, во всех известных истории культурах. Именно семейные отношения, завязанные на браке и детско-родительских связях, всегда были основой, вокруг которой формировались социальные нормативы и моральные ориентации личности. Семейная ячейка – первый и важнейший институт социализации человека, внутри нее закладываются ценности индивида, формируются его поведенческие особенности и культурная идентичность. Вне этого социального круга невозможно гармоничное развитие не только отдельной личности, но и всего общества и государства. Однако в современном мире представители гуманитарной науки обеспокоены разрастающейся тенденцией к разрушению традиционных семейных ценностей и дестабилизации здоровой семьи. На фоне этого уже не первое десятилетие в мире разрастается масштабная культурно-ценностная война, которая к сегодняшнему дню переросла и в войну реальную. Централизованное западное сообщество диктует миру новые правила поведения, в основе которых лежит отказ от религиозности, идеология гедонизма, индивидуализм и потребительство. Возрастающая тенденция ко всеобщей глобализации приводит к смешению культур и потере национальных особенностей народов, при этом порождая ценностные конфликты. Россия сегодня оказалась в ситуации идеологической дезориентации, которая наибольшим образом влияет на семейную сферу, приводя к снижению уровня рождаемости, поведенческим

деструкциям и разрушению традиционной модели семьи. Активно развивающаяся демографическая война становится одной из главных причин разрушения устоявшегося миропорядка и многочисленных конфликтов, происходящих сегодня на территории всей планеты. Этому процессу способствуют вполне объективные причины – всего сто лет назад население Земли было в 4 раза меньше нынешнего. Такая активная рождаемость объективно становится одним из основных факторов, порождающих экономические, экологические и продовольственные проблемы, однако современная российская политика направлена на ускорение демографических процессов, а также улучшение качества жизни населения, а не их искоренение посредством навязывания ложных ценностный воззрений.

Пугающая направленность в сторону ослабления традиционных семейных устоев позволяет говорить об усиливающейся ментальной войне между российским и европейским обществом, «полем битвы» для которой выступают внутрисемейные отношения и ценности. Ещё в начале прошлого века Западное научное сообщество активно заговорило о необходимости сдерживания роста населения, инструментом для которого служит антисемейное законодательство, связанное в том числе с секспросветом, легализацией гомосексуальных отношений, многоженства, аборт, добровольной стерилизации. Как подчеркивают Е.А. Исаева и А.В. Соколов: «Развитие законодательства <...> должно базироваться на серьезных, долгосрочных научных исследованиях, которые, как нам кажется, вряд ли подтвердят концепцию отсутствия разницы в воспитании детей гетеросексуальными и гомосексуальными парами. Общество должно созреть или, кто-то скажет, достаточно разложиться и деградировать, чтобы принять данную норму не как аморальную, а как логичную и целесообразную» [1, с. 111]. Примечателен тот факт, что разработанные программы сокращения рождаемости часто лоббируются под комплиментарными предлогами, будь то защита детей или прав женщин. Однако же методы, используемые современными европейскими демографами, по-настоящему чудовищны и под благовидной личиной скрывают весьма варварские цели. Стоит отметить, что меры эти дают ощутимый результат, что подтверждает статистика последних десятилетий: глобальные демографические изменения сказываются на всех сферах жизнедеятельности человека, в частности – семейной и ценностно-духовной. И.А. Юмашева так объясняет причину возникновения глобальных конфликтов в мире: «Решение демографической проблемы за счет других стран приводит к геополитическому противостоянию между странами, прирастающими за счёт мигрантов и теми, кто пытается сохранить своё коренное население» [2, с. 7]. Как подчеркивает автор, западная политика в этом вопросе опирается на стратегию замещения коренного населения мигрантами, Россия же в свою очередь главной целью демографической политики ставит повышение рождаемости и, что немаловажно, защиту традиционной семейности. Обратимся к словам М.Н. Макаровой: «Наиболее универсальной ценностью, упоминаемой как

традиционная, является ценность семьи. Семья всегда определялась как основной источник передачи традиций от поколения к поколению, а поэтому поддержка роли семьи понимается как основной ресурс сохранения традиционных ценностей и социальных практик различных сообществ» [3, с. 100]. Исходя из всего вышеназванного, текущие геополитические и экономические проблемы в мире объективно рассматривать как следствие ценностного конфликта культур, где российское общество поддерживает идеи традиционности, в то время как Запад стремится отстоять интересы меньшинств, сокращая тем самым численность населения в мире.

Стоит подчеркнуть, что вопросы современной демографии носят дискуссионный характер, существуют противоположные точки зрения – согласно одним регулировать численность населения необходимо, другие же отстаивают важность саморегуляции человеческой популяции. А.М. Елин и Н.П. Пашин подчеркивают: «Демографическую ситуацию в Российской Федерации на стыке второго и третьего тысячелетий надо отнести к категории неблагоприятной, характеризующейся существенным сокращением численности населения. Начало этому негативному процессу было положено ещё в первой половине 90-х годов» [4, с. 3]. Действительно, демографическая ситуация в стране с каждым годом все больше усложняется, в связи с чем обостряется и вышеупомянутое противостояние культур двух полюсов миропорядка. Российская идеология максимально сопротивляется навязываемым традициям Запада и стремится сохранить собственный культурный код, оберегая таким образом население страны и нацию от депопуляции. Государственные интересы двух противоположных миров вступают в очевидное противоборство, что становится причиной глобальных военных конфликтов. В этой связи страдает и религиозная составляющая общества – православные идеалы ослабевают и активно подменяются квазиценностными установками. В этой связи уместно упомянуть слова А.С. Палибиной: «Дети являются одной из главнейших ценностей систем семьи и православия. Православие называет деторождение главной целью брачного союза. Семья является наследницей духовно-нравственных традиций, воспитывает детей своим укладом жизни. Молодые родители привносят в воспитание детей опыт своей родительской семьи» [5, с. 85]. Таким образом ещё раз подчёркивается важность поддержания традиционной семейности, в основе которой лежат брачно-семейные отношения между мужчиной и женщиной и их родительский союз, необходимый для воспроизводства населения государства и всего мира в целом. Однако всё чаще в так называемых семьях процветают нетрадиционные отношения, разновидностей которых с каждым годом становится больше, при этом большая часть из них завязана в первую очередь на сексуальных взаимосвязях. Еще в XIX веке русский этнограф Л.Я. Штернберг писал, что «половое общение между определенными лицами разных полов, хотя бы и регулярное, еще не составляет признака брака. Для того чтобы половое общение превратилось в брак,

необходимо, чтобы оно санкционировалось в той или другой форме данной общественной средой... чтобы оно было правомерным» [6]. К сожалению, в современном мире можно констатировать что понятие семьи разделилось на две противоположные точки зрения:

1. Брачно-семейные отношения в традиционном осмыслении, в которых под семьёй понимается брачный союз мужчины и женщины, основанный на принципах чувственности и взаимности, а также закреплённый документально. Целью такого союза является воспроизводство потомства и обеспечение удовлетворения духовных потребностей всех членов семьи. Такая модель опирается на истинные ценности семейности, а также религиозные постулаты православия, поэтому её также принято называть нормативной моделью.

2. Альтернативные формы брачно-семейных отношений или так называемая квазимодель семьи в противовес этому пропагандируют принципы свободы и необременённости взаимными обязанностями. К таким формам союзов относятся как противоречащие законодательству способы сожительства – незарегистрированный брак, осознанное одиночество, так и постулаты поведения внутри официальной семьи – внебрачный секс, свингерство, интимная дружба. Помимо этого, в современной мире все чаще встречаются семьи, сознательно игнорирующие деторождения, нарушая тем самым одну из важнейших функций семьи. Как подчёркивает Л.В. Шнейдер, «У человека половое влечение трансформировалось и раздвоилось: с одной стороны, за ним сохраняется целевая репродуктивная функция, с другой – половой акт сам по себе без целей деторождения, стал для женщины соблазнительным и доставляющим удовольствие. Это привело к тому, что второй аспект стал выступать первый: используются противозачаточные средства, прибегают к прерыванию беременности, повторим, что растет добровольная стерилизация» [7]. Тенденции квазисемейности приводят к разрушению традиционных брачных устоев и разрушению важных функций семьи, поэтому сейчас российская семейная политика направлена на популяризацию традиционных ценностей, что и приводит к неоднократно упомянутым ментальным войнам с Западом.

Европейские политики осознают очевидные последствия подобной конфронтации: пока западное сообщество всеми силами борется с перенаселением Земли, Россия наращивает собственный потенциал, ставя себя в более выгодное демографическое положение. Растущая глобализация ещё больше обостряет противоречия культурных ценностей двух полюсов мира, выливаясь в серьёзные конфликты. При этом современная политика всё ещё носит многополярный характер, и некоторые народы остро осознают необходимость отстаивания своих национальных интересов, в их числе также находится и Россия. Внешняя политика Запада, направленная на искоренение традиционных ценностей, не только в сфере семейных-отношений, но и во всём мироустройстве, требует осознанного противодействия, предводительствовать которым выпала задача российскому обществу. Не зря

традиционные ценности часто называют главным фактором сохранения и объединения национальной идеологии. Как верно отмечает К.Ю. Щенникова, «фундаментальные ценности российского народа нередко идентифицируются с национальными интересами. Политическая и экономическая обстановка в мире, взаимоотношения России с другими государствами на международной арене активизировали рост интереса к традиционным ценностям в российском обществе. Актуальность вопроса не вызывает сомнения, поскольку единые скрепы для народного единства, общность ценностей и в конечном счете самоидентификация являются обязательным условием стабильного развития государства» [8, с. 159]. Конечно, в условиях глобализации отстаивать национальные интересы и сопротивляться мировой тенденции становится сложнее, грань различия между культурами постепенно стирается, и этническая идентичность постепенно теряет значимость для каждого отдельного индивида. Однако важно понимать, что внутрисемейные отношения и ценностные установки являются серьёзным инструментом для реализации внешней политики, поэтому очевидное навязывание «общечеловеческих ценностей», которые сейчас так активно лоббирует Запад, не должно игнорироваться российским правительством и обществом. Развязанные ментальные войны, приведшие к войнам вооружённым, являются ничем иным, как политическим инструментом, в основе которого лежит борьба за власть и мировое господство.

Л и т е р а т у р а

1. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1, № 3. – С. 109-112.
2. Юмашева И.А. Семейные ценности как инструмент внешней политики России / И. А. Юмашева // Культурологический журнал. – 2021. – № 3(45) : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46700982>.
3. Макарова М.Н. Репрезентация «традиционных ценностей» в российском политико-публичном поле (на примере дискурс-анализа семейных ценностей) / М. Н. Макарова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2021. – № 3. – С. 96-109.
4. Елин А.М., Пашин Н.П. Проблемы демографии и пути их решения в современной России // Вестник науки и образования. 2019. № 17(71). – С. 19-28.
5. Палибина А. С. Семейные ценности в контексте православия // Дискуссия. 2011. – № 4. – С. 83-86.
6. Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры / М. О. Косвен. // Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 216 с.
7. Психология семейных отношений: Курс лекций / Л. Б. Шнейдер. // Москва: Апрель-пресс: ЭКСМО-пресс, 2000. – 498 с.
8. Щенникова К.Ю. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Власть. – 2017. – Т. 25, № 1. – С. 159-164.

Moskalev E.N. TRADITIONAL FAMILY VALUES IN THE CONTEXT OF MODERN MENTAL WARS

The problem of the aggravation of mental wars between Russia and the West, based on the confrontation of cultural values, is becoming more and more urgent every year. It can be stated that the modern world community is in a state of deep instability and crisis, but measures to level this situation have not yet been fully developed. In this research paper, traditional family values are characterized, which are the main cause of confrontation and at the same time an effective way to resolve conflicts. The author describes the main aspects of the intensification of mental wars, characterizes the current situation and attempts to predict possible consequences. At the end of the article, possible mechanisms contributing to the eradication of this process are proposed.

Key words: *Mental wars, marital relations, family functions, socialization of personality, traditional values, quasi-values, demographic war, value orientations, globalization.*

Москалев Евгений Николаевич – аспирант кафедры «Философия и мировые религии» Донского государственного технического университета.

Moskalev Evgeny Nikolaevich – postgraduate student of the Department «Philosophy and World Religions», Don State Technical University.

E-mail: evgeniy-99999999@mail.ru

Рецензент: Несмеянов Евгений Ефимович – заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и мировые религии» Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону.

УДК 73/76(47)«09»

Стефанишина Е.В.

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ КИЕВСКОЙ РУСИ:
ЛЮБОВЬ К ОТЧИЗНЕ И ПРЕДАННОСТЬ ВЕРЕ ОТЦОВ**

Рассматривается художественная культура периода Киевской Руси (IX-XIII вв.), который отличался бурным культурным развитием, выразившимся, среди прочего, и в использовании патриотических мотивов в художественных произведениях того времени, героическом былинном эпосе, ставшем вершиной устного народного творчества. Идея единства Руси перед лицом внешней опасности и преданность вере отцов является ведущей в патриотических произведениях древнерусской литературы, художественной графике, иконописи и других сферах художественной культуры.

Ключевые слова: *Киевская Русь, художественная культура, патриотизм, патриотические мотивы, православие, нравственный идеал.*

Постановка проблемы. С момента своего возникновения на Руси литература служила средством патриотического воспитания народа. Письменность на Руси зародилась еще во второй половине IX века. Особой чертой письменной культуры Руси можно считать возникновение двух типов литературного языка: церковно-славянского и более приближенного к просторечию древнерусского. Церковно-славянским языком создавалась церковная и житийная литература, а древнерусский язык применялся для ведения деловых переписок, составления правовых актов («Русская правда»), летописей и памятников светской литературы («Слово о полку Игореве») [2].

Почетное место в творчестве авторов периода Киевской Руси занимали пословицы, поговорки, обрядовые и героические песни, загадки, заговоры и заклинания. Автор «Слова о полку Игореве» полагал, что в творчестве «вещего Бояна», которого он называл «соловьём старого времени», были взяты за основу народные мотивы. Кроме того, было широко распространено использование летописцами народных песен и легенд. Из устного народного творчества Древней Руси в фольклоре сохранились яркие примеры обрядовой поэзии, такие как песни и шедровки.

Цель исследования. Насущной проблемой представляется анализ художественной культуры эпохи Киевской Руси и выявление истоков патриотизма и преданности православию русского народа.

Основная часть. Художественная культура эпохи Киевской Руси стала истоком для формирования нравственного идеала патриотизма русского народа. Героический былинный эпос, развивавшийся в X веке и получивший свое развитие в XI-XIII веках, стал вершиной устного народного творчества. Основной темой былин в то время выступали идея русского единства и величия, а также тема борьбы с иностранными захватчиками. В древнейших былинах люди пытались идеализировать прошлое, когда крестьянский народ еще не подчинялся феодалам. Истинно народными героями стали муромец Илья, «задорливый» галичанин Дунай, волынянин Михаил Казарин, ростовчанин Алеша, рязанец Добрыня, новгородец Садко. Их имена прочно вошли в память народа как символ мужества, юности, отваги и доблести древних русичей. Устное народное творчество оказало непосредственное влияние на письменную литературу.

Пытаясь обосновать равенство всех народов, исповедующих христианство независимо от времени его принятия, Илларион, автор «Слова о законе и благодати», отстаивает национальную и религиозную независимость русского государства. Показывая Русь в числе других держав мира, Илларион не только восхваляет свои родные земли, которые «ведома и слышима, есть всеми четырьмя конци земли»..., но и пророчит им великое будущее: «и събытсья о нас языцех речено: открьет мышцу свою святую предо всеми языки и узрят вси конци земля спасение бога нашего». Восхваляя Владимира Святославовича, принесшего христианство на Русь, он с гордостью говорит о великих предшественниках князя, язычниках Игоре и Святославе, считая, что

героической историей предков «мужеством же и храбростью прослуша в странах многих» можно и нужно гордиться [3, с. 20-23].

Написанное Нестором в XI веке «Чтение о Борисе и Глебе», было посвящено первым русским святым, сыновьям князя Владимира, которые отказавшись воевать за киевский престол со Святополком, чтобы не подвергать родную землю конфликтам, покорно приняли от него смерть. Их пример был эталоном жертвенности, служил образцом для других, о чем свидетельствует тот факт, что к концу XI века культ Бориса и Глеба стал широко распространен на Руси. Народ постепенно стал видеть в них не просто противников междоусобицы, но защитников страны от её врагов, «забрало Русской земли», низвергающих «дерзость поганьскую», что, в частности, подтверждает «Сказание о Борисе и Глебе», написанное в XII веке.

«Повесть временных лет» проникнута протестом против княжеской вражды, ведущей к разорению страны половцами. Подчеркивая происхождение всех русских князей от одних корней – легендарных братьев Рюрика, Синеуса и Трувора, летописец осуждал такие войны, как братоубийственные и призывал к защите земли, «которую оборонили отцы ваши и деды трудом великим и храбростью» [3, с. 20-23].

Идея единства Руси перед лицом внешней опасности является ведущей в самом патриотическом произведении древнерусской литературы – «Слове о полку Игореве». В период, когда княжеские усобицы вели к ослаблению страны, автор Слова требовал от князей согласованных действий в борьбе с общим врагом, обвиняя их в нежелании вместе выступить на защиту страны: «Но врозь у них полотнища развиваются, копья поют!». Превознося честь и могущество русских князей, он осуждал тех, из-за кого «по русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля». «Здесь мы видим ...русского человека, сознающего тесную связь со всею землею, с народом, – отмечал В.Я. Стоюнин, – сознание единства русской земли, несмотря на её раздробленность, ясно высказывается поэтом; он чужд всякого местного, удельного патриотизма, он страдает равно за всех русских, терпящих беды за княжеские крамолы» [7, с. 188].

Нравственный идеал беспокоящегося о русской земле человека представлен в «Поучении» Владимира Мономаха, которое считается его политическим посланием потомкам. Князь учил не идти наперекор своему слову, не нарушать данных клятв даже из корысти: «аще ли вы будете крест целовать к братии, или к кому, ... и целовавшее блюдете, да не преступни погубите душа своая». Под понятием патриотизм он подразумевал заботу о ближнем («кормите и придавайте сироте, и вдовицу оправдите сами»), считал своим долгом защищать слабых («не вдавайте сильным погубити человека»). Он призывал всех князей заботиться о своих подданных: «не дайте пакости деяти, отрокам ни своим ни чюжим, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнут». Важнейшей идеей «Поучения» является идея защиты Отечества. «Смерти бо ся, дети, не боячи, – писал великий князь, – ни рати, ни от зверя, но

мужское дело творите...». Патриотизм Мономаха носит деятельностный характер – князь представлен в «Поучении» как человек, честно исполнявший свой долг перед Родиной и призывающий к этому своих потомков.

Также в житии Александра Невского был воссоздан героический образ полководца, защитника родной земли и мудрого политика. Соединяя в себе элементы описания историко-церковных и богословских аспектов святости с воинской повестью, оно повествует не только о князе, но и о его воинах, «храбрцах», доблестно сражавшихся в Невской битве. Героизм Дмитрия Донского, сражавшегося простым ратником на Куликовом поле, его брата Владимира Андреевича и их соратников был прославлен в «Задонщине», «Сказании о Мамаевом побоище», «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского».

Если у полководцев того времени патриотизм ассоциировался только с защитой Отечества, то представители духовенства в первую очередь выделили в нем верность православной вере, терпимость, человеколюбие, помощь ближнему в трудную минуту.

В поучениях, житиях, посланиях и обращениях Русская православная церковь пыталась оказать поддержку верующим, вселить в них веру в будущее, давая нравственную оценку поступкам. «Осуждения в письменных произведениях страшились, похвал добивались», – писал по этому поводу Д.С. Лихачев, особо отмечая важность церковной оценки выбора пути поведения в тяжелейший для страны период татаро-монгольского нашествия [12, с. 24].

Особого внимания заслуживает литературная памятка «Слово о погибели Русской земли», датированная примерно 40-м годом XIII века в связи с татаро-монгольским нашествием. Она представляет научный интерес как сама по себе, так и в связи со «Словом о полку Игореве». Оба произведения обладают высоким патриотизмом, лирическим восприятием природы, совершенством художественной формы и особой детализацией поэтической фразеологии. В этих произведениях сочетаются элементы прославления и плача, главный герой – земля русская. Памятник найден в Псково-Печерском монастыре; впервые опубликовано в 1892 году в «Памятниках древней письменности».

На сегодняшний день в философском дискурсе ведутся поиски общих подходов к пониманию современной концепции патриотизма, однако это понятие достаточно четко определено на государственном уровне. В нем патриотизм трактуется как «любовь к Родине, преданность своей стране, стремление служить ее интересам и готовность жертвовать собой ради ее защиты» [11]. Конечно, во времена древнерусского государства не существовало четко определенного понятия патриотизма, в русском языке термин «патриотизм» появляется гораздо позднее, но это не означает отсутствия любви к Родине и вере, желания и готовности служить и защитить их, что не было никаких мыслей, чувств, действий или поступков, которые на сегодняшний день называют патриотическими.

На страницах толкового словаря Д.Н. Ушакова мы можем найти определение понятия «патриотизм», в котором говорится о любви, преданности и привязанности к отечеству, к своему народу, поискав в том же словаре определение слова «патриот», мы находим, что это человек, преданный своему народу, любящий отечество, человек, который готов к жертвам и подвигам ради интересов своей Родины и страны [13].

Патриотические мотивы периода Киевской Руки можно встретить не только в литературных произведениях того времени, но также и в поговорках и пословицах: «Где родился, там и пригодился», «Помоги, земляца мне родная», «Своя земля и в горсти мила», «Глупа та птица, которой свое гнездо не мило» и т.д. Важную роль в повышении военно-патриотического воспитания молодежи сыграли русские народные сказки и былины, поскольку направляли их на определенные нравственные приоритеты [1, с. 10-42].

Например, приключения сказочных героев Ильи Муромца, Алешы Поповича и Добрыни Никитича по сей день являются прототипами идеальных защитников Родины как для детей, так и взрослых.

Помимо литературного наследия, одним из самых ярких примеров являются изображения на киевских рунических камнях, на которых историки обнаружили надписи о событиях из истории Руси, воинских знаках и рисунках воинов. Несомненно, такие камни имеют глубокий патриотический смысл, демонстрируя уважение к историческому прошлому Руси и желание сохранить его память.

Еще одним примером являются украшения и другие предметы роскоши, которые использовали князья и бояре в течение жизни. На них можно наблюдать изображения воинов, красивых девушек, охотничьих сцен и других предметов, которые выражали патриотические чувства и уважение к национальной истории. Например, на шлеме князя Святослава была изображена боевая сцена, а на кителе князя Олега – восхождение к власти.

Помимо этого, многие литературные произведения того времени носили в своем сюжете патриотический характер. Одним из таких произведений была «Повесть временных лет», в которой изложена история княжеств от основания Руси до 1113 года и отражались быт и культура русского народа. Также образцом литературного произведения выступает «Слово о полку Игореве», описывающее поход князя Игоря против половцев и призывающее к славе Руси и единству русского народа [12].

Патриотические мотивы также встречались в художественной графике Киевской Руси, а именно на иконах, рунической графике и росписях древних монет. К примеру, на одной из монет Киевской Руси изображено русло реки Днепр – символ русской земли, на обратной же стороне представлено изображение князя со щитом и копьем, символизирующее мужество и отвагу русского воина.

Таким образом, патриотические мотивы были неотъемлемой частью художественной культуры Киевской Руси. Они олицетворяли уважение к

историческому прошлому, верности земле и народу, а также богатому культурному наследию того времени.

Торговые и дипломатические отношения Древней Руси с другими государствами способствовали проникновению на Русь символов власти, принятых в других странах. Популярны были изображения животных, особенно львов, а также барсов (пардусов) и леопардов, олицетворявших собой силу и добродетель. Кроме того, лев считался евангелическим животным: в Евангелии от Марка глас вопиющего в пустыне сравнивался с грозным рыком льва; в средневековых толкованиях Евангелия со львом сравнивался Христос, победивший смерть. Таким образом, изображение льва как символ сильной власти широко распространился и на Руси. Фигуру льва можно найти на памятниках Владимиро-Суздальской и Галицкой земель, где они считались эмблемой княжеской власти. Изображения льва встречаются на фасадах владимирских Успенского и Дмитровского соборов, в интерьере церкви Покрова-на-Нерли и собора Михаила Архангела в Нижнем Новгороде.

Гербы использовались для идентификации и олицетворения национальной принадлежности. Их изображали на щитах, щитках и одежде.

Первоначальное изображение герба, которое можно увидеть на древних русских гербовниках, описывает чёрно-белый образ Георгия, находившийся на красном фоне с золотой каймой. Однако впоследствии, в период более развитой эпохи Киевской Руси, герб стал использоваться более широко и претерпел некоторые изменения [8].

Один из первых гербов Киевского княжества впервые использованный в период Владимира Всеволодовича, представляет собой изображение Георгия, окруженного тремя золотыми орлиными головами на чёрном фоне. Именно это сочетание изображений Георгия и орлов стало символом княжества и встречается на многих средневековых документах и монетах [6].

Герб Киевского княжества периода Киевской Руси характеризуется простотой и строгостью форм. Герб символизирует культуру и историю ранней Руси, а также национальный дух и воинственную мощь княжества.

На гербе Киевского княжества периода Киевской Руси также можно найти изображение льва, чаще всего – золотого льва на красном фоне или на фоне гербового щита. Изображение льва отражает связь Киевского княжества с Европой, где лев являлся символом мощи, благородства и королевской власти. Лев на гербе Киевского княжества был подвержен некоторым изменениям и в различные исторические периоды мог выглядеть по-разному.

На одном из вариантов герба Киевского княжества, который использовался во времена правления Всеволода Ярославича, изображен лев, сидящий на задних лапах, держа передними лапами щит с изображением Святого Георгия. Этот вариант герба свидетельствует о тесной связи между Киевским княжеством и Константинополем, где такое изображение льва используется на монетах и других государственных символах [6].

Во многих других вариантах герба Киевского княжества, лев изображен как бегущий на красном фоне. Иногда он изображается с поднятой передней лапой или с короной на голове.

В целом, герб Киевского княжества с изображением льва символизирует благородство, мощь и власть Руси. Он подчеркивает значение Киевского княжества в европейской истории и культуре.

Флаг также является важным элементом национального самосознания. На флагах изображали символы государства. На Руси флаги были редкостью, однако они все же существовали. Например, в Лавре хранятся святые знамена, которые использовались во время битв.

Крест был символом христианства и часто использовался в украшениях. Кресты изображались на щитах, одежде, украшениях и других предметах. Некоторые кресты также выступали в качестве символов защиты, оберегая своих владельцев [8].

Животные и символы из славянской мифологии, такие как волки, соколы и руны, также часто использовались в качестве декоративных элементов. Они ассоциировались с магией, силой и духовностью.

В одежде и украшениях периода Киевской Руси можно встретить множество элементов патриотического характера. Пояса, рубахи, жилеты, кожаная обувь, головные уборы – все они были выполнены в соответствии с традициями. Украшения включали в себя элементы гравировки на бляшках, золотых кольцах, деревянных бусах и т.д.

Одежда периода Киевской Руси была очень разнообразной, в каждом регионе существовали традиции и стили. Например, жители Пскова предпочитали простые льняные рубахи, которые были в моде до конца XVII века. Жители Новгорода и Великого Новгорода предпочитали носить белые рубахи [4].

Одежда и украшения на Руси служили не только элементом культуры, но и имели практическое значение. Например, зимняя одежда из меха или шерсти помогала людям выжить в суровых климатических условиях. Одежда также отражала социальный статус владельца. Во времена Киевской Руси одежда князей и бояр была более роскошной и дорогой, чем одежда простых людей.

Важно отметить, что многие элементы патриотической одежды и украшений на Руси сохранились и до наших дней. Вышивка является неотъемлемой частью русской культуры, и до сих пор используется для украшения не только одежды, но и предметов быта.

Поскольку художники того времени стремились изображать культурное наследие своей страны и передавать исторические и религиозные события своим потомкам, патриотические элементы в живописи Киевской Руси были широко распространены [5].

Одним из лучших образцов патриотической живописи Киевской Руси является фреска «Страшный суд» в Софийском соборе. На картине изображены апостолы и мученики, которые будут либо осуждены, либо оправданы на Суде

Божьем. Некоторые изображения на фреске можно интерпретировать как события, связанные с Киевской Русью, что делает ее одним из самых важных памятников этого периода [5].

Еще одним важным примером патриотической живописи являются иконы, которые служили не только предметом поклонения, но и выступали средством передачи культурных традиций. Иконы часто представляют социальные и исторические события, такие как битва на Куликовом поле, и всегда были связаны с православными традициями.

Считается, что самая известная икона Киевской Руси была создана в начале XII века и до сих пор она является главной иконой Печерской лавры – «Богородица Одигитрия». На ней изображена «Пресвятая Богородица», указывающая правой рукой на своего Сына, Господа Иисуса Христа, которого она держит на левой руке. Этот тип изображения связан с идеей «Заступницы человеческого рода». Различные варианты этой иконы можно увидеть во многих храмах. Все они являются национальным сокровищем и привлекают внимание своей эмоциональной силой [9].

Другим примером патриотической иконографии является «Троица», созданная монахом Андреем Рублевым в начале XV века. На этой иконе он изобразил трех ангелов, олицетворяющих христианскую Троицу. Эта икона и по сей день остается важным религиозным и культурным символом Руси [9].

Значение икон и иконописи в русской религиозной культуре и национальной идентичности невозможно переоценить. Иконы были не просто объектами поклонения, а источником образов и символов, которые формировали духовную культуру на Руси. Каждая икона была уникальным произведением искусства со своими особенностями, связанными с историческими и религиозными концепциями.

На Руси иконопись также была важным средством просвещения и образования. Монастыри и церкви были центрами образования и наставления, и монахи-иконописцы были ответственными за создание икон и передачу знаний о христианских традициях. Иконопись была не только видом искусства, но и одним из основных средств передачи знаний на Руси [10].

Иконы и иконопись и сегодня остаются важными символами религиозной и культурной идентичности. Они используются не только как достопримечательность и музейный экспонат, но и как объект духовного поклонения. В эпоху быстро меняющихся технологий и глобализации сохранение икон и иконописи становится особенно важным для сохранения культурных традиций и национальной идентичности России.

Архитектура Киевской Руси также имеет свои особенности. Наиболее ярким примером является Софийский собор, построенный Ярославом Мудрым в XI веке. Софийский собор – это красивое и функциональное сооружение, которое служило храмом, крепостью и культурным центром княжества. Особенностью Софийского собора являются его пропорции – храм имеет геометрическую точность, благодаря симметричному расположению часовен,

нищ, окон и дверей. В лучших традициях византийского искусства было важно использовать архитектурные формы для создания ощущения гармонии и красоты [10].

Одним из самых впечатляющих элементов внутри Софийского собора является мозаика на стенах и сводах. Эта мозаика была выполнена византийскими мастерами и является одним из лучших примеров патриотической мозаичной техники на территории Руси.

Главным элементом мозаики является образ Христа Пантократора (Вседержителя), напоминающий о религиозном значении и роли храма в жизни княжества. Рядом с Христом расположены изображения апостолов и святых, имеющих важное значение для русской религиозной культуры [9].

Еще один религиозный элемент в архитектуре Киевской Руси – это кресты на куполах и башнях храмов. Крест символизирует Христа и ассоциируется с господствующей религией того времени – христианством. Кресты на куполах храмов обычно крепились на металлических стропях, которые позволяли им колебаться на ветру. Таким образом, купольный крест стал религиозным и культурным символом, напоминающим людям об их традициях и национальной культуре.

Выводы. В художественной культуре эпохи Киевской Руси нашли свое воплощение мотивы патриотизма, идеи единения русских земель и преданности православию как вере отцов. Художники того времени творили культурное наследие своей страны и передавали исторические и религиозные события своим потомкам. Здесь мы ясно видим русского человека, осознающего тесную связь со всей землей, с народом. Различные сферы художественной культуры несли серьезную смысловую нагрузку в целях воспитания и образования народа, формирования нравственного идеала.

Л и т е р а т у р а

1. Артамонов В.А. Патриотизм и державное сознание в России: становление и эволюция IX-XX вв. // Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика. – М.: Голден-Би, 2010. – 382 с.

2. Денисов Н.Г. Патриотическая культура эпохи перемен: монографический сборник. / Н.Г. Денисов; М-во культуры Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств». – Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2015. – 287 с.

3. Колпачева О.Ю. Древнерусская литература как фактор патриотического воспитания / О. Ю. Колпачева. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). – Уфа: Лето, 2015. – С. 20-23. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/148/7470/> (дата обращения: 08.04.2023).

4. Любимов Л.Д. Искусство Древней Руси: Кн. для чтения / Лев Любимов; [Предисл. И. Волкова]. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1981. – 336 с.

5. Скурат К.Е. Православные основы культуры в памятниках литературы Древней Руси / К.Е. Скурат. – М.: Покров, 2003. – 125 с.

6. Соловьев В.М. Тайны Древней Руси / Владимир Соловьев; [ил. худож. В.Г. Алексеева]. – М.: ОНИКС, 2007. – 511 с.

7. Стоюнин В.Я. О преподавании русской литературы / Соч. В.Я. Стоюнина. – 6-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, – 1904. – 469 с. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003567319?page=2&rotate=0&theme=white.

8. Царева Т.Б. Символы и награды Изд-во. ИП Демченко Е.Е. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://kindbook.net/chitat/simvoly-i-nagrady-bugrova>.

9. История иконописи VI-XX века: Истоки. Традиции. Современность / Ред. Т.В. Моисеева. – М.: АРТ-БМБ, 2002. – 287 с.

10. История русского искусства. – В 22 т. – Т.1. Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века / Отв. ред. А.И. Комеч – М.: Северный паломник, 2007. – 664 с.

11. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации (одобрена на заседании Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (протокол № 2 (12)-П4 от 21 мая 2003 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/6148105/> (дата обращения 10.04.2023).

12. Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / Вступительная статья Д.С. Лихачева. Общая редакция Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. – М.: Художественная литература, 1981, – 616 с. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://archive.org/details/xiii-1981-.-3/page/n3/mode/2up>.

13. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.) // URL: <https://gufo.me/dict/ushakov>.

Stefanishina E.V. ARTISTIC CULTURE OF KIEVAN RUS': LOVE FOR THE FATHERLAND AND DEVOTION TO THE FAITH OF THE FATHERS

The article examines the artistic culture of Kievan Rus' period (IX-XIII centuries), which was characterized by rapid cultural development, expressed, among other things, in the use of patriotic motifs in the artistic works of the time, the heroic epic of bynas, which became the peak of the oral folk art. The idea of unity of Russia in the face of external danger and devotion to the faith of the fathers is the leading in the patriotic works of ancient Russian literature, art graphics, icon painting and other areas of artistic culture.

Key words: *Kievan Rus, artistic culture, patriotism, patriotic motifs, Orthodoxy, moral ideal.*

Стефанишина Елизавета Витальевна – аспирантка кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Stefanishina Elizaveta Vitalievna – Postgraduate Student of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: eliza.veta.1995@mail.ru

Рецензент: Звоник Наталья Степановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

УДК 7.011

Свидовскова М.Л.

ПРИЧИНЫ ПОПУЛЯРНОСТИ ИДЕЙ КАНТА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И МЕТАМОДЕРНИЗМА

В статье рассматриваются проблемы цифровизации в новой культурной эпохе и причины, по которым в метамодернистском мире вновь стало актуальным учение Канта. Обозначаются причины, по которым постмодернизм был схож с гегельянством, а переход к новой философской парадигме и «сетевой культуре» сделали понимание искусства и социума приближенным к кантианскому. Также описываются проблемы восприятия произведений у усредненного современного человека и предлагаются возможные методы поиска новых подходов к пониманию культуры.

Ключевые слова: *метамодернизм, цифровизация, кантианство, проблемы восприятия.*

Постановка проблемы. Метамодерн стал культурной парадигмой, пришедшей на смену естественно устаревающему постмодерну и характеризующейся тенденцией к ницшеанскому нигилизму и ассимиляцией, постоянным колебанием от одних ценностных ориентиров к другим. Постмодерн содержал немало отсылок к гегелевскому идеализму, метамодерн же полностью от них отказался и перешел на сторону негативного идеализма, свойственного кантианству с его трансцендентальными иллюзиями. Иммануил Кант различал чувственность, рассудок и разум. Он критически подходил к изучению реального процесса познания с целью определить закономерные факты, которые делают его возможным. Кант отмечал, что всякое познание начинается с опыта, но при этом опыт не всегда является основным элементом познания.

Чувственность является необходимой предпосылкой для опыта и первичной способностью души. Это способность человека испытывать воздействие предметов и формировать представление о том, что на него воздействует. Однако Кант отмечает, что ни одна вещь не дается человеку целиком ощущениями. Ощущения составляют лишь случайный набор впечатлений, которые он сам, с помощью интеллектуальной деятельности, относит к одному предмету.

Метамодерн полностью сконцентрирован на чувственности. Возможно, это самая концептуальная эпоха в мировой культуре, но одновременно и самая бедная в интеллектуальном плане. Долгий путь познания и совершенствования

мастерства полностью обесценился. Остались только идеи, которые могут не подкрепляться ни интеллектуальной базой, ни отточенным мастерством создателя произведения искусства. Стать музыкантом, художником, скульптором, креативным директором может каждый, вне зависимости и от опыта, и от уровня мастерства, если идеи свежие, концептуальные, взрывающие обстановку. Знания об истории искусств больше не требуются. Проводить исследования, сравнивать себя с предшественниками – только хуже. Новые популярные мастера часто оказываются абсолютно безграмотными в вопросах искусства.

Французские просветители отмечали, что в опыте мы имеем дело только со случайными и единичными фактами. Но познание не может основываться на единичных фактах, это делает его процесс подобным гаданию. Поэтому, помимо опыта, должны учитываться и всеобщие принципы познания.

Согласно Канту, мыслить – значит не преклоняться перед многообразным содержанием представлений, а судить его по всей строгости законов, устанавливаемых самим мышлением. Поэтому суждение является основным способом деятельности рассудка. Именно суждение помогает сопоставить субъективный единичный опыт с общими принципами познания. Возможно, именно суждений не хватает метамодернистскому искусству? Искусство нашей эпохи могло бы стать лучше, если бы к метамодернистской чувственности добавились бы ремесло, мастерство и интеллектуальная подоплека. Это дало бы возможность современным деятелям искусства прогрессировать, а не только впечатлять. У нас нет недостатка новых идей и свежего взгляда на мир, но новые нестандартные идеи даются легко каждому человеку с подвижной психикой. Но именно профессионализм имеет значение в исполнении этих идей в жизнь. Современным творцам не достает опыта, стойкости, непоколебимости (которой буквально не осталось места в метамодерне), умения сопоставить чувственное и интеллектуальное, строгости форм и четкости посыла. Многие создатели культурных произведений не убеждают, а сбивают с толку. В итоге мы, многократно впечатлившиеся, остаемся с ощущением внутренней пустоты. Нам не достает следования методам и, если старые методы уже устарели и не работают – создания новых. Эстетика не может состоять только из нагромождения привлекающих внимание элементов, это порождает хаос. Мы нуждаемся в качественном интеллектуальном искусстве, эпоха художников, гордящихся тем, что не умеют рисовать, должна закончиться, потому что их стало уж слишком много для одной культурной эпохи. Безусловно, атмосферность современного искусства и его спонтанная энергия, подаренная нам метамодернистами, отчасти именно благодаря их дилетантизму, по-своему интересны. Но ясности и погруженности в процесс все еще не хватает.

Современная культурная парадигма – это бесконечное противостояние системного видения и абстрактного, фундаментализма и субъективизма, относительности оценок и критериев и стремления привести их к общему

знаменателю. Развитие метамодернистского видения мира было бы невозможно без цифровизации и компьютеризации социальной, медийной и экономической сфер. Именно новые цифровые технологии задают векторы развития всех зарождающихся и трансформирующихся в метамодернизме систем, используемых человеком, но в то же время становятся причиной психологической нестабильности и стремительно возрастающих случаев тревожных расстройств у молодых людей, не знающих мир до эпохи цифровизации.

Целью исследования является поиск понимания условий, диктуемых новой цифровой эпохой, через учения представителя классической немецкой философии Иммануила Канта.

Основная часть. Постмодернизм был эпохой, прославляющей абсолютную свободу, спонтанность, потакание собственным желаниям, принцип игрового начала как жизненную философию, отсутствие серьезности. Такие философы минувшей эпохи, как Жорж Батай, Жак Франсуа-Лиотар, Жан Бодрийар и Жак Деррида, отличались критичным восприятием реальности при оценке культуры и общества. Постмодернисты считали объективно существующую реальность иллюзией, истину – необъективной, познание – не изучением мира, а его интерпретацией.

Постмодернисты были похожи на младогегельянцев. Как и постмодернисты, младогегельянцы отличались критичным отношением к социальной повестке, учениями о «закате христианства» как о конце господствующего положения религии в сфере морали. Критика религии призвала заменить или вытеснить христианство.

Иммануил Кант также наносил серьезный удар по религии, при том, что формально он был протестантом, а не атеистом. Кант отрицал церковные обряды и ритуалы и критиковал католическую церковь за торговлю индульгенциями. Также немецкий философ считал, что нельзя обращаться к Богу с позиции слабого инфантильного ребенка, требующего награды за хорошее поведение. Также Кант отмечал, что возможна мораль и без религии, и высоконравственный человек вполне может быть атеистом, если он находит внутри себя не религиозного Бога, а Бога, как доказательство морального долга. Также Кант опровергал существование Бога, доказанное средневековым философом Ансельмом Кентерберийским, согласно которому Бог – это то, без чего нельзя ничего помыслить.

Метамодернизм же стал эпохой постатеистической. Сегодня вопрос религии не считается центральным в мироздании. Человек может быть атеистом, а может исповедовать любую существующую из мировых религий или придумать собственную. Это больше не определяет его как личность и не делает его суждения более или менее актуальными. Метамодернизм с его тенденцией к мультикультурализму сделал отношение к религиозному самоопределению более толерантным и позволил любому из современных творцов или мыслителей обрести абсолютную свободу в вероисповедании.

Повсеместная компьютеризация сделала развитие многих жизнеспособных постмодернистских систем нестабильным, в том числе из-за стремительно меняющихся ценностных ориентиров общества и новых малоэффективных шаблонов поведения, стремительно появляющихся и также стремительно устаревающих в эпоху, склонную к постоянным колебаниям. Тип мышления человека 20-го столетия безнадежно устарел в начале миллениума, когда в каждом доме появились компьютеры. Мы очутились в новом мире, со своими законами, правилами, этикой. Прошлые установки стали невозможными в применении, потому что цифровое пространство диктовало свои законы.

Тем не менее, в новом тысячелетии очень многие специалисты получили возможность для развития с помощью цифровых технологий. Молодые люди с математическим складом ума получили возможность стремительно делать карьеру честным путем благодаря спросу на специалистов it-сферы. Но для тех, кто занимался ручным трудом или работал с документацией, переход в новую культурную эпоху стал тяжелым испытанием. Цифровизация коснулась абсолютно любого рода человеческого труда, и каждому специалисту, чтобы расти профессионально, пришлось принимать новую реальность. Первыми, кому пришлось перестраиваться, еще в начале 2000-х стали работники сектора информационных технологий, журналисты и другие работники масс-медиа, финансисты и страховые агенты [11, с. 240]. Непрерывная потребность в обучении стала тяжелым испытанием для людей старшего поколения, которые сформировали мировоззрение несколько десятилетий назад и считали, что базового академического образования им будет достаточно. Те, кто не сумел перестроиться под новую реальность, были вынуждены довольствоваться скромной заработной платой, а то и вовсе попали под сокращение. Порою это происходило со специалистами, тщательно исполняющими свои прошлые обязанности, имеющими хорошую репутацию и успешную карьеру. Но сама способность учиться, меняться, принимать новое оказалась важнее прошлых заслуг.

Метамодернизм не боготворит человеческую мысль как акт восприятия и осмысления существующей реальности через призму субъективного опыта, он боготворит цифровизацию, которая, с одной стороны, сделала нашу жизнь несравненно проще, а с другой – лишила нас интеллектуального творчества. Мы должны понимать, что новая эпоха еще не имеет четких правил и рамок, с помощью которых мы могли бы отследить какие-либо целостные явления. Цифровизация и компьютеризация всех существующих систем привела к тому, что все существующие направления искусства потеряли четкие границы и возникла культурная эклектика, а любая идеологическая теория потеряла право на господство из-за избытка противоречащей ей информации. Цифровизация сделала личным выбором научные, религиозные и политические убеждения, избавив людей от возможности найти единственную общественно одобряемую модель. У людей со слабой или подвижной психикой такие процессы вызывают

лишь ощущение собственной беспомощности и потерю ориентиров. Для того чтобы противостоять переизбытку противоречащей информации, нужно развивать собственную грамотность и умение пользоваться научными фактами, а не бесцельный и невозможный поиск истины в цифровом пространстве.

Современное цифровое пространство полностью математизировано. Согласно Канту, математика не является формой, встроенной в нашу чувственность, но исследует ее. Математики ничего не могут сказать, прежде чем не сосчитают, измерят, зафиксируют. Канта интересовал тот момент, когда человек, овладевший понятием, наполняет его содержанием, что является творчеством.

Метамодернизм полностью построен на априорных формах чувственности, то есть на знаниях, заранее известных. Данный термин приобрел важное значение благодаря Иммануилу Канту. Именно кантианские идеи привели наших современников к парадигме «мир – комплекс моих ощущений».

Здесь стоит вспомнить пифагорейцев, которые считали, что числа являются началом всякой меры и являются основой законов гармонии. Основатель нумерологии, интерес к которой был возрожден в новом миллениуме, пытался описать с помощью математических выражений путь к всеобщей гармонии.

Глядя на метамодернистский цифровизированный мир, мы видим, что идея найти гармонию мироздания в числах нашла применение на практике и успешно используется. Цифровая трансформация затронула практически все существующие отрасли человеческой жизнедеятельности.

Современное общество находится на средней стадии цифровой трансформации. Пока не существует единой стратегии, применимой к разным отраслям, и поэтому мечты Пифагора о пути к гармонии через числа еще не осуществлены.

Начало метамодернистской эпохи в постсоветском пространстве характеризовалось расцветом тоталитарных сект и обещаниями скорого конца света, но, как мы видим спустя двадцать лет, этого не произошло. Человечество продолжает стремительно развиваться и двигаться вперед. Напротив, мир всё стремительнее движется в будущее. Более того, темпы развития ускоряются с невероятной скоростью в любой социально значимой сфере. Допустим, в сфере получения высшего образования и устройстве вузов, согласно исследованиям профессора Дональда Кларка, за последние десять лет произошло столько же реформ, сколько за предыдущее тысячелетие. Безусловно, основной причиной этого является стремительная цифровизация и развитие it-технологий. Получение образования становится невозможно без цифровых носителей. Технологическая сфера постоянно удивляет новыми разработками – искусственный интеллект, виртуальная реальность, NFT кардинально изменили способы восприятия окружающей действительности у среднестатистического человека. Вместе с техническими науками развивается и психология,

появляются новые подходы в изучении психики человека за счет антропоцентричности новой эпохи (впрочем, данная сфера все еще остается одной из самых малоисследованных). Мультикультурализм, стирание рамок между научными дисциплинами и профессиональной деятельностью, постоянные метаморфозы информационно-образовательной сферы делают познавательный процесс современного человека отличным от опыта предыдущих поколений. Основная причина этих явлений – повсеместная цифровизация. Сегодня для молодого человека не столь важны академические знания, сколько умение приспосабливаться под постоянные изменения современного мира и умение ориентироваться в постоянном потоке информации, не теряя способности концентрироваться на предмете из-за «клипового мышления». В новом цифровом мире учиться предстоит всю жизнь, ведь знания очень быстро устаревают, и без получения новых навыков специалист рискует остаться невостребованным. Обучение, безусловно, стало в цифровой век куда более доступным, чем ранее, в том числе и обучение и вне рамок академического образования. В метамодернизме каждый человек сам ответственен за свой уровень эрудиции, вне зависимости от того, какое образование он получал – доступ к информации есть у каждого. Многие молодые люди, особенно из семей, не имеющих возможность оплатить обучения, ставят под сомнение необходимость получения высшего образования. Это является настоящей проблемой, ведь лишает специалистов нового поколения самого главного – интеллектуальной честности. Безусловно, улавливать тенденции своего времени важно, но для того, чтобы быть по-настоящему хорошим специалистом, который может подтвердить свои суждения не только внутренними наблюдениями, но и доказательной базой, базовое академическое образование необходимо. Это фундаментальный аспект для любой сферы деятельности, включая творческую, ведь имея за плечами багаж, который дают высшие учебные заведения, дает четкое ощущение того, кем вы являетесь на самом деле, чем вы занимаетесь, кто является вашей целевой аудиторией и что является вашей конечной целью.

Метамодернизм – это постоянная ассимиляция, колебание между двумя противоположными полюсами. Цифровизация не могла так усиленно развиваться в эпоху скептического постмодерна с его любовью к интеллектуальной элитарной культуре. Постмодернисты были релятивистами, отрицавшими существование объективной истины и, к сожалению, именно поэтому не могли дать объяснение происходящим изменениям. Метамодернисты же верили в объективную истину, но неизбежно преломляющуюся через субъективное восприятие. Тем не менее исследователи эпохи метамодернизма все еще не выработали единой слаженной системы, по которой мы могли бы определять все особенности новой культурной эпохи. Философ Гернот Бемэ полагает, что основная черта метамодернизма – концентрация на атмосфере, настроении, витающем в воздухе [12, с. 204]. Метамодернизм ставит личные ощущения гораздо выше объективно

существующей реальности. Вы можете придумать альтернативное, интимно-личностное мироощущение, и более того, за счет того, что мир стал «глобальной деревней», неизбежно найдете единомышленников. Новая чувственность – сложная, без каких-либо условных определений, зависящая непосредственно от понимания реципиента. Возможность коммуникации между разными континентами дала возможность ориентироваться не только на мнение жителей своего города, а искать тех, кто понимает мир так же, на любом континенте. Метамодернизм принял «белых ворон», позволил всем людям, не вписывающимся в традиционное общество, избежать социальной изоляции. Люди перестали ориентироваться только на свой круг общения, или тех, кто по случайности оказались с ними на одном рабочем месте или в одном учебном заведении. Изначально те, кто раньше отвергались обществом, обрели социальный круг благодаря Интернету, а потом – стали инфлюенсерами, диктующими общественные настроения.

Родоначальники метамодернизма Тимотеус Вермулен и Роберт Ван ден Аккер определяли новую культурную парадигму как «качели, движущиеся то назад, то вперед», и поиск компромисса между модерном и постмодерном. От модернизма метамодернизму достался энтузиазм, оптимизм, вера в светлое будущее, наивное простодушие, эмпатия, от постмодернизма – ирония, меланхоличность, осознанность, расщепление и неоднозначность [13, с. 113]. Именно такая неопределенная культурная парадигма и нужна была человечеству, чтобы предоставить благодатную почву для нового цифровизированного мира. Развитие цифровых технологий, вопреки опасениям, не сбавило интерес к гуманитарным наукам, а напротив, дало толчок к развитию социологии и психологии. Данные отрасли науки также приняли метамодернистское колебание между противоположностями – здесь и интерес к гуманизму XIX вв., и использование компьютерных технологий, и возникновение противоречащих друг другу подходов, таких, например, как гештальт-терапия и РЭПТ [12, с. 29]. Гештальт-терапия основывается на идее, что работать надо с целостным образом, картинкой, возникающей в голове у человека, его восприятием. Такие направления психотерапии, как КПТ и РЭПТ утверждают, что любые эмоции возникают от мыслей, сформировавшихся когнитивных установок, и именно с сознательной частью человека нужно работать. Кабинеты психотерапевтов – это, пожалуй, единственное место в современном мире, где все еще актуален вопрос идеализма и материализма. Определять, что первично – сознание или бытие стоит только в том случае, если вы обдумываете, как решить собственные чувственные или когнитивные проблемы.

Сам человек в эпоху цифровизации тоже стал другим. Изменилось восприятие, интеллектуальная деятельность, психологическая устойчивость, поведенческие характеристики. У современников эпохи метмодернизма свое восприятие настоящего – как некоего «перевалочного пункта» между прошлым и будущим. Метамодернисты постоянно ностальгируют, но в то же время

охотно впускают изменения в свою жизнь. Больше не нужно выбирать, реформатор ты или ретроград – эпоха позволяет сочетать обе эти крайности. Среднестатистический метамодернист – человек психически неустойчивый, эмоционально нестабильный, решительно меняющий сферы деятельности, сверхчувствительное существо, обращающее внимание и на общественные настроения, и на собственный внутренний мир, и пытающийся найти компромисс между внешним и внутренним [4, с. 159]. Главные качества, необходимые в новой эпохе – способность меняться самому и менять мир вокруг себя.

Популярные и широкоиспользуемые сегодня формы мышления являются кризисными. Субъективизм говорит о том, что у нас нет идеологической опоры, которую мог бы применить любой человек в любой сфере деятельности и получить верный (или хотя бы общественноодобряемый) результат. Релятивизм указывает на то, что современные философы и деятели искусств даже не стремятся найти эту истину, чтобы упростить жизнь тем, у кого нет достаточной базы знаний и стойких убеждений. Скептицизм обнажает общее недоверие к миру в целом, и неумение принимать какие-либо постулаты без внутренней «проверки» и попытки найти логические ошибки. Метамодернистам категорически не достаёт уверенности, ведь когда люди уверены – они стоят на своем, доказывают, приводят аргументы и полностью лишены колебаний.

Именно поэтому среди молодых людей возрос интерес к коучингу, наставничеству, самосовершенствованию. На просторах сети Интернет ежедневно появляются тысячи новых «коучей», обещающих людям, что они помогут выйти им на новый уровень дохода или внутреннего состояния. Как и при постмодерне, сохраняется интерес к измененным состояниям сознания – но способы достижения этого абсолютно другие. На смену запрещенным веществам пришли холотропное дыхание, медитации и другие духовные практики.

Причина, по которой метамодернисты учатся больше и легче, проста – они гораздо более охотно признают свое незнание, а следовательно, быстрее понимают суть и активней пробуют разные модели поведения [5, с. 122]. Самыми важными качествами при обучении новому являются смелость совершать ошибки и делать неправильные выводы. Незнание обучает, оно дает стимул разбираться, а не откупаться заученными шаблонами. Более того, незнание не отрицает творческого подхода, живой смекалки, эмпатии, развитых навыков критического мышления, самоконтроля, умения работать в команде, способности мгновенно принимать решения. Именно эти качества сегодня преимущественно требуются от молодых специалистов. Представители новых поколений, ориентирующиеся в цифровом пространстве с раннего детства, стремятся развивать в себе вышеперечисленный набор качеств, порой отказываясь от традиционного академического образования. Даже те молодые люди, которые выбрали профессии совершенно не связанные с

интеллектуальным трудом, хорошо понимают важность равенства в обществе и этико-правовые нормы.

Чему нас научила цифровизация метамодернизма? Уметь оставаться отстраненным и одновременно заинтересованным, не верить в существующую объективную истину, соотносить любую информацию, полученную в социальных сетях, со своим внутренним цензором, изучать ценности предыдущих поколений и историческое наследие, верить в по-настоящему светлое будущее. Учитывая эти факторы, мы с уверенностью можем сказать, что в нынешних условиях обучающие программы должны строиться на совершенно других условиях – в том числе, учитывая все возможности цифровых устройств и грамотно их используя.

Известный философ из Великобритании Алан Кирби ввел устойчивый термин «цифромодернизм» для описания процессов, происходящих в нашем культурно-образовательном пространстве [6, с.190]. На разных уровнях – от опросов в социальных сетях до докладов на международных научных конференциях, мы постоянно слышим о необходимости сделать образовательную систему более гибкой и учитывающей все технологические новшества последних лет. Также, хотелось бы отметить то, что учитывая доступ к неисчерпаемому количеству информации, ответственность за результаты обучения гораздо больше зависит от самого учащегося, чем когда-либо ранее. Учитывая устоявшиеся характеристики метамодерна (а именно стремительную изменчивость, вариативность, неоднородность и отсутствие объективной истины), образовательная система должна нацелиться на то, чтобы учить приспосабливаться и разрабатывать собственный план действий, а не бездумно заучивать регулярно устаревающие правила. Метамодернизм учит нас разрабатывать собственный план при отсутствии каких-либо четких устоявшихся правил, потому что в цифровом мире можно найти информацию, подтверждающую буквально любую точку зрения [7, с. 100]. Также выходит на первый план развитие не эрудированности, а личностных качеств, способствующих быстрой адаптации и умению ориентироваться в информационном потоке. Учитывая вышесказанные факторы, мы можем подвести итог, что существующая в эпоху метамодерна система требует от общества следующих критериев: связь между высшими учебными заведениями и непосредственно рынком труда, постоянный мониторинг требований потенциальных работодателей, социализация среди представителей разных групп общества, развитие креатива и творческого мышления, непрерывное обучение, развитые навыки коммуникации, умение меняться и подстраиваться под обстоятельства, навыки самообучения после получения высшего образования. Личностный рост, ставший базовым понятием в эпоху метамодернизма, невозможен без существенного багажа знаний, хорошей обучаемости, возможности учиться в течение долгого времени. В эпоху цифровизации к нам пришло новое понимание того, что такое человек образованный. Гаджеты, которые двадцать лет назад ругали за примитивные

игры и обвиняли в повсеместной деградации, стали неотъемлемым элементом учебного процесса. Мы черпаем информацию из групп в социальных сетях, можем обучаться в дороге благодаря мобильным устройствам, получаем доступы к электронным библиотекам, проводим конференции в ZOOM – процессы обучения в метмодернизме совершенно не похожи на те, которые предлагал нам постмодернизм. Приобрело новый смысл и само понятие образованности и личностного развития. Сегодня недостаточно просто выучить какую-либо информацию для того, чтобы стать специалистом в своей сфере – просто потому, что сделать это может кто угодно. Информация как таковая потеряла свою ценность из-за всеобщей доступности.

Возникает закономерный вопрос – какие возникли новые, активно используемые в практическом смысле, экспертные оценки для определения человека знающего и образованного? Ведь с каждым новым годом промежутки между получением знания и временем, когда оно становится устаревшим, становится все меньше и меньше. Поэтому одно лишь изучение какой-либо научной литературы не может быть объективным критерием, по которому мы определяем человека образованного. Более того, обучаться возможно и не только по авторам, которые имеют признание в научной среде – неоднозначность таких знаний не отменяет того, что они могут успешно использоваться на практике. Важен непосредственно процесс познания, стремление дойти до истины самому, а не поиск готовых ответов и заучивание информации. И, как бы не было эффективно самообразование благодаря цифровым устройствам, образование академическое дает возможность наработать коммуникативные навыки, что порою является важнее, чем непосредственно знания.

По Маршаллу Маклюэну, тип общественного устройства определяется доминирующим в нем типом коммуникации, а человеческое восприятие – скоростью получения информации [8, с. 154]. При метамодерне мы получили возможность жить в интернет-вселенной, и тип коммуникации принципиально изменился благодаря цифровизации и всеобщего доступа к информации. Интернет-общение больше не воспринимается, как искусственное – оно так же влияет на все сферы нашей жизнедеятельности, как и живое. Фактически мы получили возможность находить единомышленников в любом уголке земного шара, и неприятие своей социальной группой в родном городе больше не является тяжелым испытанием.

Метамодерн предполагает возможность найти конкретную цель, находящуюся вне существующих общественных рамок, научных трудов и религиозных писаний, принять условия ее достижения за аксиому и двигаться к ней в одиночку, не опираясь на какие-либо догмы. Эпоха цифровизации возвела в культ индивидуализм, сделала его главным критерием интеллигенции и принципом восприятия информации через призму своего чувственного опыта, без отсылок к какой-либо объективной истине.

Философия сегодня представляет собой не науку, не свод определенных знаний о мире, а ряд разрозненных дисциплин, каждая из которых занимается изучением определенного предмета. Гегель, идеи которого были столь актуальны в постмодерне, сформировал целостное восприятие мира. Сейчас вновь приобретают актуальность учения Канта, и именно этот классик философии был наиболее близок к метамодернистскому идеалистическому восприятию мира.

Несмотря на то, что цифровизацию принято ругать, именно она помогла мировой культуре выйти из постмодернистского тупика. Именно непрекращающиеся потоки информации были необходимы нам, чтобы научиться находить истину где-то посередине. Бесконечное стремление к балансу и невозможность его достичь как часть непостоянной природы человеческого сознания нашло отображение, пожалуй, во всех видах искусства нового тысячелетия. Отсутствие категоричности, так как любая данная характеристика очень быстро устаревает, особенно актуально для цифровой эпохи с ее динамично сменяющимися друг друга трендами. Как нам известно, метамодерн лишает нас устойчивых правил, давая возможность создавать их самим.

Почему переход от постмодернизма к метамодернизму схож с переходом от гегельянства к кантианству?

Кант представил новый взгляд на понимание искусства. Семиотика исследовалась им еще до написания «Критики чистого разума». В "Исследовании о степени ясности принципов естественной теологии и морали" (1764) Кант говорит о существовании знаков «конкретных» и знаков «абстрактных».

«Конкретные знаки» используются в точных науках. В математике используют формулы, состоящие из «конкретных» знаков, которые всегда имеют одно и то же значения и не зависят от контекста. «Абстрактные» знаки свойственны философии. Этими «абстрактными знаками» являются слова, являющиеся обозначением тех или иных философских категорий. [1, с.256]

Значение и смысл знаков рассматривается Кантом в "Антропологии с прагматической точки зрения" (1798). Кант считает, что существуют два вида познания: дискурсивное (через понятия) и интуитивное (через созерцание). Знаки, по Канту – это символы, с помощью которых осуществляется дискурсивное понятие. Знаки являются сопровождением понятия. Знаки бывают произвольными, естественными и знаменаниями.

Кант разделял виды искусства на отдельные группы. Живопись и музыка – это искусства чувственного созерцания, воплощать которые помогают «конкретные» знаки интуитивного познания. Кант полагал, что музыкальное произведение невозможно понять через дискурс. Дискурсивный способ познания по Канту нужен для восприятия литературы и поэзии. Поэзия создается при помощи слов, являющихся «произвольными знаками». Немецкий философ считал, что символы имеют важное значение. Кант писал, что

«символическое есть только вид интуитивного» [9, с. 132] и символическое познание следует противопоставлять не интуитивному (через чувственное созерцание), а дискурсивному, интеллектуальному (через понятия) [11, с. 32].

Кант считает, что единственным доказательством реальности является созерцание. Он писал, что познание невозможно без акта созерцания [10, с. 46]. Когда к дискурсивному (с помощью понятий) познанию добавляется акт созерцания, он выполняет функцию примера. Дискурсивное познание должно сопровождаться примером. Новые понятия конструируются благодаря изображениям или схемам. Это видение стало вновь актуальным в цифровую эпоху. Созерцание стало основополагающей доминантой в эпоху метмодернизма. Современное мышление – эстетическое, основанное исключительно на чувственном восприятии и отрицающее рационализацию. Основы сегодняшней культурной парадигмы, безусловно, можно найти в учении Канта, который отмечал важность акта созерцания в процессе познания. Однако в культуре и философии нового тысячелетия данное суждение было гиперболизировано и возведено в абсолют, как и многие другие идеи немецкого классика. Отчасти мы можем отметить, что суть метамодернистских эстетических идей состоит в гиперболизации отдельных положений классического идеализма.

Созерцание является одной из допытных форм познания. Как уже было сказано выше, одной из основных проблем метамодернизма является то, что опыт полностью обесценивается. Ему отводится куда меньше пространства в современной культуре и философии, чем идеям и новаторскому видению. Познание через опыт стало чем-то примитивным, ненужным, скучным, мешающим метамодернистскому пониманию познания. Куда важнее – концептуальность, смысл, высшая идея, которой служит произведение искусства.

Высокое искусство у Канта должно служить идеям разума, главным образом – торжеству нравственного добра. Идеи разума не могут изображаться с помощью изображений или схем. Они могут быть изображены лишь с помощью символов. Кант понимает символизм как интуитивное познание. Интуицию Кант понимал как чувственное созерцание. Поэтому нет никакого противоречия в том, что Кант характеризовал символы как средство рассудка.

Гениальный творец, согласно Канту, способен найти эстетическую идею для воплощения какого-либо понятия. Найти выражение для эстетической идеи – главный критерий гениальности.

Кант считал, что красота – это выражение эстетической идеи. Выходит, что символ – это выражение эстетической идеи, он и есть красота. Красота в искусстве может выражаться даже в поэзии через фантазию читающего.

Именно благодаря Канту «символизм» обрел значимость в эстетике. Кант полагал, что влияние языка на эстетику велико, благодаря возможности коммуникативного познания. Немецкий мыслитель связывает возможность коммуникативного познания с ее свойством «соответствия с объектом».

Объективное условие познания, по мнению Канта – всеобщая сообщаемость, которая, как отмечено выше, в метмодернистскую эпоху стала обязательным условием. Однако он считал, что для познания необходима еще и всеобщая сообщаемость душевного состояния. Эта возможность может быть определена только чувством, а не познанием. Это условие Кант считает необходимым для любого познания, в том числе и познания произведений искусства. Здесь нельзя не отметить сходства с принципом метамодернизма – восприятием любого произведения искусства через призму своего чувственного опыта.

Кант считал, что коммуникация в искусстве происходит благодаря общему чувству без рационального познания. Это чувство – пронстекающее из рефлексии удовольствия. Эту способность суждения Кант называет *sensus communis aestheticus*.

Красота необходима искусству для возможности делиться этим искусством. Чувство удовольствия – средство, служащее идее. Символ в искусстве – это форма, коммуницирующая «общее чувство» эстетического удовольствия. Согласно Канту, интерес к прекрасному является чертой любого человека, и эту черту необходимо использовать во благо. Эстетическое удовольствие становится интересно людям благодаря всеобщей сообщаемости.

Любой вид искусства (особенно танцы) является способом взаимодействия между людьми.

На основе коммуникативного подхода Кант классифицирует виды искусств. Изящные искусства служат для воплощения эстетических идей.

Кант делит изящные искусства на три вида: словесное, изобразительное и искусство игры ощущений. Поэзия выражает эстетическую идею дискурсивным способом, используя знаки-слова.

Изобразительные искусства эстетическую идею высказывают через возможность чувственного созерцания. Это искусство можно сравнить с мимикой, которая может говорить сама за себя, без всяких слов.

Искусство игры ощущений – это музыка. Музыка может выражать эстетическую идею только лишь через ощущения. Эстетическая идея выражается через мелодию.

Именно кантовская идея «всеобщей сообщаемости» в искусстве получила свое продолжение в учении о коммуникативной сущности искусства, именно она была родоначальником такого явления, как «эстетические коммуникации». А. Ричардс после работ Канта написал, что «искусства - это «высшие формы коммуникативной деятельности». Ричардс создал новый подход использования коммуникаций, в котором рассматривал эмотивное использование языка, свойственное искусству.

Кант был первым, кто детально изучил коммуникативные проблемы эстетики. Его взгляды оказали огромное влияние на развитие теории искусств в 20-м веке.

Кант был одним из первопроходцев такого направления, как «философская эстетика», где пониманию прекрасного давалась философское обоснование. Эстетическая идея по Канту – это «необъяснимое представление воображения».

Что касается эстетических коммуникаций, Кант полагал, что ни один язык не может найти определение какой-либо эстетической идеи, сделать ее доступной для понимания большинства. И вновь мы видим возобновление актуальности его идей. Эстетическая коммуникация по Канту отличается вариативностью возможных пониманий эстетической идеи. Эстетическая идея, по словам Канта, «открывает виды на необозримое поле родственных представлений», «возбуждает массу невыразимых словами ощущений и побочных представлений», вследствие чего дух оказывается связанным с языком «как одной лишь буквой».

Коммуникация в искусстве осуществляется благодаря общему чувству эстетической удовлетворенности. Это общее чувство - условие значимости эстетического вкуса, а значит, и его общепонятности. В метмодернизме, когда массовое искусство победило элитарное, этот принцип кантианства использовать гораздо легче, чем когда-либо.

Кант считал, что только символическая форма может быть общим правилом для возникновения чувства удовольствия. Немецкий философ видит основу для коммуникации эстетического чувства в искусстве с помощью красивой формы.

Решение Канта коммуникативных проблем искусства – это симбиоз субъективизма с тенденциями объективно-идеалистического и отчасти эмпирического, натуралистического характера. Так или иначе, на сегодняшний день все философы, изучающие эстетические коммуникации, опираются на подход Канта в изучении этого вопроса. Лангер отмечала влияние теорий Канта в ее работе о развитии ее семантической концепции искусства.

Чем ближе подходить к проблеме искусства, тем яснее проявляется этот парадокс. Наши ощущения, чувства и суждения называются эстетическими, потому что они имеют отношение к опыту. Никто на свете не может судить о красоте предмета, которого он никогда не видел, о котором даже не слышал. Научные, а также практические суждения возможно и можно получить «из вторых рук». Скажем, можно принять чье-либо авторитетное суждение о проблемах физики, к примеру, об использовании магнитных полей. Но как возможно принять пусть и авторитетное суждение о достоинствах картин Леонардо или музыки Моцарта, если их видел и не слышал. Следовательно, в эстетическом суждении не может быть ни правил, ни принципов. «Под принципом вкуса надо понимать основоположение, под условие которого можно подвести понятие предмета и затем посредством умозаключения вывести, что предмет прекрасен. Но это совершенно невозможно. Ибо удовольствие человек должен получить непосредственно от представления о предмете и вынудить у него это удовольствие посредством доказательств,

будет пустой болтовнёй» [14, с. 112]. Представляется, что право на эстетическое суждение даёт нам только опыт, а не умозаключение, так что всё, что отличается от чувственного восприятия предмета, вносит отличие и в его эстетическую значимость (поэтому, например, непередаваемы ощущения от поэзии). Кант утверждает, что эстетическое суждение свободно от понятий, и красота не является понятием.

В современном мире кантианство как никогда востребовано, потому что именно Кант обозначил мир как поиск субъективных ощущений, и в кризисное становление метамодернизма данная парадигма стала наиболее применимой к современным реалиям. Гегельянство, где в самопознании нет ничего внешнего и существует тотальная истина, выражаемая идеей, не соответствует духу времени.

Выводы. Цифровизация имеет весомое значение в формировании и понимании существующей культурной парадигмы, так как интегративность стала одним из главных принципов современной культуры. В эпоху метамодерна огромную роль в понимании истины играет сотворчество между автором и рецепиентом. Благодаря социальным сетям искусство можно комментировать, и критика является не менее творческим процессом, чем создание самого произведения. Марксизм, где общественная жизнь трактуется как практическая, не учитывает безудержную тягу к духовному просветлению метамодернистов. Религиозная философия обобщает и не учитывает перенасыщенность информацией современного человека, который каждый день находит для себя новые постулаты, которые считает правильными.

Несмотря на бесперывное взаимодействие, общие методы познания в метамодернизме отошли на второй план. Объективная истина неизбежно становится субъективной, преломляясь через индивидуальность воспринимающего и его призму жизненного и эстетического опыта.

Подводя итоги, мы можем сказать, что изучение метамодернизма стоит начинать именно с изучения позиции Канта относительно искусства, так как истоки существующих в новом миллениуме идей мы можем увидеть именно в его учении.

Л и т е р а т у р а

1. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
2. Воскобойников А.Э., Рашидова Т.Р. Понятие «одинокость» сквозь призму философских категорий // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. – С. 201-206.
3. Гайденко П.П. Человек и история в свете «философии коммуникации» К. Ясперса// Человек и его бытие как проблема современной науки. – М.: Прогресс, 1978. – 190 с.
4. Ждан А.Н. История психологии от античности до наших дней. – М.: Академический проспект, 1990. – 367 с.

5. Климов А.Г. Коммуникация межкультурная // Социокультурная антропология: история, теория, методология / Под ред. Ю.М. Резника. – М.: Академический проект, 2012. – 1000 с.

6. Кон И. С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. – 367 с.

7. Лешкевич Т.Г. Способствует ли модернизации глобализация? / Т.Г.Лешкевич. // сб: Проблемы российской модернизации. Сер. «Вестник РМИОН». – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 73-82.

8. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. / М.Маклюэн. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. – 464 с.

9. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. / Н.Б. Маньковская. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.

10. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. / Б.Рассел. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.

11. Сэдживик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX в. / М.Сэдживик. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 536 с.

12. Чашин В.П. Явится ли постмодернизм парадигмой научной концепции человека и общества? / В.П. Чашин. // Новые идеи в философии. – 1998. - №7. – С. 203-206.

13. Штомпель Л.А. Креативность культуры: время и вневременность. / Л.А.Штомпель. // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – №4(17). – С. 107-113.

14. Эко У. Открытое произведение. / У. Эко. – М.: Академический проект, 2004. – 122 с.

Svidovskova M.L. REASONS FOR THE POPULARITY OF KANT'S IDEAS IN THE ERA OF DIGITALIZATION AND METMODERNISM

The article discusses the problems of digitalization in a new cultural era, and the reasons why Kant's teaching has again become relevant in the metamodern world. The reasons why postmodernism was similar to Hegelianism are indicated, and the transition to a new philosophical paradigm and "network culture" made the understanding of art and society close to Kantian. It also describes the problems of perception of works by an average modern person and suggests possible methods for finding new approaches to understanding culture.

Key words: *metamodernism, digitalization, Kantianism, problems of perception.*

Свидовскова Мария Леонардовна – аспирантка кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Svidovskova Maria Leonarodovna – postgraduate student of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: svidovskova@yandex.ru

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ ПАТРИОТИЗМА

Рассматривается патриотизм как качество личности в условиях глобального переустройства, скорее крушения, однополярного мира и духовного возрождения России. Показано значение патриотизма для сохранения истинных ценностей человечества в противовес новым ценностям Западного мира, а также противопоставление патриотизма как явления космополитизму, с одной стороны, и крайним проявлениям национализма с другой.

Ключевые слова: патриотизм, космополитизм, глобализм, ментальность, самосознание, Русский мир.

*Идея родины предполагает
живое начало духовности.*

Родина есть нечто от духа и для духа.

И.А. Ильин

Работайте, братья...

Магомед Нурбагандов

Введение. Актуальность темы именно в данный исторический момент обусловлена происходящим на наших глазах крушением старого мира, пытающегося навязать диктат своих представлений о ценностях человечества, с одной стороны, и небывалым подъемом самоосознания и возрождения Русского мира с другой.

Цель исследования – проанализировать нравственный смысл понятия «патриотизм» в условиях возрождения самосознания Русского мира.

Основная часть. Патриотическое самосознание на протяжении последнего полувека претерпело ряд изменений, иногда взрывного характера, в разных частях земного шара. Особенно сильно трансформация этого понятия получила развитие на территории нашей страны. Воспитанные на наследии памяти Великой Победы, на примерах подвигов предков, получив правильное, с партийной точки зрения, представление о Родине, «будущие строители коммунизма» допустили непростительную оплошность, превратив патриотизм из сути в форму, в обездушенную обязаловку, выхолостив из понятия Любовь самого Бога, выбив нравственную основу из-под ног в угоду профанации понятия Родины. Это привело к катастрофе уже в конце 80-х годов, произошедшей при активном внешнем вмешательстве. Вместо опостылевшего, бездушно навязываемого, потерявшего сакральную наполненность понятия Родины бывшие граждане СССР с восторгом (к сожалению) приняли идеи

«человека Мира», «открытого пространства», «Мира без границ». Концепция глобализации, искусно драпируясь в заботу о человеке, без проблем заполнила идеологический вакуум после распада СССР. Гернот Эрлер, немецкий политик, в книге «Global Monopoly» в открытую заявлял: «Закат СССР был эпохальным событием. После крушения Восточного Рима отсутствует духовно-политическая альтернатива. Под лозунгом «глобализации» ничем не скованный капитализм аранжирует знамения времени» [1]. Кстати, с 2014 по 2017 год Эрлер занимал должность координатора правительства Германии по межобщественному сотрудничеству с Россией, Центральной Азией и странами Восточного партнерства в Федеральном министерстве иностранных дел, а с 2015 по 2016 год занимал должность спецпредставителя Германии в период председательства страны в печально известной жителям Донбасса ОБСЕ. Прошлогодние публичные «откровения» Джорджа Сороса тоже потрясают неприкрытыми признаниями участия в распаде СССР и попытке повторить то же самое в России. Сорос: «Мой первый проект... хотя первый был в ЮАР... но затем Восточная Европа и СССР. Когда советская империя распалась, я туда пришёл и подобрал осколки. В Венгрии в 1984, в Польше и Китае в 1987. Так на смену советской пришла империя Сороса». На вопрос ведущего о планах, Сорос, не стесняясь, заявил: «Сейчас я активнее всего в России. Повторяем то, что было во время распада СССР. Но, увы, есть разница. Тогда Союз издыхал, а Европа переживала подъем и расцвет. Сейчас наоборот – Россия возвращается, а Евросоюз падает. Печальная ситуация» [7]. Мировая акула Сорос сломал зубы об Россию...

Процесс глобализации предполагает «окосмоличивание» – обезличивание культуры и национальной идеологии стран, схлестываясь в ментальной борьбе с патриотизмом. Глобализация в итоговом варианте уничтожает национальное государство, а космополитизм превращается из идеи любви ко всему человечеству в десакрализацию духа.

Как идеология мирового гражданства космополитизм имеет давнюю историю. Например, в философии стоицизма все люди являются гражданами единого мирового государства Космополиса. В эпохи Возрождения и Просвещения мечта о гражданине Мира была обусловлена необходимостью преодоления феодальной раздробленности (Данте, Кампанелла, Гете, Шиллер, Кант, Фихте). Космополитизм в понятии «мирового гражданства» циркулировал в цивилизации, в основном западной, более двух тысячелетий, получив новое звучание с начала XX века. Изначально он нес идею объединения во благо, но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад. Взятая на вооружение мировым капиталом в его наилучшем проявлении идея объединения обрела окрас отказа от самоидентичности культурного наследия народов, обезличивания самобытности и открытой конфронтации с патриотизмом. При этом «просвещеннейшая Европа» и «величественные Соединенные Штаты» и не думают вливаться в эту вакханалию с обезличиванием, а, наоборот, стремятся восславить свои страны

и посеять гордость в гражданах своих стран за принадлежность к избранным. Такое же странное исключение они делают и для Украины, всячески поддерживая и культивируя ее националистический дух, стремясь еще более оторвать эту часть Русского мира от истоков. Искусственная космополитизация России и в то же время сепаратистская националистическая деятельность в оторванных от России странах бывшего СССР – звенья одной цепи, преследующие своей целью уничтожение России, в которой десакрализованный Запад видит угрозу своему существованию.

Таким образом, подъем патриотизма России становится для Запада угрозой, которую они пытаются нейтрализовать расшатыванием российского общества в сторону отказа от национального самосознания в угоду возвеличивания безродных космополитов. Одновременно другим вектором прилагаемых ими усилий является предельная национализация вплоть до фашизма бывших осколков Российской Империи. Присутствие России в мировом социуме в качестве высокодуховного центра многополярного мира никак не вписывается в планы золотого миллиарда.

Попытка десакрализации России как главного компонента ее уничтожения проникает во все сферы жизни. Идеология глобализма предлагает русскому человеку отказаться от свойственной ему во все времена тяги к нравственному совершенствованию в угоду сугубо гедонистическим устремлениям. Духовной жизни приходится конкурировать с понятием «качества жизни». Русскому человеку пытаются внедрить в сознание формулу «где хлеб с маслом, там и родина». Собственно, так называемая «утечка мозгов» – результат этой уничтожительной работы. Многие люди после развала Союза испытали мировоззренческий шок, чем умело воспользовались архитекторы этого бедлама. Оголтелое подавление стремления русского этноса к национальному возрождению является лишним доказательством того, что именно этот стержень является главной опорой Русского мира. Еще в 1998 году Солженицын в своем эссе «Россия в обвале» писал, что попытки депатриотизации России зашли настолько далеко, что «... всякое проявление русского национального самосознания – резко осуждается и даже поспешно primeжуется к „фашизму“, которого, по глубокому убеждению А. Солженицына, «... в России не бывало никогда и который вообще невозможен без расовой основы, однорасового государства» [6, с. 24]. В лихорадочной разрушительной горячке 90-х об этом даже не думали, зато наблюдатели со стороны это заметили еще тогда.

Кем бы мы ни стали в жизни, куда бы ни занесла нас судьба, какими бы райскими южными берегами не пленялось наше сердце в мечтах и путешествиях, самые яркие и тёплые воспоминания – о родных местах. Мы видим их в цветных снах, таких солнечных, живых, что дух захватывает от нахлынувшей нежности, и сердце щемит какой-то особой тонкой ласковой ноткой невыразимой и благодарной любви. Эта благотворная привязанность к местам, где родился и провёл детство, служит некой духовной точкой опоры

для нас. Воспоминания настигают нас тем интенсивнее, чем больше на нас наваливается проблем. Своего рода отдушина и услада для истрадавшегося мятущегося маленького ребёнка внутри нас. Как назвать это чувство? Патриотизмом не назовешь, слишком громко... скорее любовь к малой родине.

А есть Родина с большой буквы. Это не просто страна, это некое пространство. Причём под пространством понимается не просто земля, территория с обозначенными границами, а пространство духовное. Здесь и прошлое, и будущее твоего народа (твоего этноса), и сам народ, язык, литература, культура, природа, и сам дух народа, то, что называется «менталитетом». Органичная мозаика из миллионов малых родин. Русский писатель И.С. Шмелёв говорил: «Чувство Родины узко, мелко, своё у каждого. Но из этих мельчайших нитей скручена великая пуповина: она вяжет народ в одно» [9].

Термин «патриотизм» восходит к греческому *patriotes* – «род, соотечественник», *patris* – «отечество» и означает преданность своему роду, Родине, Отечеству. Патриотизм неразрывно связан с духовным понятием «любовь», любовь к родному краю, к людям, которые в нём живут. Любовь несёт в себе созидание, а ненависть – разрушение. Может ли патриотизм быть токсичным? Где грань между желанием счастья своей стране и обретением процветания любой ценой? Где грань между патриотизмом и национализмом? Мерилом истинности и чистоты патриотизма служат нравственные нормы, фундаментальные устои общества. Патриотизм – духовно-нравственный феномен, неразрывно связанный с сакральным чудом, именуемым душой народа. Куда может завести жажда счастья для этноса, опирающаяся на идеологические моралезаменители, внедрённые усилиями диктаторов или группы манипуляторов общественным сознанием, мы видим на примере фашистской Германии...и на примере современной Украины. Утратив моральный стержень, этот псевдопатриотизм превращается в жёсткую машину, решающую личные проблемы своих правителей любыми методами, даже ценой гибели этноса.

Осознание, понимание духовно-нравственной сущности истинного патриотизма, неразрывная цепочка дух-личность-народ жизненно важна для самого существования страны. Служение Отечеству – составная часть ни много ни мало Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [4].

Президент России В.В. Путин считает: «В современной России не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Это и есть национальная идея» [5].

Именно поэтому эта нравственная категория атакуется недоброжелателями России. Они выбирают жертвы среди молодёжи, среди умов, «ни в чем не твёрдых». И вот уже появляется некий собирательный образ «Коли из Уренгоя», пытающийся представить патриотизм не имеющим нравственного окраса. Что-то типа «фашисты тоже были патриотами» и русскому народу надо чуть ли не покаяться за то, что оказали столь яростное

сопротивление, убив много немцев. Попытка смешать и уравнивать чёрное и белое в неопределённом сером месиве «все хороши» может привести (и приводит!) к трагическому обесцениванию в неокрепших умах подвига советского народа. Нравственная значимость героизма и самопожертвования ставятся под сомнение. Некоторые скептически отзываясь о политических причинах массового героизма, имея в виду страх перед репрессиями и фанатичную преданность коммунистической идее.

Вбрасываются идеи о вредности патриотизма. Призывается на помощь избитая цитата Оскара Уайльда «Патриотизм – религия бешеных», совершенно упуская из виду, в каком контексте и когда это было сказано. Если разобраться в истории этой фразы, вырисовывается некая неприятная для Уайльда истина... Без уточнений скажем, что данный «афоризм» никак не может служить оправданием для «неокосмополитизма», а попросту для равнодушия к судьбам страны.

Не будем здесь анализировать и цитаты Л.Н. Толстого, столь любимые «хатаскрайниками», где он говорит о патриотизме как о чувстве вредном, неестественном, неразумном [8]. Не надо вырывать фразы из контекста и трактовать так, как удобно для оправдания собственного равнодушия и иногда трусости. Хотите знать, как Толстой относился к Родине? Перечитайте «Войну и мир».

Патриотический дух в русском человеке неистребим. Русский народ способен на невероятные победы и возрождение из пепла (куда там Фениксу). Источник этой мощи – именно любовь к Отечеству. Она подобна могучему дереву, растущему прямо из сердца каждого из нас. Первые ростки этого дерева проявляются уже в детстве по отношению к нашей «малой родине», частью которой является семья, друзья, общество ближних. Таким образом, являясь каркасом и составной частью нашей духовности, патриотизм вырастает до понятия священного, до духовно-нравственного феномена.

Любовь к Родине – это своего рода взаимопроникновение душ, создающее горячий магматический сплав невиданной силы, это составная часть самой души, даже, пожалуй, её самое главное духовное свойство. Именно любовь к Родине наполняет живой водой душу человека.

У слов «подвиг» и «движение» один и тот же корень. Движение предполагает концентрацию духа в едином сплаве разума, чувств, воли. Движение – векторное понятие, сопряжённое с целевыми вопросами: Как? Куда? Зачем? И главные: ради чего? Во имя чего? И вот попытка ответить для себя на эти вопросы – познание смысла существования. Шкурно-обывательская мысль труса: «Жертвенность глупа и вредна, надо себя беречь». Но... все мы смертны! А вот смысл нашей жизни в том, чтобы оставить потомкам нечто большее, чем ковры и люстры. Можно прожить долгую незаметную бесполезную жизнь, а можно уйти в вечность в памяти благодарных людей, совершив подвиг, уйти в бессмертие. Такая смерть делает человека человеком, превращая биологию в биографию, говорил Мартин Хайдеггер, а вечная жизнь

желающего сладко есть и мягко спать человечка стала бы пошленьким водевилем.

Выводы. Тема Родины, патриотизма, подвига особенно актуальна для нас, жителей Донбасса. Наблюдая за беснующимся Майданом, мы понимали, что есть два пути – смириться с государственным переворотом и принять новую «власть» как должное, склониться перед националистами и продолжать жить дальше как ни в чём не бывало, либо открыто заявить о своём несогласии и противостоять неофашистам. Небывалый патриотический подъём, пробуждение «русского духа», лёгкая эйфория от ожидания глобальных перемен – вот характерные признаки Русской Весны 2014 года. Этот всплеск, родившийся в мятежном Крыму и на Донбассе, как цунами, захлестнул всю Россию и оказался настолько мощным, что навёл ужас на политических врагов и позволил заговорить о перезагрузке российской истории.

Помните предание об Илье Муромце, в одночасье превратившемся из инвалида в богатыря?

В час беды наблюдается резкий подъем патриотизма, всплеск пассионарности по Гумилёву, и вчерашние обыватели становятся героями. Этот всплеск можно увидеть не только в общем настрое этноса, но и в рождении удивительно сильных произведений живописи, литературы, театра, кинематографа. Приведу только несколько примеров музыкальных произведений. Песня «Священная война» А.В. Александрова на стихи В.И. Лебедева-Кумача, ставшая боевым знаменем борьбы с фашизмом, родилась в первые же дни войны. Потрясающей силы Седьмая симфония Д.Д. Шостаковича родилась и была исполнена в блокадном (только вдумайтесь!) Ленинграде. Она прозвучала в переполненном зале и транслировалась по радио и громкоговорителям, так что слышали её не только жители города, но и осаждавшие Ленинград немецкие войска. Симфония потрясла слушателей и вселила в них уверенность в неминуемой победе. На переходе 80-х в 90-е в предчувствии грядущих потрясений для страны, рождаются песни Шевчука (ДДТ) о Родине, Талькова «Я вернусь»...Пронзительные, попадающие влёт прямо по сердцу, обнажая его, вытаскивая из заскорузлой кожи, и вот оно уже бьётся в унисон с ритмом музыки, а душа осознаёт, что нет тут натужной надуманной патетики, одна только правда. Эти песни родились на сломе эпохи, когда само существование России было поставлено под угрозу. Вадим Самойлов (Агата Кристи), музыкант-легенда того времени, сейчас приезжает с бесплатными концертами и новыми песнями к нам на пылающий Донбасс, как и Юлия Чичерина. И уже ставший неофициальным гимном СВО хит Шамана (Ярослава Дронова) «Встанем» звучит как наследие «Священной войны». И «Можем повторить» из наклейки на машинах превращается в осознание неминуемости Великой Битвы и Великой Победы. Не может однажды пропитанная Родиной горячая душа остыть и успокоиться. И в этом наше спасение... Оно в памяти поколений, оно в бесконечной реке Бессмертного Полка, оно в глазах ветеранов ТОЙ войны и в

душах солдат ЭТОЙ войны. Святые отцы Церкви говорят, что пока на Земле жив хоть один молитвенник – Бог помилует нас. Так же пока в народе живёт ПАМЯТЬ – Россия стоять будет.

Самое главное – передать эту Память потомкам.

Л и т е р а т у р а

1. Земляной С. Новый космополитизм и знамения времени / С. Земляной. – [Электронный ресурс] – URL: https://www.ng.ru/ideas/2002-01-16/11_signs.html.
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления / Ильин И.А. Путь к очевидности / И. Ильин. – М., 1993. – 289 с.
3. Лихачев А.Е. Воспитание и духовность (заметки православного педагога) / А. Лихачев // Педагогика. – 2001. – № 3. – С. 33-36.
4. О Стратегии национальной безопасности РФ: Указ Президента России № 683 от 31.12.2015 г. – [Электронный ресурс] – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391>.
5. Путин В. В. Выступление на встрече с Клубом лидеров / В.В. Путин. – [Электронный ресурс] – URL: <http://tass.ru/politika/2636647>.
6. Солженицын А.И. Россия в обвале / А.И. Солженицын. – М.: Русский путь, 1998. – 208 с.
7. Сорос заявил о своей причастности к разрушению СССР и попытке повторить то же самое в России – [Электронный ресурс] – URL: <https://ruposters.ru/news/14-09-2022/soros-zayavil-svoei-prichastnosti-razrusheniyu-popitke-povtorit-samoe-rossii>.
8. Толстой Л.Н. Патриотизм и правительство / Л. Толстой // Полное собрание сочинений в 90 томах. – Т. 90. – М.: Государственное Издательство Художественной Литературы, 1958.
9. Шмелёв И.С. Душа Родины / И.С. Шмелёв. // Русская газета. – 1924. – 3 марта [Электронный ресурс] – URL: <https://philolog.petrsu.ru/shmelev/texts/publ/dusha/htm/dusha.htm>.

Panova O.E., Zvonok N.S. THE MORAL MEANING OF PATRIOTISM

Patriotism is considered as a quality of personality in the context of global restructuring, rather collapse, a unipolar world and the spiritual revival of Russia. The importance of patriotism for the preservation of the true values of humanity as opposed to the new values of the Western world, as well as the opposition of patriotism as a phenomenon to cosmopolitanism, on the one hand, and extreme manifestations of nationalism, on the other, is shown.

Key words: *patriotism, cosmopolitanism, globalism, mentality, self-consciousness, Russian world.*

Панова Ольга Евгеньевна – студентка кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Panova Olga Evgenievna – student of the Chair «Philosophy» FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: olyapanova@yandex.com

Звонок Наталья Степановна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Zvonok Natalya Stepanovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г.Луганск.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ

УДК 355.01:32.019.51

Ильченко В.И., Кононенко Р.А.

ИСТОКИ МЕНТАЛЬНОЙ АГРЕССИИ. САКРАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА СВЯТОСТИ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ЭФФЕКТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНО-ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (диалектика духовно – материального, сакрально – инфернального, естественно – сверхъестественного, мистическо – обыденного, имманентно – трансцендентного)

Современная война имеет системный и многоаспектный характер. Задачи ставятся не только в плане демилитаризации противника боевыми средствами уничтожения, но и через деструкцию всей социальной системы, наращаются совершенно новые агрессивно-разрушительные средства в духовно-мировоззренческой сфере. Подчинение государства-жертвы воле агрессора достигается посредством поражения сознания личности, общества, оккупацией национального информационного и ментального пространств. Таким образом обеспечивается функционирование нового скрытого пространства разрушительного воздействия на противника. Такое воздействие в своих истоках имеет давнюю историю как в цивилизационном, так и в мистическо-духовном пространстве.

Противостоянию любым средствам агрессии всегда изобретались и средства защиты, обеспечивающие, в том числе, и безопасность ментальную. В качестве эффективного средства обеспечения ментально-духовной безопасности страны и народа, в пространстве Русского мира, в данной работе выбран образовательный ресурс, обеспечиваемый Сакральной педагогикой святости.

Обеспечение ментальной безопасности напрямую связано с привлечением философского и богословского знания, ибо диалектика пространства, в котором происходят взаимодействия такого уровня, обозначаются следующими дуальными категориями: абсолютное – релятивное, духовное – материальное, сакральное – инфернальное, естественное – сверхъестественное, мистическое – обыденное, имманентное – трансцендентное, святое – сатанинское и др. К борьбе и противостоянию, а тем более к обеспечению своей собственной ментальной безопасности, нужны соответственно подготовленные кадры. Такие кадры, которые смогут «решить всё», имеют возможность быть подготовленными в сфере деятельности Сакральной педагогики святости.

Ключевые слова: *ментальность, ментальная война и агрессия, ментальное насилие, ментальная безопасность, человек, сознание, мировоззрение.*

Мы утверждаем, опираясь на методологию Библейского знания, что человек создан по Образу Божию, а целеполаганием Божественного Откровения устремлен к обретению Подобия Божия по благодати. Это он, человек, должен исполнить установление Божие, быть совершенным, как совершен Отец ваш Небесный (Мф. 5: 48). Человеку исходно дарована свобода, исполненность полнотой любви ко Господу и близким своим, возможностью положить жизнь свою за други своя, ориентацией сердечного ощущение в различении добра и зла. Ему потенциально присущ весь спектр ментальных качеств: склад ума, стиль мышления, совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, духовно ценностных ориентаций и мировоззренческих установок [1-6]. В процессе исторического созревания социума эти ментальные качества формируются и становятся присущими конкретному человеку, социальной или этнической группе, нации, народу. Именно этот набор определяет, идентифицирует и конституирует субъектов исторического бытия. Таким набором на протяжении почти 1000 лет обладал и русский народ, который родился и вышел из Днепровской крещальной Православной купели. Именно в глубинных основаниях русичей сложился и пока существует этот удивительный духовный код, православный стержень, придающий этому народу историческую устойчивость и непоколебимость. Благодаря этим святыням обеспечивались как великие победы наших предков, так приращивались наши земли, возрастал в государственной и культурологической силе наш многонациональный народ. Отступление от них всегда было связано с глубокими нестроениями, поражениями и помрачениями.

Данное ментальное основание народа испокон века хотели и хотят сегодня разрушить наши враги на протяжении тысячелетней истории. Хотят заставить нас строить наш дом не на опорном камне, а на песке. А какой у нас опорный Камень, который призрели и отвергли строители? Этим фундаментальным Камнем, ставшим ГЛАВОЮ угла всего нашего домостроительства, есть ИИСУС ХРИСТОС (Мф. 21:42). Вот Его и хочет вырвать из нашего крещенного сердца вражеская одьяволенная «тьма тьмуца» западного мира. И данный посыл этого их желания изуверски очень точен и неиссякаем. В итоге может состояться именно то, что предрекал Ф.М. Достоевский: русский народ без Бога – «просто дрянь». Потому что без Бога и русскому человеку, а значит, и обезбоженному и расчеловеченному русскому народу будет «всё позволено». «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» – писал в этом плане А.С.Пушкин.

Валерий Коровин, директор Центра геополитических экспертиз, 29 марта 2021 года в своей статье «Что такое ментальная война» [3] заявил, что в российском Министерстве обороны наконец-то официально зафиксировали тот факт, что США ведут против России новый тип войны – **войну ментальную**. Целью новой войны является уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной – культурологической и духовной основы

общества противника. По сути – это война идей и смыслов. Запад поставил задачу комплексно уничтожить Русский Мир, всю нашу цивилизацию. Для решения данной задачи нашим врагам важны и нужны все модификации войн, их системный комплекс.

Задача ментальной войны, как и любой другой, – лишить объект воздействия суверенитета и поставить его под внешнее управление. Ментальная война, как сакральная (так её назвал А.М. Ильницкий, советник Министра Обороны РФ), определена как противостояние Добра и зла, война империи Правды с империей лжи. [4-6]. Современную идеологию Запада, как империи лжи, Президент РФ В.В. Путин назвал жестко, ёмко и предельно однозначно – сатанизмом [7]. Таким образом, в своих предельных основаниях авторы и инициаторы ментальных войн прописываются и выступают как мрачные субъекты инфернального мира – падшие ангелы: сатанисты, дьяволы, шайтаны, люциферы, демоны...

Теперь отчетливо понятно, кто наши враги и противники, которых мы ранее принимали за партнёров и союзников. С этой точки зрения совершенно определенно раскрывается сущность ментальной войны – это несомненно брань Духовная, это брань не просто против русских, это война против Бога, которую дьявол творит в сердце человеческом. Проанализируем истоки этой войны, этой духовной агрессии в рамках исторического процесса. Проложим свой путь анализа от современности в пространство нашей древности, чтобы далее показать, что ментальная агрессия имеет очень глубокие (запредельные) исторические корни. Потому становится странным, что она, ментальная война против нас, зафиксирована в МО РФ только в 2021 году (Валерий Коровин). Этой войне, в её сущностном основании, нет ни конца, ни края, ибо начата она со дней Творения, а завершится Страшным Судом во вторичном славном пришествии Иисуса Христа.

В эпоху строительства неокapиталистического социума в РФ (1991-2022) перекодирование основных духовно-нравственных ценностей в менталитете русского народа не только замедлилось, но с началом СВО начал возрастать духовный потенциал православия в пространстве боевых действий. Особый положительный факт проявлен во введение в текст Конституции РФ понятия «Бог». Это усилило сакральный статус Основного государственного Закона, подняв религиозный уровень многоконфессионального и многонационального народа Российской Федерации. Однако нельзя не заметить и отрицательных влияний из-за рубежа на имидж Церкви, священства и Патриарха, сводимый к положению коммерческих структур, оказывающих просто платные духовные услуги. Наблюдается логическое противоречие, показывающее формальное отношение к вероисповеданию. По статистическим данным, около 82% населения РФ позиционируют себя крещенными православными. А на воскресных литургиях присутствующих насчитывается не более 8-10% верующих. Количество причащающихся еще меньше, от 2 и до 4%. Зато на Пасхалях и крещенских водосвятнях народ проявляет свою максимальную

обрядовость. Для исправления такой ситуации был издан Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”.

Проигрыш в холодной войне и развал СССР (1947-1991) показал, что целенаправленные усилия коллективного Запада увенчались успехом в том числе и победой в скрытой ментальной войне. На смену двуполярному миру и противостоянию крупных блоков пришло однополярное мироустройство с доминирующим положением Соединённых Штатов. На весь мир обрушилась культура вестернизации, воспевался американский образ жизни и «демократическое» общество потребления. Весь мир был одет в джинсы. Культ непобедимой американской силы воспевался Голливудом, демонстративно захватывая киноэкраны всех стран (джинсы, фильмы, фасфуды и McDonald’s – знаки, средства и смыслы ментального оружия). Эти факторы переформатировали сознание и советского, и постсоветского человека. Наше поражение не было случайным и спонтанным. Всё продумывалось и решалось, начиная с плана А. Даллеса, Фултоновской речи У. Черчилля, усилиями М. Тэтчер, З. Бжезинского (Мир как шахматная доска), «Гарвардский проект», «Хьюстонский проект», всеми американскими президентами и руководителями западноевропейских стран – Э. Макроном, А. Меркель и др. Приведем в виде примера один из планов ментального воздействия на сознание советского народа.

План Алена Даллеса для развала СССР с 1945 года:

«Окончится война, всё как-то утрясется, устроится. И мы бросим всё, что имеем, – всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей!

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением... исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и прославлять так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство. Национализм и вражда народов, прежде всего вражда и ненависть к русскому народу – всё это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это и сделаем» [8; 9 и др.]

И они это во многом сделали. Вышепредставленный текст (наличествует убеждение, что данный материал просто придуман) можно считать методическим пособием по осуществлению ментальной войны в отношении Советского Союза. Именно так и случилось в социальной и политической практике, как прописано в этом документе, рассчитанном на десятилетия. И таких документов существует великое множество, что говорит о системном подходе и большом наборе специалистов, целенаправленно и методически выверенно осуществлявших эту разрушительную деятельность в ментальной сфере.

Но самая трагическая и эпохальная ментальная операция по переформатированию сознания русского православного народа была осуществлена в России, начиная с октябрьского переворота 1917 года самими же русскими, отказавшимися от православия в угоду коммунистической безбожной идеологии. Тогда из народа с более чем с 900-летней православной традицией начали экспериментально конструировать в парадигме коммунистической идеологии богоборческий советский народ. Из Новозаветного внутреннего человека начали ковать в советских педагогических цехах Ветхозаветного внешнего человека, у которого «вместо сердца – пламенный мотор» и «нет ему преград ни в море, ни на суше», ибо «мы делаем ракеты и перекрыли Енисей, также в области балета мы впереди планеты всей». Никто не знает цену этого кровавого эксперимента по ментальному перекодированию народа. Только по количеству новомучеников российских можно хоть как-то ориентировочно представить уровень всенародной трагедии обескровленности нации, по насильственному втискиванию её в неприемлемое пространство духовной скверны. Эти волны ментального обрушения истязали в разной степени советский социум почти три четверти века, вплоть до 1991 года.

Духовный разрыв Святой Руси начался не в 1917 году во время большевистского переворота. Это следствия тех социальных, культурологических и духовных сдвигов, которые обозначились как до правления Петра I, так продолжились и после его царствования. В Европу было прорублено не окно, а огромная дверь, – через которую в Святую Русь ворвались не только новейшие технологии, цивилизационные проекты, наука, когорты западных ученых, но и полились потоки духовного inferнального, накопленного в католицизме и протестантизме, что составило весомое содержание ментального снадобья того времени. Царь рубил топором не только традиционные бороды православных христиан, переодевал их в западноевропейские рейтузы, чулки и камзолы, на головы одевал чуждые православным парики и шляпы-треуголки, но самолично и в каком-то упоении рубил и головы своим согражданам поутру Стрелецкой казни. В культуре он, не стесняясь, рубил и азбуку.

При Петре I реформы в азбуке проводились дважды, а именно в 1708 и 1710 годах. Русский царь заменил существовавшую ранее церковнославянскую азбуку на так называемую гражданскую. Шрифт, узаконенный царем, получил наименование «гражданский». **Период модернизации русской азбуки получил серьезную европеизацию.** Это был серьезный шаг языковой реформы. Петр I не шутил ни с алфавитом, ни с войной. Ломоносов выразился в этом плане следующим образом: «волею Петра Великого буквы, следом за боярами и боярынями, сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды». Но кто определил полезность этого ментального переодевания для северного русского народа, проживающего в студёном краю?

Начатая при Петре «вырубка» азбуки дала и большевикам уже при советской власти повод дорубить недорубленное. Связь с прошлым должна была оборваться раз и навсегда. На это и была нацелена реформа Ленина и Луначарского 1918 года по упрощению русской орфографии и изъятию из русского алфавита ряда «ненужных» букв [Ѡ (фита), Ѣ (ять), І (и десятиричное), Ѵ (ижица) и Ъ на конце слов]. Это, по мысли революционеров, упрощало научению грамоте малограмотных рабочих и, в основном, безграмотное крестьянство, сэкономило огромные тонны бумаги, типографской краски и свинца для отливки букв при наборе текстов³.

³ **Сакральное значение букв.**

Многие из современников считали, что упростив алфавит, большевики лишили его образности, так как каждая буква в кириллице несла в себе определенную символику и цифровое значение. В исключении Ѵ (ижицы) многие интеллигенты увидели отказ новой власти от миропомазания – одного из семи величайших церковных Таинств, которое совершалось сразу после Крещения.

Как только человек выходил из купели, священник читал особые молитвы и крестообразно мазал его тело миром. Считалось, что через миропомазание православному подаются дары Святого Духа, призванные укрепить его в духовной жизни.

Ко всему прочему, ижица была также последней буквой в алфавите, существовало даже

В логику этих смыслов и событий ложатся и Церковный раскол православной церкви XVII века на Руси и старообрядчество. Он имеет тесную связь с реформами, проводимыми патриархом Никоном. Реформы были направлены на то, чтобы внести в богослужебные книги, печатавшиеся в Москве, и в часть обрядов изменения. Цель этих изменений – унификация с греческими канонами (и здесь проявлен ментальный смысл). Страшным последствием раскола явились гари – массовые самосожжения. Самое раннее сообщение о них относится к 1672 году, когда в Палеостровском монастыре совершили самосожжение 2700 человек. С 1676 по 1685 год, по документально зафиксированным сведениям, погибли около 20 000 человек. Самосожжения продолжались и в XVIII веке, а отдельные случаи – в конце XIX века. Но был опыт и целевого сожжения как казни: епископа Коломенского Павла, протопопа Аввакума, Елифания и других. Лучше в огне гореть, чем Антихристу служить, утверждали старообрядцы.

В духовной сфере наставником Петра I был Феофан Прокопович (архиепископ Новгородский. С 1721 года – первый вице-президент Святейшего правительствующего синода, сподвижник Петра I, получивший не только православное, но и униатское, иезуитское католическое образование, обратив на себя внимание Римского папы Климента XI). Он автор законодательного акта о ликвидации русского патриаршества и устроении высшего церковного коллегиального управления – Синода. В «Слове о власти и чести царской» (1718) Ф. Прокопович привел доказательство о необходимости для России неограниченного самодержавия, причем резко критиковал «богословов», полагавших, что власть духовная выше светской. Именно он заложил прочный идейный фундамент складывавшегося российского абсолютизма. Вот целый пласт ментального воздействия на индивидуальное и социальное сознание, что несомненно привело к трагическим событиям 1917 года по выхолащиванию духовного православного кода народа Святой Руси.

Воздействия в сфере ментального проявляются не только как отрицательные, агрессивные, злонесущие, разрушительные, уничижительные, переформатные, но и как положительные, системно устроительно-

такое выражение “дойти до ижицы“. С её исчезновением заключительной литерой стала Я. Конечно, и тут интеллигенция не замедлила увидеть злонамеренность советской власти в том, чтобы поставить в конец букву, выражающую человеческую индивидуальность.

Буква **Ө** (фита) являлась символом единства духовного и физического, явного и скрытого (чем-то ее символика напоминает древнекитайский знак инь-янь). Еще когда Петр I задумал убрать её из алфавита, духовенство отстояло эту букву.

Иными словами, с тех пор как была принята реформа по упрощению русской орфографии, буква в русском алфавите стала просто обозначать звук. Не больше. Тогда как дореволюционный алфавит отражал картину мира русского народа: **Х** – Крест Андрея Первозванного, **Ч** – чаша причастия.

Таким образом, большевистская (как и петровская) власть через переформат азбуки привела и к ментальным изменениям уклада мыслей советского человека. Связь с книгами старого «вражеского» режима теперь была навсегда утеряна.

созидательные, животворящие, народообразующие. Именно к последним нужно отнести величайшее событие по созиданию русского народа в таинстве его крещения Святым Духом в днепровской купели в 988 году при подвижничестве Равноапостольного Князя Владимира. На Абсолютных Библейских смыслах в литургийных таинствах православных Церквей, в монастырях и в воскресных школах формировалась абсолютная ментальность русского народа в пространстве Святой Руси. Отсюда начинается созидательное воздействие на ментальность народа великих духовных Пастырей земли русской. Их тысячи. Назовем самых ярких в своем исповедальческом делании: святые преподобные Антоний и Феодосий Печерские (XI век), преподобный Сергей Радонежский (1322-1392), святитель Тихон Задонский (1724-1783), преподобный Серафим Саровский (1754-1833), митрополит Филарет Дроздов (1782-1867), епископ Игнатий Брянчанинов (1807-1867), святитель Феофан Затворник (1815-1894), святой праведный Иоанн Кронштадтский (1829-1908), святитель Лука Крымский (1877-1961) и мн. др.

Вот только один частный пример по поводу формирования ментальных оснований отдельного человека, несмотря даже на его высокообразовательный и творческий уровень. Великий наш поэт А.С. Пушкин тоже испытывал расстройство и нестроения в ментальной смысловой сфере. Были потеряны или смещены аксиологические опорные точки его сознания, о чем он поведал в своих стихотворных изложениях. На эту несостоятельность четко ответил митрополит Филарет тоже в поэтической форме, фиксируя пути выхода из создавшегося ментального кризиса поэта.

А.С. Пушкин	Митрополит Филарет
<i>Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана? Иль зачем судьбою тайной Ты на казнь осуждена? Кто меня враждебной властью Из ничтожества воззвал, Душу мне наполнил страстью, Ум сомненьем взволновал?.. Цели нет передо мною: Сердце пусто, празден ум, И томит меня тоскою Однозвучный жизни шум.</i>	<i>Не напрасно, не случайно Жизнь от Бога нам дана, Не без воли Бога тайной И на казнь осуждена. Сам я своенравной властью Зло из темных бездн воззвал, Сам наполнил душу страстью, Ум сомненьем взволновал. Вспомнись мне, забвенный мною! Просияй сквозь сумрак дум, – И созиждется Тобою Сердце чисто, светел ум.</i>

Странно получается: с 988 года духовный код русского народа формировался, рос и укреплялся во всех ипостасях, статусах и направлениях культурного и цивилизационного строительства и совершенствования. Но

через истечение некоторого исторического времени начала отчетливо проявляться тенденция ослабления потенциала духовности. Пришли времена распада сначала Российской империи, потом деградации Советской империи (партийный лидер СССР Н.Хрущёв увещевал советский народ, что к 1980 году в Советском Союзе будет построен коммунизм и будут по всей стране возить последнего попа, показывая его как музейный экспонат). В 1991 году распался этот коммунистический монстр. Под вопросом была судьба Российской Федерации Ельцинского периода правления. Проблема во всем этом одна: народ, погружаясь в стяжание материальных благ стал отворачиваться от духовного и отходить от Бога. Налицо, в который раз, проявилось явное обезбоживание. Именно об этом предупреждал в своем творчестве Ф.М. Достоевский. А В. Даль однозначно указывал, что Россия погибнет только тогда, когда в ней иссякнет православие...

Свято место пусто не бывает, и это святое Божие место уверенно занял Князь тьмы, Князь мира сего – падший светоносный ангел Люцифер-Денница (дьявол, главный антагонист Бога, клеветник, бес, демон, лукавый, сатана, коварный змей в Эдемском саду, верховный демон зла, властелин ада, подстрекатель людей к совершению греха, персонифицированное абсолютное зло, в Коране – шайтан, джин, иблис). В последнем прощении главной христианской молитвы «Отче наш», продиктованной самим Иисусом Христом, звучит просьба: «Избави нас от лукавого». А если есть лукавый, т.е. «хитрый», «двусмысленный», «способный к обману», то именно он и способен внушить инициировать, организовать ментальные войны и сподобить людские ресурсы на реализацию ментальной агрессии. Именно он главный стратег по развязыванию ментальных войн. Так что же это за такой главный отрицательный персонаж, какова его природа, откуда он появился и каково время его присутствия в мире?

Библия в своем Ветхозаветном повествовании открывается словами: «В начале сотворил Бог небо и землю.» (Быт.1: 1). В начале Небо и мир духовный. И этот мир Господь населил созданными ангелами и Архангелами (свободные духовные, бесплотные существа, сообщающие волю Бога и обладающие сверхъестественными возможностями и воздействием на людей). Самым любимым Богом и красивым был первый ангел Люцифер-Денница (ярчайший, светоносный), принадлежавший к одному из высших чинов ангельской иерархии и выполнявший роль первосвященника. Но возгордился своим умом и красотой, захотел возвыситься до самого Бога и превысить Его, не признав ни Христа, ни Адама, слушался Бога, возмутил треть ангелов, подняв бунт против Пресвятой Троицы. Архангелом Михаилом этот мятежник со своими ангелами-бунтовщиками был побежден и сброшен на Землю, во ад для вечного наказания. Ветхозаветное указание четко определяет процесс низвержения: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на

высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней.» (Ис. 14: 12-15). Новый Завет в точности подтверждает эту истину: «И упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику... и поражена была... третья часть звезд, так что затмилась третья часть их» (Апок. 8: 10, 12). Находясь возле самого Бога, он стал от Него дальше всех. Всеобъятная Любовь к своему Творцу сменилась ненавистью и злобой ко всем делам Божиим и к Его творениям.

Сатана-Люцифер не просто противостоит Богу, а пышет ненавистью и злобой ко всем делам Божиим и к главному Его творению – ЧЕЛОВЕКУ. Денница смог переформатировать сознание трети ангелов, которые активно поддержали бунтаря, а две трети навсегда утвердились в верности к Богу. Но даже треть падших ангелов – это очень много, что говорит о Деннице как о мощном и энергичном субъекте ментальных преобразований. Вот где источник многомерной и на веки веков сконцентрированной ментальной злобной агрессии. Этим вирусом он будет со своим падшим воинством на веки вечные заражать на Земле одних людей, которые будут нести угрозу и уничтожение – другим. Это нужно помнить, но не это главное. Весь Новый Завет – о любви Божьей, о том, что Господь Иисус Христос есть Сын Божий, пришедший в мир спасти грешников, избавить нас от вечного проклятия и смерти, искупить Адамов грех и открыть нам снова райские врата. А угрозы бесовские – это лишь сопутствующие моменты, которые мы должны преодолеть (об этом же вся русская религиозная философия и духовная классическая литература, особенно провидческое творчество Ф.М. Достоевского).

Первый опыт ментального переформатирования трети ангелов у Люцифера был достаточно успешен. Но Бога ангелам победить не удалось. Такой победы не может состояться в принципе, ибо Бог никогда поругаем не бывает (Гал. 6: 7). Зато с человеческими существами ментальный переформат в Раю у змея лукавого состоялся легко и быстро. И прародители наши, Адам и Ева, из духовных особей (внутренних человеков), напрямую общавшихся с Богом, в мгновение ока были Господом наказаны и переформатированы, одеты в кожаные ризы (став человеками внешними) и за непослушание изгнаны из Рая до исправления.

И далее, изначально род человеческий (Адам, Ева и их дети: Каин и Авель), попал под прямое воздействие дьявола. Когда Каин ложью выманил младшего брата, зная, что убьет его в долине, стало ясно, что Каин подчинился «отцу лжи» (Ин. 8: 44): он сам стал «семенем змея» (Быт. 3: 15). В убийстве Авеля были два соучастника – Каин и диавол. Диавол был первым, кто пожелал и направил Каина на убийство. Ни причин, ни мотивов, ни вины на убийство у Каина не было. Каин был ментально сформатирован дьяволом именно на ритуальное убийство. Именно от Каина начинается путь погибели, который именуется в Новом Завете – «путь Каина» (Иуд. 11). После ритуального убийства сам Каин и род, идущий от него, теперь в самом близком отношении с дьяволом, полностью ему предан, ибо усыновился дьяволу (1Ин. 3: 10),

ментально перекодирован противоположно Божественному замыслу. Это и есть греховная Каинова цивилизация, погрязшая во грехе и зле.

Все поколения, идущие после Каина, как уже отмечалось, дьяволом ментально перекодированы в результате чего погрязли в разврате и грехе. «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и опечалился Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил,... истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их» (Быт.6: 5-7). И истребил Господь народ этот в потоке дождя, который лился сорок дней и сорок ночей. Спасся только Ной, в соделанном ковчеге со своей семьей и со скотом каждой твари по паре. Но опять бесовщина творит непотребное. Только что совершился отбор человечества, только что оно было очищено от испорченности и порока водами потопа, и только лучшее в нем было сбережено для дальнейшей истории. И вот в первом же поколении этих сбереженных богом лучших людей нарождается новый отвратительный вид греха, нарождается хамство – издевательство сына над отцом, низшего над высшим, издевательство наглое и бесстыдное.

После потопа будет горделивое строительство Вавилонской башни, мотивированное деятельностью по превышению статуса Бога (какие усилия дьявола по формированию бесовской ментальности у строителей башни). И ответное действие Бога по пресечению этого плана методом разделения языков. Далее уничтожение Богом Содома и Гоморры как спасение от вселенского разврата. Везде и повсюду козни дьявола. Везде и повсюду осуществление тонко сплетенных методик по извращению ментальных основ сознания людей и народов. Везде и повсюду целенаправленное противостояние Божественному замыслу. Ибо «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоан.8: 44).

Можно приводить еще огромное количество библейских примеров о кознях дьявола, который яростно и неустанно сражается всеми способами и средствами, в том числе и ментальными, как против Бога, так и против его духовных чад, людей и народов. Недаром Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» написал такие вещи слова: «Дьявол с Богом борется, а поле брани – сердца людей». Именно через сердца людей, через их чувства, эмоции, а далее и через интеллектуальную сферу, дьявол будет пытаться ментально менять сознание как отдельного конкретного человека, так и общественное сознание целых народов на протяжении целых эпох. И процесс этой нарастающей, бескомпромиссной и всё более ожесточённой борьбы будет длиться до скончания века. В этой связи встает проблемный вопрос: есть ли победное противостояние и укрощение разрушительных козней дьявола? Есть ли положительные процессы и тенденции ментального созидательного

строительства сознания конкретного человека и целых народов в Библейском повествовании? Да, есть.

Логика изложения Библейского знания необходимо требует начать новое тематическое повествование с 6-го дня Творения. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог... И увидел Бог все, что Он создал, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой» (Быт.1: 26-31). И далее идет уточнение: «и вдунул (Господь) в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт.2: 7). Проясним некоторые позиции.

Пресвятая Троица (которую иудеи, как и мусульмане не признают), внутри своего Божественного совета (Бога Отца, Сына и Святого Духа), решила создать человека (только Бог Троица мог сказать – **создадим** по образу **НАШЕМУ**, в троичном числе, а не в единственном: **создам** по образу **Моему**). Планировали создание и по образу Божию и по подобию Божию, а практически создали только по Образу. Почему? А потому, что Господь знал прогностически наперед, какие будут всевозможные, в том числе и ментальные проблемы у человека в мире, в котором неустанно злоторчески действует враг человеческий. Образ Божий дан человеку, а Подобие Божие, как потенция. – ЗАДАНО человеку, как домашнее прижизненное задание, для самостоятельно-индивидуального и свободно избранного выполнения. Человек – это потенциальное звание. Каждый человек – это образ Божий, а подобие он приобретает в зависимости от того, богоугодна ли его жизнь. Если он угождает Богу, живет по Его Закону, то появляется у человека и подобие. Образ в человеке неистребим, а подобие – это уже следствие его праведных трудов. А это включает в себя: самообразование, самовоспитание и самообучение при наличии идеального абсолютного Божиего Образа – образа Сына, по системным лекалам Которого и творился человек. Именно в человеческую телесность когда-то в далёком будущем и воплотится Сын при своём Рождении (Рождество Христово). В деятельностном процессе этого исполнения заложена и сама идея смысла жизни: ЧЕЛОВЕК, созидай из себя подобие Божие, созидай невозможное для тебя, но возможное по благодати Божией. Не забудем, что Господь вдохнул в человека свой Божественный вечный Дух и стал человек обладателем вечной душею живою. Вот она, практическая диалектика Божия – в единстве конечного и вечного, смертного и бессмертного, духовного и материального, сакрального и инфернального, естественного и сверхъестественного, мистического и обыденного, имманентного и трансцендентного. Эта наличность существующего бытия требует необходимость наличия образовательного средства в виде Сакральной педагогики святости.

Сначала Господь избрал среди разных народов народ еврейский (от отца Авраама и далее через Ицхака, Яакова...). Потом начал учить народ, созидавая через пророков, учителей и отцов семейств ментальные матрицы сознания у

детей с самого раннего детства (613 заповедей-мицвот, 365 – запрещающие («Не делай!») и 248 – повелительные («Делай!»)). Мальчики (бар-мицва) от 13 лет и девочки (бат-мицва) от 12 лет получали официальный статус сыновей и дочерей Закона, обретая духовное совершеннолетие, укрепляя его в синагогах и еврейских общинах на протяжении всей своей дальнейшей жизни.

Избранный народ нужно было еще практически создать. Господь нашел способ это сделать в суровых, экстремальных и длительных педагогических условиях сорокалетних странствий по пустыне. Но перед этим народовождением учитель-пророк Моисей получил лично от Бога на горе Синай Закон, начертанный на каменных скрижалях в виде 10 заповедей, которые евреи должны были научиться безоговорочно исполнять. Вот для этого запоминания и научения было избрано воспитательное путешествие по пустыне. Данные заповеди Божие, как заповеданные ценности, и были положены в основания ментального кода еврейского народа. Исполнение заповедей приносило еврейскому народу благоденствие. Нарушение заповедей – приводило к нарушению функционирования или даже к разрушению ментальной матрицы, а значит, к проблемам, страданиям, поражениям, пленениям, гибели... Отчетливо это было явлено в событиях семидесятилетнего Вавилонского плена (изгнания) с 605 по 536 год до н. э. Отличие еврейского народа от других было и в том, что во всех бедах, поражениях и страданиях они винили только самих себя: в отходе от закона, о забытии Бога, заповедей и самоотречении от своих ментальных ценностей. Именно страдания, стрессы и невзгоды возвращали евреев к восстановлению и укреплению своего исконного ментального кода. Такой подход и его методология покаяния могут быть взяты на вооружение и использование другими народами. (Россия, например, так целенаправленно и не вернулась к своим духовно-православным ценностям в 1991 году после развала СССР, хотя тоже была в семидесятилетнем коммунистическом плену).

После Вавилонского плена в иудейском народе ожидание Мессии Спасителя достигло особенно сильного напряжения. Самой любимой книгой у евреев была книга пророка Даниила с ее точными определениями времени пришествия Мессии. При появлении всякого выдающегося проповедника или пророка все невольно спрашивали, не он ли Христос. Они хотели видеть в Нем всемирного завоевателя, который покорит для иудеев весь мир и создаст на земле вечное еврейское царство (однополярный мир). Но более духовные люди ожидали в Нем истинного Мессию, Который искупит человека от рабства греху, водворит мир в возмущенной душе, призовет к Себе всех страждущих и обремененных и создаст вечное Божие Царство на земле.

Уже 2023 года длится эра Иисуса Христова. Господь Иисус Христос, М(и)Ессия, Спаситель – вочеловечился (рождество Христово), принес людям с Небес на Землю новый абсолютный Божественный ментальный код любви в форме двух заповедей: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая

заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22: 36-40; Лук. 10: 27; Мк. 12: 30-31). Во время крещения Иисуса Христа в водах Иордана в тридцатилетнем возрасте (праздник Крещения Господня: омовение ветхого человека и воздвижение нового, духовного, внутреннего), была явлена миру и народу Пресвятая Троица (праздник Богоявления в представлении трёх Божественных ипостасей). Этот ментальный код был сформирован в сознании Богочеловека Иисуса Христа и утверждён в акте таинства Крещения. Задача Христа – преодолеть зло и грехи мира, творимые дьяволом, дать алгоритм созидания божественного ментального кода в сознании человека, который спасительно приведет его в Царствие Божие, «ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 21).

Иисус Христос как Сын Человеческий, имея в себе как Божественную, так и человеческую ипостась от девы Марии, должен был испытать в пустыне, куда он возведен Духом Святым для преодоления трёх искушений дьявола, на прочность силу своего ментального кода. Победно преодолев эти искушения, Иисус говорит дьяволу: «отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи. Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Мф. 4: 1-11). С этого момента Иисус Христос выходит на свое активное трёхлетнее Миссионерское служение, предваряя будущее пассивное служение как добровольную смерть на кресте (Фил. 2: 5-8). Господь чудесно проявляется в своей духовной деятельности как Богочеловек (научая апостолов и народ Заповедям Божиим и Нагорной проповедью, спасая страждущих, обличая фарисеев, излечивая болящих, воскрешая мертвых даже «смердящих», изгоняя демонов, господствуя над природным и материальным – ходя по водам, укрощая бурю, превращая воду в вино и мн. др.). Это подтверждает тот факт, что Иисус Христос обладал сформированным устойчивым ментальным кодом своего божественно-человеческого сознания и системно-целостным мировоззрением, которое сформировалось за период его земного бытия в процессе семейного и социального воспитания. Данное приобретение и позволяло ему творить те чудеса, которые должны были привести народ к пониманию того, что на землю, наконец, был явлен Мессия в своем Абсолютном божественном статусе. Сын Божий для того и воплотился, «чтобы разрушить дела диавола» (1 Ин 3: 8) и «дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола» (Евр. 2: 14). При любых обстоятельствах Бог «нечистым духам повелевает со властью, и они повинуются Ему» (Мк. 1: 27). Власть изгонять бесов имеет не только Сам Христос, но и Его ученики (Мк. 16: 17; Лк. 9: 1; 10: 17). Потому и встает непреклонная задача до скончания века посредством Сакральной педагогики сердца, святости, любви, духовной вертикали и воскресения – приуготовлять все последующие приходящие человеческие поколения как учеников Иисуса Христа, которые имели бы в наличии духовный инструментарий для эффективной борьбы с ментальной агрессией и

победоносно завершать все ментальные войны, навязанные Святой Руси князем тьмы [17].

Одной из важных земных задач Иисуса Христа было педагогическое действие по воспитанию и обучению избранных учеников, в будущем апостолов, равноапостольных жен-мироносиц и народа. «Я на то родился и на то пришел в мир, – говорил Иисус Христос ученикам и народу, – чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18: 36) [18-19].

Только на втором году своего служения Иисус Христос совершил выбор 12 учеников – число полноты полнот (Мтф. 10: 2-4; Мк. 3: 13-19; Деян. 1: 13). Он избрал простых людей, обычных рыбаков, которые в духовности совершенно не разбирались, были они людьми не книжными. Иисус рассказывал о принципах, которые должны определять поведение людей. Эти принципы содержатся в Нагорной проповеди, в которых Он утверждал, что истинная вера может быть только по духу, а не от внешних, показных действий, которых требовал иудейский закон. Важно освободиться от греха (Гал. 3: 10-13) и тогда, кто принимает Иисуса Христа и признает и духовную силу, тому Он эту силу и отдаст через Духа Святого.

Историческая значимость Христа проявляется в том, что благодаря Ему была разработана новая система ценностей, за основу которой взята человеческая личность. Если человек – Образ Божий, а в процессе воспитания устремлен к подобию Божию, то уподобившись Христу, он обретет и Христову ментальность, и Христово мировоззрение, а значит, ему не будут страшны никакие дьявольские козни ментальной агрессии и ментальные войны. Вот так и воспитывались апостолы через принцип деятельной педагогики общаясь с массой людей, многократно путешествуя с Иисусом Христом по землям иудейским.

На формирование необходимых ментальных качеств и целостного мировоззрения у своих учеников-апостолов Иисусу Христу потребовалось около двух с половиной лет. Когда обучение завершилось и апостолы были подготовлены к своей будущей проповеднической деятельности, Господь их напутствовал такими словами: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы... Я с вами во все дни до скончания века. Аминь.» (Мф. 28: 20; Мк. 16: 14-19).

Через весь Новый Завет красной нитью проходит идея, что обученные, воспитанные и уверовавшие не только смогут, но и должны сами творить чудеса, ибо они становятся святыми и совершенными в том числе и в силе своего ментального совершенства. Ведь Иисус Христос после всех исцелений и

чудес говорил, что по великой вере людям даётся чудо. Например, Иисус Христос сказал женщине, исцеленной от 12-летних кровотечений: «держай, дочь! Вера твоя спасла тебя; иди с миром» (Лк. 8: 48). Прозревший слепой от рождения, став зрячим, с благодарностью сказал Иисусу Христу: «верую, Господи! И поклонился Ему» (Ин. 9: 38) и мн. др. В этой связи даже нет смысла опасаться ментальной агрессии или войны против нас. Если мы уверуем во Христа, если Господь с нами, то кто может даже осмелиться быть против нас, бросить нам любой вызов в любом спектре проблем, в том числе и в ментальной сфере?!

Для такого действенного свершения необходимо срочно ввести сам Образ, личностный Идеал, законы и каноны, привнесенные Иисусом Христом с Небес из недр Пресвятой Троицы, в Российскую систему образования (ОБРАЗ). Именно Он, Иисус Христос, воздвиген на самую вершину земной педагогической иерархии. Об этом писали все выдающиеся мыслители и педагогические светочи российского образования: С. Гогоцкий, П. Юркевич, Н. Пирогов, Х. Алчевская, и особенно К. Ушинский, 200-летие которого мы чествуем в этом году, который Указом Президента РФ В.В. Путина посвящен именно Педагогу и Наставнику. Об этом уникальном и идеальном образе Педагога, Учителя и Наставника, – Иисуса Христа, уже более 2000 лет утверждает и Евангелие: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос. Большой из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23:8-12) [20-21]. Исполнить это прямое Евангельское наставление может только Сакральная педагогика святости. Ибо она способна решать диалектику духовного-материального, сакрального-инфернального, естественного–сверхъестественного, мистического-обыденного, имманентного и трансцендентного. Этого не в силах сделать педагогика светская, секулярная.

Решая такие стратегические проблемы, от которых зависит судьба страны, народа и отдельно взятого человека, нужно предаться святой воле Божией, утверждаясь в истинности его спасительного призыва: «без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15: 1-8).

Итогом наших теоретических размышлений являются две практические перспективы деятельностного плана. Первое: посредством нового образовательного потенциала, созданного на базе Сакральной педагогики святости, сформировать духовное православное ядро в мировоззренческом пространстве внутреннего человека приходящих поколений. Второе: посредством этого же образовательного потенциала подготовить педагогический корпус учительства, который будет целенаправленно осуществлять денацификацию населения Украины после реализации задачи демилитаризации, по итогам достигнутой победы в специальной военной операции.

Л и т е р а т у р а

1. Ксенофонтов В.А. Ментальная безопасность государства // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (263). С. 108-113.
2. Ксенофонтов В.А. Антропосфера как важнейший театр современной войны // Вышэйшая школа. 2021. № 2. С. 37-40.
3. Коровин Валерий. Что такое ментальная война. // 29 марта 2021. : [Электронный ресурс] – URL: <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/opinions/2021/3/29/1091779.html>.
4. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24-35.
5. Ильницкий А.М. Ментальная война России // «Военная мысль», №8 за август 2021 г. : [Электронный ресурс] – URL: <https://amicable.ru/news/2021/08/02/19513/russia-mental-war/>.
6. Выступление Андрея Ильницкого, советника МО в Совете Федерации. // «Роль информации в большом противостоянии с Западом: будущее интернет-платформ в новой реальности». : [Электронный ресурс] – URL: <https://aftershock.news/?q=node/1114061&full>.
7. Путин назвал идеологию Запада сатанизмом. : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.autoparus.by/publication/95100>.
8. США уничтожает Россию-План Алена Даллеса –«ГАРВАРДСКИЙ ПРОЕКТ» – «ХЬЮСТОНСКИЙ ПРОЕКТ» : [Электронный ресурс] – URL: <https://russiasila.livejournal.com/2516.html>.
9. Факты о развале Советского Союза. Роль США в развале СССР. Часть I. : [Электронный ресурс] – URL: <https://masonstop.livejournal.com/31857.html>.
10. Миронов И.Л., Никитина С.С. Ментальная безопасность России: педагогические аспекты // Вестник СПб университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 182-184.
11. Коровникова Н.А. Ментальная безопасность в эпоху цифровизации // Социальные новации и социальные науки. – М.: ИНИОН РАН, 2020. № 1. С. 107-118.
12. Караваев И.Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная мысль. 2022. № 3. С. 35-42.
13. Ильницкий А.М. Ментальная война России // «Военная мысль», №8 за август 2021г. : [Электронный ресурс] – URL: <https://amicable.ru/news/2021/08/02/19513/russia-mental-war/>.
14. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С.24-35.
15. Культура как фактор национальной безопасности современной России / А. В. Костина [и др.]. – М.: ЛЕНАНД, 2021. 328 с.
16. Потапов Ю.А., Маюров Н. П., Миронов И. Л. Религиоведение в вузах МВД России в условиях постсекуляризма / Ю.А. Потапов, Н.П. Маюров, И.Л. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 4 (56). – С. 214-217.
17. Ментальная война. Война на уничтожение Русской цивилизации. : [Электронный ресурс] – URL: <https://matveychev-oleg.livejournal.com/11625934.html>.

18. Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). Иисус Христос как Педагог и современный педагогический университет. : [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iisus-hristos-kak-pedagog-i-sovremennyy-pedagogicheskiy-universitet>.

19. Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИИСУСА ХРИСТА. : [Электронный ресурс] – URL: <https://pravlife.org/ru/content/pedagogicheskie-metody-iisusa-hrista>.

20. Учительство Христа Спасителя. : [Электронный ресурс] – URL: <https://religion.wikireading.ru/546>.

21. Иисус как образец учителя. : [Электронный ресурс] – URL: https://otherreferats.allbest.ru/pedagogics/00095187_0.html.

Ilichenko V.I., Kononenko R.A. ORIGINS OF MENTAL AGGRESSION. SACRED PEDAGOGY OF HOLINESS AS AN EDUCATIONAL MEANS OF EFFECTIVE ENSURING OF MENTAL AND SPIRITUAL SECURITY (dialectic of spiritual – material, sacral – infernal, natural – supernatural, mystical – ordinary, immanent – transcendent)

Modern warfare has a systemic and multifaceted character. Tasks are set not only in terms of demilitarization of the enemy by combat means of destruction, but also through the destruction of the entire social system, completely new aggressive-destructive means are being built up in the spiritual and ideological sphere. The subjugation of the victim state to the will of the aggressor is achieved through the defeat of the consciousness of the individual, society, the occupation of the national information and mental spaces. Thus, the functioning of a new hidden space of a destructive effect on the enemy is ensured. Such an impact, in its origins, has a long history both in civilizational and mystical-spiritual space.

To resist any means of aggression, the means of protection have always been invented, providing, among other things, mental security. As an effective means of ensuring the mental and spiritual security of the country and the people, in the space of the Russian world, in this work, an educational resource provided by the Sacred Pedagogy of Holiness is chosen.

Ensuring mental security is directly related to the involvement of philosophical and theological knowledge, because the dialectics of the space in which interactions of this level take place are indicated by the following dual categories: absolute - relative, spiritual - material, sacred - infernal, natural - supernatural, mystical - ordinary, immanent - transcendent, sacred - satanic, etc. To fight and confront, and even more so to ensure one's own mental security, one needs appropriately trained personnel. Such cadres who can «solve everything» have the opportunity to be trained in the field of activity of the Sacred Pedagogy of Holiness.

Key words: *mentality, mental war and aggression, mental violence, mental security, man, consciousness, worldview.*

Ильченко Валерий Иванович – почетный профессор университета, кандидат педагогических наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Pchenko Valery Ivanovich – Honorary Professor of the University, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dalh State University».

E-mail: ivi.sacra777@gmail.com.

Кононенко Роман Анатольевич – аспирант кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Kononenko Roman Anatolyevich – post-graduate student of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dalh State University».

E-mail: roman.kononenko.75@mail.ru

Рецензент: Лустенко Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля» г. Луганск.

УДК 130.122:111.84

Архимандрит Варфоломей (Кузнецов)

ЗЛО КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ ОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются такие аспекты возникновения и существования зла, как свободная воля человека, соблазны и искушения, онтологизация зла, его значение в жизни личности как источника главной духовной опасности. Показаны способы формирования духовной безопасности внутренним и внешним человеком в пространстве цивилизации и культуры.

Ключевые слова: *добро, зло, феноменология зла, антропос зла, свобода, воля, нравственность, дискурс добра и зла.*

Современная трансформация культуры и ее многообразные проявления во всех сферах человеческого бытия выводят на одну из первоочередных проблем осмысления, существования и смысла такой категории, как зло. Современная теле- и киноиндустрия подают различные образы зла в качестве определенного образца, эталона, даже героизации зла, когда основные параметры дискурса человека и его бытия задаются интенциями зла и злотворения.

Такая тенденция не нова, но с уверенностью можно сказать, что широкое распространение она получила в последней четверти XX века, продолжается и сейчас, приобретая все новых поклонников и последователей. Такое явление приводит к разрушению основ традиционной культуры и традиционных ценностей, предлагает не новые ценности, а антиценности или квазиценности. Поэтому мы считаем должным исследовать истоки и социокультурные основы зла и его трансформаций в реальном бытии человека.

В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона

приведено определение В.С. Соловьева: «Зло – в широком смысле этот термин относится ко всему, что получает от нас отрицательную оценку, или порицается нами с какой-нибудь стороны; в этом смысле и ложь, и безобразие подходят под понятие зла. В более тесном смысле зло обозначает страдания живых существ и нарушения ими нравственного порядка» [1, с. 73]. Уже со времен манихейства человечество пыталось объяснить не только природу и истоки зла, но и ответить на извечно угнетающий человека вопрос о причинах возрастания зла в мире. В конечном счете ответ состоял в том, что наш мир не заслуживает любви, а заслуживает уничтожения, так как люди творят и множат зло. Однако в этих рассуждениях есть один момент, на который почти не обращается внимание – *как зло в качестве обстоятельств жизни изменяет природу человека, пытается изменить его душу*. Об этом взаимовлиянии социума и зла впервые четко и осознанно было написано в Святом Писании: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся» (2Тим. 3: 1-5). Действительно, с развитием цивилизации (успехов технологий, роста массовых организаций и тоталитарных политических идеологий) человеческие страдания только усугубляются все новыми возможностями приносить страдания друг другу, что сопровождается отчуждением зла и добра от человека, обезличиванием структуры современного общества, когда покорность судьбе, безнадежное отчаяние, психотерапия, НЛП, наркотики, алкоголь, виртус бытия становятся самостоятельной, не подвластной человеку силой и требуют просто отречения от жизни. Зло и страдание слились в единый поток, в глубинах которого вызрела необходимость анализа духовной жизни, которая дает человеку надежду на победу над злом.

Н. Бердяев справедливо писал, что зло и страдание есть проблема духа. Так возникает «триада зла» – зло-страдание-страх как проблема философской антропологии.

Все мировоззрения и религии дают свое решение этой проблемы. Фактически она составляет две группы проблем, одна из которых теоретическая (теологическая), а другая – группа практических проблем при реальных столкновениях со злом в его разных обличьях. Как писал митрополит Минский и Слуцкий Филарет, в практическом соприкосновении со злом и в его теоретическом осмыслении человек сталкивается с парадоксом: чтобы понять суть зла, надо с ним столкнуться на практике, но, с другой стороны, Св. Писание говорит нам обратное: отвращайтесь зла (Рим. 12: 9). Решение этого парадокса состоит в признании того, что зло и его источник в самом человеке. *Следовательно, для его познания очень важной является феноменология зла в его противостоянии добру как изначальной основы бытия*. Автор книги

«Премудрости Соломоновой» говорит: Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих, ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле. Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть (Прем. 1: 13-15).

Проблематика зла является внутренне неоднородной. Она исследуется во множестве философских и социокультурных концепциях.

В философии Сократа, например, зло является случайностью, которую человек совершает по незнанию, путая добро со злом. Средством против зла Сократ считал знание. По Платону же добро и зло – одинаково реальны. При этом добро относится к миру идей, а зло – ко всему чувственному, видимому, изменчивому. Он полагал, что Бог, каким он себе его представляет, не может быть причиной какого бы то ни было зла. Но если зло все-таки есть, то либо Бог не благ, поскольку творит зло, либо он не единственная причина мира, потому что помимо него в космосе действуют иные силы, обуславливающие наличие зла. Таким образом, с самого начала в платонизме проблема зла требовала осмысления и решения в качестве теодицеи. Внутри платонической традиции не было выработано единого представления о природе и источнике зла. Вещами, «смешанными с небытием», является всё чувственное, объекты физического мира, подверженные возникновению и уничтожению, поэтому зло мы должны искать здесь. Зло – противоположность блага, поэтому если благим и самим по себе Благим мы полагаем, соответственно, бытие и сверхбытие, то противоположностью бытия оказывается небытие. Но небытием в платонизме называется материя. Следовательно, искомой сущностью зла с неизбежностью оказывается первая материя. Наиболее продуктивное решение этой проблемы дает христианское богословие. Известное и часто цитируемое высказывание блаженного Диадоча Фотикийского (V век): «Зло – не есть; или вернее, оно есть лишь в тот момент, когда его совершают». В этой формуле выражена самая суть зла, но это не «сущность» в философско-богословском значении этого понятия. Другими словами, источник зла – не в устройении объективного мира, а в воле. *Источником зла являются те существа, которые обладают волей.* Совершаемое человеком зло наносит вред не только самому грешнику, но и другим людям. Из подобного понимания зла выстраивается логика противостояния злу и дает возможность понимать более объемно сущность человека как внутреннего, так и внешнего. Воля – это и решающий выбор мотивированного поступка, и возможная причина внутреннего страдания. В этой «душевной драме» выбор добра не дается легко, и, более того, человек не может совершенно избежать зла. Такое своеобразное понимание двойственности человеческого сердца имело особое значение в формировании европейского морального сознания.

Так постепенно формируется историко-философский и теологический дискурс добра, зла, страдания человека как волящей личности в традиции, ставшей основным содержанием русской философской мысли. Позднее Ф.М. Достоевский скажет, что «достоинство и подлость есть в каждом

человеке, его сердце – арена борьбы добра и зла» [2, с. 176].

Для европейской культуры «приятие зла», «поклонение злу» нехарактерны. Самые неприглядные поступки скорее маскируются под благо, чем прямо называются злыми. Здесь, пожалуй, и корень феномена оправдания своих плохих поступков человеком и «прозрачности зла», что, в сущности, делает невозможным в дискурсе Запада рассматривать зло, и тем более видеть в нем источник духовной опасности. Это особенно принципиально и важно стало понимать в условиях СВО, когда неофашизм не может и не хочет замечать, что он служит по сути господину зла, врагу человеческого рода. Так в «лучах» проблемы зла вскрывается трансгенность смысла добра и зла и его восхождение к Сверхсмыслу Вечности и Вечной жизни.

С моральной точки зрения зло есть нарушение человеком божественных заповедей, т.е. грех. Оно рождается порочными устремлениями и желаниями, следовательно, порочной волей, нарушая порядок Целого. Остается выяснить, откуда исходит порочная воля. Августин дает следующий ответ. Воля по своей сущности стремится к благу, поскольку человек как таковой не зол по природе, но стремится к добру. Но он может предпочесть высшему благу – низшее и тем самым нарушить божественную иерархию. Такое «перепутывание» ценностей, когда низшее начинает незаконно занимать место высшего, обусловлено свободой человека и целиком ложится на его совесть. Люди склонны стремиться не ко злomu, а к земному, осязаемому, приносящему скорый результат, забывая о божественном. Порочность, однако, состоит не в обращенности к земному, а именно в забвении о божественном. Отпадение от добра и есть коренной источник порочной воли. Добро есть «норма бытия», зло – изъян, нарушение нормы. Апостол и евангелист Иоанн Богослов учит, что наша жизнь – это образ света и тьмы. Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы (1 Ин. 1: 5). Добро – адекватная реализация божественного плана. Моральное зло – человеческий грех. Это предательство добра, измена ему.

С точки зрения физической зло представлено болезнями, недугами и, наконец, смертью, которая, по слову Апостола, есть последний враг человека (1 Кор 15: 26). Причина этого вида зла вполне определена – она в грехопадении первых людей. Совершенство созданного Богом мира было разрушено фактом грехопадения. Через него в мир вошли несовершенства, муки, страдания и смерть.

Представления Августина о личностном характере добра и зла связано и с осознанием в европейской культуре роли личностного действия, ответственности за поступки. Зло проявляется в нас самих и нередко овладевает нами. И потому теодицея связана с антроподицеей – «оправданием человека», не случайно в традициях современной квазикультуры, олицетворяемой современным коллективным Западом, ответственность за причиняемое зло перекладывается на Россию.

Познавая самого себя, человек переносит представления о себе на других людей, а стремление к собственному благу становится фактором формирования

нравственной культуры. Показательно, что Августин в своих рассуждениях не допускает возможности переноса зла в сферу «природы». Он создает как бы особое пространство «человеческого рода», в котором природа человеческих отношений искажается злом-грехом. В нашем исследовании эта идея реализована в концепции социума как диалектического единства человека, цивилизации и культуры в их отношениях с Абсолютом. «Естественное» в этом человеческом пространстве добро – это уже не добро в «чистом виде», оно функционирует наряду с греховными людскими деяниями. Данное состояние приводит к тому, что способность различения ценностей катастрофически разрушается. Между пониманием того, в чем заключается истинное благо, и реализацией этого понимания в жизни лежит пропасть, требующая воли и нравственных усилий. Дефицит нравственного усилия человека может быть компенсирован только духовной жизнью.

Однако XXI век, расширив область зла, *создает антропос зла*, в котором как в относительной и привычной земной целостности начинает проявляться императивность и относительная творческая активность зла, которая, конечно, носит исключительно антропологический характер. Можно даже сформулировать вопрос так: а обладает ли оно активностью вообще? Августин бы ответил отрицательно: активность злу сообщает воля, но воля-то как «природный» инструмент не плоха, она имеет положительное свойство. «Сила зла» в таком случае – не только сложное, составное понятие, но и в некотором смысле антиномичное: зло ослабляет, обессиливает физические и нравственные основы человека. Однако Августин уверен в торжестве добра. Смысл «Исповеди» Августина – это не только обращение к Богу, но обращение к себе как личности, разговор с самой собой, когда человеческое «Я» направлено внутрь себя, а ему навстречу из глубины души идет второе «Я» и происходит диалог человека с внутренним человеком [3, с. 43]. Мысль направлена к разуму, совести и к Богу. Человек задумывается о своих мыслях и поступках, ощущает свой внутренний мир, свое становление как личности, осознает свое бытие в мире. Посредством психологического анализа души Августин дает свое понимание духовности личности, обращая при этом внимание на важную ее составляющую – память. Будущий «Град Божий», о котором говорил Августин, – это не только «надмирный» феномен, не только «духовный» мир человеческой нравственности, но и нравственно устроенное человеческое общество. Следует также отметить, что Августин не имеет в виду, что все члены этого сообщества «безгрешны». Совершенно безгрешных среди живущих в земных условиях людей нет. И всё же принадлежащие «Божьему граду» ищут «славы Божьей», а не своей – это решающее положение для успешного формирования духовной безопасности. Устранение порочного индивидуализма, стремления человека к атомарному существованию ведет к постоянной борьбе между людьми во имя своей корысти, достижения земных благ за счет порабощения другого лица – социального зла, в основе которого лежит человеческая «гордыня», произрастающая в пространстве цивилизации.

Эгоизм, гордыня являются грехом, который приводит к исканию личных выгод, к социально неравномерному распределению земных благ и, как следствие, к господству одних групп людей над другими. Между тем как стремление к духовно-нравственному единению есть некий изначальный и естественный закон.

Наше понимание того, что есть добро и зло, во многом определяется мировоззренческим восприятием бытия, что, в свою очередь, влияет на нравственную ориентацию и содержание жизни как внешнего, так и внутреннего человека. Ошибка в решении вопроса о добре и зле непременно порождает ложноинтеллектуальный и ложнодуховный опыт. Нравственный выбор особенно остро ощущается в периоды социальных революций, распада государств и империй, когда рушатся устои жизни и сужается до прагматизма горизонт целого. Рождаемый в таких условиях индивидуализм в качестве нормы бытия оборачивается безразличием к судьбам людей, для которых еще остаются в почете совесть, честь, порядочность, патриотизм.

В решении проблем, исследуемых нами, оказывается чрезвычайно важной проблема Абсолюта как абсолютного ориентира в социальном хаосе (иммигрирующего под теос бытия) добра-зла и квази-добра и квази-зла.

И. Кант в понимании природы зла – реалистический оптимист, он верит в то, что в человеческой природе укоренена моральность, но понимает, как трудно бывает человеку на нее опереться. Выполнение категорического императива означает, по И. Канту, победу нравственной воли над злом.

Между тем в мире сегодня зло увеличивается в геометрической прогрессии и растет его агрессивность. Если обратиться к метафоре, и представить зло в виде ложки дегтя, то оно способно испортить целую бочку меда, тогда как ложка меда мало повлияет на бочку дегтя. В этом особенность асимметричности добра и зла по отношению к человеку и социуму – *антропологическая асимметрия зла*. Зло способно агрессивно пропитывать все социальное бытие человека, несмотря на то что зло не присуще первоначальной природе человека и не вписано в структуру бытия, – как болезнь не есть природное состояние человека, так и зло является привнесенным фактором. Поэтому, в глубине души, каждый человек воспринимает зло не только как угрозу, исходящую от «другого», но и сам человек, творящий зло, переживает осознание зла как пробуждающийся голос совести. Зло есть ненормальное состояние человека, нормальное его состояние – это гармония, как соответствие внешнего человека – внутреннему, духовному, профанного – сакральному. Поэтому когда человек начинает делать зло сам или испытывает зло со стороны другого, он воспринимает это как нарушение гармонии, как смуту, беспокойство. И тогда человек предпринимает попытки оправдать зло, чтобы успокоить свою совесть. Это и есть механизм, который мы интерпретируем как искушение. Не случайно искушение в богословии именуется термином «прелесть», – слово, которое со временем стало зло прятать в кокон позитивных эмоций.

На наш взгляд, сложный механизм оправдания зла, его онтологизация необходимы человеку для того, чтобы объективировать зло. Но человек, объективируя зло разными способами, выносит его за свои собственные пределы. В этом состоит антропологическая сущность зла и так зло проникает в антропологическую сущность человека. Победить зло и избежать прелести человек сам не в состоянии после такой объективации. Победа возможна с Божьей помощью. Св. Писание, когда говорит: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим 12: 21), – отсылает нас к Господу.

Поскольку жизнь человека многогранна, в некотором смысле универсальна, то так же универсально и многообразно проявление зла. И на каждую форму существования зла человечество вырабатывает разные способы объективации зла, своеобразную «позолоту» на зло, свое как бы облагораживание, оправдание зла. Объективация человеком зла выражает еще одну его важную онтологическую особенность: зло не выбирает прямых путей, оно всегда косвенно проявляется через благообразные, незаметные, прозрачные формы зла, или ищет пути борьбы со злом. Подводя итоги краткого экскурса в становление дискурса о зле в истории его познания, можно сказать, что зло:

- во-первых, антропологично, оно не рождено извне, оно рождается самим человеком. Онтология зла имеет границы, и границей этого зла является человек и его деятельность;

- во-вторых, зло настолько многообразно и многолико, насколько разнообразна и многостороння жизнь человека. Иными словами, зло может проявляться во всех сферах жизнедеятельности человека;

- в-третьих, проявления зла возможны также на различных качественных уровнях. Например, в цивилизационном пространстве, во внешнем человеке, зло проявляется в виде феноменальных актов, имеющих негативные последствия как для человека злотворящего, разрушая его как личность, так и для человека «другого», трансформируя его потребности. В плоскости культуры зло предстает как идеализированный образ, воплощающий в себе не только феноменальные проявления, но и обобщенные представления человека о негативном опыте взаимодействия с миром;

- в-четвертых, человеку свойственно предпринимать попытки объективировать зло, тем самым подтверждая его онтологическую сущность. Формирование духовной безопасности означает воспитание в себе потребности в онтологизации добра.

Л и т е р а т у р а

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Изд-ли Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – С.-П.: 1894. – Т. XII-А. – 963 с.

2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1976. Т. 28. – Кн.1. Письма – 1832-1859. – 1985. – 552 с.

3. Августин Блаженный. Исповедь. Пер. с лат. М.К. Сергеевко. Вступит, статья А.А. Столярова. – М.: Издательство «Ренессанс», 1991. – С. 43.

Kuznetsov D.V. EVIL AS THE BASIS OF A PERSON'S SPIRITUAL DANGER

The article examines such aspects of the emergence and existence of evil as human free will, temptations and temptations, the ontologization of evil, its significance in the life of a person as a source of the main spiritual danger. The ways of forming spiritual security by an internal and external person in the space of civilization and culture are shown.

Key words: *good, evil, phenomenology of evil, anthropos of evil, freedom, will, morality, discourse of good and evil.*

Кузнецов Денис Владимирович – архимандрит Варфоломей, магистрантик теологии, соискатель кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», наместник Свято-Иоанно-Предтеченского монастыря.

Kuznetsov Denis Vladimirovich – Archimandrite Bartholomew, the Master-analyst of Theology, applicant of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University», the Abbot of Monastery of St. John the Precursor.

E-mail: kaf.filosofia.teologia@yandex.ru

Рецензент: Исаев Владимир Данилович – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

УДК 130:2

Протоиерей Александр Пономарев

**ИДОЛЫ ОПАСНОСТИ И ИДЕАЛЫ БЕЗОПАСНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА В БЫТИИ АНТРОПОСА И ТЕОСА**

В работе рассматривается структура ментальной войны, когда происходит дискредитация традиционных для русского общества идеалов и их подмена дьявольскими идолами. Анализируются причины такой подмены на основе рассмотрения диалектики цивилизации и культуры, теоса и антропоса как основных обстоятельств бытия человека и социума.

Ключевые слова: *антропос, теос, внутренний и внешний человек, культура, цивилизация, антропологический диссонанс, ментальная война, структура ментальной войны.*

Одна из идей, которая обосновывает актуальность темы, заключается в том, чтобы понять, как человек XX столетия впал в духовный кризис, когда он по каким-то причинам подменил душевную жизнь квазидушевной жизнью. По сути это онтологически означало «прощание» с теосом и полный переход в

антропос [1, с. 128-162]. Такая подмена делает человека не оптимистом, а КАК БЫ оптимистом: он просто отодвинул горизонт, за которым скрыт темный коридор с наглухо запертой дверью безысходности. В случаях такой подмены место идеалов занимают идолы, перед которыми внутренний человек оказывается беззащитным.

Естественно, что в современном обществе сопряженные пространства культуры, квазикультуры, цивилизации и квазичивилизации постоянно продуцируют ситуацию духовной опасности ввиду указанной подмены. Информация, которая идет со стороны культуры на человека и на цивилизацию, – это сигналы, которые императивно запускают соответствующие программы сохранения человеческого в человеке. Эти сигналы несут энергию созидания, «самостоянья» человека. По сути своей это та самая энергия, которая в христианстве называется любовью. И в этом смысле можно дать самое короткое определение информации в пространстве культуры: **информация культуры есть любовь, а любовь – высшая степень антропологической гармонии.**

По нашему мнению, решение проблемы роли теоса и антропоса в современных ментальных войнах, когда конфигурация их взаимодействия рождает либо антропологическую гармонию, либо антропологическую дисгармонию, зависит от метода анализа этого процесса взаимодействия: анализ осуществляется со стороны культуры или же со стороны цивилизации.

В этом порочном круге порождающих друг друга проблем – «голод-изобилие» и «гаджет-молитва» – формируется социумная сущность бытия внутреннего и внешнего человека в поисках гармонии, которую мы называем антропологической. В обозначенном круге все более и более важным становится «гаджет». Речь идет о все нарастающей цифровизации как нового и ведущего способа бытия цивилизации.

Цивилизационная информация есть тоже сигналы, но в отличие от культурной эти сигналы адресованы исключительно внешнему человеку. Внешний же человек начинает действовать во имя эгоистических целей, которые ставит перед ним цивилизация: «Если Бога нет – все позволено!», – это не только знаменитый вопрос Мити Карамазова. В Писании сказано: «Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”» (Пс 13: 1), – чем более внешний человек довлеет над внутренним, тем более он становится безумцем. Так что антропологическая дисгармония как рассогласование теоса и антропоса есть ни что иное, как безумие, и в этих обстоятельствах стократ возрастают поиски успешной стратегии в ментальной войне, потому что в достижении господства над внутренним внешним человек не знает никаких преград.

Столкновение информации разного качества и уровня, коллизии внутреннего и внешнего человека проходят, условно говоря, в центре социума в виде кризисов, характерных для жизни современного человека и общества. Эти кризисы тем сильнее, чем больше система образования, обслуживающая цивилизацию, помимо всего прочего, отделяется от Церкви. В итоге ослабевает

действие духовно-культурной информации, которая только и формирует душу внутреннего человека. В этом случае из учебных заведений выпускается зачастую не только бессовестный внешний человек, но и робот-отморозок, способный на любое преступление.

По своей сути цивилизационная информация не привлекательна для человека, поэтому она маскируется под информацию культуры. Это отраженный свет, который как-то светит, но не греет. И еще неизвестно, что лучше: полная темнота или свет отраженный, который не греет. Такая информация появляется, генерируется и производится в точках социума квазицивилизации и квазикультуры. Эти точки выполняют роль позолоченных, подслащенных пилюль наркотика. Не об этом ли сказано: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то низвергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 15-16).

Вся структура социума постоянно находится в движении. Это движение создается движением людей, мотивируемых и одновременно строящих антропос и теос. Одни люди, массы, группы движутся из цивилизации в культуру. Другие – из культуры в цивилизацию. Третьи – стоят у кризисной черты и переживают стресс кризиса. Четвертые – находятся в крайней точке цивилизации, соблазняясь «лжехристами». Пятые – в крайней точке культуры, погружаясь в аскезу, святость и духовность. В каждой такой точке, в каждой такой позиции отдельный человек или группа людей по-разному воспринимают информацию и пользуются ею, совершенствуя или разрушая антропос. В общем виде можно сказать, что для информации как таковой, как полезности, как средств управления, а, значит, и манипуляции открыт более всего внешний человек, и внешний человек становится сущностью человека в пространстве цивилизации, и особенно в поле квазицивилизации, и он же становится объектом ментальной войны. Индустрия производства информации делает все более успешной проникновение информатизации в учебный процесс, а через него не только в сознание внешнего человека, но и в сердце внутреннего [1, с. 271]. Однако если движение человека в сторону цивилизации не требует особых усилий, то движение в сторону культуры должно сопровождаться осознанным, волевым усилием. Конечно, внешний человек активно движется в сторону полюса цивилизации, но одновременно внутренний человек может двигаться в сторону культуры. Это и есть *«антропологический диссонанс»* по аналогии с когнитивным диссонансом, который также «участвует» в формировании антропологической дисгармонии, порождаемой ментальной войной. Исследуя пути выхода из нее и пути достижения победы внутреннего человека, можем на основании изложенного сделать вывод о том, что одним из важнейших таких путей является правило, которое должно стать важнейшим постулатом современной педагогики: **система образования должна формировать и развивать в человеке потребность во внутреннем человеке**, не отчуждая его и вырабатывая иммунитет против соблазнов, рассчитанных на человека внешнего и тем самым

формировать способность воспринимать сакральную информацию, информацию искусства, информацию культуры, информацию нравственную, информацию эстетическую, т.е. все то, что сегодня в век виртуализации практически исчезло из нашего культурного пространства и превратилось в квазикультуру. Поэтому так важно сегодня научить человека слушать классическую музыку, бескорыстно восторгаться поэзией, цветами, красотой солнечного заката и, в конце концов, идя по этим ступеням, как по лестнице Иакова, дойти до того, чтобы услышать голос Бога в себе – стяжать Духа святого. Поэтому в процессе воспитания, которое сегодня по сути является важнейшим проявлением ментальной войны, серьезная и ответственная роль отводится самому воспитателю, чтобы он не увел своих воспитанников исключительно в соблазны информатизации с ее побочным результатом, которой обязательно становится рано или поздно главным и предопределяет развитие внешнего человека и губительное воздействие на человека внутреннего.

В детском возрасте человек (ребенок) представляет и повторяет собой во многом Адама до впадения его в грех. Это очень точно, гениально выразил Э.Я. Маршак [26] в одном из своих лирических стихотворений, когда написал:

«Года четыре был я бессмертен,
Года четыре был я беспечен,
Ибо не знал я о будущей смерти,
Ибо не знал я, что век мой не вечен».

По мере того, как человек взрослеет, он узнает о конечности своей жизни, и чем больше узнает, тем больше начинают «состязаться» его духовность, его душа и его тело за то, чтобы в этот краткий миг бытия наполнить свои потребности и исполнить свои желания. Формируются генеральные потребности: запастись побольше ресурсами, чтобы потом жить в свое удовольствие. Алгоритм такого бытия: вот разбогатею, а потом ..., вот заработаю, а потом Погоня за этими ресурсами объективно вводит человека в цивилизацию. И чем больше он включается в цивилизацию, тем меньше он думает о вечности и о вечной жизни. Так деформируется гармония душевного и духовного, которая вместе с рождением дарована нам. Восстановить гармонию также трудно, как реально возвратиться в детство.

Попав и будучи плененным логикой и законами цивилизации, человек все более и более сдвигает свою жизнь в сторону потребностей внешнего человека.

Образно говоря, человек пытается уложить свою душу в связи с этим на «кровать цивилизационного комфорта». И только тогда, когда он уже не может жить без такой кровати, его душа вдруг замечает, что кровать эта не что иное, как прокрустово ложе. Тело навязывает душе различные способы побороть страх и даже ужас перед *осознанием стандартов Прокруста – правил и законов цивилизации*. В христианской философии и богословии давно осознано понимание того, что в мире праведность возможна исключительно посредством сознательного входа в пространство культуры и форматирования этого

пространство как пространства теоса. Да, человек не может возвратиться в детство реально и вернуть утраченную гармонию, но он может **последовать Христу, сказавшему**: «И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3). В детство возвратиться нельзя. Но можно войти в культуру, а через нее – в теос посредством духовности как инструмента такого вхождения. Это путь сложный, требующий огромных усилий, требующий жертвенности цивилизационным комфортом. Но иначе покинуть прокрустово ложе цивилизации невозможно.

Метафизическая реальность не дана человеку непосредственно через органы чувств, ее постижение возможно либо через веру (понятие о вере по Апостолу Павлу: «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11: 1)), либо, говоря современным языком, через перекодировки трансцендентного, в данном случае Духовного, – с языка рассудка на язык разума. Мы имеем в виду методологию Гегеля, который для того, чтобы остаться в рамках философии (разума) и анализировать трансцендентное, ввел понятие «Абсолютной идеи», вокруг которой и построил диалектическую логику, объяснившую взаимодействие имманентного и трансцендентного.

Каждый человек может построить собственный (личный) теос, то есть такое пространство, которое реально даст возможность соединить трансцендентное с имманентным. Содержанием такого теоса становится его душевная жизнь, его дух на пути к Духу. Реальность построения, создания такого пространства доказала практика исихазма, исследованная в работах С.С. Хоружего [2, с. 125-135], который показал, что на этом трудном пути человек может преодолеть трудности, найти в себе силы встать с прокрустова ложа комфорта цивилизации, преодолеть ее соблазн, соединившись с Богом. Учение исихастов, философски осмысленное С.С. Хоружим, есть, по существу, учение о синергии энергии человека и божественных энергий. Мы считаем, что подобная синергия возникает лишь на пути восхождения человека к Богу путем преодоления следующих 7 ступеней.

1 ступень: от внешнего человека к внутреннему;

2 ступень: от законопослушания к законоцелполаганию и его соблюдению;

3 ступень: осознание дисгармонии собственного внутреннего и собственного внешнего человека;

4 ступень: «якобы возврат к внешнему человеку в поисках гармонии, борьба с соблазнами цивилизации;

5 ступень: осознание необходимости аскетизма, неизбежности жертв и страданий, осознание возможностей антропоса;

6 ступень: переход к Теосу;

7 ступень: через Теос исправления духовности на Духовность и осознание необходимости религии, то есть восстановление связи с Творцом.

На этом пути и строится личный теос с обретением вечности и идеалов как цели вместо своего личного внешнего антропоса как временного, как места рождения идолов с дегуманизацией и усилением пространства душевной дисгармоничности и антропологического диссонанса.

Гегель в «Феноменологии духа», рассказывая о путешествия человеческого духа как Духа вообще, по сути имплицитно изложил закон становления и развития всякой системы в ходе ее самостроительства и самопознания. А цивилизация и культура вместе со своими «квази» составляют именно единую такую систему – социум.

У Гегеля речь идет о принципе, согласно которому всякое нарушение системности на пути становления духа (редукция системы к одному из элементов, ускорение развития «выпрямления» или «перепрыгивание» через некоторые этапы) сразу искажает само развитие: истина становится ложью, система выворачивается наизнанку, человек живет в событиях неадекватного ему мира, пространство цивилизации и культуры оборачивается пространством квазикультуры и квазичивилизации. Наши ментальные враги как раз стремятся нарушить логику целостности мира в угоду своим интересам. Это происходит, очевидно, всегда, когда субъективная воля навязывается объективному ходу вещей, когда она подменяет волю объективную, когда человек, реализуя божественный дар свободы, пытается изменить замысел о нем Творца. Этот принцип, или, если хотите, закон оказывается довольно конструктивным и эвристичным для такого специфического вида деятельности, которым является преодоление трагедии личностного бытия человека на пути из цивилизации в культуру. Именно здесь чаще всего появляется соблазн навязать объективному ходу вещей субъективную волю.

Вообще, европейское философское наследие, особенно последние исследования по этой проблеме, свидетельствуют о том, что для европейского мировоззрения почти не существует существенной разницы между культурой и цивилизацией, а это многое объясняет.

Один из выдающихся социологов и антропологов Марсель Мосс в своей работе «Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах» [3] подчеркнул, что *человек – экономический не в прошлом, он в будущем*. И это будущее уже наступает. Экономика, говоря философским языком, получает статус метафизической системы. Центром цивилизации окончательно становится **Я**, а все остальное превращено в средство. Поэтому человек экономический чувствует себя комфортно именно в цивилизации.

Антропос, утративший теос бесплоден в отношении творчества и созидания. Слова Н.А. Некрасова «... варвары, скопище пьяниц. Не создавать – разрушать мастера!» – это как раз о людях цивилизации, утративших культуру. *Логическим завершением этого пути является союз идолов с сатаной – фашизм.*

Л и т е р а т у р а

1. Исаев В.Д. Возвращение в культуру. (Опыт философии нашего времени): Монография / Владимир Исаев. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2003. – 463 с.
2. Хоружий С.С. Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. – М., 1995. – 368 с.
3. Мосс Марсель. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах. // : [Электронный ресурс] – URL: https://royallib.com/book/moss_marsel/ocherk_o_dare_forma_i_osnovanie_obmena_v_arhaicheskikh_obshchestvah.html.

Ponomarev A.V. IDOLS OF DANGER AND IDEALS OF HUMAN SECURITY IN THE BEING OF ANTHROPOS AND THEOS

The paper examines the structure of mental warfare, when the traditional ideals of Russian society are discredited and replaced by devilish idols. The reasons for such substitution are analyzed on the basis of consideration of the dialectics of civilization and culture, theos and anthropos as the main circumstances of human existence and society.

Key words: *anthropos, theos, inner and outer man, culture, civilization, anthropological dissonance, mental war, structure of mental war.*

Пономарев Александр Владимирович – протоиерей Александр, магистрантик религиоведения, соискатель кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. Владимира Даля», настоятель храма в честь иконы Божьей Матери «Умиление», г. Луганск.

Ponomarev Alexander Vladimirovich – Archpriest Alexander, Master-Analyst of Religious Studies, candidate of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University», head of the Church in honor of the icon of the Mother of God «Tenderness», Lugansk.

E-mail: umilenielugansk@gmail.com.

Рецензент: Исаев Владимир Данилович – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. Владимира Даля».

ЦЕРКОВЬ, СЕМЬЯ И ОБРАЗОВАНИЕ КАК СИСТЕМНЫЙ ИСТОЧНИК МЕНТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В данной статье рассматривается профиль невоенных угроз национальной безопасности России, связанный с переносом вектора агрессивного воздействия непосредственно на сознание россиян в рамках ментальной войны. Обосновывается необходимость возрождения духовно-нравственного идеала России (примером которого есть Христос), который даст силу нашему народу противостоять силам зла и ментальному разрушению. Предложены некоторые направления разработки и внедрения стратегии ментальной безопасности в контексте сотрудничества Церкви, семьи и школы как системного источника этой самой безопасности.

Ключевые слова: ментальность, ментальная безопасность, Православие, Церковь, семья, школа.

Без Мене не можете творити ничесоже.

Ин. 15:5

Поверьте мне, Россия погибнет только тогда, когда в ней иссякнет Православие.

В.И. Даль

Термин «ментальность» происходит от латинского «ум, мышление, образ мыслей, душевный склад», означая общую душевную настроенность, относительно целостную совокупность мыслей, верований, навыков духа, создающую мировоззренческую картину мира. Ментальность представляет собой как характеристику типа мышления (сознания), так и подсознательной деятельности мозга.

Человек и общество живут в пространстве традиций, стереотипов, установок, систем ценностей. Общность истории, культуры, традиций и территории – это самоидентификация, а понимание смысла сегодняшнего дня, четкость целей и ценностей – это мировоззрение. Первое и второе составляют идеологию развития государства и общества, которая, в свою очередь, определяет и формирует стратегию развития страны, без которой невозможно целенаправленно двигаться вперед, ибо, как отмечал древнеримский философ Сенека, «у корабля, не знающего своего курса, не бывает попутного ветра» [12, с. 216].

Для русской цивилизации Православная Вера имеет определяющее и формирующее значение. Она лежит в основе нашего цивилизационного кода (не в этническом, но в онтологическом понимании человека), воспитала

характер русского человека, стала основой его мировоззрения и культуры, духовным стержнем России.

В основных доктринальных документах США по внешней и военной политике Российская Федерация (РФ) закреплена как противник [10, с. 14].

Но поскольку Россия обладает достаточным потенциалом ядерного и неядерного сдерживания и способна нанести любому потенциальному геополитическому противнику неприемлемый для него ущерб, полномасштабное военное столкновение с ней признается коллективным Западом непозволительным, несмотря на его довольно агрессивную риторику [6, с. 19-33].

Тем не менее задача ликвидации России остается актуальной в стратегической повестке США и Запада в целом.

Ввиду того, что в течение многих веков попытки захвата России военным путем не имели успеха, Западный мир пришел к осознанию того, что поработить русский народ можно лишь разрушив его изнутри, переформатировав сознание людей, уничтожив веру и систему ценностей, понимание смысла нашей истории и цивилизации, всё то, что наши предки собирали 1000 лет с момента Крещения Руси.

Помимо стремления овладеть нашими ресурсами и территорией, их главной целью есть русская цивилизация – уникальный тысячелетний субъект с православной верой, многонациональной культурой, со своим культурно-историческим кодом, со своей миссией в истории и предназначением в современном мире [7, 9, 13].

Задача США и их союзников – уничтожить русский народ, устранить российское государство как препятствие на пути установления нужного им мирового порядка (антихристианского).

Поэтому главнейшее направление ментального удара по России – православная вера, сакральные и символические области духовных основ нашего народа, ее история и культура. Понимая всю силу Православия, противники стремятся его сокрушить. В начале 90-х годов главный американский «специалист по России» Збигнев Бжезинский заявил, что после крушения коммунизма и установления политического контроля над Россией главным врагом Америки стала Русская Православная Церковь.

Русская Православная Церковь есть объединяющее начало русской народности. Русский народ составил из себя самобытный мир, и теперь он имеет свою отличную от других духовную физиогномию. Однако наш народ, некогда благочестивый и верный Господу, народ-богосец, постепенно утрачивает нравственные ориентиры. Подвергается разрушению многовековой уклад народной жизни, дух благочестия и нравственные ценности.

Постановка проблемы. Объединить Церковь, семью и систему образования в единый духовный комплекс как педагогический инструмент по формированию русского самобытного ментального и мировоззренческого ядра сознания у входящих поколений. На данном историческом этапе такого

единства и союза в полной мере не существует, а значит – нет эффективного средства для обеспечения ментальной безопасности государства и народа РФ.

Цель исследования. Теоретически обосновать необходимость создания системного объекта в виде диалектического единства Церкви, семьи и системы образования и практически апробировать его для решения проблемы обеспечения ментальной безопасности страны и народа РФ.

Основная часть. Для самосохранения наше общество должно быть заинтересовано в оживлении того духовно-нравственного идеала (примером которого есть Христос), который в течение веков определял поведение и поступки миллионов русских людей. Лишь воцерковление нашего народа сегодня способно его возродить и духовно оздоровить, воскресить Россию и дать ей силы вновь стать Святой Русью, способной противостоять силам зла и ментального разрушения, что особенно актуально в наши дни. Актуальность данной темы подтверждается указом Президента РФ В.В. Путина от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Ментальная война предполагает комплексное воздействие, направленное как на информационное поле, так и на сферу чувств, эмоций и настроений населения страны – жертвы агрессии; это война, направленная на изменение мировоззрения противника. Она носит «поколенческий» масштаб. Её последствия сказываются не сразу, а через поколения. Как пример ментальной войны можно привести всем неизвестный план Аллена Даллеса (директора ЦРУ 1953-1961 гг., одного из организаторов разведывательной и шпионско-диверсионной деятельности против СССР и других соцстран, идеолога холодной войны) «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР», 1945 г., который с точностью, даже в деталях, реализовывался на протяжении десятилетий, приведя к распаду великого государства СССР.

Информационная среда предоставляет возможность создания, по сути, нового оружия массового поражения ментального действия, направленного на сознание людей и социальных групп посредством «коррекции» информационного поля, навязывания мнений, предпочтений и даже прямой дезинформации. По эффективности своего разрушительного воздействия на государство и социум возможности применения насильственных средств на сознание человека во многих аспектах существенно превышают эффект, достигаемый при использовании обычного вооружения [8, с. 35-42].

Такая война нового типа ведется ныне с русским народом. Философ Александр Дугин в своём выступлении на Всемирном Русском Народном Соборе также отметил, что нынешняя СВО, это не только война армий – это ещё и война духа. «Мы видим горизонтальное противостояние – наша армия и наши противники. Но есть ещё одно измерение, вертикальное, этой войны. Это война Неба против ада. Это война Ангельских воинств, это война рати

Архангела Михаила против дьявола. И вот это вертикальное измерение – это и есть идеология, это сфера идей, это сфера духа, в котором эта война и развёртывается. Это её главное содержание», – заявил Дугин.

Поэтому нам необходима стратегия ментальной безопасности, в основе которой лежит православие, скрепляющее единым смысловым каркасом общество и государство, культуру и дух, историю и будущее нашего народа.

Православие есть истинная религия, которая соединяет человека с Богом, являет в его жизни благодатные плоды этого единения и является главнейшим источником ментальной безопасности. Она учит православных христиан отличать ложь от истины посредством храмовых богослужений, церковных таинств, молитвы, посредством Слова Божьего. По свидетельству апостола Павла, действием своим Слово Божие подобно «мечу духовному» (Еф. 6: 17), способному рассечь человеческое естество, отделить правду от неправды, свет от тьмы, добро от зла.

А это крайне важно, ибо тот, кто примет подделку за истину, согрешит, поскольку пророк Исайя говорит: «Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!» (Ис. 5: 20).

Историческая миссия Русской Православной Церкви заключалась и заключается в том, чтобы помочь русскому народу отличить ложь от истины, сохранить национальное единство, цельность и самобытность, явить своих представителей, энергично и настойчиво возвышающих авторитетный голос свой против всяких попыток так или иначе подорвать и нарушить единство русской земли, вдохновить все сословия России на всенародный подвиг борьбы с иноземными врагами для сохранения государства. *Церковь сыграла важнейшую роль в победе над врагами Отечества в различные эпохи нашей государственности.* Приведем лишь несколько исторических примеров, подтверждающих данный тезис.

Святой Александр Невский – новгородский князь. В XIII веке над Русью нависла грозная опасность с Запада. Главным организатором походов с целью захвата русских земель был глава католической церкви – римский папа Иннокентий IV, который знал, что в условиях ордынского нашествия Александр оказался в тяжелейших условиях. В грамоте, отправленной Александру в 1248 году, понтифик умолял его, чтобы он признал Римскую церковь матерью и побудил к повиновению ей своих подданных. Дальнейшая судьба русского государства зависела от стратегического выбора русского князя. Великий князь не принял условие папы, так как оно противоречило основному принципу русской государственности: верности Православной вере. Сделанный в XIII веке цивилизационный выбор позволил русскому народу сохранить православную веру и духовную самобытность.

Куликовская битва – одно из самых крупных средневековых сражений. Татарский хан Мамай поднялся на Русь. Святой князь Димитрий Донской испросил благословения на предстоящий поход у преподобного Сергия

Радонежского. В день праздника Рождества Пресвятой Богородицы началась битва, которая окончилась совершенным поражением неприятелей. С этой победы началось духовно-нравственное и экономическое возрождение Руси.

Смутное время – это самая страшная страница русской истории, когда все заставляло думать, что пробил последний час для России. Но спасение нашлось. Главным вдохновителем и спасителем отечества стал предстоятель РПЦ святитель патриарх Гермоген. Его учительное слово подняло дух народа, подняло его на борьбу за веру. Подвиг святителя завершился началом новой жизни для обновленной и спасенной России.

Летом 1812 г. Наполеон Бонапарт двинулся завоевывать Россию. Святейший Синод обратился ко всему населению, призывая народ «принять оружие и охранять веру отцов». Наполеон воспринимался Церковью как безбожник и ею был причислен к гонителям Церкви Христовой. Таким образом, РПЦ раскрыла глубинную сущность французской агрессии и воодушевила русский народ на защиту Отечества.

Главенствующую роль сыграла Русская Православная Церковь и в победе над фашистской Германией, консолидировав общество, подняв его патриотический и боевой дух. В первый же день войны предстоятель РПЦ митрополит Сергей Страгородский обратился с посланием к людям, благословляя их на предстоящий всенародный подвиг. Вызывает удивление четкая и правильно ориентированная позиция, которую митрополит Сергей сформулировал в послании, где определяет немецкую армию как вражескую. Ведь нужно учесть и то обстоятельство, что солдаты немецкой армии вторглись на территорию Советского Союза под знаком освободителей. Большевики по отношению к Церкви были злейшими врагами. Немцы же на оккупированных территориях открывали почти все храмы. Но митрополит Сергей в этот момент именно в фашизме видит большую угрозу, на которой нужно сосредоточить все силы сопротивления и противодействия. Он смог распознать все коварство гитлеровской политики, которая станет известна гораздо позже, после захвата архивов третьего Рейха, в которых четко прописаны истинные цели Гитлера: «Бог христианства – есть Бог любви, а любовь не есть Божественная сущность. Мы немцы должны быть первыми, кто покончит с христианством». Святейший Патриарх все это предвидел и с первого дня занять непоколебимую патриотическую позицию, призывая людей защищать Родину от врага.

А что же в нынешнее время? Есть ли еще герои на Руси? Эти вопросы вовсе не праздные, т.к. ответ на них – еще один шаг к пониманию того, какие мы сегодня, что такое современная Россия, наше Отечество. Существует стереотип, что герои – это некие люди прошлого, чье поведение, подвиг показывается только как пример для подражания. Но если внимательно приглядеться, то примеры проявления героизма мы, христиане, сможем увидеть и в нашей жизни, особенно в такое тяжелое время. Приведем лишь несколько примеров.

Протоиерей Владимир Марецкий, магистр, выпускник нашей кафедры, а ныне – главный священник в войсках ЛНР. Окормляя русское воинство, о. Владимир, ежедневно рискуя своей жизнью, поддерживает боевой дух, патриотический настрой, морально-нравственное состояние бойцов, чтобы те выполняли боевые задачи, не совершали преступлений.

Еще один пример – наш земляк, луганский новомученик, священник Владимир Креслянский, клирик Свято-Георгиевского храма. Будучи многолетним отцом, он не покинул свою паству в грозный военный период. 31 июля 2014 года во время артобстрела города украинскими силовиками осколки кассетной бомбы настигли о. Владимира. Батюшка погиб за веру и за паству, как истинный воин Христов и верный сын Отечества. Своим подвигом он укрепил сознание своей паствы в неотвратимости победы, укрепил силу духа людей, призвав их восполнить ряды воинства Христова.

Также при исполнении пастырского долга в зоне военной спецоперации России в Украине погиб клирик Московской епархии протоиерей Михаил Васильев. Русский батюшка прошёл в своё время множество «горячих точек» – от Косова до Сирии. Как священник он участвовал также в миротворческих операциях в Боснии, Абхазии, Киргизии, на Северном Кавказе. Отца Михаила не стало утром 6 ноября 2022 года. У него также осталось 5 детей. Владимир Путин подписал указ о посмертном присвоении звания Героя России протоиерею Михаилу Васильеву.

Этих примеров множество. «Кровь мучеников – семя Церкви», – говорит Тертуллиан – один из наиболее выдающихся раннехристианских писателей, теологов и апологетов. Эти слова как нельзя точно отражают историю христианской Церкви. От времен апостолов до наших дней мученичество ради Христа есть созидание Церкви Божией, потому что мученичество есть продолжение апостольского служения миру. Погибая на поле брани, эти герои своими жизнями утверждали духовно-ментальный код православного народа Святой Руси.

Храм Божий – это единственное место на земле, где только и может человек гармонизировать свою душу, очистить совесть, получить силу на борьбу с личными недостатками и внешним злом, найти ответ на многие, как ему кажется, неразрешимые вопросы своей жизни, развязать глубинные узлы и противоречия в своей душе, порождающие депрессию, уныние и раздражение.

По учению святого апостола Павла, Церковь есть тело Христово, членом которого является каждый христианин: «Вы – тело Христово, а порознь члены» (1Кор. 12: 27). Таким образом, Тело Христово растёт при взаимодействии всех своих членов. Силой, побуждающей на такого рода труды, является любовь к Господу. В этом заключается жизнь Тела Христова – Церкви. «...Все тело, составляемое и совокупаемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви» (Еф. 4: 16).

Христианская же семья – это первоначальная ячейка христианской общины. Она названа апостолом Павлом «домашней церковью» (Рим. 16: 4; Флп. 1: 2), где, как и в Церкви, одна вера, один дух, один уклад. Это школа самостоятельного христианского благочестия, т.к. слово «церковь» говорит о том, что в христианской семье присутствует Сам Христос. В храме общий устав, а дома человек сам должен придерживаться правил и церковных установлений. Настоящая христианская семья – это благодатное царство любви и взаимопомощи, где созревают лучшие человеческие качества. Церковь считает брак неразрывным таинством любви между мужчиной и женщиной. Семья создается ради вечного единения супругов во Христе, чтобы двое, став единым существом, это единство перенесли в вечность. Также основной задачей является не только вырастить детей, но непременно воспитать их как истинных чад Церкви Христовой – приготовить для Господа благоговейных Его служителей. Недаром семью величают Малой Церковью.

Если краеугольным камнем в строительстве семьи есть Христос и заповеди Его, то такой брак будет преисполнен высоты и совершенства, тайной любви и жизни, где две плоти станут единой, два храма Духа Святого обретут единый кров. Если же брак всего лишь юридическое соглашение и способ удовлетворения природных потребностей, то это не семья с ее устойчивостью, стабильностью, взаимопомощью и любовью. Это суррогат, который только создает видимость надежности. В нем нет духовного стержня – основного, на чем держится семья, общество и государство.

Образование – понятие христианское, имеющее корнем слово образ – образ Божий. Человек – это потенциальное звание. Каждый человек – это образ Божий, а подобие он приобретает в зависимости от того, богоугодна ли его жизнь: если он угождает Богу, то появляется и подобие. Образ в человеке неистребим, а подобие – это уже следствие его трудов. Истинная цель образования – осветлить образ Божий в человеке и помочь в созидании подобия своего Творца. Эта стратегия должна обязательно присутствовать и в существующей государственной системе образования на всех её уровнях: школе – лицее – вузе. Недаром, по Указу Президента РФ В.В.Путина, этот год приурочен к чествованию статуса педагога, учителя, наставника. А также Россия отмечает 200-летие со дня рождения Учителя учителей русских К.Д. Ушинского. Именно этот педагог в своих незабвенных трудах огласил лик Иисуса Христа как идеал личности, вне которого невозможно воспитание в пространстве Русского мира как Святой Руси.

Главнейшей задачей государства есть созидание из детей высоконравственных личностей, которые готовы создавать крепкие семьи и сильное государство. Ориентиром в деле воспитания в России всегда являлась Церковь, которая в меняющемся мире сохранила и сохраняет свою основу. Поэтому для решения поставленной задачи необходимо вернуть силу союза Церкви – Семьи – Школы.

Исторически на Руси родитель, учитель и священнослужитель в деле образования и воспитания всегда шли рядом и вместе делали великое дело. И сегодня важно всмотреться в это триединство с педагогической позиции и определить назначение и призвание каждой из этих сфер в деле воспитания подрастающего поколения. Воспитание происходило прежде всего в семье, где ребенок проводил большую часть жизни. Именно в семье закладывались первоосновы воспитания, обучения и даже образования, на которые человек опирался в своей последующей жизни. В семье он запечатлевал дух, уклад, обычаи и образ отношений всех домочадцев, получал первоначальные трудовые навыки, представления о Боге, мире, человеке.

Но семья своими силами не могла решить задачу образования, поэтому на помощь ей приходила школа, значительно расширяя и углубляя полученные в семье знания. Школа, в историческом процессе возникшая значительно позже семьи, была призвана поддержать семейное воспитание и восполнить его необходимым комплексом знаний, формирующих христианское мировоззрение учащихся.

Еще более важную – освящающую – роль имела Церковь, где подрастающее поколение приобщалось к подлинной церковной жизни – вероучению, богослужению, таинствам, столь необходимым в духовно-нравственном становлении личности под руководством пастырей.

Семья призвана воспитать из младенца, явившегося на свет, человека, умеющего любить, радоваться, чувствовать и познавать мир. Школа помогает ввести человека в общественную жизнь, снабжает его необходимыми знаниями, приобщает к культуре своей страны, воспитывает ответственного гражданина и патриота. Церковь же приобщает человека к целостной мировоззренческой и культурной традиции с определённой системой нравственных норм, высших духовных ценностей. В этой связи духовно-нравственное воспитание призвано решать задачу становления истинно человеческого в человеке, раскрытия в нём духовного начала, определяющего его поведение и весь образ жизни.

Церковь, семья и школа, помогая друг другу, решали и решают самую трудную на земле задачу - правильного воспитания детей и молодежи.

Определенный опыт такой системной работы накоплен в педагогической практике автора.

В 2014 году по благословению правящего архиерея Владыки Митрофана в нашем поселке Юбилейном началось тесное сотрудничество Церкви и учебных заведений. За эти годы было проведено много интересных уроков, бесед, мероприятий. В 2016 году в ДК «Железнодорожников» г. Луганска была проведена духовно-нравственная программа «Путь к Богу», которую под моим руководством подготовили учебные заведения поселка. На торжестве присутствовали Высокопреосвященнейший Митрофан, митрополит Луганский и Алчевский, начальник управления образования В.Г. Кияшко, голова поселка Юбилейный Е.В. Логачева и другие высокопоставленные гости. Мероприятие

имело огромный успех, что было отмечено присутствующими, освещено в средствах массовой информации и на телевидении. Владыкой было благословлено каждому их учебных заведений почитать своего святого. Так, школа №53 обрела своих небесных покровителей в лице святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, школа №54 – преподобного Сергия Радонежского, а экономико-правовой лицей – святителя Николая Чудотворца. Директорам школ и лицей были торжественно вручены иконы чествуемых святых. Ежегодно, в день памяти этих угодников Божьих, в учебных заведениях проводятся торжественные чтения, посвященные этим святым.

Спустя четыре года после начала курса была проведена беседа с администрациями учебных заведений с предложением, помимо теоретического изучения материала, перейти к практическим шагам, которые просто обязаны исполнять крещёные люди. В частности, приобщать учащихся, их родителей и учителей к храмовым богослужениям с церковными таинствами Исповеди и Причастия. Данное предложение было одобрено. Так, начиная с 2018 учебного года, учащиеся школ и лицей посещали праздничные богослужения в храме. Например, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в день памяти святителя Николая Чудотворца, на Рождество Христово, в свои актовые дни (день памяти преподобного Сергия Радонежского 8 октября – СШ №54; день памяти святителя Николая 19 декабря – экономико-правовой лицей; святые равноапостольные Кирилл и Мефодий – 24 мая – СШ №53). Предварительно проводились беседы с детьми, где им подробно объяснялся смысл Божественной Литургии, значение таинств Исповеди и Причастия. Участие в соборной молитве принималось исключительно по свободному волеизъявлению детей, их родителей и учителей. Непосредственно в праздничный день заранее подготовленные классы приходили в храм к началу Богослужения в сопровождении взрослых. Некоторые из учителей и родителей также изъявляли желание участвовать в церковных таинствах. Для многих из них данный опыт стал первым в их сознательной жизни. Иногда желающих классов посетить тот или иной праздник было слишком велико и, к сожалению, приходилось отказывать им в связи с объективными причинами (маленькое пространство во временном помещении храма).

В течение прошедших лет сотрудничества произошло сознательное воцерковление некоторых детей, родителей, учителей. Вспомнив об обетах, данных при крещении, проявляя мужество и духовное благородство, эти люди с горячностью отозвались на зов Божий и стали на спасительный путь веры. Над некоторыми взрослыми (как учителями школ, так и родителями учащихся) было совершено таинство Венчания, в котором преподается благословение Божие на семейную жизнь.

Преподавание азов православной веры имеет сотериологический, воспитательный, нравственно-развивающий характер. Успешное решение воспитательных задач возможно только в согласованном взаимодействии Церкви, семьи и школы.

Также автор статьи является неизменным участником Республиканских круглых столов и научно-образовательных конференций, что подтверждено соответствующими сертификатами. Так, в 2018 г. принял участие в научно-образовательной конференции на базе ЛНУ им. Т. Шевченко на тему: «Проблемы комплексной безопасности студенческой молодежи в контексте духовно-нравственного воспитания в высшей школе»; в этом году там же стал участником круглого стола «Духовный мир неслышащего человека». В 2019 году участвовал в Республиканских круглых столах «Формы и методы работы преподавателей высшей школы по вопросам защиты студентов от источников информационной агрессии, причиняющих вред их здоровью и психическому развитию» и «Актуальные проблемы духовно-нравственного воспитания студентов». В этом же году стал соавтором учебного пособия «История и культура казачества Луганщины», разработанным Министерством образования и науки ЛНР. 11 октября 2019 г. принял участие в международной педагогической конференции «Казачество Луганщины: исторический опыт, культурные традиции» с докладом на тему «Православные традиции казачества».

Все эти примеры удостоверяют, что сегодня в образовательной практике ЛНР идет работа по религиозному воспитанию молодежи, являющаяся залогом укрепления российского общества и его безопасности.

Данная деятельность являет соработничество Церкви и системы образования в частности. Таким образом, совершается консолидация общества в укреплении национальной безопасности, суверенитета, обороноспособности страны и защиты духовно-нравственных ценностей народа, основанных на Православной вере.

Выводы. Таким образом, ментальная война – это скоординированная совокупность разномасштабных действий и операций, направленных на «оккупацию» сознания противника в целях паралича его воли, изменения индивидуального и массового сознания населения для деморализации армии и общества, уничтожения духовно-нравственных ценностей, традиций и культурно-исторических основ государства, «стирания» национальной идентичности народа.

На фоне реализации Западом целенаправленной политики по уничтожению РФ жизненно важное значение приобретает духовное возрождение нации, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, понимание сущности ментальной войны, ее причин и источников. Стратегия ментальной безопасности должна базироваться на сотрудничестве правительства, политических партий, общественных организаций, официальных лиц и всех слоев общества с Церковью, на исполнении заповедей Божьих, на укреплении исторических российских традиций справедливости и морали. Именно эти цивилизационные рамки обозначают приоритетные линии национальных интересов России.

На протяжении многовековой истории русская педагогика всегда была

верна духу православной Церкви и ее учению. В попечении о «малых сих...» объединялись семья (как малая Церковь), школа и Церковь. Важно всмотреться в это триединство с педагогической позиции и определить назначение и призвание каждой из этих сфер в деле воспитания подрастающего поколения. Главное получить мощный целеполагающий и целереализующий синергичный эффект от этого сотрудничества.

Школам нужно давать название не только земных героев, но и определить небесных покровителей, которые будут обеспечивать связь Церкви большой, церкви малой и системы образования, которая, таким образом, будет под покровительством святых угодников Божьих. Такой опыт уже есть у ряда школ ЛНР: СШ №53 (святые Кирилл и Мефодий), СШ №54 (преподобный Сергей Радонежский), экономико-правовой лицей (святитель Николай Угодник).

Православие легло краеугольным камнем великого здания России, и на нем зиждется наше национальное единство, цельность и замобитность. Доколе вера Православная будет дорога русским людям, до тех пор не страшна будет России никакая угроза.

Л и т е р а т у р а

1. Библия. Издание миссионерского общества «Новая жизнь». – 1991. – 1229 с.
2. Благовестник, или Толкование блаженного Феофилакта, Архиепископа Болгарского. – К.: Типография Киево-Печерской Лавры, 2006. – 602 с.
3. Гермоген, святейший патриарх всероссийский в его самоотверженном служении бедствующему Отечеству. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра. – 2013. – 79 с.
4. Димитрий Ростовский, святитель. Жития святых. Киев. – 2006. – 539 с.
5. Игумен Петр (Мещеринов), Беседы о вере и Церкви. Даниловский благовестник. – 2004. – 278 с.
6. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная Мысль. 2021. № 8. С. 19-33.
7. Ильницкий А.М., Ленченко М.К. Социальная империя как инструмент психологической обороны Российской Федерации // Военный академический журнал. 2020. № 2 (26). С. 70-75.
8. Караваяв И.Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная Мысль. 2022. № 3. С. 35-42.
9. Малофеев К. Империя. Книга первая. Издательство АСТ. 2022. 464 с.
10. Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки. Декабрь 2017. – 35 с.
11. Святейший Патриарх Кирилл Слово пастыря. Киев. – 2010. – 424 с.
12. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Письмо LXXI. М.: Издательство «Наука», 1977. – 383 с.
13. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия // ООО Издательство Питер. 2020. – 688 с.

14. Сержантов А.В. Трансформация содержания войны: от прошлого к современному // Военная Мысль. 2021. № 1. С. 45-56.

15. Сурова Л.В. Православная школа сегодня. Книга для учащихся и учащихся. М., 1996. – 495 с.

Ichenko V.I., Tsapuk S.A. CHURCH, FAMILY AND EDUCATION AS A SYSTEMIC SOURCE OF MENTAL SECURITY

This article examines the profile of non-military threats to Russia's national security associated with the transfer of the vector of aggressive influence directly on the consciousness of Russians within the framework of mental warfare. The necessity of reviving the spiritual and moral ideal of Russia (exemplified by Christ), which will give strength to our people to resist the forces of evil and mental destruction, is substantiated. Some directions for the development and implementation of a mental security strategy in the context of the collaboration of the Church, family and school as a systemic source of this very security are proposed.

Key words: *mentality, mental security, Orthodoxy, Church, family, school.*

Ильченко Валерий Иванович – почетный профессор университета, кандидат педагогических наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Ichenko Valery Ivanovich – Honorary Professor of the University, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dalh State University».

E-mail: ivi.sacra777@gmail.com.

Протоиерей Сергей Александрович Цапук – магистрант кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Archpriest Sergiy Alexandrovich Tsapuk – Undergraduate of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dalh State University».

E-mail: sergejtsapuk@gmail.com.

Рецензент: Исаев Владимир Данилович – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

ВОСХОЖДЕНИЕ К СВЯТОСТИ В ПРОЦЕССЕ СМЕНЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В ЛНР КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИТИЧЕСКИХ МЕНТАЛЬНЫХ УГРОЗ

Решение задач по организации духовно-нравственного воспитания молодежи обуславливает необходимость объединения усилий представителей различных институтов. В статье анализируется понятия и проблемы духовно-нравственного воспитания студентов университета.

Ключевые слова: *духовность, нравственность, воспитание, культура, студент, преподаватель, ментальность, война.*

*Наконец братия мои, укрепляйтесь Господом
и могуществом силы Его*
Еф. 6: 10

Цель ментальной войны заключается в уничтожении самосознания, изменении ментальной, цивилизационной основы общества, изменении его мировоззрения. Ментальная война направлена и реализуется с учетом фактически формирующегося «мира постправды», когда людей отучают от критического мышления, от стремления к познанию истины. Информационное пространство тотально заполняется нужным контекстом. С использованием технологий искусственного интеллекта ведется манипулирование общественным сознанием как на уровне смысла, так и на уровне эмоций, осуществляется воздействие на разум и на подсознание. Эти технологии предназначены для влияния как на определенные персоны, так и на массы людей.

В ответ на необъявленную США и других недружественных государств и ряда транснациональных корпораций ментальную войну против России вышел указ президента России «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей». Указ является документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности РФ. Российская Федерация рассматривает традиционные духовно-нравственные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России. В указе президента подчеркивается, что особая роль в становлении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей принадлежит Православию. Менталитет (от латинского *mens* или *mentis*) – дух, душа, совокупность умственных, эмоциональных, культурных, ценностных ориентации и установок. Таким образом, ментальную войну более правильно назвать духовной, а вернее

«антидуховной» войной против человека и человечества. Поэтому на ментальную войну против России президент Путин ответил духовной защитой, указом по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей. Ментальная война против человека издревле ведется врагом рода человеческого, еще в раю он обманом, сладострастием соблазнил и пленил человека. И сейчас эта война продолжается, только технологии изменились, стали более совершенные и коварные, а цель та же – погубить человека и человечество. Как же защититься? Ответ дает апостол Павел: «Наконец братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его». Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских. Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, А паче возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6: 10).

Доктор медицинских наук, святитель Лука утверждает, что человек состоит из духа, души и тела. О трихотомической модели человека писал апостол Павел: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности пусть сохраняется без порока». Обратимся к словарю В.И. Даля. Дух – все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, высшая искра Божества, стремление к небесному. К умственному относится умение различать истину и ложь, к нравственному – умение различать добро и зло. Христианская православная вера заключает в себе правила самой высокой нравственности, где судьей сам Бог и совесть человека [4, с. 117]. Но раз сам Бог судит человека и дает ему правила духовной нравственности, то следующий вопрос, какие это правила? Эти правила Бог дал через Сына Своего Иисуса Христа в Новом Завете. Это Заповеди любви. На дух человеческий воздействует Дух Божий – Дух Любви и Истины и дух сатаны – дух зла и лжи. Апостол и евангелист Иоанн Богослов в своем первом послании прямо говорит о духе антихриста. Влияние этого духа, враждебного духу Божию, на сердца человеческие огромно. Дух сатаны рождается при потере любви к Богу. Дух Божий и дух сатаны действуют повсюду и на все живое. Люди по духу сродные Богу Любви воспринимают Духа Святого и неуклонно совершенствуются в добре и любви. Богом человеку дан величайший дар – свободная воля. Добро и зло в жизни человека тесно связаны с проблемой свободного выбора. Свободный выбор – очень трудное дело для человека. «Спокойствие и даже смерть человека, – писал Достоевский, – дороже свободного выбора познания добра и зла» [5, с. 211]. И человек сам добровольно выбирает, с кем ему быть с Любовью, Истиной или же с ненавистью и ложью, с Добром или злом. В своей монографии В. Ильченко и В. Шелюто так определяют духовность: «...отправным определением «духовный» служат слова нового завета: „Бог есть Дух. Бог есть Любовь” (Ин. 4: 24). Таким образом, «духовный» равнозначно «божественному», и духовное восхождение является восхождением человека к обожению (богоподобию). А

это путь Иисуса Христа (Ин. 14: 6)». Значит духовно-нравственное воспитание – это воспитание «божественной» нравственности, воспитание любви.

Президент России указывает, что политика по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей реализуется в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры и науки, средств массовой информации.

Проблемы духовно-нравственного воспитания личности всегда были, есть и будут актуальными. Ибо все новые и новые поколения через систему образования входят в жизнь общества. Воспитание, если оно истинно, всегда должно трансформироваться в самовоспитание. Для этого необходимы: сформированная ценностно-смысловая и этическая сфера в сознании человека; личностный идеал; осознанное понимание смысла жизни как конечная сверхзадача бытия, свобода воли; желание и ответственность; предельное напряжение в созидании себя на протяжении всей жизни в процессе движения к идеалу. В. Исаев определяет воспитание как восхождение конкретного человека к культуре. «Воспитание открывает возможности преображения, воскрешения человека, начало его пути ко спасению. Если спросить себя, что такое воспитание, то ответить можно всего несколькими словами: воспитание есть формирование у человека совести» [7, с. 37].

Одними из теоретиков педагогической концепции по праву считаются М. Ломоносов, П. Юркевич, К. Ушинский, Н. Пирогов, утверждавшие неразрывность связи духовного и материального бытия в человеке, приоритет духовно-воспитательных задач в педагогике. Н.И. Пирогов заявил о необходимости смещения целевого приоритета в образовании с профессиональной доминанты на человекоформирующую. Абсолютная ценность – формирование человека (аргументность, инвариантность, императивность: от Образа к Подобию Божию), а профессиональный статус (военный, юрист, врач и т.д.) – это следствие (функциональность, вариативность), которое можно неоднократно менять на протяжении жизни. Для реализации этой идеи нужна соответствующая образовательно-педагогическая система. В этом плане К.Д. Ушинский предложил целую систему взаимодействующих педагогических принципов, логически вытекающих друг из друга. Вот эта цепочка: народность – национализм в педагогике – христианство как идеал воспитания – православие, как единственно истинная религия – принцип церковности в воспитании. Он же вводит понятие абсолютного личностного идеала для осуществления духовно-нравственного воспитания – Вечный Лик Богочеловека Иисуса Христа. Именно этому идеалу и должен изначально уподобиться каждый человек восточнославянской культуры и Православной веры, именно в этом его предназначение, заданное Богом при творении. Мировоззрение на современном этапе развития социума должно состояться в сознании учащегося в итоге целенаправленного формирования целостным, сложным, системно-диалектическим и научно-религиозным. Ведь наука и религия не противоречат

друг другу, напротив – дополняют. Наука – царство логики, религия – внелогического понимания [6, с. 272] Высшая задача педагогики состоит в том, чтобы дать человеку фундамент в виде знаний и нравственных ориентиров для свободного открытия образа Христа в своем реальном жизненном опыте. В функции педагогики входит воспитание и обучение, а значит, и в обязанности преподавателя входит обязанность не только обучать, но и воспитывать студента.

Выступая в Москве на конференции «Духовно-нравственная культура в высшей школе», игумен Киприан назвал симфонией мировоззренческих парадигм единство целей профессорско-преподавательского коллектива, администрации вуза и духовенства университетского храма в воспитании здоровой в духовно-нравственном отношении личности студента.

Несмотря на то, что постановление о духовно-нравственном воспитании молодежи в ЛНР было принято правительством в 2016 году, а на «дворе» уже 2023 год, ни системы, ни концепции, ни даже модели духовно-нравственного воспитания в Республике так и не создано. Как указывал профессор В.И. Ильченко, выступая на конференции «Преодолеть формализм «болонской системы», возвратиться к традициям русской педагогической школы», организованной кафедрой философии, необходим диалектический переход к педагогике Абсолютной, ведущей ко Христу, именуемой «Сакральная педагогика святости», разработанной на кафедре философии Далевского университета. Методологической основой Сакральной педагогики святости выступает концепция «Человек в пространстве цивилизации и культуры», созданная профессором В.Д. Исаевым. Сакральная педагогика – это диалектический синтез науки, искусства и Веры, способствующий раскрытию в человеке вершинных предзаданных духовных оснований, являющихся доминантными и создающими оптимальные условия и средства, устремляющие человека в процессе самоосуществления им жизненной стратегии добротворчества совместно с другими субъектами общей соборной деятельности и катарсических сопереживаний к высшим святым ценностям и смыслам, к Абсолютному личностному идеалу – Богу. В православной традиции – это восхождение ко Христу [6, с. 293] Одно из главных звеньев педагогического процесса – преподаватель не только не готов, но зачастую и не знает, что такое духовно-нравственная культура и не хочет заниматься воспитанием студента. Ведь последнее время с преподавателя спрашивали только за профессиональное обучение, а воспитанием занимались в лучшем случае «замы» по воспитательной работе и общественности. А мы говорим, что педагогика – это воспитание плюс обучение, и воспитание идет впереди, ведь безнравственный интеллектual – опасная «личность» для общества. Что же делать? Этот вопрос прозвучал на международной конференции «Православный праздник: диалог образования и церкви», которая проходила в университете им. Владимира Даля. Организатором конференции выступила кафедра «Педагогика». А ведь ответ заключен в самом названии конференции,

как отметил один из уважаемых профессоров, смотря какой знак препинания вы поставите в конце: точку, вопросительный знак или может многоточие.

Митрополит Луганский и Алчевский Митрофан определил статус храма благоверного великого князя Александра Невского как университетский, а работу священников храма и преподавателей храма миссионерской, вот вроде бы диалог между церковью и университетом состоялся. Формально – да. Но системной работы по духовно-нравственному воспитанию студентов не ведется, иногда студент или преподаватель зайдет в храм, а иногда священник придет в университет, если пригласят. Пора прислушаться к словам генералиссимуса А.В. Суворова: «Молись Богу – от Него победа» [11, с. 7]. Что не возможно человеку, то возможно Богу. Может пора рассмотреть педагогический процесс не как взаимодействие двух субъектов: педагога и учащегося, а как взаимодействие трех личностей, педагогического треугольника: Бога, педагога и учащегося. А слова гимна Луганской Народной Республики «С нами Бог!» указывают нам вечный личностный идеал, «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» – призывает нас Сын Божий (Ин. 5: 48). И тогда станет понятно, почему у университета есть свой храм. А еженедельный православный праздник Воскресение – малая пасха Христова, литургия, как общее дело, духовно объединяет и Бога и преподавателя и студента, объединяет церковь и университет. И это должно быть не от случая к случаю, а каждое воскресение. Придет руководство университета в храм, придут и преподаватели, а за ними потянутся и студенты. «Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 19, 20) – сказал Богочеловек Иисус Христос. А подготовить концепцию духовно-нравственного воспитания молодежи с Божьей помощью вполне по силам кафедре «философии» совместно с кафедрой «педагогике» – там работают известные луганские ученые. Переподготовку преподавательского состава, а он должен проходить переподготовку каждые три года, нужно поручить этим же кафедрам. И тогда щит духовный защитит нас от ментального оружия противника рода человеческого и его пособников. Выступая перед воинами Российской армии Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сказал: «Убежден, что источником подлинного мужества и негибаемой стойкости воинов может быть только вера в Бога и любовь к Родине. Эти два начала неразрывно связаны, ибо обретение Родины не мыслимо без обретения веры. Вера возвышает воинское служение до служения Богу... В век стремительного развития информационных технологий боевые действия ведутся в первую очередь не средствами традиционного вооружения, а посредством идей и образов. Это значит, что на первое место выходят вопросы духовной и культурно-цивилизационной безопасности России. В этих условиях особая ответственность возлагается на тех, кто отвечает за идейную и нравственно-патриотическую работу...» [9, с. 3]. Заключить хочется словами заветания

равноапостольных просветителей Мефодия и Кирилла оставленного ими нам, славянам: «Вы приняли бесценный дар – святое Православие. Храните его. Если вы ослабните в православной вере – вас одолеют враги ваши, и вы станете их рабами».

Л и т е р а т у р а

1. Библия. Российское библейское общество. – Москва, 2002. – 1371 с.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
3. Белых А.С. Мировоззрение студенческой молодежи: проблемы формирования: Монография – Луганск. Изд-во «Ноулидж», 2012. – 232 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь Т.4. / Владимир Иванович Даль. – М., 684 с.
5. Достоевский Ф.М. «Бесы». – М.: «Правда», 1982. – 430 с.
6. Ильченко В.И., Шелото В.М. Феномен сакрального в историко-культурном пространстве. – К.: АО ИТН, 2002. – 324 с.
7. Исаев В.Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры. Луганск: Светлица. 2003. – 188 с.
8. Лихачев Б.Т. Философия воспитания: спец. курс. – М.: ВЛАДОС, 2010. – 335 с.
9. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Слово к воинам. Защитник Отечества. – М., 2015. – С. 3.
10. Соловьев В.С. Смысл любви: Избранное произведение. – М.: «Современник», 1991. – 525 с.
11. Суворов А.В. Наука побеждать. – М., 1996. – 33 с.
12. Справочник офицера-воспитателя. – Вып. 35. – М., 2003. – 368 с.
13. Фунтикова Н.В. Воспитание интеллигентности у студенческой молодежи, как средства формирования культурной идентичности личности. – Вестник Луганского университета им. Владимира Даля. 2017. – №2. – С. 203-204.

Evstratov S.M. SPIRITUALLY-MORAL EDUCATION OF FUTURE OFFICERS AT THE MILITARY DEPARTMENT OF THE UNIVERSITY

The task of organization of the spiritually-moral education of youth requires joint efforts of representatives of various institution. The article analization typical problems and methods of spiritually-moral education of students of the university.

Kew words: culture, spirituality, morality, pedagogy, education, teacher.

Евстратов Сергей Михайлович – старший преподаватель военной кафедры ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Evstratov Sergey Mikhailovich – Senior Lecturer of the Military Department FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: evstratov.sergej2018@yandex.ru

Рецензент: Исаев Владимир Данилович – заслуженный работник образования ЛНР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНФЛИКТ НА УКРАИНЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

Автор рассматривает проблему информационной войны и религиозного конфликта на Украине с философской точки зрения. Статья анализирует влияние методов ведения информационной войны на религиозный раскол на территории Украины, а также затрагивает влияние цифрового пространства на общественное сознание. Автор ссылается на обзорные работы других учёных, описывает ключевые этапы религиозного раскола. Поднимается проблема юридической ответственности за проведение психологических операций. Раскрывается основной метод ведения информационной войны в постмодернистской парадигме. Автор делает вывод о необходимости более глубокого понимания взаимосвязи между информационной войной и религиозным расколом.

Ключевые слова: информационная война, религиозный конфликт, раскол, светское общество, политика, автокефалия, томос, мемы, философский взгляд.

Военный конфликт, который разрастается на территории Украины, выкристаллизовывает важные решения, которые будут определять геополитический облик всего мира в будущем. Уникальность этого конфликта состоит в том, что это первый крупный вооружённый конфликт на территории Европы в эпоху цифровой трансформации социума. Социальные сети и другие информационные ресурсы Интернета в настоящее время являются неотъемлемой частью социального и политического бытия. Философское осмысление информационной войны позволяет выйти на глубинные духовные причины конфликта Европы и России и найти пути его разрешения, для того, чтобы восстановить мир, создать безопасный для всех сторон баланс интересов и вернуться в колею устойчивого развития. Учитывая риторику западных лидеров, руководству России необходимо уделить особое внимание стратегии и тактике информационной войны.

Представляется, что раскол между автокефальной православной церковью Украины и Украинской православной церковью Московского патриархата есть результат проведения специальной операции враждебных России сил. Распространённая в сознании людей ассоциативная связь ПЦУ с правительством Украины, а УПЦ с правительством России даёт неверное понимание природы разгоревшегося религиозного конфликта. Духовенство обеих церквей попало в непростую зависимость от политической обстановки, становясь разменной монетой в ходе информационно-психологических операций со стороны западных стран. Последствия раскола оказывают серьезное влияние на политические события на территории Украины. Данный религиозно-политический конфликт распространяется и на информационную сферу.

Установление продуктивного межконфессионального диалога требует изучить также и ту роль, которую сыграли информационные технологии в разжигании религиозного конфликта, разразившегося в настоящее время на Украине. Деятельность раскольнических общественных механизмов до сих пор не имеет единого конвенционального объяснения.

Информационная война представляет собой конфликт между различными группами, где информация используется в качестве оружия для достижения целей конфликтующих сторон. Она может включать в себя различные методы манипуляции информацией, такие как дезинформация, пропаганда, фейковые новости и другие формы воздействия на общественное мнение. Важно понимать, что информационная война может быть как открытой, так и скрытой, и часто используется в современных конфликтах, включая геополитические и социальные. В.И. Самохвалова поясняет, что информационная война включает в себя совокупность средств для подавления воли противника, подрыву его политических и экономических возможностей, а также отказ от ответственности за последствия, проводимых операций [5, с. 55]. Таким образом, юриспруденция информационной войны в своей природе казуистична. Любую полемику о санкционном регулировании можно свести к проблематике свободы воли.

Специальная военная операция породила новое постмодернистское понимание информационной войны. Ключевым методом такой войны является «использование специально сконструированных социальных мифов как определенных латентных «пакетов» знаков, программ активирования тех или иных социальных феноменов и свойств» [4, с. 13]. Сама аудитория потребляет только определенное знаковое и контентное наполнение. Если материал не соответствует семиогенетическим особенностям аудитории, то его содержание будет восприниматься исключительно в ироничном контексте. Стоит отметить, что излишняя меметичность информации, воспринимаемой той или иной аудиторией, иронично и существенно снизила уровень политической дискуссии между странами Европы и Россией. Достаточно обратить внимание на социальные сети любого современного политика, если он активно ими пользуется.

Методы, используемые в информационной войне, способствуют изменению практик в борьбе между конфессиональными организациями, в частности, можно отметить усиление влияния стереотипов при характеристике чуждых ценностных ориентиров. Текущие события отчетливо демонстрируют нам как информационные технологии применяются для расчленения образа представителя какой-либо конфессии. Социальные сети активно используются для распространения поддельных материалов, компрометирующих конкретных представителей религии.

Борьба автокефальной православной церкви Украины с Украинской православной церковью Московского патриархата может быть рассмотрена в контексте усиливающейся информационной войны. Идет намеренное

нагнетание страстей вокруг украинской национальной идентичности и культурной самобытности в церковной среде.

Следует отметить, что в православной традиции автокефалия не означает полную независимость от других церквей, а предполагает равноправное существование и сотрудничество между автокефальными церквями. Автокефальная церковь обладает правом самостоятельно управлять своими делами, назначать своих священников, проводить богослужения и принимать решения в вопросах вероучения и следования церковным традиционным установлениям.

Основная проблема заключается в том, что создание ПЦУ произошло в нарушение установившейся православной традиции. ПЦУ создавалась людьми, являющимися раскольниками, разорвавшими связь с канонической Церковью. Для Церкви они, по сути, самозванцы, которые сами себя назначают священниками, епископами, митрополитами и т.д., не имея на это никаких канонических прав. Этим ряженным маргиналов и стали использовать в борьбе с влиянием России и русской православной традиции, единой для современных России, Украины и Белоруссии. «Идея создания в конфессионально расколотой Украине единой поместной православной церкви, разумеется, не нова, – указывают К.П. Курылев и Д.В. Станис, – и витала в воздухе все годы независимости, откуда выхватывалась некоторыми политиками разного масштаба, правда, без каких-либо подвижек к реальному объединению церквей» [3, с. 967]. Реализовать это стремление смогли только при П.А. Порошенко. Украинская православная церковь получила автокефалию 15 декабря 2018 года, когда Вселенский патриарх Варфоломей, как можно предположить, под влиянием проамериканского крыла константинопольской церкви, вручил Томос об автокефалии представителю Украинской православной церкви. Надо отметить, что патриарх Варфоломей долгое время отказывался от общения с украинскими раскольниками и поддерживал церковные отношения с РПЦ. Как пишет О.В. Вольтер: «Религиозное противостояние Русской Православной Церкви и Константинопольского патриархата явилось отражением геополитических трансформаций на мировой арене. Современный раскол православной церкви происходит с помощью политической поддержки США и стран Запада, которые пытаются создать «новое православие» с центром в Константинополе, как можно больше отделив его от Москвы. Действия Константинопольского патриархата, предоставившего автокефалию неканонической церкви на Украине, явились «заказом на разрушение» единства мирового православия» [1, с. 63].

Таким образом, грубое вмешательство власти в церковные дела и, соответственно, нарушение конституционных норм об отделении церкви от государства, привело к тому, что конфликт среди верующих только усилился. Как пишет Н.Я. Лактионова: «Процесс, в который вмешалась власть с грубым нарушением норм Конституции об отделении церкви от государства, породил возмущение верующих Украинской Православной Церкви» [2, с. 50]. Все эти

действия, усугубленные применением методов информационной войны, привели к росту протестных настроений по отношению к религиозной политике современного украинского государства среди верующих Украинской Православной Церкви. В результате проект автокефалии не уладил, а наоборот, сделал церковное противостояние на Украине еще более глубоким.

Философский взгляд на причины конфликтов затрагивает духовную сферу общественных отношений. Религия является одним из важнейших элементов этой духовной сферы. Не случайно, поэтому религиозное противостояние оказывается в центре внимания также и социальной философии.

Л и т е р а т у р а

1. Вольтер О.В. Религиозное противостояние Русской Православной Церкви и Константинопольского патриархата как отражение геополитических трансформаций на мировой арене / О.В. Вольтер // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2019. – №25 (5). – С. 56-65.

2. Лактионова Н.Я. Украина: духовная составляющая системного кризиса / Н.Я. Лактионова // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – №6. – С. 46-56.

3. Курьлев К.П., Станис Д.В. Церковный раскол на Украине как следствие государственного переворота в феврале 2014 г. / К.П. Курьлев, Д.В. Станис // Постсоветские исследования. – 2019. – №2 (2). – С. 963-981.

4. Пилюгина Е.В. Современная социальная реальность: панмифологизация, информационные войны и кризис постмодерна / Е.В. Пилюгина // Logos et Praxis. – 2014. – № 3. – С. 7-15.

5. Самохвалова В.И. Специфика современной информационной войны: средства и цели поражения / В.И. Самохвалова // Философия и общество. – 2011. – №3. – С. 54-73.

Voroshilov D.O. INFORMATION WAR AND RELIGIOUS CONFLICT IN UKRAINE: PHILOSOPHICAL VIEW

The author considers the problem of information war and religious conflict in Ukraine from a philosophical point of view. The article analyzes the influence of information warfare methods on the religious schism on the territory of Ukraine, and the article also touches upon the influence of digital space on public consciousness. The author refers to review works of other scientists. The author describes the key stages of the religious schism. The problem of legal liability for psychological operations is raised. The main method of conducting information warfare in the postmodern paradigm is revealed. The author concludes that there is a need for a deeper understanding of the relationship between the information war and the religious schism.

Key words: *information war, religious conflict, schism, secular society, politics, autocephaly, tomos, memes, philosophical view.*

Ворошилов Дмитрий Олегович – ассистент кафедры философии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева».

Voroshilov Dmitriy Olegovich – Assistant of the Department of Philosophy FSBEI HE «Astrakhan Tatischev State University».

E-mail: antisteopin@gmail.com.

Рецензент: **Глазков Александр Петрович** – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева».

УДК 261.6

Ткаченко С.А.

МЕДИЙНЫЙ ОБРАЗ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Сегодня социальные медиа как источник получения информации постепенно вытесняют традиционные СМИ: прессу, радио, телевидение. Вследствие своей специфики социальные медиа формируют у читателей образ Русской православной церкви, который отличается от образа, подаваемого классическими СМИ.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, РПЦ, Патриарх, Специальная военная операция, СВО, социальные медиа.*

Постановка проблемы. На протяжении всей своей истории Русская православная церковь являлась одним из наиболее значимых и авторитетных социальных институтов нашей страны. Согласно данным ВЦИОМ на март 2022 года, 68% населения России являются последователями православной веры. 51% опрошенных считают, что РПЦ имеет влияние на духовно-нравственное состояние российского общества. 50% опрошенных признают роль церкви в решении внутрисполитических вопросов [8]. Таким образом, несмотря на светский характер Российского государства и всю прагматичность и рациональность современного человека, сегодня РПЦ является одним из самых значимых социальных институтов России. В непростые времена, когда Специальная военная операция затронула множество российских семей, а темой №1 во всех новостях и разговорах являются сводки с фронтов Украинского конфликта, роль Русской православной церкви возрастает, обществу необходима поддержка со стороны религиозных институтов.

В связи с началом Специальной военной операции, которая является самым крупным вооруженным противостоянием со времен Второй мировой войны, контентом подавляющего большинства социальных медиа являются новости, связанные с конфликтом на Украине. Возросла роль такой интернет-платформы, как Telegram, что может быть объяснено удобностью интерфейса социальной сети и блокировкой на территории России Facebook, Twitter и Instagram. Большинство социальных медиа ушли в Telegram.

Так, особое значение для нашего исследования представляет образ Русской православной церкви в контексте Специальной военной операции, который формируют социальные медиа и использованные при этом технологии.

Цель исследования. Выявление образа Русской православной церкви в контексте Специальной военной операции, который был сформирован социальными медиа.

Основная часть. В статье приведены итоги анализа медийного образа Русской православной церкви в промежуток времени с 1 января по 31 марта. Исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе благодаря использованию системы «Крибрум», позволяющей проанализировать открытые источники, был исследован материал на тему «Русская православная церковь» и «Специальная военная операция» и составлен рейтинг топ-25 влиятельных медиа. По своей идеологической направленности социальные медиа были условно разделены на три большие группы:

- государственные, консервативные, патриотические, «пророссийские», «охранительные» медиа;
- нейтральные, не имеющие строго очерченной идеологической направленности;
- оппозиционные, либеральные, «проукраинские».

При учете количества подписчиков указывалось среднее арифметическое количество подписчиков трех наиболее популярных социальных сетей – Твиттер, «ВКонтакте», «Телеграм».

В рейтинг 25-ти самых влиятельных медиа на момент проведения исследования не вошло ни одного православного интернет-ресурса, что может свидетельствовать о слабой работе РПЦ в медиaprостранстве либо в незаинтересованности Русской православной церкви в поддержании своего образа в интернет-пространстве. Количество патриотических ресурсов приблизительно равно количеству оппозиционных, две эти группы делят между собой пальму первенства в списке 25 самых влиятельных медиа в русскоязычном сегменте интернета. Медиа нейтральной направленности составляют меньшинство из нашего списка.

На втором этапе нашего исследования мы использовали метод контент-анализа, с помощью которого рассмотрели образ Русской православной церкви и ее составных частей: образ православной веры, духовенства и прихожан. Определены риторические, визуальные и технические способы создания имиджа РПЦ. Консервативные (государственные) медиа выстраивают образ Русской православной церкви как патриотического института, который помогает российской армии не только своими молитвами, но и сбором гуманитарной помощи и отправкой священнослужителей в место проведения Специальной военной операции.

Таблица 1

Рейтинг влияния социальных медиа в контексте СВО (на 01.01.2023)

Медиа	Ссылка	Рейтинг	Кол-во публикаций	Кол-во подписчиков
Forbes Russia	twitter.com/ForbesRussia	2 млрд	2	2 млн
Газета.Ru	twitter.com/GazetaRu	1,4 млрд	39	2 млн
ТАСС	vk.com/tassagency	1,4 млрд	14	728 тыс.
Лента.ру	vk.com/lentaru	1,2 млрд	15	729 тыс.
РБК	vk.com/rbc	1,1 млрд	20	790 тыс.
BBC News Русская служба	twitter.com/bbcussian	913 млн	17	1,2 млн
Первый канал	twitter.com/channelone_rus	903 млн	17	3 млн
НТВ	twitter.com/ntvru	853 млн	11	2 млн
Интерфакс	twitter.com/interfax_news	843 млн	15	575 тыс.
Труха ☐ Украина	t.me/truexanewsua	520 млн	7	3 млн
РИА Новости	t.me/rian_ru	475 млн	23	3 млн
Ведомости	twitter.com/Vedomosti	467 млн	2	745 тыс.
Мир сегодня с "Юрий Подоляка"	t.me/yurasumy	459 млн	6	3 млн
Readovka	t.me/readovkanews	458 млн	28	2 млн
NEXTA Live	t.me/nexta_live	444 млн	5	1,4 млн
Лентач	twitter.com/oldLentach	421 млн	6	790 тыс.
Комсомольская правда	twitter.com/kpru	411 млн	5	314 тыс.
Colonelcassad	t.me/boris_rozhin	395 млн	4	806 тыс.
Радио Свобода	twitter.com/SvobodaRadio	394 млн	20	496 тыс.
Раньше всех. Ну почти.	t.me/bbbreaking	361 млн	7	1,4 млн
Mash	t.me/breakingmash	297 млн	4	2 млн
Коммерсантъ	twitter.com/kommersant	271 млн	6	311 тыс.
DW на русском	twitter.com/dw_russian	268 млн	17	372 тыс.
Анатолий Шарий	t.me/ASupersharij	264 млн	2	959 тыс.
Украина Сейчас: новости, война, Россия	t.me/u_now	250 млн	17	2 млн

Церковь, согласно риторике патриотических медиа, успешно выполняет

свои функции: интегративную (объединять верующих несмотря на политические разногласия) и компенсаторную (помогает верующим успокоиться и стойко пережить времена вооруженного конфликта). В либеральных (оппозиционных) медиа Русская православная церковь представлена как организация, обслуживающая российскую власть и занимающаяся оправданием боевых действий на территории Украины.

За выбранный нами для анализа период на тему Русской православной церкви и Специальной военной операции в медиапространстве было сделано 798 559 публикаций.

Медиа, генерирующие контент на тему православия, в список не вошли. Также в рейтинг не попали самые популярные православные телеканалы – «Спас» и «Союз», рупор консервативной мысли телеканал «Царьград». Отсутствуют православные блогеры, однако стоит отметить Youtube-канал протоиерея Андрея Ткачева и популярный у воцерковленной молодежи блог «Серафим» – два этих медиаресурса, имеющие влияние на православную аудиторию, тоже не вошли в наш список. Также в списке отсутствуют сообщества, которые создают контент на православную тематику в социальных сетях.

Таблица 2

Кластеры социальных медиа по направленности публикаций.

Показатель	Государственные медиа	Нейтральные медиа	Оппозиционные медиа
Примеры медиа	РИА Новости, ТАСС, Первый канал, НТВ, Комсомольская правда	Forbes Russia, Газета.ру, Ведомости, Раньше всех. Ну почти	BBC News Русская служба, Труха ☐ Украина, NEXTA Live, Лентач, Радио Свобода
Количество сообщений	110	93	106

В охранительных (государственных) СМИ за взятый нами период было совершено 110 публикаций. Роль и действия Церкви были освещены в положительном ключе. РПЦ представлена как важный социальный институт, который занимается широкой проповеднической, общественной, попечительской работой, укрепляющей этическое состояние современного российского общества.

Раскольничество, закрытия украинскими властями храмов, находящихся в юрисдикции Московского патриархата, и опалы на священников за проповеди на русском языке освещались в резко негативном ключе. В государственных медиа особо подчеркивался духовный подвиг священников, погибших в зоне

проведения Спецоперации. Высмеивались богослужения в храмах, подконтрольных раскольнической Православной церкви Украины, которые больше напоминали театральные представления нежели каноническую церковную службу. Однако бегство белгородского священника Феодора Шумских в США и последующая за этим просьба политического убежища не нашли никакого отражения в государственных медиа. Также не была освещена проблема, остающаяся актуальной с начала СВО, – нехватка священнослужителей в рядах ВС РФ. Об этой проблеме часто писал военный корреспондент Владлен Татарский. Замалчивание данной проблемы, на наш взгляд, является серьезным препятствием к ее решению. Также не освещалось провозглашение автокефалии Латвийской православной церкви и *коллаборационизм* со стороны многих ее иерархов, осудивших действия России на Украине.

Таким образом, в рассмотренных нами публикациях охранительных (государственных) СМИ формируется положительный образ Церкви как важной общественной организации, которая хранит и транслирует исконно русские традиции, формирует этические идеалы и способна объединить православных христиан двух стран. Демонстрируется неразрывная связь Церкви с историей и культурой России. Глава РПЦ представлен как влиятельный и уважаемый многими общественный деятель. Рассматривая Церковь через оптику государственных СМИ, формируется образ необходимого обществу социального института, оказывающего помощь армии России в зоне Спецоперации и православным христианам внутри страны.

Однако, на наш взгляд, государственные медиа допускают очень серьезную ошибку, которую не смогли исправить все российские СМИ с момента начала Спецоперации. Вместо того, чтобы вдохновлять население России примером героического самопожертвования патриарха Гермогена, находящегося в польском заточении и поднимающего русский народ на борьбу с интервентами своими письмами, или примером благословения Сергием Радонежским Дмитрия Донского перед сечей на Куликовом поле, для победы в которой святой передал князю двух своих иноков Пересвета и Ослябю, вместо рассказа обывателю о количестве материальных пожертвований на нужды Красной Армии со стороны восстановленной И.В. Сталиным РПЦ, вместо всего этого наша пропаганда продолжает жонглировать такими абстрактными терминами, как «украинские националисты», «боевики», «киевский режим». Государственные медиа также до сих пор не донесли читателям о том, что война ведется не столько с глобальным Западом, сколько с Антихристом, воплощенным в современных западных ценностях, цивилизацией потребления, искусственного интеллекта, свободной смены полов и человеческого вырождения. Этого за год войны так и не случилось.

Группа медиа нейтральной направленности суммарно сделала 93 публикации одноименной нейтральной направленности. Основные темы: церковный раскол, гонения на священнослужителей, закрытие храмов.

Коммерческие издания «Ведомости» и Forbes Russia освещали вопросы, касающиеся экономической и юридической составляющей отделения Православной церкви Украины от Русской православной церкви.

Таким образом, медиа нейтральной направленности весьма близки к охранительным. Смотри на РПЦ сквозь призму нейтральных медиа, складывается образ Церкви как института, находящегося под патронажем правительства, организации, сохраняющей традиции и устои. Церковь здесь занимает патриотическую позицию, объединяет христиан в судьбоносное для России время.

В оппозиционных (либеральных) СМИ было размещено 106 публикаций на тему РПЦ и СВО, все публикации имели негативную тональность. Церковь чаще всего представлялась как рупор российской пропаганды, не призывающий к перемирию, а, наоборот, подогревающей конфликт. Либеральные СМИ обвиняли патриарха Кирилла в милитаризации российского общества. Достаточно часто всплывал вопрос материального благополучия Церкви и Патриарха Кирилла. Делался акцент на раскольнических движениях в Латвии и на Украине. «Радио Свобода» взяло интервью у вышеупомянутого сбежавшего из России Феодора Шумских.

Очевидно, что оппозиционные СМИ формируют отрицательный образ Церкви. РПЦ предстает как «рупор кремлевской пропаганды», один из главных факторов милитаризации российского общества, фактор, усиливающий вражду между русскими и украинцами. Церковь в оппозиционной группе социальных медиа предстает устаревшей, не поспевающей за современностью, организацией, наживающейся материальными благами, пользуясь доверчивостью своей паствы. Церковь здесь – часть современного российского политического режима. Патриарх и высшие иерархи Церкви показаны оппозиционными медиа как чиновники или политики, набирающие популярность за счет почвеннических высказываний.

Таблица 3

Итоговая таблица «Образ РПЦ»

Показатель	Государственные медиа	Нейтральные медиа	Оппозиционные медиа
РПЦ как социальный институт	Важный социальный институт, который занимается широкой проповеднической, общественной, попечительской работой, укрепляющей этическое состояние	Институт, находящийся под патронажем правительства, организация, сохраняющая традиции и устои. Занимает патриотическую позицию,	Разжигатель межнациональной розни, рупор российской пропаганды

Показатель	Государственные медиа	Нейтральные медиа	Оппозиционные медиа
	современного российского общества	объединяет христиан в судьбоносное для России время	
Православная вера	Опора этического состояния российского общества, важный элемент общерусского единства, благодаря деятельности Церкви верующим легче переносить трудности	Образ не сформирован	Отсталая, архаичная, не поспевающая за современностью, бессмысленная, ретроградная
Патриарх Кирилл	Влиятельный общественный деятель, духовный авторитет	Глава важной общественной организации	Чиновник, бизнесмен
Священники	Жертвуют собой, отправляясь в зону проведения Спецоперации, заботятся о пастве в период СВО	Образ не сформирован	Разжигают войну, порочные, лицемерные
Православные христиане	Соборность	Образ не сформирован	Жертвы пропаганды, в головы которых государство долгие годы вкачивало имперскость
Применяемые технологии	Использование архетипических образов, ссылка на авторитет (Патриарха, президента, медийных лиц), синхронизация индивида с группой	Ссылки на статусных и авторитетных лиц	Демонизация и дегуманизация РПЦ, внушение, информационные кампании, дезинформирование, хронологические смещения, сарказм, ирония

Выводы. Можно констатировать, что сегодня репрезентация образа РПЦ, православной веры, Патриарха, священников, прихожан в медийном интернет-пространстве выстраивается светскими медиа и популярными блогерами,

которые имеют большое влияние на свою интернет-аудиторию. Православные телеканалы («Спас», «Союз», «Царьград»), православные группы в социальных сетях, православные блогеры не оказывают значительного влияния на широкий круг пользователей.

В поле наиболее влиятельных социальных медиа можно выделить два полюса, между которыми выстраиваются образы РПЦ: государственные (консервативные) медиа и оппозиционные (либеральные) медиа. Интерпретация событий в них резко противоположна. Государственные (консервативные) медиа формируют позитивный образ РПЦ как традиционного социального института, носителя исконно русских традиций и духовно-нравственных идеалов, сплачивающего православных христиан. Патриарх показывается как авторитетный и статусный общественный деятель. Церковь представляется как важный общественный институт, который участвует в борьбе как с внешним, так и внутренним врагом, оказывает социальную помощь, помогает молитвами и крестными ходами верующим пережить период СВО.

В оппозиционных (либеральных) медиа представлен негативный образ РПЦ как архаичной, отсталой от современных реалий, политической организации, порочно связанной с государственной властью. Патриарх представлен как политик и бизнесмен. Церковь показана как маргинальная общественная структура, которая усиливает агрессию в российском обществе по отношению к Украине.

В целом в интернет-пространстве преобладает стереотипно-негативный и карикатурный образ РПЦ, что приводит к искажению понимания социальных функций Церкви и снижению ее роли в общественной жизни. Нишу работы с молодежью занимают оппозиционные (либеральные) блогеры и каналы, публикации которых набирают тысячи лайков, репостов, комментариев. Публикация и потребление контента пользователями в виде саркастических песен, картинок, клипов, фильмов, мемов, в которых осмеивают Патриарха, православных христиан, православие, веру в Бога, является реакцией молодежи на неверно выстроенный диалог между Церковью и молодежью. Это несет в себе риски формирования у молодежи резко оппозиционного настроения по отношению к Церкви, православной вере, православной культуре, основам государственности.

Л и т е р а т у р а

1. Баёв П.А. Церковь и служитель культа в медийном дискурсе отечественного социума // Социологические исследования. – 2011. – № 2 (322). – С. 118-127.

2. Доброхотова М.А. Роль СМИ в позиционировании Русской Православной Церкви в российском обществе 2000-х гг. // Вестник Пермского университета. История. – 2012. – № 1 (18). – С. 289-297.

3. Зимова Н.С., Фомин Е.В. Медийный образ Русской православной церкви и вызов пандемии // Цифровая социология. – 2021. – Т. 4. – № 4. – С. 81-91.

4. Лункин Р.Н. Образ РПЦ в светских медиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окульным православием // Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малащенко, С. Филатова. – М.: Российская Политическая энциклопедия, 2012. – С. 171-223.

5. Орлова И.Б. Социальные технологии учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2019. – 174 с.

6. Синелина Ю.Ю. Атака на РПЦ? // Социологические исследования. – 2001. – № 11. – С. 100-104.

7. Хруль В.М. Представления о Боге в сознании аудитории СМИ: опыт исследования текстов самовыражения массы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 9-28.

8. Церковь и общество: мониторинг. – [Электронный ресурс] – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/cerkov-i-obshchestvo-monitoring>.

9. Штайн О.А. Образ христианства в медиапространстве: к постановке проблемы // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2013. – Т. 14, № 2. – С. 299–304.

10. Шульц В.Л., Любимова Т.М. Молчание как конструкт дискурса в социолнгвистике // Социологические исследования. – 2018. – № 12. – С. 84–93. – [Электронный ресурс] – URL: <https://doi.org/10.31857/S013216250003172-2>.

Tkachenko S.A. THE MEDIA IMAGE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Today, social media, as a source of information, are gradually replacing traditional media: press, radio, television. Due to its specificity, social media form an image of the Russian Orthodox Church among readers, which differs from the image given by the classical media.

Key words: *Russian Orthodox Church, Special military operation, social media.*

Ткаченко Сергей Андреевич – аспирант кафедры философии и теологии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Tkachenko Sergey Andreevich – postgraduate student of the Department of Philosophy and Theology FSAEI HE «Belgorod National Research University».

E-mail: sa.tkachenko1998@gmail.com

Рецензент: Звонок Наталья Степановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.

ПРАВОСЛАВНАЯ МУЗЫКА КАК ЧАСТЬ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Русское церковное пение занимает особое место в истории искусства: в то время как светская музыка появилась в России только в конце XVIII в., церковное пение имеет за собой многовековую историю. Музыкальная культура православия является неотъемлемой частью всего музыкального наследия России. Духовная музыка вместе с народной является самым древним пластом и насчитывает тысячелетний период своего развития с момента принятия христианства.

Ключевые слова: *духовная музыка, музыкальное наследие, нравственные ценности, культура, искусство, православие*

Самый непостижимый из всех Господних даров людям – музыка. Откуда появляется мелодия, каким чудом семь нот складываются в судьбу человека, в историю нашего мира, созданного любовью Божией?

Рахманинов С.В.

Постановка проблемы. Религиозно-духовная культура, в том числе и музыка, всегда являлась неотъемлемой частью жизни славян. В ней по-своему воплощены черты их уникального характера, специфика психологии, особенности быта, что отражают страницы истории. Это поистине величайшее национальное наследие русского народа. Уже в первые века существования на Руси христианства именно церкви стали центрами культуры профессионального искусства. Сюда приглашались многие талантливые архитекторы, художники, музыканты. Целый комплекс искусств был призван создать прообраз высокого духовного горнего мира. Обращаясь к музыке как предмету социально-философского анализа, необходимо учитывать специфику музыки как особого вида духовного творчества человека.

Цель исследования – проанализировать специфику церковного богослужебного пения как особого вида духовного творчества.

Основная часть. Музыка – универсальный язык человечества. Музыка является одним из богатейших и действенных средств эстетического воспитания. Исследователь русского православного пения А.В. Преображенский писал: «Народная жизнь Древней Руси была так тесно связана с культурой, была так глубоко пропитана ее воздействием, что искусство в своих высших формах у русского народа могло быть только искусством, вытекавшим из потребностей быта. Религия не отделима от жизнедеятельности человека, она не может существовать обособленной жизнью, а переплетается со всеми видами духовной деятельности и со всеми

культурными отношениями. Древняя Русь была насыщена религиозной атмосферой, церковь и народность стали как бы нераздельны в ней и что – следовательно, церковное искусство Древней Руси собственно и было её народным искусством» [7, с. 5-6]. Приняв в 988 г. крещение, Русь стала наследницей и продолжательницей традиций греко-византийской духовной культуры, словесности и музыки. Музыка русской православной церкви имела такое неопределимое влияние, что рассматривалась как средство воспитания подрастающих поколений. Со времен Киевской Руси обучение богослужебному пению входило в программу образования и считалось не менее важным, чем обучение чтению и письму. Роль музыки в структуре духовной жизни современного молодого человека довольно велика, а музыкальная культура в целом становится значительным фактором формирования у молодежи общечеловеческих ценностей. На протяжении многих веков духовная музыка была едва ли не единственным видом музицирования. Как отмечают исследователи, «Религиозно-духовная культура всегда являлась частью жизни народа, в ней по своему воплощены черты его характера, психологии, особенности быта, страницы истории, запечатлелась особая возвышенная сторона жизни общества; в ней накоплено огромное количество произведений, имеющих высокую эстетическую и нравственную ценность. Это поистине величайшее национальное наследие русского народа» [5, с. 3-4].

Возникшее на Руси вместе с христианством и кириллицей, церковное богослужебное песнопение в дальнейшем развивалось самостоятельно и исторически сложилось как чисто национальный вид музыкального искусства. На протяжении многих веков в России накопились сотни и тысячи духовных песнопений. Их авторами были и маститые композиторы, и безвестные регенты-анонимы. Замечательно, что все русские духовные хоры поют только «а капелла». Это незабываемый принцип при создании православных музыкальных сочинений. А второй, столь же неукоснительный принцип – теснейшая связь слова и звука. То есть слово всегда первично. Ведь не случайно в старину говорили «спеть обедню», «отпеть обедню», т. е. отслужить литургию. И каждое песнопение русской православной церкви – это, по сути, пропетая молитва. Когда мы говорим о духовных произведениях, то в первую очередь имеем в виду те, что звучат во время богослужения. Однако к ним же можно отнести сочинения, предназначенные для исполнения в концертных залах, но написанные по библейские сюжеты или канонические тексты. Самым древним жанром христианской богослужебной музыки является «Псалом», заимствованный первыми христианами у иудеев. Псалмы Давида в Ветхозаветные времена пелись не только в качестве обязательной части богослужений в единственном на земле Иерусалимском храме, но и в многочисленных синагогах в разных городах, и даже в домашних молитвах. Сам Иисус Христос часто пел псалмы со своими учениками: «И, воспев, пошли на гору Елеонскую» (Мф. 26: 30). Особенный расцвет духовного хорового

концерта начинается в XVIII веке. Первый его этап представлен творчеством М.С. Березовского. Талантливый композитор, он начинал свою музыкальную карьеру певцом Придворной певческой капеллы. Был первым русским музыкантом, получившим профессиональное образование в Италии. А по возвращении в Россию служил придворным капельмейстером. Замечательно, что один из его духовных концертов называется «Не отвержи мене во время старости». Это обращение к Богу с просьбой не отказывать в помощи, когда мы станем стары, слабы и немощны. Начиная с XVIII века, русские композиторы создавали на тексты Всенощного бдения произведения концертного характера – «Всенощные», которые могли исполняться и вне богослужения; известны «Всенощные» А.Л. Веделя и С.А. Дегтярёва. Со второй половины XIX века «Всенощные» нередко принимали форму оригинальных хоровых сочинений или достаточно свободных обработок древних распевов; такие сочинения создали, в частности, А.А. Архангельский, А.Т. Гречанинов, П.Г. Чесноков, П.И. Чайковский. Лучшим образцом жанра считается «Всенощное бдение» юбилея 2023 года, который является гордостью русской культуры «серебряного века», великого композитора, пианиста и дирижера С.В. Рахманинова. Красота музыкального произведения православного песнопения представляет собой результат коллективного творчества многих людей, объединенных одной целью. Благодаря композитору оно появляется на свет, но, запечатленное в знаковой форме, существует лишь потенциально, а оживает и звучит благодаря мастерству исполнителя – хорового коллектива под руководством регента. Это глубоко творческий и эмоциональный процесс, отчасти сопряженный с мистическим чувством [4].

Литургическое пространство и искусство в православии – наиважнейшая часть эстетического воспитания. Литургическое творчество, осуществляемое в богослужении целой группой лиц от служителей храма, певчих, клириков, чтецов до священнослужителей, направлено на реализацию «божественного замысла» соединения в вере, добре, истине, подготовке к таинству Евхаристии, возвышению духа всех присутствующих от обыденной земной жизни на духовные уровни. На это направлены все компоненты богослужебного действия, все виды церковного искусства, среди которых одна из главных ролей принадлежит певческому труду. Красота мира, и храмового богослужения в частности, согласно многим русским мыслителям, выступает важнейшим показателем реализации божественного замысла творения мира, то есть объективным показателем степени воплощения предвечных, софийных идей, или их совокупности – «всемирной идеи».

В настоящее время духовная музыка, в частности, музыка православного богослужения, стала объектом пристального внимания и глубочайшего изучения крюковых рукописей, что привело к открытию выдающихся памятников древнерусского певческого искусства. Вызвано это тем, что духовная музыка, призванная в высших своих проявлениях выражать сверхчувственный мир, является достоянием как русской культуры, нашей

национальной гордостью, так и непреходящей ценностью мирового искусства. К тому же она значительно повлияла и на светскую музыкальную культуру России.

К сожалению, в советские времена погибло огромное наследие церковного искусства. Высокая традиция была прервана. Умолкла теологическая мысль. Колокола были запрещены. На высоком уровне держалось только церковное пение, следовавшее древним традициям [2, с. 263]. Можно утверждать, что именно музыка сохранила нам православие. Возрождение православной России началось с музыки. На сегодняшний день церковное искусство, в том числе и духовная музыка, широко доступны. Повышается композиторский интерес именно к истокам духовного музыкального творчества. Расширяется репертуар клиросного пения во время богослужения в пользу древнерусских распевов. Проводятся множественные фестивали православной музыки, оживляется концертная практика. Изучаются художественные законы богослужебного пения, не только в классах семинарии и богословских институтах, но и в светских музыкальных училищах и консерваториях преподают отличное от законов общей вокальной хоровой музыки – пение церковное. Многие студенты и выпускники музыкальных училищ и консерваторий несут послушание на клиросах храмов в качестве певчих и регентов. В связи с этим возрастает актуальность изучения эстетических аспектов богослужебного пения. Не имея цели в полной мере охватить все пространство православной музыкальной эстетики, ограничимся главными компонентами в небольшом историческом экскурсе. Музыкальная эстетика православного богослужения предполагает анализ теоретических суждений о богослужебном пении (имплицитной музыкальной эстетики православия), особенных законов художественного творчества и конкретных закономерностей православной музыки [6, с. 5]. На Руси зачастую причастных к певческому искусству называли избранными, мудрыми и особо посвященными и относились ко всему, связанному с пением, как к таинству. Сегодня мы ясно сознаем, что человек, воспринимая богослужение, а тем более участвуя в нем, гармонично соприкасается не только с духовными и душевными переживаниями, но в том числе и с художественной ценностью музыкального искусства как такового. С этих эстетических позиций и рассматривается, в частности, православное богослужебное пение в данной работе.

Например, создание Октоиха – основной богослужебной книги песнопений седмицы, распределенных по восьми гласам, – восходит к литургическому творчеству Отцов Церкви и в особенности к преподобному Иоанну Дамаскину, святому песнотворцу восьмого века, создателю стройной системы церковного осмогласия [6, с. 4]. Нужно заметить, что инок Иоанн, прозванный Дамаскином, был выдающейся личностью. Практически единолично составленные его множественные песнопения украшают любое православное богослужение. История церкви не знает более изящных

песнопений по осмысленности и духовной наполняемости. По сути, ни одно православное богослужение во всем мире не проходит без молитвословий святого, из чего можно сделать вывод, что творчество Иоанна Дамаскина переведено на многие иностранные языки. Эстетическая сторона его произведений поражает своей уникальностью и не имеет аналогов в церковном творчестве. Из биографии преподобного Отца Церкви Средневековья можно отметить и личную одаренность святого Иоанна, и глубину эстетического восприятия, добрую волю, незакоснелую в равнодушии, но отзывчивое сердце к беде ближнего (история создания чина отпевания). Всестороннее образование, лучшее для того времени, умение применить богословские и догматические знания, огромный словарный запас, – все эти таланты он с успехом приумножил во Славу Божию в своем творчестве. Также интересен тот факт, что преподобный Иоанн пользовался особым покровительством Божией Матери. Ее неоднократное вмешательство и личное заступничество проявлялось в трудную минуту жизни святого. На этом фоне совершенно естественно, что большая часть песнопений святого посвящена прославлению Пресвятой Богородицы.

Структура осмогласия как церковного установления, связующего тексты стихир, тропарей, кондаков, антифонов, ирмосов и других видов церковного гимнотворчества с определенными для каждого гласа напевами, входит в годовой круг богослужения, образуя внутри него ряд последовательных циклов (столпов), состоящих из восьми седмиц. Вершина богослужебного года – Святая Пасха. К ней, как к космическому центру, тяготеют и от нее расходятся суточный, седмичный и годовой круги богослужения. Будучи составной частью и вместе отображением годового круга, каждый малый седмичный круг начинается службой Недели – «малой Пасхой», прославлением Воскресения Христова [6, с. 5]. Музыкально-певческая структура осмогласия, сложившаяся как цельная эстетическая художественная система восьми гласов, не ограничивается службами Октоиха. С древних времен осмогласие стало уставной основой богослужебного пения, определяющей неразрывную связь и единство гласовых напевов и молитвенных текстов.

В богослужебной практике осмогласие является основой певческого искусства и несет в себе не только красоту и разнообразие напева, но при этом наполняет тексты духовным смыслом, создает молитвенное настроение к определенному тексту, являет образ ангельского славословия, восхождения к миру Горнему, возводящего ум и сердце от земных к Небесным. В принципе, такую цель преследовали все Отцы Церкви, одаренные музыкальными способностями. Пение на Богослужении должно помогать, а не мешать сосредоточиться на молитве. Бесспорно, человек, который пишет церковную музыку, должен обладать определенным эстетическим вкусом, тонким чувством меры, иметь догматические и богословские знания, опыт молитвы домашней и церковной. Иногда желание приукрасить текст музыкальными переливами и коленцами перегружает звучание и отвлекает не только

слушающих, но и делает невозможным сосредоточиться на молитве исполняющих песнопение. Нашей православной церкви досталась по наследству драгоценная сокровищница духовного молитвенного творчества Святых Отцов. Эти тексты обладают глубоким содержанием, они духовны и поэтому бессмертны.

Напевы осмогласия – сокровищница церковного творчества. Каждый из восьми гласов обладает не только своим ладовым строем и совокупностью характерных для него мелодических попевок, но и присущим ему духовным, благодатным воздействием. Высшим проявлением церковного певческого творчества стал одноголосый Знаменный распев, которым к началу пятнадцатого века был распет весь круг богослужебных песнопений.

Отметим, что впоследствии именно в Русской Православной Церкви возникают новые осмогласные распевы – Малый Знаменный, Греческий, Болгарский и Киевский. Постепенно сложились также многочисленные монастырские распевы, присущие именно конкретно тому или иному монастырю как местные варианты основных распевов. Как правило, распевы, принятые в монастырях, носят особый молитвенный настрой, не всегда имеют сложную нотную грамоту, обладают четкостью звуков, чтоб можно было расслышать богослужебный текст. Все они являются богатейшим музыкальным эстетическим наследием, связанным с традициями певческих центров Древней Руси: Киева, Новгорода, Владимира, Москвы, монастырей Русского Севера. Уникальность и непреходящее значение их – в нерасторжимом внутреннем единстве слова и напева как совершенном выражении молитвы. Подобно древней иконописи и церковному гимнотворчеству, они озарены духовным опытом подвижников православия, молитвенным созерцанием многих безвестных создателей, музыкальные таланты которых оказались бессмертны [6, с. 5].

Следует сразу отметить различие между богослужебным церковным пением, духовной и светской музыкой. Богослужебное пение является частью церковного пения и к нему относится только то, что поется на службах. Под «богослужебным пением» мы имеем в виду один его вид – клиросно-хоровое пение, хотя оно существует наряду с чтением нараспев псаломщика, возгласами священника, алтарным пением и прочими более простыми формами богослужебного пения. Выявление эстетической сущности православного богослужебного пения, понимание назначения пения в храме проблема творчества в богослужебной практике. Конкретно-чувственное восприятие слушателем богослужебного пения приводит к духовному наслаждению, которое всегда сопровождает эстетический опыт. Слушатель реально переживает свою причастность к «полноте бытия» [1, с. 147]. По общему признанию, наши древние церковные песнопения являются самым совершенным видом музыкально-поэтического творчества, в котором сочетается внутреннее единство священнодействия в слове и музыке, что всегда искали и ищут поэты и музыканты, и, однако, в полной мере оно

возможно и осуществимо лишь в сфере религиозного мирозерцания, так как является плодом религиозного вдохновения [8, с. 912]

Выводы. Православная музыкальная культура включает в себя духовную, религиозную и церковную музыку. В её основе заложено церковное богослужбное пение, являющееся неопределимым достоянием русского народа, который всегда имел глубокую и самобытную духовную культуру [3, с. 29]. Русская духовная музыка является тем фундаментом, на котором формировалось отечественное профессиональное искусство.

Л и т е р а т у р а

1. Бычков В.В. Эстетика: Учебник / В.В.Бычков. – М.: Гардарики, 2004. – 556 с.
2. Звонко Н.С. Религиозная культура в символических формах: учебное пособие / Н.С.Звонко. – Луганск: Изд-во ЛГУ им.В.Даля, 2023. – 320 с.
3. Исаев В.Д. Человек в пространстве цивилизации и культуры / В.Д.Исаев. – Луганск: Светлица, 2003. – 188 с.
4. Корнышева И.Р. Музыкальная эстетика православного богослужения. / И.Р. Корнышева. [Электронный ресурс] – URL: <http://cheloveknauka.com/muzykalnaya-estetika-pravoslavnogo-bogosluzheniya>.
5. Кошмина И.В. Русская духовная музыка. История. Стили. Жанры. (учебное пособие для студ. муз.- пед. училищ и вузов) / И.В. Кошмина. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 224 с.
6. Октоих. – М.: Издание Московской Патриархии, 1976. – 208 с.
7. Преображенский А.В. Культурная музыка в России / А.В. Преображенский. – Л., 1924. – 164 с.
8. Язык славян. – М: ООО «Благодарение», 2013. – 1348 с.

Rau I.A., Zvonok N.S. ORTHODOX MUSIC AS A PART OF RUSSIAN SPIRITUAL CULTURE

Russian church singing occupies a special place in the history of art: while secular music appeared in Russia only at the end of the 18th century, church singing has a long history behind it. The musical culture of Orthodoxy is an essential part of the entire musical heritage of Russia. Sacred music, together with folk music, is the most ancient layer and has a thousand-year period of its development since the adoption of Christianity

Key words: *sacred music, musical heritage, moral values, culture, art, Orthodox.*

Рау Инна Александровна – аспирантка кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Rau Inna Aleksandrovna – graduate student of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

E-mail: mon.irina95@mail.ru.

Звонко Наталья Степановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени

Владимира Даля».

Zvonok Natalya Stepanovna – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

Рецензент: Шелюто Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г.Луганск.

ТРЕБОВАНИЯ

к публикациям в научном издании по философским наукам

«Антропос: Логос и Теос»

Луганского государственного университета
имени Владимира Даля

1. При оформлении текста: все поля 20 мм; шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5; абзац – 10 мм. Относительно символов. В тексте необходимо использовать только кавычки такого образца: «», дефис – это короткое тире «-». Не нужно ставить лишние пробелы, особенно перед квадратными или круглыми скобками, а также в них.

2. Разделы статей должны включать:

- Постановку проблемы (в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами). Статья по возможности должна содержать анализ последних исследований и публикаций.

- Цель исследования.

- Основную часть (изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов).

- Выводы.

- Литература на языке текста статьи

- References латиницей

3. Статья подается на русском или английском языках. Оптимальный объем текста статьи 10-12 страниц (не должен превышать 20 тыс. знаков), включая таблицы, схемы и рисунки. Графические материалы к статье должны направляться отдельными файлами. Использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется.

4. Вверху на первой странице статьи: индекс УДК – слева, без абзацного отступа. Ниже по правому краю строки курсивным полужирным выделением приводятся фамилии и инициалы автора(ов). Далее, через один интервал прописными буквами полужирным выделением название статьи без переносов с выравниванием по центру. Далее через один интервал с абзацного отступа – аннотация к статье.

5. После названия статьи помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5). В конце статьи (после списка литературы) на английском языке указываются инициалы и фамилии автора(ов), название статьи и представляется аннотация.

6. Если в статье присутствуют иллюстрации, необходимо располагать

их по тексту, выровнивая подписи (рис. 1. Схема ...) по ширине с абзаца 1 см. Второй экземпляр иллюстрации необходимо представить на отдельном листе. Иллюстрации должны быть четкими и контрастными.

7. Таблицы располагать по тексту. Над таблицей поставить ее порядковый номер (Таблица 1) выровнивая по правому краю, под которой разместить название таблицы, выровнивая по центру.

8. Список литературы подается общим списком в конце статьи согласно установленным требованиям (ВАК РФ. ГОСТ Р 7.0.5 от 2008 и ГОСТ 7.82-2001) через 1 см от последней строки шрифтом Times New Roman, кегль 14, с полуторным межстрочным интервалом и выровнивается по ширине. Ссылки на литературу в тексте даются по такому образцу [7, с. 123]. Страница ссылки на несколько источников одновременно разделяется знаком точка с запятой и подается таким образом: [1; 4; 8] или [2, с. 32; 9, с. 48; 11, с. 257]. Ссылка на архивные источники оформляется согласно ГОСТ 11.3 и ГОСТ 11.4 – 2008. Упомянутые в тексте ученые, исследователи называются по алфавиту – Н. Бердяев, А. Лосев, В. Соловьев, Ф. Шеллинг и другие. В начале отмечается имя, а потом фамилию ученого. Необходимо выделять зарубежных и отечественных исследователей.

9. Обязательно подать электронный вариант статьи на диске CD-RW или по электронной почте – dmitriy3003@mail.ru.

При значительном объеме статьи архивировать с помощью WINRAR и подать на диске DVD-RW.

10. Публикация должна быть снабжена информацией об авторе (ах), включающей фамилию, имя и отчество, должность, место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, телефон, адрес электронной почты – подаются отдельным файлом.

11. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

12. Для принятия решения о публикации статьи в журнале необходимо предоставить: выписку из заседания совета факультета и рецензию.

13. Ответственность за точность изложенных фактов, цитат, цифр и фамилий несут авторы материалов. В статью могут быть внесены изменения редакционного характера без согласия автора. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить некачественные материалы без пояснения причин.

14. *Примечание:*

1. *Место работы писать ПОЛНОСТЬЮ*

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University».

-
2. E-mail ОБЯЗАТЕЛЬНО.
3. В сведениях об авторах статьи Ф.И.О. указывать **ПОЛНОСТЬЮ**.
4. Рецензент ТОЛЬКО профессор или член ред. коллегии сборника.

15. Авторы статей оплачивают 50 руб. за 1 стр. (или 500 руб. – за публикацию. В электронном варианте издания – 50 рублей (без сборника)). Каждый из авторов получает один печатный вариант издания. В случае, если нужно большее количество экземпляров, необходимо заранее предупредить редакцию и оплатить стоимость дополнительных экземпляров.

Редколлегия сборника «Антропос: Логос и Теос»

находится по адресу:

к. 314, корпус 2, кв. Молодежный 20а,
Луганский государственный университет
имени Владимира Даля,
г. Луганск, 91034

Главный редактор: Исаев Владимир Данилович

Ответственный секретарь: Кобылкин Дмитрий Сергеевич

e-mail: dmitriy3003@mail.ru тел. +7-959-170-83-33

Контактные данные:

e-mail кафедры философии: kaf.filosofia.teologia@yandex.ru.

АНТРОПОС: ЛОГОС И ТЕОС

Спецвыпуск 1

Сборник научных трудов

Редакторы *Е.А. Паталахина*
Л.В. Бугокова

Оригинал-макет *Е.А. Коломиец-Кириллова*

Подписано к печати 10.06.2023
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага типогр. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Услов. печат. листа 17,9. Учет изд. листа 19,5.
Тираж 100 экз. Изд. № 01389. Цена договорная.

Издательство
Луганского государственного университета
имени Владимира Даля

Свидетельство о регистрации серия МИ-СГР 000003 от 20.11.2015 г.

Адрес издательства: 291034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20,а.

Тел.: +7(959) 138-34-80

E-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com

http://www.dahluniver.ru

